

ВАСИЛИИ ЛЬВОВИЧ ПУШКИН

Наталья
Михайлова

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Родной дядя и первый наставник в поэзии Александра Сергеевича Пушкина, «сосватавший» его «с музами», — вот место, которое в нашем сознании занимает герой этой книги. Но Василий Львович Пушкин (1766–1830) и сам был весьма примечательной личностью. Участник литературных битв, определивших будущее русской словесности в начале XIX столетия, автор первых поэтических манифестов «карамзинской» школы, староста знаменитого «Арзамаса», он получил широкую известность благодаря своей поэме «Опасный сосед» — едва ли не самому знаменитому литературному произведению «допушкинской» поры, которое по цензурным соображениям не имело шансов быть напечатанным, зато ходило в многочисленных списках и заучивалось наизусть. Хлебосольный хозяин, блестяще образованный человек, остроумный рассказчик, щеголь и модник, он дружил со многими выдающимися людьми своего времени, нередко становился объектом дружеских шуток и добродушных насмешек. О В. Л. Пушкине и о многих событиях, связанных с его жизнью, рассказывает автор книги, доктор филологических наук, академик Российской академии образования, заместитель директора Государственного музея А. С. Пушкина по научной работе Наталья Ивановна Михайлова.

-
- [Н. И. Михайлова. Василий Львович Пушкин](#)
 -
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [Глава первая «БЛАГОДАРЮ СУДЬБУ»](#)
 - [1. Род и предки Василия Пушкина](#)

- [2. Родители](#)
- [3. День рождения](#)
- [4. Детство, отрочество, юность](#)
- [5. Первая любовь](#)
- [Глава вторая СЕРЖАНТ ГВАРДИИ: «И Я, И Я ПИИТ»](#)
 - [1. Смерть отставного артиллерии подполковника Л. А. Пушкина](#)
 - [2. Служба в Измайловском полку](#)
 - [3. Петербургские развлечения](#)
 - [4. Литературный дебют. «Камин» и «Камины». Первые шаги в поэзии](#)
- [Глава третья «ЛЮБОВЬ ИЗ НИЧЕГО РОДИТСЯ, УМИРАЕТ»](#)
 - [1. Красавица Капитолина. Женитьба](#)
 - [2. Лизонька и бедная Лиза](#)
 - [3. Вольноотпущенная девка Аграфена. Развод](#)
- [Глава четвертая «ДРУЗЬЯ, СЕСТРИЦЫ! Я В ПАРИЖЕ!»](#)
 - [1. Москва — Рига — Данциг — Берлин](#)
 - [2. Париж](#)
 - [3. Лондон — Москва](#)
- [Глава пятая ДОМАШНИЙ МИР И ЛИТЕРАТУРНАЯ ВОЙНА](#)
 - [1. В допожарной Москве](#)
 - [2. Братья масоны и брат Сергей](#)
 - [3. Шишковисты против карамзинистов](#)
- [Глава шестая «ОПАСНЫЙ СОСЕД»](#)
 - [1. Московский сюжет, французские поэмы и английские гравюры](#)
 - [2. Буянов, буяны и Американец](#)
 - [3. Автор и повествователь, масонские дневники и притча о блудном сыне, Орфей, Давил и Гораций](#)

- [4. Двоица, диво и славянская рецензия](#)
- [5. Первое издание «Опасного соседа»](#)
- [Глава седьмая «ГРОЗА ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА»](#)
 - [1. Москва. 1812 год](#)
 - [2. Нижний Новгород. Жизнь на берегах Волги](#)
 - [3. Возвращение в Москву. Торжества по случаю взятия Парижа](#)
 - [4. Париж — Мюнхен — Петербург — Москва. Литографированное издание «Опасного соседа»](#)
- [Глава восьмая ВОТ Я ВАС](#)
 - [1. «Арзамас» против «Беседы любителей русского слова»](#)
 - [2. Вступление в «Арзамас». Арзамасский староста](#)
 - [3. Вот я Вас опять и Сверчок](#)
- [Глава девятая «В МОСКВЕ НОВОСТЕЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ МНОЖЕСТВО» \(ПЕРВОПРЕСТОЛЬНАЯ В ПИСЬМАХ В. Л. ПУШКИНА\)](#)
 - [1. Московские события и происшествия](#)
 - [2. Москвичи и гости столицы. Штрихи к портретам](#)
- [Глава десятая «СТИХОТВОРЕНИЯ ВАСИЛИЯ ПУШКИНА»](#)
 - [1. Как издавали «Стихотворения Василия Пушкина»](#)
 - [2. «Вот плоды моего воображения»](#)
 - [3. Что сказали первые читатели и критики «Стихотворений Василия Пушкина»](#)
- [Глава одиннадцатая ДЯДЯ НА ПАРНАСЕ И ПОЭТ-ПЛЕМЯННИК](#)
 - [1. Племянник в письмах дяди](#)
 - [2. Дядя в письмах и сочинениях племянника](#)
 - [3. Разговор дяди и племянника](#)
- [Глава двенадцатая ЖИЗНЬ ДЛЯ ДРУЗЕЙ И МУЗ](#)

- [1. Проза](#)
- [2. Поэзия](#)
- [3. Гости в доме на Старой Басманной](#)
- [4. Александр Пушкин в гостях у дяди](#)
- [ЭПИЛОГ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА](#)
[В. Л. ПУШКИНА](#)
- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)

- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)

- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)

- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)

- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)

- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)

- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)

- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)

- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)

- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)

- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)

- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)

- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)

- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)

- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)

- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)

- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)

- [639](#)
 - [640](#)
 - [641](#)
 - [642](#)
 - [643](#)
 - [644](#)
 - [645](#)
 - [646](#)
 - [647](#)
 - [648](#)
 - [649](#)
-

Н. И. Михайлова. Василий Львович Пушкин

Издательство «Молодая гвардия» благодарит Государственный музей А. С. Пушкина за предоставленные иллюстративные материалы.

***Василий Львович Пушкин. Э. Кенеди. Физионотрас.
1803***

ПРЕДИСЛОВИЕ

По неписаному закону биографического жанра в предисловии нужно объяснить, почему герой жизнеописания (тем более что оно представлено в серии «Жизнь замечательных людей») заслуживает право на внимание читателей. Чем в самом деле замечателен невысокого роста человек с редкими волосами, заметным брюшком, собеседник, разговор которого «увлаживало беззубие»?

Начнем с того, что наш герой — Василий Львович Пушкин, родной дядя Александра Сергеевича Пушкина.

Что значат имянно родные,
Родные люди вот какие:
Мы их обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать... [\[1\]](#)

Разумеется, пассаж о родне в «Евгении Онегине» ироничен и никоим образом не относится к дядюшке, «любезнейшему из всех дядей — поэтов здешнего мира»: его Александр Пушкин искренне любил. К тому же с дядей связаны его детство, поездка в Лицей, возвращение в Москву из Михайловской ссылки — так что страницы биографии А. С. Пушкина, на которых не раз появляется В. Л. Пушкин, провоцируют вопрос: а каков он был, дядюшка великого поэта? Если же учесть, что Василий Львович — известный в начале XIX века стихотворец, участник литературных битв, определявших будущее русской литературы, автор поэмы «Опасный сосед», появление которой стало сенсацией, староста общества «Арзамас», то и Другие вопросы требуют ответа: чем привлекали сочинения

В. Л. Пушкина современников? Почему они зачитывались «Опасным соседом», выучивали его наизусть, переписывали, Цитировали в разговорах и письмах? Почему именно Василия Львовича избрали старостой «Арзамаса», членами которого были такие замечательные поэты, как В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, Д. В. Давыдов и А. С. Пушкин?

А. С. Пушкин писал о дяде:

Писатель нежный, тонкий, острый,
Мой дядюшка... (II, 419).

Рассказывая же о начале своего пути в поэзию, племянник признавался:

Мой дядюшка — поэт
На то мне дал совет
И с музами сосватал... (I, 142).

Когда А. С. Пушкин называл его «дядей на Парнасе», своим «Парнасским отцом», это был не только шуточный комплимент. В. Л. Пушкин в самом деле был его первым литературным наставником. Многие произведения Александра Сергеевича отзываются чтением дядиных стихов. И это, как нам представляется, уже дает В. Л. Пушкину право занять свое место в ряду замечательных людей.

В. Л. Пушкин дружил со многими известными поэтами и писателями. Это не только уже названные В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, но и П. А. Вяземский, И. И. Дмитриев, другие литераторы. Его любил Н. М. Карамзин. В его гостеприимном московском доме на Старой Басманной бывал А. Мицкевич. Все это, конечно, не случайно. Василий Львович был блестяще

образованным человеком, остроумным рассказчиком. И еще — страстным библиофилом, театралом, путешественником. И еще — поклонником прекрасных дам. Главное же, он был добрым человеком, который как никто другой умел объединять, сближать людей. Доброта — это тоже талант, дар, которым Василий Львович был наделен в избытке. И это тоже своего рода патент на почетное титло замечательного человека.

Наверное, уже в предисловии надо сказать о том, что В. Л. Пушкин был весельчаком, умел ценить шутку, острое слово. И он сам вызывал улыбки своим простодушием, наивностью, забавным щегольством.

Конечно, в жизни Василия Львовича, как и в жизни многих людей, были и веселье, и грусть, были обретения и потери. Но при всех обстоятельствах он не изменял себе, верно и преданно любил Отечество, своих друзей, всю жизнь рыцарски служил поэзии, ратовал за просвещение.

Так случилось, что судьба поставила его на перекрестке многих исторических событий, свела со многими людьми. В Париже он представлялся Наполеону, брал уроки декламации у знаменитого трагика Тальма. Его творения в Петербурге печатали будущие декабристы К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев. В подмосковном имении Архангельское его принимал просвещенный вельможа екатерининского времени князь Н. Б. Юсупов. Его знала вся Москва, и он знал всю Москву. Письма Василия Львовича — увлекательная хроника московской жизни 1910–1820-х годов, и к этим письмам, памятникам эпистолярной культуры пушкинского времени, мы не раз будем обращаться.

Романтическая история любви В. Л. Пушкина, женившегося на красавице, а потом разведенного с ней из-за связи с вольноотпущенной девкой и наконец нашедшего свое счастье с московской купчихой, по своему приближает нас к тому далекому времени, когда

барышни появлялись в белых платьях, непременно с книгами в руках, крестьянки тоже чувствовать умели, а поэтов, независимо от сословных предрассудков, неодолимо влекла к себе женская красота.

Итак: история и литература, культура и быт — всё это отразилось в жизни В. Л. Пушкина, замечательного стихотворца и человека. А ведь мы еще не сказали о том, что он был членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, одним из учредителей Общества любителей российской словесности при Московском императорском университете, членом Императорского человеколюбивого общества (такой добрый человек, каким был Василий Львович, просто не мог не состоять в нем), членом разных масонских лож (масонская идея самосовершенствования также не могла не увлечь нашего героя). А ведь мы еще не назвали многих интересных для нас людей, с которыми он встречался. Еще не вспомнили Отечественную войну 1812 года, когда, спасаясь от московского пожара, В. Л. Пушкин бежал на берега Волги, бедствовал в Нижнем Новгороде и сочинял патриотические стихи. Не сказали о страшной эпидемии холеры, во время которой московский стихотворец окончил свою земную жизнь... Однако, как заметил П. А. Вяземский,

Но как ни будь и в слове прыток,
Всего нельзя спустить с пера...^[2]

Тем более в предисловии к книге, добавим мы. Оправдаемся же тем, что обо всем этом и еще, конечно, о многом другом нам предстоит рассказать уже не в предисловии, а в самой книге.

И всё же — еще несколько слов. В жизнеописание нашего замечательного героя включены фрагменты из его сочинений и писем. Поэму «Опасный сосед»,

«памятник его дарований стихотворных» (как сказал один из первых читателей поэмы), мы сочли возможным поместить в нашей книге полностью, благо текст обладает, помимо прочих достоинств, и достоинством краткости. Кроме того, читатель найдет в книге документы, мемуары, дневники, письма современников В. Л. Пушкина и конечно же произведения и письма А. С. Пушкина.

В. Л. Пушкин принадлежал к числу людей, которыми украшалась жизнь. Некогда Батюшков шутливо (а в каждой шутке, как мы знаем, есть только доля шутки) писал ему: «Ваши сочинения принадлежат славе: в этом никто не сомневается. Но жизнь? Поверьте, и жизнь ваша, милый Василий Львович, жизнь, проведенная в стихах и праздности, в путешествиях и домосидении, в мире душевном и в войне с славянофилами, не уйдет от потомства, и если у нас будут лексиконы великих людей, стихотворцев и прозаистов, то я завещаю внукам искать ее под литерою П.: Пушкин В. Л., коллежский асессор, родился и проч.»^[3].

Последуем этому совету, чтобы и наша жизнь Василием Львовичем украсилась.

Глава первая «БЛАГОДАРЮ СУДЬБУ»

1. Род и предки Василия Пушкина

29 октября 1799 года 33-летний отставной поручик лейб-гвардии Измайловского полка Василий Львович Пушкин подал в Московское дворянское депутатское собрание прошение, с тем чтобы герб рода Пушкиных был внесен в «Общий гербовник дворянских родов Российской империи». Многие дворяне поступали в это время так же — во исполнение указа императора Павла I, согласно которому Герольдия должна составить названный выше гербовник. В Департамент герольдии Правительствующего сената надо было представить (или непосредственно, или же через местные дворянские депутатские собрания) эскиз герба, его описание и кратко изложенную историю рода — документы должны были быть заверены предводителем дворянства и двумя свидетелями. В 1799 году семейство Пушкиных, к которому принадлежал Василий Львович, — это мать его Ольга Васильевна, урожденная Чичерина, брат Сергей Львович и сестры Анна Львовна и Елизавета Львовна (отец Лев Александрович в 1790 году умер). Василий Львович взял на себя достаточно обременительные хлопоты, потому что младший брат Сергей вскоре после рождения 26 мая 1799 года сына Александра уехал с семейством — женой Надеждой Осиповной, урожденной Ганнибал, дочерью Ольгой и новорожденным — в имение жены Михайловское Псковской губернии, а потом ненадолго в Петербург. И хотя Василий Львович был отнюдь не практичнее Сергея Львовича, но детей у него, к тому времени уже женатого, пока не было, жил

он в Москве, уезжать вроде бы никуда не собирался, так что по всему выходило именно ему хлопотать о внесении в «Общий гербовник дворянских родов...» герба рода Пушкиных.

«...собранию депутатскому предъявить честь имею в доказательство происхождения рода предков своих данную мне Государственной коллегии иностранных дел из Московского архива справку, в которой значится, что первоначальный предок именем Радша во дни благоверного великого князя Александра Невского выехал из немец, от которого по нисходящей линии потомство значущееся имели при великих Государях разные службы и были при иностранных дворах в посольстве и в иных знатных чинах. За что и жалованы были помещным окладом и вотчинами»^[4], — писал В. Л. Пушкин.

Московскому архиву Государственной коллегии иностранных дел именным указом Павла I от 27 июля 1797 года было вменено в обязанность «способствовать дворянам в отыскании свидетельств дворянского достоинства». К тому же в архиве служил Алексей Федорович Малиновский, друг детства Василия Львовича, впоследствии начальник означенного архива, известный историк, археограф, писатель. Так что особых затруднений при получении архивной справки не было. Правда, в ней имелись некоторые неточности. Так, легендарный основатель рода Пушкиных Радша (Ратша, Рача), потомок славянских князей, выехал в Россию «из Немец» (из Пруссии) не при великом новгородском князе Александре Невском в XIII веке, а много раньше — в середине XII столетия, так что и В. Л. Пушкин, и его племянник А. С. Пушкин могли по праву гордиться не 600-летним, а 700-летним дворянством. «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть

постыдное малодушие», — справедливо заметил впоследствии А. С. Пушкин.

В справке была представлена поколенная роспись рода Пушкиных, в которой занял свое законное место Гаврила Алексич (Олексич). Именно он (и это подтверждают летописи) участвовал в Невской битве летом 1240 года, когда на реке Неве победу над шведами одержало войско великого князя Александра Ярославича, после этой победы и ставшего называться Невским. Витязь Гаврила Алексич в сражении особенно отличился: «...на коне вскочил на сходни вражеского судна и был сбит в воду, но выскочил из воды, вновь налетел на неприятелей, врубился в середину вражеского полка и убил самого „епискупа“ и воеводу шведов: „ту убиен бысть пискуп их и воевода их“»^[5]. Гаврила Алексич был прямым предком В. Л. Пушкина и конечно же его племянника А. С. Пушкина. Он — первое, уже не легендарное, а исторически достоверное лицо в роде Пушкиных, ведущих свое начало от Ратши.

Названы в родословной росписи и сын Гаврилы Алексича Иван Морхиня, внук Александр Морхиня, правнук Григорий Александрович Пушка. Отец Г. А. Пушки Александр Морхиня перешел на службу к великому князю московскому Ивану Калите, в 1340 году был назначен воеводою. Почему его сын получил прозвище Пушка? Тому есть разные объяснения. Одно из них такое: «В середине XIV века в Москву стали проникать сведения об изобретении огнестрельного оружия, для определения которого на основе русских корней „пыл“ и „пых“ было образовано новое слово „пушка“. Оправдывалось ли какими-либо личными чертами характера Григория Морхинина применение к нему прозвища Пушка, сказать невозможно, так как прозвища нередко давали с детства и безо всякой связи с личными качествами человека»^[6]. Но ведь и Морхиня

— тоже прозвище. Поэтому имеет смысл обратиться и к другой возможной версии: «в некоторых диалектах русского языка слова „морх“ (как и производные от него) и „пушка“ обозначают „все мягкое, легкое, что движется или треплется на ветру: пух, мех, в том числе его маленькие кусочки, кисти, бахрома (как украшение)“. В словаре Даля к слову „пушки“ дается такое пояснение: „мордовские серьги, подвески из пуха или беличьего меха“»^[7]. Ну что же, быть может, уже в XIV веке появились предки щеголя В. Л. Пушкина, всячески себя украшающие. Переезд предков нашего героя в Москву определил перемену наследственного прозвища: слово «морх» было заменено его московским синонимом «пушка». Так и появились в роду Ратши Пушкины.

В родословной росписи перечислено множество Пушкиных. Имена тех, кто преуспел на государственной службе, сопровождаются краткими, но чрезвычайно значимыми пояснениями.

Пушкины были стольниками — без них не обходились торжественные церемонии и трапезы, они сопровождали великих князей в поездках, их назначали на воеводские, посольские, приказные и другие высокие должности. Пушкины участвовали в исторических событиях, во многом определивших судьбу России.

«Гаврило Григорьевич Пушкин в 1609 году имел чин думного дворянина и был в звании сокольничего... <....> в 1650 году был уже боярином и отправлен в Польшу первым полномочным послом. За московское осадное сидение во время наступления королевича Владислава жалован был от Государя вотчинами в Ярославле и на Волге, в Касимове и в Шацке. Дворянин Михайло Пушкин в 1607 году в продолжение бывших тогда смятений пострадал мученической смертью от самозванца Петрушки. Иван Григорьевич Пушкин в 1613

году имел чин стольника и подписался под грамотою о избрании на царство Государя Царя Михаила Федоровича. <...> Петр Петров сын Пушкин (просителей прапрадед) в 1648 году имел чин стольника и употреблен был в церемониальном поезде при бракосочетании Государя Царя Алексея Михайловича. <...> Петр Петров сын Пушкин (просителей прадед) в 1677 году имел чин стольника и вместе с боярином Князем Михайлою Андреевичем Голицыным управлял Владимирским судным приказом. Матвей Степанович Пушкин в 1677 году при вступлении на престол Государя Царя Феодора Алексеевича имел чин окольничьего, в 1681 году собственноручно подписался под соборным деянием о уничтожении местничества... Когда совершилось погребение Государя, тогда находился при царице Марфе Матвеевне для бережения при венчании на царство Государей Царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича, употреблен был в церемонии и нес в собор Царский скипетр... <...> Феодор Иванов сын Пушкин в 1682 году, будучи стольником, дневал и ночевал при теле Государя Царя Феодора Алексеевича. Иван Феодоров сын Пушкин в 1682 году имел чин окольничьего и во время похода Государей Царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича в Троицкий Сергеев монастырь находился при их царских особах... <...> Никита Борисов сын Пушкин в 1682 году имел чин стольника, а в 1687 году находился в походе против крымских татар завоеводчик чином, Яков Степанович Пушкин при державе Государей царей и Великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича был боярином»^[8].

Читая поколенную роспись своего рода, В. Л. Пушкин, как и летописец Пимен — герой трагедии «Борис Годунов», мог бы сказать: «Минувшее проходит предо мною». Василий Львович в прошении к

Московскому дворянскому депутатскому собранию предусмотрительно обратился с просьбою приложенные документы передать куда следует, а потом, оставив с них копии, подлинные вернуть ему обратно «с роспискою». У В. Л. Пушкина документы хранились до самой его смерти.

А. С. Пушкин, по-видимому, был с ними знаком. Не исключено, что после кончины дядюшки в 1830 году он вспоминал и поколенную роспись рода Пушкиных, когда сочинял болдинской осенью стихотворение «Моя родословная»:

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил;
Его потомство гнев венчанный,
Иван IV пощадил.
Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

Смирив крамолу и коварство
И ярость бранных непогод,
Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ,
Мы к оной руку приложили,
Нас жаловал страдальца сын.
Бывало нами дорожили... (III, 262).

В Московское дворянское депутатское собрание были представлены два рисунка — родословное древо Пушкиных и герб Пушкиных. К каждому из них «гвардии порутчик Василий Львов сын Пушкин руку приложил» и «коллежский ассессор Сергей Львов сын Пушкин руку приложил»^[9]. Рисунок герба заверен московским

предводителем дворянства князем А. И. Лобановым-Ростовским. К рисунку, очень нарядному, выполненному красками, дано описание:

«Щит троечастный: в верхней половине, в горностаевом поле на пурпуровой подушке с золотыми кистями алая бархатная княжеская шапка; <...> в нижней части щита с правой стороны в голубом поле рука в латах, держащая концом вверх обращенный меч; <...> с левой же стороны, в золотом поле орел с распростертыми до половины крыльями, держащий в когтях меч и державу. <...> Над щитом шлем с пятью прорезями и с дворянскою над оным золотою короною, намет оного щита голубой с золотым подбоем, перемешанный местами с серебром»^[10]. Все включенные в герб Пушкиных эмблемы символизировали принадлежность владельца герба к дворянскому роду, основателем которого был легендарный Ратша, свидетельствовали о воинской славе предков, о царских милостях к ним.

К вышеперечисленным документам были приложены патенты: отца В. Л. Пушкина Льва Александровича на чин артиллерии подполковника, самого Василия Львовича на чин гвардии прапорщика и на чин гвардии подпоручика — все подлинники подписаны «собственно Ея Императорского Величества рукою» Екатерины II^[11].

19 января 1800 года Московское дворянское депутатское собрание рассмотрело прошение В. Л. Пушкина, нашло приложенные к нему документы достаточными для того, чтобы удовлетворить его просьбу о внесении Пушкиных по Московскому уезду в дворянский список. Было принято решение подлинные документы вернуть просителю, препроводив снятые с них копии в Герольдмейстерскую контору

Правительствующего сената, что и исполнено 30 января 1800 года.

Итак, важное дело В. Л. Пушкиным было сделано. Теперь можно заниматься другими делами, жить дальше. Но прежде, чем говорить об этом, обратимся к самому началу его жизни, к его рождению. А до того скажем о его родителях.

2. Родители

Отец Василия Львовича, отставной артиллерии подполковник Лев Александрович Пушкин, — личность, как сказали бы в XIX веке, романическая и во многом загадочная.

Он родился в 1723 году. Ему не исполнилось и трех лет, когда он вместе с сестрой своей Марьей остался круглым сиротою. Отец его, Александр Петрович Пушкин, сержант Преображенского полка, 17 декабря 1725 года зарезал свою жену Евдокию Ивановну, урожденную Головину, дочь обер-серваера, то есть главного кораблестроителя, и любимца Петра I. Казалось бы, совсем недавно, в январе 1721 года, А. П. Пушкин венчался с семнадцатилетнею невестою, сам государь Петр I был на свадьбе^[12], и ничто не предвещало разразившейся четыре года спустя трагедии. Случилось это в родовой вотчине — деревне Исленево Шацкого уезда. По приезде в Москву Александр Петрович явился с повинной. Было это 1 января 1726 года. Объемистое дело (около трехсот страниц) «О сержанте Преображенского полка Александре Петрове Пушкине, виновном в убийстве жены своей...» хранится в Российском государственном архиве древних актов в Москве. Оно так и осталось незаконченным — в том же 1726 году Александр Петрович, тотчас же после его признания заключенный

под стражу, но 21 января отданный под расписку родным братьям, Федору и Илье, с запрещением отлучаться из города, умер. Материалы дела, показания дворовых, «своеручное письмо» Александра Петровича, его завещательное письмо и устные показания, притом что есть в них противоречия, проливают свет на произошедшее. Хотя семейная жизнь вроде бы шла тихо и мирно, А. П. Пушкин был подозрителен, его преследовала маниакальная мысль о том, что жена его «впала в блуд» со слугами, имела преступный умысел с ними вместе его убить. Не случайно, описывая в письме встречу с женой зимой 1725 года после разлуки (А. П. Пушкин служил в Петербурге, а Евдокия Ивановна жила в Москве), не забыл он сказать о том, что в спальную палату к ней пришел «казначей Васька Степанов, волосы напудря и мундир переменяв, уже кафтан имея васильковый и пуговицы серебряные»^[13].

Когда показалось Александру Петровичу, что в супружеской опочивальне возле их кровати стоит «колдун» — мужик Ананий, то, как пишет он в письме, «зело стало мне тошно без меры, жесточилось сердце мое, закипело и как бы огонь, и бросился я на жену свою... и бил кулаками и подушками душил... и ухватил я кортик со стены, стал ея рубить тем кортиком...»^[14].

Разумеется, ни Лев Александрович Пушкин, ни Василий Львович, которому Александр Петрович приходился дедом, ни Александр Сергеевич (для него Александр Петрович — прадед) не знакомились с материалами уголовного дела. Но эта трагическая история дошла до них в семейных рассказах.

А. С. Пушкин писал о ней: «Прадед мой... умер очень молод и в заточении, в припадке ревности или сумасшествия зарезав свою жену, находившуюся в родах»(XI, 161). Евдокия Ивановна, по следственным документам, была «чревата» и ждала ребенка.

Вернемся, однако, к Льву Александровичу Пушкину. Скорее всего, над ним и его сестрой была учреждена опека. Долг отца — 800 рублей в рекрутскую счетную канцелярию — по «сиротству и скудости» детей простили. По завещанию А. П. Пушкина его дворовым крепостным людям должны были дать вольность; обширная московская усадьба по Божедомскому и Самотечному переулкам досталась детям; деревни, в том числе село Архангельское, Болдино Нижегородской губернии, отошли к сыну, который впоследствии обязан был дать сестре в приданое пять тысяч рублей (деньги по тем временам немалые).

Лев Александрович с малолетства был записан в лейб-гвардии Семеновский полк. В 1739 году его определили капралом в артиллерию. Затем он стал сержантом, штык-юнкером, подпоручиком, поручиком, капитаном, майором. В 1760 году Л. А. Пушкин принимал участие в Семилетней войне. Сведений о его наградах нет. Но в Военно-историческом архиве в Москве хранится формулярный список Л. А. Пушкина, где ему дана такая характеристика: «...в должности звания своего прилежен, от службы не отбывает, подкомандных своих содержит и военной экзерциции обучает добропорядочно и к сему тщание имеет, лени ради больным не рапортовался и во всем себя ведет как исправному штап офицеру надлежит и как по чину своему опрятен, так и никаких от него не порядков не происходит и таких пороков, которые по указу государственной военной коллегии 756 году генваря 30 дня написаны, не имеет, Для чего по усердной его службе к повышению чина быть достоин»^[15]. К этому времени Лев Александрович был женат и успел овдоветь; шестнадцати лет он обвенчался с Марией Матвеевной, урожденной Воейковой. В 1745 году родился их первенец Николай, в 1751 году — Петр, в

1757 году — Александр. Дети, как и отец их, стали военными: Николай — артиллерии полковником, Петр вышел в отставку артиллерии подполковником, Александр в 1785 году был в звании капитана. В 1757 году, видимо вскоре после рождения третьего сына, Мария Матвеевна умерла. За три года до ее кончины. в конце 1754 года, в семье Пушкиных произошла из ряда вон выходящая история, причиной которой была ревность. Об этой истории рассказывают архивные документы.

В доме Л. А. Пушкина жил 28-летний венецианский подданный Харламий Меркади — он преподавал французский, итальянский и греческий языки. Потом он переехал к шурина Льва Александровича Александру Матвеевичу Воейкову. Однажды, когда шурина навестил Лев Александрович, они учинили венецианцу побои, подвесив его на конюшне за руки, а потом отвезли в деревню Воейкова, где несколько месяцев держали в домашней тюрьме. Освободившись, Меркади подал на обидчиков жалобу. Суд при Военной коллегии, который закончился в начале 1756 года, установил, что главным виновником происшествия был А. М. Воейков, хотя причиной тому были подозрения в любовной связи Меркади с женой Л. А. Пушкина Марией Матвеевной^[16]. В формуляре Льва Александровича осталась запись о том, что он «за непорядочные побои находящегося у него в службе венецианина Харлампия Меркадии был под следствием, но по имянному указу поведено было его Пушкина по монаршей милости простить, а следствие ево оставить и определить по прежнему ево должности»^[17]. В. Л. Пушкин мог знать об этой истории. До А. С. Пушкина она дошла в несколько ином виде с душераздирающими романическими подробностями и трагическими вымыслами. «Дед мой, — писал он в „Начале автобиографии“, — был человек пылкий и

жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодално повесил на черном дворе» (XII, 311).

Не исключено, что столь сильные переживания, а также смерть супруги привели Льва Александровича к болезни. В августе 1761 года он подал прошение об отставке по состоянию здоровья. Его осмотрели врачи — «штап-лекарь» Келхен и доктор Андрей Бахерахт. Они заключили, что он «имеет болезнь, которую мы называем малум хипохондрианум кум материя» — от болезни этой «по временам бывает у него рвота, рез в животе, боль в спине и слепой почечуй (геморрой. — Н. М.), от которого может приключиться меликолия хипохондриана»^[18]. Однако Военная коллегия, невзирая на заключение врачей о том, что по болезни Л. А. Пушкин «ни в какой службе быть не способен», сочла, что «по ево молодым летам по излечению болезней не безнадежен»^[19]. 17 августа 1761 года коллегия приняла решение отпустить Льва Александровича «в дом ево на год», с тем чтобы через год явился он в Петербург в коллегия для переосвидетельства. Артиллерии майор Л. А. Пушкин получил паспорт для проезда в Арзамасский уезд, в село Архангельское, Болдино тож, и затем обратно в Петербург. В Северную столицу он должен был вернуться не позднее 17 августа 1762 года. Но ни Лев Александрович Пушкин, ни члены Военной коллегии не предполагали, какие события помешают его возвращению.

25 декабря 1761 года в Петербурге скончалась дочь Петра I императрица Елизавета Петровна. Императором стал ее племянник Карл Петр Ульрих — Петр III. Он успел издать манифест о вольности дворянства,

который отменял обязательную для дворян государственную службу, и некоторые другие указы, заключить мирный договор с Фридрихом II, возвративший Пруссии все занятые русскими войсками территории. Но царствование Петра III длилось недолго. 28-29 июня 1762 года гвардия возвела на российский престол его супругу — немецкую принцессу из княжества Ангальт-Цербстского Софию Фредерику Августу, которая при крещении получила имя Екатерина. Петр III был убит; народу объявили о его кончине в результате «припадка гемородического», от которого он «впал в преежестокую колику». Москва готовилась к коронации Екатерины II. 7 июля 1762 года были изданы указ «О бытии коронации в сентябре» и «Милостивый манифест» и приготовлено 600 тысяч рублей для раздачи народу. Предполагалось украсить стены домов коврами, заборы — ельником, соорудить галереи и триумфальные ворота, иллюминировать город. Готовился грандиозный фейерверк. Среди художников, оформлявших Москву, были А. П. Антропов и Д. Г. Левицкий, среди поэтов, сочинявших всевозможные надписи, — М. М. Херасков и И. Ф. Богданович...

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин... (III, 262) —

писал А. С. Пушкин в стихотворении «Моя родословная». Для него это было чрезвычайно важно — верность его предка законному государю, и потому не раз обращался он к этой теме и в «Начале

автобиографии», и в «Table-talk»: «Дед мой Лев Александрович во время мятежа 1762-года остался верен Петру III — не хотел присягнуть Екатерине и был посажен в крепость... Через два года выпущен по приказанию Екатерины и всегда пользовался ее уважением».

Нет, Л. А. Пушкин никак не участвовал в событиях, связанных с дворцовым переворотом. Он не сидел в крепости. Картина, созданная воображением его внука, исторически недостоверна. Во всяком случае, никаких документов, подтверждающих предложенный А. С. Пушкиным ход событий, пока нет. Более того, стало известно, что во время переворота 1762 года он жил в своем доме в Москве и был в числе сорока двух представителей московского дворянства, участвующих в церемонии «вшествия» Екатерины в Первопрестольную перед коронацией в сентябре 1762 года. Лев Александрович, как и другие знатные московские дворяне, гарцевал на богато убранной лошади в праздничном наряде — об этом свидетельствуют обнаруженные в Российском государственном архиве древних актов списки тех, кто должен был следовать в почетном эскорте Екатерины II из подмосковного села Петровско-Разумовское в Москву. Знал ли Лев Александрович, что за императрицей следовала и его будущая жена — девица Ольга Васильевна Чичерина?

Как и Лев Александрович, Ольга Васильевна Чичерина была москвичкой. Отец ее, Василий Иванович Чичерин, как и отец Льва Александровича, пребывал на военной службе. На него, еще пятнадцатилетнего, обратил внимание Петр I, определив его капралом в гвардейский Семеновский полк. Полковник В. И. Чичерин участвовал во многих войнах. В 1737 году при штурме Очакова «в левую руку навыворот и в правую жестоко был ранен, от чего и упал, а на упавшего

брошенная из крепости Очаков стеклянная граната пала на спину и, разрядясь, черепьями во многих местах спина его до самых костей была изранена так, что едва могли лекари с превеликим трудом оные черепья вырезать»^[20]. А потом «при взятии Хотина неустрашимою храбростию и мужественным подвигом он же, г. Чичерин, отменно против протчих отличился»^[21]. Он сообщал императрице Анне Иоанновне о заключении мира с Оттоманской Турцией и был принят в Москве с почетом и уважением. В 1742 году ему была оказана честь участвовать в коронации императрицы Елизаветы Петровны. Жена В. И. Чичерина, Лукерья Васильевна, урожденная Приклонская, мать Ольги Васильевны, могла бы, подобно героине ее правнука Татьяне Лариной, сказать, что ее «муж в сраженьях изувечен», что их «за то ласкает двор». В 1742 году В. И. Чичерин в возрасте сорока трех лет умер и был похоронен в церкви Святых апостолов Петра и Павла на Новой Басманной.

Ольга Васильевна Чичерина вышла замуж за Льва Александровича Пушкина в 1763 году в возрасте двадцати шести лет. За ней было дано богатое приданое: «образ Спаса Нерукотворного в золотом окладе с алмазною короною; образ Донской Богоматери в серебряном окладе, вызолоченном, риза низовая жемчюгом с цветными камнями, образ Лютиковской Богоматери в серебряном окладе, вызолоченном, обнизан жемчюгом; образ Смоленския Богоматери в серебряном окладе, убрус низоной жемчюгом; образ Никиты Мученика в окладе серебряном, вызолоченном, да приданого серебра, бриллиантовых вещей, жемчугу на три тысячи на пятьсот рублей, платья, белья, кружев и постелю на семь сот рублей, всего по цене на четыре тысячи на двести рублей»^[22].

В год свадьбы Л. А. Пушкина Военная коллегия еще раз рассмотрела его прошение об отставке. В указе за собственноручной подписью императрицы Екатерины II было сказано о том, что Л. А. Пушкину предоставлен «абшит» (то есть дана отставка от службы) с повышением в чине — он был уволен с чином артиллерии подполковника.

Лев Александрович и Ольга Васильевна Пушкины зажили в московской усадьбе на Божедомке. В 1765 году в их семье родилась дочь Анна. Год спустя на свет появился сын Василий.

3. День рождения

Василий Пушкин родился 27 апреля 1766 года. Накануне, 26 апреля, был день памяти священномученика Василия, епископа Амасийского, принявшего мученическую смерть за Христа в IV веке. Новорожденного при крещении нарекли Василием, по видимому, еще и в память о его деде, Василии Ивановиче Чичерине. Крестили Василия Пушкина в церкви Живоначальной Троицы, что в Троицкой слободе. Крестил его отец Алексея Малиновского, священник Федор Авксентьевич Малиновский, который после своего отца Авксентия Филипповича заступил на его место. Церковь Живоначальной Троицы и поныне стоит на Троицкой горке в начале Олимпийского проспекта. Когда-то здесь был пруд, и в его зеркальной поверхности отражались и церковь, и близлежащие строения. Пруд был образован при слиянии протекавших здесь рек — Неглинной и Напрудной. Почему Пушкины крестили своего первенца, а потом и других детей в храме Живоначальной Троицы? Потому что он находился в их приходе, да и с Малиновскими Пушкины дружили.

На следующий день, 28 апреля 1766 года, в пятницу, по заведенному порядку, вышел очередной, 34-й номер газеты «Московские ведомости» (она печаталась два раза в неделю — по вторникам и по пятницам). Разумеется, в нем не было радостного сообщения о появлении на свет нашего героя. Но, читая этот номер газеты, мы можем представить, в какой мир явился Василий Пушкин, что происходило в России и других странах, какие новости волновали тогда москвичей.

Первое известие — из Петербурга. Сообщалось, что «сего месяца 14 числа Ея Императорское Величество всемилостивейше удостоить соизволила высочайшим Своим присутствием здешнюю Императорскую шпалерную мануфактуру...»:

«...работы производятся Российскими людьми в таком совершенстве, что оныя как в рисовке, так и живописи и сходстве портретов, не токмо славнейшим живописцам, но и первой во Франции Гобеленской мануфактуре не уступают, и Ея Императорское Величество о успехе сей мануфактуры и о внутренних ея распорядках изволила оказать высочайшее свое удовольствие и благоволение»^[23].

Москва старалась не отстать от Петербурга. Газета извещала читателей:

«В прошедшую среду, то есть сего Апреля 26 числа, торжествован был высочайший и всерадостнейший день рождения Ея Императорского Величества, Благочестивейшия Великия Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны в Императорском Московском университете, публичным в большой онаго Аудитории собранием, где при присутствии не малого числа усердствующих наукам знатных Особ, и ученых в Москве находящихся людей, Юриспруденции Профессор и Университетской Конференции секретарь господин

Лангер имел на Латинском языке Речь о начале и распространении положительных Законов, и неразрывном союзе философии с их учением»^[24].

Таким образом, «Московские ведомости» представляли Екатерину II прежде всего как покровительницу искусств и наук, мудрую законодательницу, хотя, казалось бы, о ее законотворчестве в приведенных публикациях ничего не сказано. Но конечно же не случайно в ее честь произносится речь о «распространении положительных законов». Пройдет немногим более полугола, и в декабре 1766 года появится манифест о созыве Комиссии для сочинения проекта нового Уложения; члены комиссии — более 460 депутатов от разных сословий — будут разрабатывать проекты важнейших законов ее царствования; цель этих законов Екатерина II видела в общем добре, в блаженстве любезных ей сограждан. Знаменательно и то, что речь, посвященная императрице, произносится в Московском университете, расцвет которого в XVIII веке приходится именно на время царствования Екатерины Великой. Она выбрала место для постройки университетского здания на Моховой улице с видом на Кремль, утвердила проект архитектора М. Ф. Казакова. Университет со своими богатейшими коллекциями и кабинетами, книжными лавками, типографией, первой публичной библиотекой в Москве стал подлинным Храмом науки. Пройдет время, и В. Л. Пушкин будет одним из учредителей Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. Для Василия Львовича, рожденного в век Просвещения, в царствование Екатерины II, императрица всегда будет прежде всего просвещенной монархиней, открывшей в его отечестве путь к наукам, искусствам и конечно же

поэзии. Именно об этом и напишет он впоследствии в своих стихах:

Великий Петр, потом Великая жена,
Которой именем вселенная полна,
Нам к просвещению, к наукам путь открыли,
Венчали лаврами и светом озарили^[25].

На следующий день после рождения Василия Пушкина «Московские ведомости» сообщали о политических событиях в Англии, Германии, Швеции, Дании, Франции. После недавнего окончания Семилетней войны Россия радостно осознавала свое место в мировом сообществе. Читателей «Московских ведомостей» живо интересовало всё, что происходило у ближних и дальних соседей. В газетных статьях речь шла о заседаниях парламента в Лондоне и о возможной перемене министерства: впрочем, как говорилось в газетной публикации, тому «нет никакой причины, для чего б обществу нынешним Министерством не быть довольну; ибо все члены онаго приятствуют народу, защищают вольность и при всем том свою должность отправляют исправно»^[26]. Газета извещала читателей о том, что в Вене «при здешнем дворе торжественно праздновано было бракосочетание Ея Королевского Высочества Эрц-герцогини Марии Христины с Его Светлостью Принцем Альбертом, Королевским Принцем Польским и Литовским и Герцогом Саксонским»^[27]. Извещалось также о переговорах о бракосочетании принца Шведского с наследною принцессой Датской. Из Тулона сообщали, что там вооружают эскадру, на которой маркиз Монморанси поплывет в Константинополь, будучи назначен послом в Оттоманскую Порту. Заинтриговывало сообщение о том,

что находящийся в Лондоне «Сардинский Министр... получил письма от своего Двора, которые касаются до острова Корсики... <...> О самом деле ничего не известно, токмо думают, что оно великой важности»^[28]. Когда Василий Львович посетит Германию, Францию и Англию, его будет интересовать всё, но в особенности новости науки и искусства (в газете писали и о редком собрании медалей, которые прислал его величеству королю Англии господин Ментон, «Великобританского Парламента и Лондонского королевского общества древностей член», путешествующий в Египте и Аравии). Впрочем, в «Московских ведомостях» были известия и другого характера:

«Из Парижа от 29 марта.

Дюшессуд Этрее постельная ея собачка, которая нечаянно взбесилась, так что принуждены были ее убить, столь сильно укусила за большой палец, что она находится от того в немалой опасности. Между тем лекари у укушенного пальца все мясо до кости срезали, дабы предупредить худые следствия, какие обыкновенно происходят от такого угрызения»^[29].

«Из Неаполя от 15 марта.

Гора Везувий с некоторого времени опять начала выбрасывать огонь. 11 числа сего месяца несколько странствующих Англичан покусились было на самую вершину оной горы взойти, но едва они к оной несколько стали приближаться, то вдруг из челюстей сего Вулкана высыпало великое множество горящих камней, которыми двое из Англичан гораздо были ранены»^[30].

Ни взбесившаяся собачка, ни проснувшийся вулкан, к счастью, ничего не напророчили, не помешали тому, что в будущем наш герой полюбит четвероногих друзей и всю жизнь будет стремиться в Италию. «Пес, мой друг нелицемерный! / Я с ним вечно буду жить» (115), —

воскликнет он в стихотворной сказке «Людмила и Улад». «Мне кажется, что если бы меня послали в Италию, — признается Василий Пушкин уже в почтенном возрасте, — я снова бы помолодел и думать забыл о подагре»^[31].

«Московские ведомости» интересны нам и своими объявлениями. Читая их, мы знакомимся с повседневной жизнью, которая с самого рождения окружила нашего героя.

«Желающим для обучения детей к себе принять учителя, который обучает французскому и немецкому языкам, также Истории и Географии на тех же языках, могут о квартире его спросить Императорского Московского университета книгосодержателя господина Вевера»^[32].

Конечно, на второй день после рождения сына Пушкиным было рано думать об учителе французского и немецкого языков, хотя впоследствии Василий Львович будет в совершенстве владеть французским, знать и другие языки. Надо было прежде всего подумать о крещении младенца, а также о его кормилице.

В газете сообщалось о продаже английской бурой лошади, жеребцов и верховых меринов, а также кирпича трех сортов — «железнику, алого и красного» — «за тысячу вообще ниже 5 рублей», сена, травы и Дмитровских Яхромских лугов. Еще продавались напечатанные указы и манифесты, в том числе — «о неигрании в карты за деньги». («Я в карты не люблю играть» (161), — скажет потом в своих стихах Василий Львович.) Еще выставлялись на продажу «взятые из большого Успенского Собора свечные огарки, опливки и налитой в чаши воск каждый пуд по 4 руб. 20 коп.»^[33]. Это объявление, как нам представляется, в большей

степени, чем Пушкиных, могло заинтересовать Малиновских.

Особый интерес вызывают объявления о продаже недвижимости, имений. Что касается крепостных, то в газетах писали о том, что «отпускается в услужение» девка, умеющая плести кружева, или повар, он же искусный кондитер, но на самом деле речь шла именно о продаже. Когда продавали деревни, то заявляли и о числе душ, вместе с этой деревней продающихся. (Не будем забывать о том, что В. Л. Пушкин по рождению своему принадлежал к дворянскому сословию, которое было сословием душе- и землевладельцев.)

Полковник Александр Михайлович Рахманов, проживающий в собственном доме в Старой Конюшенной улице, за Пречистенскими воротами, в приходе церкви Иоанна Предтечи, продавал деревню Глинки Рижского уезда, «в которой по последней ревизии мужеска полу 248 душ, господский дом, три пруда с рыбою, оброку в год собирается 700 рублей»^[34].

Генерал-майор Михаила Афанасьевич Ахметышев предлагал нанять у него каменный двор за Красными воротами, в Новой Басманной, близ церкви Святых апостолов Петра и Павла, а заодно и «каретного мастера с женою, которому от роду с небольшим 30 лет»^[35].

Жена покойного «Действительного Статского Советника Андрея Григорьевича Щербинина Марья Ермолаева дочь» предлагала «состоящий в Суцее двор, в котором на купленный мерою на 1636 сажень земли поставлено хоромное строение; 4 покоя, подмазанные алебастром и обитые бумажными обоями с имеющимися под ними погребями, особая кухня, погреб, 2 анбара, сарай каретный, конюшня, людская изба с сенями, пруд мерою на 120 сажень и два аршина и сад со всякими плодовитыми деревьями» — «о цене

спросить могут за Арбатскими вороты в Земляном городе, в приходе церкви Николая Чудотворца Явленского, в доме онаго ж Щербинина»^[36].

Заметим, что в московских адресах указана церковь, к приходу которой относится тот или иной дом, — это характерная особенность Москвы, где, в отличие от Петербурга, не было прямых линий общей планировки города. Церкви объединяли тот или иной район.

Лев Александрович Пушкин, читая на следующий день после рождения сына «Московские ведомости», вряд ли заинтересовался приведенными там объявлениями. Он был богатым помещиком, владельцем более трех с половиной тысяч душ^[37]. Ему принадлежали село Болдино и деревня Тимашево, Кистенево тож, в Нижегородской губернии, подмосковные — деревня Раково и сельцо Синево, Семеновское тож. Его обширная московская усадьба на Божедомке занимала несколько гектаров. Там имелись большой дом, хозяйственные строения, оранжереи, плодоносящий сад, пруды, в которых водилась рыба. Можно предположить, что хозяева усадьбы не испытывали недостатка в каретниках, кучерах, садовниках, поварах, в штате домашней прислуги. Дом был украшен иконами в драгоценных окладах из приданого Ольги Васильевны и наследственными иконами Льва Александровича. В сохранившейся описи вещей, которые находились в жилище его отца — Александра Петровича, — «образ Нерукотворного Спаса, писан на холсте над дверьми, да картина о блудном сыне, стол раздвижной, верхняя доска с резьбой мелкой... <...> 11 картин больших, которые писаны на холстах живописным письмом, две картины небольшие, написаны також на холстах, а те все картины в рамах... <...> 18 стулов, в том числе 9 с позолотою, стол дубовый, круглой, складной, стол

придвижной в углу, на котором ставитца посуда»^[38]. В описи названы также молитвенники, серебряные шандалы, серебряная посуда, сундуки, зеркало «в рамах и с коронкою личною», коробочка китайской работы, кровать под балдахином, печи ценинные, то есть из цветных изразцов... В окружении этих не дошедших до нашего времени вещей, в доме, где были «печи в пестрых изразцах» и, наверное, «портреты дедов на стенах» (они, как и портреты родителей, тоже не сохранились), в давно исчезнувшей московской усадьбе на Божedomке, в довольстве и достатке и суждено было провести Василию Пушкину детство, отрочество и юность.

4. Детство, отрочество, юность

«...Каким его воображаете? Прекрасным?.. <...> Беленьким, полненьким, с розовыми губками, с греческим носиком, с черными глазками, с кофейными волосками на кругленькой головке: не правда ли?» — так представил своего героя ровесник В. Л. Пушкина Н. М. Карамзин в неоконченном романе «Рыцарь нашего времени», который носит автобиографический характер^[39]. Быть может, таков был и наш герой во младенчестве. «Но что говорить о младенчестве? — писал далее Н. М. Карамзин. — Оно слишком просто, слишком невинно, а потому и совсем нелюбопытно для нас, испорченных людей. Не спору, что в некотором смысле можно назвать его счастливым временем, истинною Аркадиею жизни: но потому-то и нечего писать об нем»^[40].

К сожалению, не только о младенчестве, но и о детстве, отрочестве, юности Василия Пушкина известно очень мало. Скорее всего Василий-дитя (в детстве, вероятно, Вася, Васенька, Васечка, Васятка, потом, уже

в юности, — на французский манер — Базиль) не избежал общей участи дворянских детей. Сразу же после его рождения из крепостных взяли к нему пышногрудую румяную кормилицу, обрядив ее в батистовую рубашку, нарядный сарафан и кокошник. Из дворовых выбрали и приставили к маленькому барчуку няньку. Нянька присматривала за кормилицей, всем заведовала в детской: следила, чтобы было там и светло, и тепло, и чисто, чтобы всего — и белья, и посуды — было довольно, чтобы прислуга не забывалась. Когда в кормилице не стало надобности, то все заботы о ребенке взяла на себя няня. Она и кормила, и спать укладывала, и гуляла, и играла с Василием. Случалось, няня наказывала за шалости. Она же утешала в детских горестях, отгоняла детские страхи. А еще — учила молитвам, пела песни, рассказывала сказки. Имени нянюшки будущего поэта история для нас не сохранила. Была ли она тихой старушкой со спицами в морщинистых руках или молодой резвой девушкой, мы не знаем.

В мае 1767 года, когда Василию исполнился год, в семействе Пушкиных родился сын Сергей. Ничто не омрачало их безоблачного детства. И всё же можно предположить, что события московской жизни, которые волновали весь город, так или иначе не обошли стороной и усадьбу на Божедомке. Об этих событиях говорили взрослые, к их рассказам прислушивались дети.

В 1771 году в Первопрестольной началась страшная эпидемия чумы. С апреля 1771 года по март следующего, 1772 года в городе умерли 57 901 человек^[41]. Ссылаясь на слова очевидца, знаток старой Москвы М. И. Пыляев писал:

«...народ умирал ежедневно тысячами; фурманщики, или, как их тогда называли, „мортусы“, в

масках и воощанных плащах длинными крючьями таскали трупы из выморочных домов, другие поднимали на улице, клали на телегу и везли за город, а не к церквам, где прежде покойников хоронили. Человек по двадцать разом взваливали на телегу.

Трупы умерших выбрасывались на улицу или тайно зарывались в садах, огородах и подвалах»^[42].

Москва опустела. Помещики уезжали в свои деревни, оставляя дома и своих дворовых людей. Неизвестно, покинули ли зараженную чумой Москву Пушкины или пережили это страшное время на Божедомке.

В сентябре 1771 года в Москве вспыхнул чумной бунт. Распространившийся слух о том, что чудотворная Боголюбская икона Божией Матери у Варварских ворот исцеляет от смертельной болезни, привел к иконе толпы людей: они целовали чудотворный образ, не сознавая, что вместе с ними к иконе прикладывались и уже заболевшие чумой. Архиепископ Московский Амвросий, чтобы предотвратить распространение заразы, велел перенести икону в церковь Кира и Иоанна. Вот тут-то и ударили в набат. К разъяренной толпе, вооруженной палками и камнями, присоединились отставные солдаты, которые несли караул в Кремле. Расправа с архиереем, скрывшимся в запертой церкви Донского монастыря, была жестокой. Свидетелем убийства архиепископа Амвросия оказался его племянник Николай Николаевич Бантыш-Каменский, историк, архивист. Известная мемуаристка Елизавета Петровна Янькова, знакомая В. Л. и С. Л. Пушкиных (она была двумя годами моложе Василия Львовича), рассказывала об этом так:

«Двери народ выломал, ворвался в церковь: ищут архиерея — нигде нет, и хотели идти назад, да кто-то

подсмотрел, что из-за картины, бывшей на хорах, видны ноги, и крикнул: „Вон где он“.

Стащили его сверху, вывели за ограду; там его терзали, мучили и убили. Убил его, говорят, пьяный повар...»^[43]

Конечно, Е. П. Янькова слышала о чумном бунте позже: «...чумы я совсем не помню: мне было тогда около четырех лет...»^[44] Василию Пушкину — на два года больше, и он мог кое-что помнить об этом. События же пугачевского бунта несомненно остались в памяти и Е. П. Яньковой, и В. Л. Пушкина, хотя и эти события также приходились на их детские годы.

«Помнить себя стала я с тех пор, когда Пугачев навел страх на всю Россию, — вспоминала Елизавета Петровна. — Как сквозь сон помнятся мне рассказы об этом злодее: в детской сидят наши мамушки и толкуют о нем; придешь в девичью — речь о Пугачеве; приведут нас к матушке в гостиную — опять разговор про его злодейства, так что и ночью-то, бывало, от страха и ужаса не спится: так вот и кажется, что сейчас скрипнет дверь, он войдет в детскую и всех нас передушит. Это было ужасное время!

Когда Пугачева взяли, мы были тогда в Москве; его привезли и посадили на Монетном Дворе. Помню, что в день казни (это было зимой, вскоре после Крещения, мороз, говорят, был преужасный) на Болоте, где его казнили, собралось народу видимо-невидимо, и было множество карет: ездили смотреть, как злодея будут казнить. Батюшка сам не был и матушке не советовал ехать на это позорище; но многие из наших знакомых туда таскались, и две или три барыни говорили матушке: „Мы были так счастливы, что карета наша стояла против самого места казни, и всё подробно видели...“ Батюшка какой-то барыне не дал и договорить: „Не только не имел желания видеть, как

будут казнить злодея, и слышать-то, как его казнили, не желаю и дивлюсь, что у вас хватило духу смотреть на такое зрелище“»^[45].

Очевидцем казни Пугачева 10 января 1775 года был пятнадцатилетний Иван Дмитриев, который тогда уже служил в лейб-гвардии Преображенском полку. Позже он станет одним из близких друзей Василия Пушкина, будет рассказывать о казни Пугачева и ему, и его племяннику Александру (в «Истории Пугачевского бунта» и «Капитанской дочке» А. С. Пушкин описал это событие со слов И. И. Дмитриева).

Между тем жизнь продолжалась. Спустя немногим больше полутора лет, 13 августа 1776 года, в семействе Пушкиных появилась еще одна дочь — Елизавета.

Василий любил сестер Анну и Елизавету. С особенной нежностью относился он к сестрице Анне. Его другом стал и брат Сергей. Впоследствии Василий Львович адресовал ему свое стихотворное послание, которое так и назвал — «К брату и другу». С умилением вспоминая детские годы, он писал в этом послании:

Природой восхищаясь,
Гуляли мы с тобой;
Или полезным чтеньем
Свой просвещали ум;
Или Творцу вселенной
На лирах пели гимн!..
Поэзия святая!
Мы с самых юных лет
Тобою занимались,
Ты услаждала нас!..
Или в семействе нашем,
Где царствует любовь,
Играли мы как дети

В невинности сердец (34).

Что еще можно сказать об атмосфере, царившей в семье?

В 1840 году, когда уже не было в живых Василия Львовича, его 73-летний брат Сергей Львович выступил в журнале «Современник» с опровержением незаслуженных, как он считал, обвинений в жестокости своего отца Льва Александровича Пушкина. Дело в том, что на страницах журнала «Сын Отечества» были напечатаны «Отрывки из записок А. С. Пушкина», уже цитированное нами «Начало автобиографии», где, в частности, в рассказе о пылкости и жестокости Льва Александровича его внук сообщал:

«Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно от него натерпелась. Однажды велел он ей одеться и ехать с ним куда-то в гости. Бабушка была на сносях и чувствовала себя нездоровой, но не смела отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дед мой велел кучеру остановиться, и она в карете разрешилась — чуть ли не моим отцом. Родильницу привезли домой полумертвую и положили на постелю всю разряженную и в брильянтах» (XII, 311).

Впрочем, сам А. С. Пушкин, рассказав эту историю, дал к ней такое пояснение:

«Все это я знаю довольно темно. Отец мой никогда не говорит о странностях деда, а старые слуги давно перемерли» (XII, 311).

«В 7 номере Сына Отечества 1840 года прочел я отрывок из записок покойного сына моего, — писал Сергей Львович. — Не считаю нужным прибавлять, что эти записки ошибкою попались в число бумаг, предназначенных автором для печати. Если там прямо сказано: „все это я знаю темно, и никогда отец мой не говорил об этом“, не явно ли, что рассказы сии брошены

на бумагу единственно по причине их невероятности, на память того, чем воображение случайно поражено было, а не для всеобщего известия.

Но здесь речь о покойном отце моем, добродетельнейшем из людей, которого память священна мне и сестре моей, остающимся в живых (имеется в виду Елизавета Львовна. — Н. М.). Я обязан опровергнуть ложные рассказы: мое молчание показало бы, что я во всем соглашаюсь»^[46].

Сергей Львович, разумеется, характеризует своего отца весьма и весьма положительно, создает идиллическую картину семейной жизни своих родителей:

«Отец мой никогда не был жесток; <...> он был любим, уважаем, почитаем даже теми, которые знали его по одному слуху. Он был примерный господин для своих людей, оплакиваем ими как детьми; многие из вольных, по тогдашнему обычаю, пожелали быть его крепостными.

Взаимная любовь его к покойной матери была примерная. Как!.. мой отец принудить мог насильственным образом мать мою ехать с ним на обед в последние часы ее беременности!.. Он, который, отъехав из Москвы в свою подмосковную на несколько дней, воротился с дороги, чувствуя себя не в состоянии перенести краткой разлуки! Кто мог сыну моему дать столь лживое понятие о благородном характере моего отца!»^[47]

Что ж, и Василий Львович писал о том, что в их семействе «царствует любовь», создавал идиллическую картину — только не в прозе, а в стихах. И все же к их свидетельствам стоит, как нам кажется, прислушаться. Хотя, разумеется, любовь может сосуществовать и со вспышками гнева и жестокостью. В жизни всё бывает.

Сергей Львович, защищая Льва Александровича, рассказывая о его честности и благочестии, сообщил подробности, которые позволяют нам представить некоторые черты домашнего уклада Пушкиных:

«Часто он сзывал бедных на сытный обед, после которого оделял их деньгами — и я теперь еще с умилением вспоминаю, как толпа нищих тянулась по обширному двору нашего дома с молитвою о его долголети»^[48].

По праздникам в дом Пушкиных съезжалась многочисленная родня, в том числе и родственники первой жены Льва Александровича. Бывали среди гостей и люди духовного звания, «почетное духовенство того времени, известное своим просвещением и святой жизнью»^[49].

Любили ли Пушкины своих детей? Наверное, любили. Но и наказывали тоже. По обычаям того времени детей держали в строгости, без розог не обходилось. Е. П. Янькова рассказывала о том, как ее хорошая знакомая, вдова средних лет, вразумляла розгами своего единственного сына, только что произведенного в офицеры, и таким образом отвадила его от пьянства и картежной игры. Было этому повесе уже под двадцать лет. А уж для детей и подростков наказание розгами — дело обыкновенное. Так что, быть может, когда в 1798 году Василий Львович будет создавать вольный перевод эпиграммы французского поэта Роберта Понса из Вердена, в нем отразятся и личные ощущения русского стихотворца:

Какой-то Стихотвор (довольно их у нас!)
Послал две оды на Парнас.
Он в них описывал красу природы, неба,
Цвет розо-желтый облаков,
Шум листьев, вой зверей, ночное пенье сов

И милости просил у Феба.
Читая, Феб зевал и наконец спросил:
«Каких лет стихотворец был
И оды громкие давно ли сочиняет?»
«Ему пятнадцать лет», — Эрата отвечает.
«Пятнадцать только лет?» — «Не более того!» —
«Так розгами его!» (207).

Вероятно, как это бывало в дворянских семьях, когда Васе исполнилось пять лет, няньку сменил дядька, исполнявший, по существу, те же обязанности, что и нянька. А потом в доме появились гувернеры и учителя. Они воспитывали и образовывали ребенка, обучали его русской грамоте и иностранным языкам. Впрочем, первоначальное обучение началось, скорее всего, раньше: дитя заучивал названия букв — «аз», «буки», «веди»; освоив церковнославянскую и русскую азбуку, учился читать Часослов и Псалтырь, потом читал «Апостол». Он рано пристрастился к чтению. Позже стихотворец Василий Пушкин будет благодарить за это судьбу:

Благодарю судьбу! Я с самых юных лет
Любил изящное и часто от сует,
От шума светского я в тишине скрывался,
Учился и читал, и сердцем наслаждался... (59).

Кто обучил Василия Пушкина русской грамоте — неизвестно. Не исключено, что это мог быть отец Алексея Малиновского, его товарища по детским играм, — священник церкви Живоначальной Троицы. А вот имена учителей-французов до нас дошли — в записках А. С. Пушкина:

«Семья моего отца — его воспитание — французы — учителя. — /Мг./ Вонт. <?> секретарь Mr. Martin» (XII, 307).

Увы! мы знаем только их имена. Правда, можно с уверенностью сказать, что они не были французскими парикмахерами, поварами, беглыми солдатами, которые по прибытии в Россию из Франции назывались учителями (в 1770 году в Петербурге французский посол с изумлением узнал в таком «учителе» своего бывшего кучера). Успехи во французском языке и Василия, и Сергея Пушкиных свидетельствуют о том, что братья учились у профессиональных педагогов-иностранцев. Василий, как и Сергей, французским овладел в совершенстве — читал, писал, а потом и сочинял стихи на французском языке.

Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал... (VI, 6).

Конечно, знать французский было необходимо: французский — не только язык светского общения и дипломатии, это язык великой французской литературы.

Василий изучил еще английский, немецкий, итальянский, латинский языки.

Мы не знаем наверняка те предметы, которые в семье Пушкиных входили в курс домашних наук. Скорее всего, это были история, география, математика. Без танцев, верховой езды, фехтования тоже нельзя было обойтись.

Разумеется, жизнь отрока Василия Пушкина проходила не только в занятиях, хотя они и отнимали много времени. Еще были игры с братом и сестрами, с дворовыми ребятами. Еще были встречи с родней: не только Пушкины принимали в своем доме

родственников, но и те приглашали их к себе в гости. В Москве, как нигде, дорожили родственными связями. Хорошо про это сказала Е. П. Янькова:

«В наше время, пока можно счесть родством — родня, а ежели дальнее очень родство, все-таки не чужие, а свои люди — в свойстве. От знакомства и от дружбы можно отказаться, а от родства, как ты не вертись, признавай не признавай, а отказаться нельзя: все-таки родня. Покойник Оболянинов правду говорил: „Кто своего родства не уважает, тот себя самого унижает, а кто родных своих стыдится, тот чрез это сам срамится“»^[50].

Родни в Москве всегда было много. Знакомый В. Л. Пушкина и А. С. Пушкина московский поэт Владимир Сергеевич Филимонов в поэме «Москва. Три песни» писал о плодovitой московской семье:

С Ордынки до Миюс, от Лужников до Всполя
Все свояки да кумовья,
И степени различной братья,
Золовка, мачеха, сноха, невестка, сватья,
Тесть, свекор, вотчим, шурин, деверь, зять!
Легко б из сестр составить роту.
Из дядей полк на вербовать,
А теткам — не было и счету.
Бывало, в святки, на святой,
Москвич — молодчик, всем родной,
Послушный внук, племянник ловкий,
Ухватской четверни обломит все подковки,
Колеса обобьет, исшмыжет полозки.
Когда обрыщет все родные уголки^[51].

Василий Пушкин с детских лет был принят в большую московскую семью.

Вероятно, были и выезды на лето в загородные усадьбы отца, где на лоне природы будущий стихотворец научился любить журчащие ручейки, кудрявые рощи, душистые луга, пение птичек — всё, что идиллически опишет он впоследствии в своих стихотворениях:

С каким весельем я взирал,
Как ты, о солнце, восходило,
В восторг все чувства приводило!
Там запах ландышей весь воздух наполнял,
Там пели соловьи, там ручеек журчал... (131).

Москвичи имели обыкновение ездить весной в Подмосковье, в Новый Иерусалим, слушать пение соловьев. Пройдет время, и стихотворец Василий Пушкин будет рассказывать о соловушках в своих баснях.

Прогулки по Москве и в детские, и в отроческие годы обогащали яркими впечатлениями. Город был похож на большую деревню. Рядом с великолепными дворцами и пышными чертогами богачей ютились бедные избы, крытые не только тесом, но и лубом, и соломою. Парки и сады соседствовали с огородами и лугами, где паслись лошади, коровы и овцы. Немощенные улицы и переулки после дождя становились непроходимыми для пешеходов. В грязи вязли кареты. В больших лужах, которые можно назвать маленькими озерами, плескалась домашняя птица. Но Первопрестольная все равно была прекрасна: древний Кремль, высокая колокольня Ивана Великого, золотые маковки церквей, зеленые берега Москвы-реки... Василий Львович с детства полюбил родной город, стал знатоком московских достопримечательностей:

недаром друзья будут поручать его попечениям приезжих иностранцев.

Об особенной жизни отставной столицы написал в 1835 году А. С. Пушкин в «Путешествии из Москвы в Петербург», в главе «Москва». Конечно, в очерке московского быта сказались воспоминания о его московском детстве. Но созданная им точная и выразительная в своих деталях, мастерски написанных портретах картина по запечатленной в ней эпохе относится не только к допожарной Москве 1800–1812 годов, но и прежде всего к Москве 1770–1790 годов, то есть ко времени А. Н. Радищева (ведь пушкинское «Путешествие из Москвы в Петербург» зеркально по отношению к радищевскому «Путешествию из Петербурга в Москву»), а следовательно, и ко времени В. Л. Пушкина, ребенка, отрока, молодого человека.

«Некогда в Москве пребывало богатое неслужащее боярство, вельможи, оставившие двор, люди независимые, беспечные, страстные к безвредному злоречию и к дешевому хлебосольству; некогда Москва была сборным местом для всего русского дворянства, которое из всех провинций съезжалось в нее на зиму. Блестящая гвардейская молодежь налетала туда ж из Петербурга. Во всех концах древней столицы гремела музыка, и везде была толпа. В зале Благородного собрания два раза в неделю было до пяти тысяч народу. Тут молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы. Москва славилась невестами, как Вязьма — пряниками; московские обеды (так оригинально описанные князем Долгоруким) вошли в пословицу. Невинные странности москвичей были признаком их независимости. Они жили по-своему, забавлялись как хотели, мало заботясь о мнении ближнего. Бывало, богатый чудаковитый выстроит себе на одной из главных улиц китайский дом с зелеными драконами, с деревянными мандаринами под

золочеными зонтиками. Другой выедет в Марьину Рощу в карете из кованого серебра 84-й пробы. Третий на запятки четвероместных саней поставит человек пять арапов, егерей и скороходов и цугом тащится по летней мостовой. Щеголихи, перенимая петербургские моды, налагали и на наряды неизгладимую печать. Надменный Петербург издали смеялся и не вмешивался в затеи старушки Москвы» (XI, 246).

Нарисованная А. С. Пушкиным картина московской жизни многое, на наш взгляд, объясняет в характере его дяди. Самобытность и независимость (неслучайно А. С. Пушкин дважды упоминает о независимости москвичей) по-своему скажутся в нем, в образе его жизни. И еще конечно же — хлебосольство.

А. С. Пушкин пишет о московских обедах, воспетых князем Иваном Михайловичем Долгоруким в стихотворении «Пир», где «стерлядь... аршина в полтора», где «живого осетра / С курьером во весь дух из Волги притащили»; «Вина — хоть окунись — какого хочешь есть, / И словом, лишь была б охота пить и есть»^[52]. Василий Львович знал автора этого стихотворения, который был двумя годами его старше, сам разбирался в гастрономических изысках, гордился своим поваром. И еще — щегольство: в Москве были не только щеголихи, но и щеголи, к числу которых принадлежал В. Л. Пушкин. Рожденный в эпоху «красных каблучков и величавых париков», он всю жизнь будет следовать моде и позже признается: «Люблю по моде одеваться...» (161).

Конечно, ранние впечатления московской жизни скажутся в поэзии Василия Пушкина; колоритные типы москвичей дадут о себе знать в его стихах. Но, пожалуй, для будущего стихотворца не менее важны литературные впечатления. Не будем забывать о том, что Москва времени детства, отрочества и юности

Василия Львовича была еще и литературной, и театральной столицей.

В 1769 году в Первопрестольную вернулся из Петербурга москвич Александр Петрович Сумароков, поэт и драматург, которого называли северным Расином. Постановка его трагедии «Дмитрий Донской» на московской сцене имела огромный успех. В Москве написал он комедии «Рогоносец по воображению», «Вздорница», «Мать — совместница дочери». В Москве в 1777 году драматург скончался и был похоронен на кладбище Донского монастыря.

В Москве жил поэт и драматург, творец поэмы «Россияда» Михаил Матвеевич Херасков. С 1755 года он служил в Московском университете, организовал университетский театр, в студенческой труппе которого играли и будущий комедиограф Денис Иванович Фонвизин, и будущий дипломат, действительный тайный советник Яков Иванович Булгаков (он еще и будущий отец Александра и Константина Булгаковых, знакомых В. Л. Пушкина). В московском доме М. М. Хераскова собирались молодые литераторы — уже названный Д. И. Фонвизин, Иван Федорович Богданович, который прославится поэмой «Душенька», Гаврила Романович Державин. Позднее у М. М. Хераскова будут бывать литературные учителя В. Л. Пушкина Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев и сам Василий Львович.

В Москву не раз приезжал Г. Р. Державин. В 1789 году, когда он посетил отставную столицу, Василию Пушкину было уже 23 года. К этому времени Василий, вероятно, уже успел полюбить звуки державинской лиры: «Люблю Державина творенья...» (161). В 1783 году в журнале «Собеседник любителей русского слова» была напечатана ода Г. Р. Державина «Фелица», посвященная Екатерине II и прославившая ее сочинителя. Позже В. Л. Пушкин напишет об этом так:

На лире золотой Державин возгремел,
Бессмертную в стихах бессмертных он воспел...
(37).

С Москвой 1770–1790-х годов связаны Александр Николаевич Радищев и Николай Иванович Новиков.

А. Н. Радищев родился в Москве, в Москве получил домашнее образование (его обучали профессора и преподаватели университета и университетской гимназии). Покинув родной город в 1762 году, он все же бывает в Москве. Известно, что 10 января 1775 года во время казни Пугачева А. Н. Радищев находился в Первопрестольной, жил в Москве в 1775 и 1776 годах. В 1789 году он приезжал в Москву, безуспешно пытался издать завершенное им в Петербурге «Путешествие из Петербурга в Москву» в московской типографии. В 1790 году закованный в кандалы автор этого бунтарского сочинения провел в Москве несколько дней, прежде чем отправился в Сибирь, в ссылку. Известно, что В. Л. Пушкин был знаком с сыновьями А. Н. Радищева. В 1828 году он упомянул одного из них в письме П. А. Вяземскому: «Приятель мой старинный, человек умный и приятный в обхождении» (273). В том же письме он сообщил, что старший сын А. Н. Радищева Василий Александрович, находясь в 1827 году в Москве, бывал у него нередко.

Н. И. Новиков переехал из Петербурга в Москву в 1779 году. Имя его москвичам уже было известно. Его журналы «Трутенъ» и «Живописец» были у многих на слуху. Изданные им «Опыт исторического словаря о российских писателях», «Древняя российская вивлиофика», другие книги пользовались успехом. В Москве Н. И. Новиков, взяв в аренду университетскую типографию, широко развернул издательскую деятельность. Сочинения каких только авторов он не

издавал — Ж. Ж. Руссо, Ж. Б. Мольера, П. Бомарше, А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова... всех не перечесть. Газета «Московские ведомости» выходила под его попечением. В 1782 году по его инициативе было создано «Дружеское ученое общество» для распространения «учености» в России. Он организовал книжную торговлю в шестнадцати городах, открыл в Москве библиотеку-читальню, школу для детей разночинцев, аптеку. Его благотворительная деятельность во многом была связана с масонством (в Москве в царствование Екатерины II было более сорока масонских лож^[53]). Во время голода 1786–1787 годов на пожертвования масонов он раздавал хлеб московским беднякам.

Д. И. Фонвизин в 1768 году в Москве завершил работу над комедией «Бригадир». В 1781 году на свет явилась другая его знаменитая комедия «Недоросль». В мае 1783 года москвичи увидели ее на сцене театра английского антрепренера Медокса. Успех превзошел все ожидания. До конца 1783 года только в театре Медокса было восемь постановок. «Недоросля» поставили на университетской сцене. Были и многочисленные любительские спектакли. В 1784 году в спектакле, поставленном на домашней сцене в доме Апраксиных, Д. И. Фонвизин сам выступил в роли Скотинина. А. С. Пушкин сделал запись на книге П. А. Вяземского о Д. И. Фонвизине: «Бабушка сказывала мне, что в представлении Недоросля в театре бывала давка...»^[54] По свидетельству А. С. Пушкина, незадолго до смерти автора «Недоросля» (а умер он 1 декабря 1792 года в Петербурге) его посетил С. Л. Пушкин. За день до кончины, как сообщил И. И. Дмитриев, Д. И. Фонвизин вспоминал молодых московских стихотворцев: «От утра до вечера они вокруг меня роились»^[55]. Среди них мог быть и Василий Пушкин.

Разумеется, о знакомстве Василия Пушкина с московскими писателями в пору его детства, отрочества и юности можно говорить лишь предположительно. Но исключить такую возможность все же нельзя. В Москве в 1770–1790-е годы жили или же бывали поэты и драматурги Александр Онисимович Аблесимов, Николай Петрович Николев, поэт и переводчик Ермил Иванович Костров, поэт Василий Иванович Майков, другие литераторы. Назовем еще имена тех поэтов и писателей, которые жили в Москве в это время и с которыми, как достоверно известно, позднее общался В. Л. Пушкин. Это поэт Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий, историк и писатель Алексей Иванович Мусин-Пушкин (ему принадлежит честь открытия «Слова о полку Игореве»), уже названные нами ранее Николай Николаевич Бантыш-Каменский и Алексей Федорович Малиновский.

Мы не знаем, когда Василий Львович познакомился с Н. М. Карамзиным. А ведь их знакомство могло состояться в Москве. Тринадцатилетним мальчиком Н. М. Карамзин приехал в Москву из Симбирска, поступил в пансион профессора Московского университета Иоганна Матая Шадена, где проучился четыре года. Затем, уже отслужив в гвардии в Петербурге, вернувшись в Симбирск, Н. М. Карамзин вновь прибыл в Москву, стал членом новиковского «Дружеского ученого общества», участвовал в издании журнала Н. И. Новикова «Детское чтение для сердца и разума». Из Москвы в 1789 году Н. М. Карамзин отправился в заграничное путешествие. Вернувшись в Россию в 1790 году, начал издавать «Московский журнал».

Люблю для сердца утешенья
Хвалу я петъ Карамзину (161) —

это признание В. Л. Пушкина относится к 1815 году. Но уже к 1790-м годам Н. М. Карамзин получил известность своими поэтическими опытами. В 1787 году он написал программное стихотворение «Поэзия», источник которой виделся ему в любви и восторге, в унынии и тоске:

Во всех, во всех странах Поэзия святая
Наставницей людей, их счастьем была,
Везде она сердца любовью согревала... ^[56]

Н. М. Карамзин предсказывал:

О Россы! Век грядет, в который и у вас
Поэзия начнет сиять, как солнце в полдень
Исчезла ночи мгла — уже Авроры свет
В **** блеснит... ^[57]

«В Москве блеснит» — вероятно, так можно прочесть последнюю строку...

В Москве одним из адептов «поэзии святой», ревностным сторонником и последователем Н. М. Карамзина станет В. Л. Пушкин.

Закончив домашний курс наук, Василий Пушкин начал появляться в московском обществе, где имел успех. Открытый нрав, добродушие и веселость, остроумие, любовь к стихотворству и способности к декламации сделали его неперенным участником домашних спектаклей и желанным гостем на званых вечерах. Филипп Филиппович Вигель, в будущем товарищ В. Л. Пушкина по «Арзамасу», известный мемуарист, рассказал об этом так:

«...в восемнадцать лет на званых вечерах читал он длинные тирады из трагедий Расина и Вольтера,

авторов мало известных в России, и таким образом знакомил ее с ними; двадцати лет на домашних театрах играл он уже Оросмана в „Заире“ и писал французские куплеты. Как мало тогда надобно было для приобретения знаменитости»^[58].

Конечно, сам Ф. Ф. Вигель не мог быть свидетелем первых успехов Василия Львовича в свете — он был двадцатью годами его моложе. Но его рассказ верен.

Люблю по моде одеваться
И в обществах приятных быть.
Люблю любезным я казаться,
Расина наизусть твердить (161).

Как видно, В. Л. Пушкин был постоянен в своих привычках и литературных пристрастиях. Расин, как, впрочем, и Вольтер надолго остались его любимыми авторами. Из-за любви к Вольтеру он впоследствии даже и пострадает (об этом мы еще расскажем). Уже в молодые лета Василий Львович «приобрел знаменитость», как не без иронии заметил желчный Ф. Ф. Вигель, — и не только французскими куплетами, но и, вероятно, русскими стихами. К сожалению, его ранние поэтические опыты до нас не дошли. Можно только предполагать, что он, как и молодой Н. М. Карамзин, писал дружеские послания, мадригалы, стихи на случай. Наверное, сочинял он и любовные стихи. Кому они были посвящены? На вопрос

О ком твоя вздыхает лира?
Кому, в толпе ревнивых дев.
Ты посвятил ее напев? (VI, 29)

московский стихотворец ответил в автобиографической повести или, как он сам назвал ее, сказке, которая заслуживает нашего несомненного внимания.

5. Первая любовь

В 1815 году в 9-м номере журнала «Российский музей» была напечатана повесть В. Л. Пушкина «Любовь первого возраста». Под текстом указаны место и дата его создания — Нижний Новгород, 24 апреля 1813 года. В самом начале повествования сообщается, что это сказка на заданные слова: простота, кораблекрушение, надежда, война, насекомое, гром, ручей, селение, ладья, торжество, обольщение. По существу, перед нами — памятник салонной игры, которой предавался В. Л. Пушкин в Нижнем Новгороде, куда бежал из Москвы от нашествия наполеоновской армии. Василий Львович, не зная себе равных в буриме, стихах на заданные рифмы, и в прозе сочинил изящную историю на заданные слова, адресовал ее некоей даме и посвятил тому, что всегда любезно женскому сердцу, — рассказу о первой любви:

«Я был молод, любил, как и другие, и в первый раз узнал нежную склонность и сердечное влечение к любезности и красоте женской. Я влюбился, как влюбляются в молодости, то есть страстно. Я редко видел Зюльмею (позвольте мне дать ей это имя, ибо оно первое мне представилось). Редко видел, но видел довольно часто для того, чтобы ее боготворить и питать воображение теми прелестными мечтами, которых скоро лишаемся и о которых всегда сожалеем»(184).

Веселая, резвая и беспечная красавица шестнадцати лет подозревала о тайной склонности

сочинителя. Василий Львович создал прелестный образ юной московитянки, как назвал он ее:

«...Зюльмея, живая Зюльмея, будучи резвее всех подруг своих, поймала прекрасную бабочку, которую всем показывала с тайным восхищением. „Ради Бога, пусти на волю бедного насекомого, — сказала Азема, дочь моего дяди, — это эмблема непостоянства, а непостоянство для меня ужасно“. — „А мне кажется, — воскликнула Зюльмея, — что бабочка — эмблема удовольствия“. Эти слова, произнесенные с живостью, привели меня в трепет» (185).

Конечно, бабочка — символ непостоянства, суетности. Между тем у масонов бабочка обозначает Психею — душу, бабочка — знак бессмертия души. О бабочках и мотыльках писали в своих стихах и В. В. Капнист, и М. М. Херасков, и Г. Р. Державин.

В рассказе В. Л. Пушкина — разлука, встреча уже с замужней возлюбленной, их объяснение и... завершение повествования на самом интересном месте, потому что «все слова прибраны», заданный предмет дописан.

Кто же была та, что внушила Василию Львовичу первое чувство? Имя ее матери обозначено в тексте буквою «С», имя ее мужа — буквою «Н». Оставляем для любопытных изыскателей поиски прототипа утаенной любви московского стихотворца. Быть может, это баронесса Екатерина Александровна Строганова (она была тремя годами моложе В. Л. Пушкина), вышедшая замуж за Ивана Александровича Нарышкина, который был пятью годами его старше? Кто знает... Но сейчас хотелось бы обратить внимание на другое: рассказ о первой любви Василия Львовича интересен нам потому, что в нем создан его автопортрет в молодые годы:

«Если пленительная Зюльмея никогда не существовала, как то вероятно, ибо повесть не есть история, то по крайней мере я представил себя таким, каким был в молодости и не перестал, кажется, быть и в

теперешних моих летах, когда все мечты исчезают» (191).

Вспоминая накануне дня своего рождения свою первую любовь, Василий Львович пишет об искренности, нежности первого чувства, которое побуждало его писать и прозу, и стихи — неотправленные письма к возлюбленной он читал с восторгом брату, единственному поверенному своего сердца; на стене домика, давшего ему приют во время грозы, он «писал... стихи и прозу в честь Зюльмеи».

Повесть «Любовь первого возраста» сохранила для нас ценные свидетельства самого В. Л. Пушкина о его первых шагах в свете, о первых стихотворных опытах:

«...пустившись в блистательные общества, я стал не так робок и начал приобретать ту светскость, которой только научаются, можно сказать, в обращении с знатными и придворными. Всегда любил я поэзию и всегда ею занимался. Граф Стр.***, князь Бел***, графы Сег*** и Коб***, княгиня Д*** и графиня Ш*** читали стихи мои с обязательным снисхождением и позволяли мне участвовать в их забавах. Тогда в обыкновении были благородные спектакли, я играл комедию с лучшими актерами, каких могло только произвести хорошее общество. Это образовало мой вкус и научило меня с приятностью изъясняться» (188).

Кто они? Граф Строганов? Князь Белосельский-Белозерский? Графы Сегюр и Кобленц? Княгиня Дашкова или княгиня Долгорукая? Или, быть может, княгиня Дондукова? Графиня Шереметева или графиня Шувалова? Или графиня Шуазель?

В повести упомянут не только брат, но и мать, и сестры, и Дядя В. Л. Пушкина.

И еще сказано о его поездке в Петербург, о поступлении в военную службу. Но это уже другая страница его биографии.

Глава вторая СЕРЖАНТ ГВАРДИИ: «И Я, И Я ПИИТ»

1. Смерть отставного артиллерии подполковника Л. А. Пушкина

В «Списке именном лейб-гвардии Измайловского полка господам штаб и обер офицерам и капралам» 1783 года, хранящемся в Москве в Российском государственном военно-историческом архиве, названы сержанты 3-й роты Василий Пушкин и Сергей Пушкин: «за комплектом. Из дворян. Служба их: в армии — 1773 г.; в гвардии — 1775; в нонешних чинах — 24 ноября 1777 г.»^[59].

Василий и Сергей Пушкины, как некогда и их батюшка, с малолетства были записаны в военную службу. Это было в обычаях того времени, дело обыкновенное. Петруша Гринев, герой «Капитанской дочки», простодушно рассказывает о том, что хорошо знал автор повести по семейным историям военной службы отца и дяди:

«Матушка была еще мною брюхата, как уже я был записан в Семеновский полк сержантом, по милости майора гвардии князя Б., близкого нашего родственника. Если бы паче всякого чаяния матушка родила дочь, то батюшка объявил бы куда следовало о смерти неявившегося сержанта и дело тем бы и кончилось. Я считался в отпуску до окончания наук. <...>

Я жил недорослем, гоня голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками. Между тем минуло мне шестнадцать лет. Тут служба моя переменилась» (VIII, 279–280).

Как и Петруша Гринев, Василий и Сергей Пушкины — потомственные военные. И всё же, в отличие от Гринева, поступившего на службу на семнадцатом году, в отличие от И. И. Дмитриева, который был отправлен родителями в Петербург в Семеновский полк четырнадцати лет от роду, и от Н. М. Карамзина, который в 15 лет начал службу в лейб-гвардии Преображенском полку, братья Пушкины не торопились надевать военный мундир. Да и отец их, видимо, не торопил. Беспечная жизнь московских недорослей продолжалась до самой его смерти в 1790 году.

«Умре по христианской должности и покаянии Октября 24 дня Артиллерии Подполковник Лев Александрович Пушкин, коему от роду было 67 лет, и погребен 26 числа в Донском монастыре»^[60] — эту запись сделал священник Ф. А. Малиновский в метрической книге церкви Живоначальной Троицы в Троицкой слободе, той самой, в приходе которой жили Пушкины.

Известно, что при погребении Л. А. Пушкина митрополит Московский преосвященный Платон пожелал непременно отслужить обедню — факт весьма и весьма знаменательный. Митрополит Платон (в миру Петр Георгиевич Левшин) — выдающийся деятель Русской православной церкви, проповедник, которого не случайно называли вторым Златоустом, русским Массильоном (этот французский оратор прославился своим красноречием). Проповеди Платона любила слушать Екатерина II — они вызывали восторг и исторгали слезы. Быть может, когда-нибудь надгробное слово, произнесенное митрополитом Платоном при гробе Л. А. Пушкина в церкви Донского монастыря, будет обнаружено. Известно также, что церковный иерарх пожелал похоронить Льва Александровича не на кладбище, а в самой церкви. Там, в приделе

преподобного Сергия в Малом соборе Донского монастыря находилась икона Иверской Божией Матери в деревянном киоте, на которой имелась надпись: «Артиллерии подполковника Льва Александровича Пушкина». На надгробном камне было высечено: «Против сей надписи погребено тело артиллерии подполковника Льва Александровича Пушкина, который родился 1723 года февраля 17, тезоименитство его февраля 20, скончался 1790 года октября 25 дня, пополудни в 3 часу; жития его было 67 лет 8 мес. и 8 дней»^[61].

Лев Александрович был оплакан теми, кто знал и любил его, близкими и родными, детьми и верною женой. 15 ноября на помин его души в Донской монастырь был внесен вклад:

«Дано вкладу по Болярине Льве Александровиче Пушкине образ Восстания из гроба, на нем риза серебряная со облаками по местам вызолочена, на Спасителе венец серебрянной вызолочен, мерою в длину десять вершков, в ширину семи вершков, в киоте деревянном гладком вызолоченном»^[62].

И в 1791 году 19 февраля в Донской монастырь также поступил богатый вклад «по болярине Льве Александровиче Пушкине...»^[63].

От чего умер отставной артиллерии полковник? Не открылась ли застарелая его болезнь «малум хипохондрианум кум материя» со рвотой, резью в животе, болью в спине и почечуем? Или скончался он от другого недуга, несмотря на неусыпные старания домашнего лекаря? Кто знает... Осиротевшему семейству Пушкиных надо было жить дальше, братьям Пушкиным предстояло как-то определиться: не всё же ходить в недорослях. Итак, было решено: Василий и Сергей должны явиться на действительную военную службу в Петербург.

22 января 1791 года, в среду, «Московские ведомости» сообщали:

«Из Санкт-Петербурга января 14. Сего января в 1 день Ея Императорским Величеством по поднесенному Лейбгвардии от Измайловского полку докладу Всемилоостивейшее пожалованы: <...> в Прапорщики из Сержантов... Иван Мальцов... <...> Василий Пушкин, Сергей Пушкин...»^[64]

Имя Ивана Акимовича Мальцова, который был моложе Василия Львовича, названное в этом списке пожалованных в первый офицерский чин прапорщика, привлекло наше внимание не случайно — он станет не только сослуживцем московского стихотворца по Измайловскому полку, но и его приятелем, сыграет немаловажную роль в его жизни (о чем нам еще предстоит в дальнейшем рассказать).

Когда сын отправлялся в армию, а тем паче на театр военных действий, отец напутствовал его, давал ему наставления. Так было и в начале, и в конце XVIII века. Так было и в жизни, и в литературе. Известный историк Василий Никитич Татищев, участник Полтавской битвы, автор «Истории Российской», который вместе с братом Иваном в 1704 году начал службу в драгунском полку, вспоминал:

«Родитель мой, отпуская меня с братом на службу, сие нам накрепко наставлял, чтобы мы ни от какого положенного до нас дела не отрицались и ни на что сами не назывались»^[65].

Об этом наставлении было известно А. С. Пушкину. В его бумагах находился очерк о В. Н. Татищеве, где было сказано, что в сочинении, в которое это наставление вошло, «помещено много замечаний, которые суть плоды долговременной службы и опытности». Слова отца, запомнившиеся В. Н. Татищеву, отзывались в наставлении батюшки Петруше Гриневу: «Прощай,

Петр. Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду» (VIII, 282).

Лев Николаевич Энгельгардт, ровесник В. Л. Пушкина, офицер Преображенского полка (он вышел в отставку в чине генерал-майора), вспоминал:

«Когда полк получил повеление идти в поход, почтенный мой отец, благословя меня, сказал: „Уверен, что ты не обезчестишь род наш своим недостойным поступком, и лучше я хочу услышать, чтобы ты был убит, нежели бы себя осрамил, а притом приказываю тебе: ни на что не напрашиваться, а что требовать будет долг службы, исполняй ревностно, усердно, точно и храбро“. Тут мы оба прослезились; поцеловав его руку, с восхищением сел я на коня и с полком выступил, делая планы отличиться геройски, и строил воздушные замки»^[66].

Увы! Лев Александрович Пушкин не мог напутствовать своих сыновей, поскольку уже покоился в могиле.

Мы не знаем точно день, в который к крыльцу усадебного дома на Божедомке подвезена была дорожная кибитка. На нее уложили поклажу, подголовник с деньгами и документами, погребец с чайным прибором и, как и у Петруши Гринева, «узлы с булками и пирогами, последними знаками домашнего баловства». Братьев благословила в дорогу матушка, проводили сестры. Наверное, не одна слеза была тут пролита. Наконец кибитка поехала по московским улицам, мимо с детства знакомых домов и дворцов, церквей и монастырей. И вот московская застава уже позади.

О чем думал Василий, покидая родной город? Когда Петруша Гринев узнал о том, что предстоит ему отправиться на военную службу, он пришел в восхищение:

«Мысль о службе сливалась во мне с мыслями о свободе, об удовольствиях петербургской жизни. Я воображал себя офицером гвардии, что, по мнению моему, было верхом благополучия человеческого» (VIII, 281).

В автобиографической повести «Любовь первого возраста» герой Василия Львовича предается таким мечтам:

«Едва миновал заставу и думал уже о моем возвращении, о прекрасном офицерском мундире, о крестике св. Георгия, который надеялся получить, и о том впечатлении, которое все это будет иметь на сердце Зюльмеи» (186).

Впрочем, о чем бы ни думал Василий Пушкин, вряд ли он не сознавал, что на двадцать пятом году жизни поздно помышлять о военной карьере: его ровесники в 20 лет становились полковниками, а потом и генералами. Несомненно, он думал о возвращении домой, где оставил матушку и нежно любимых сестер, о любимой Москве, где протекли златые дни его весны, годы детства, отрочества и юности. И еще — о том, что ожидало его впереди, там, в Петербурге.

2. Служба в Измайловском полку

Санкт-Петербург, город, созданный Петром Великим на непроходимых болотах, вызывал изумление и восхищение и Русских, и иностранцев. Молодую столицу России, Северную Пальмиру изображали художники, прославляли ораторы, воспевали поэты. Василий Львович еще в Москве мог видеть офорты по рисункам

М. Махаева, запечатлевшего проспекты Петербурга, его дворцы и набережные, парусные корабли; гравюры Г. Скородумова, который сумел передать будничную жизнь невских берегов. Конечно же московский стихотворец читал стихи М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского, А. П. Сумарокова, В. П. Петрова, И. Ф. Богдановича, других авторов, посвященные царственному граду.

Увидя Невские прекрасные струи,
Которые гласят всегда труды Петровы,
Я чувства собирал и силы все мои,
Чтоб имени его сплести венцы лавровы ^[67] —

писал М. М. Херасков (его «Станс, сочиненный в Санкт-Петербурге в 1761 году» был напечатан в «Полезном увеселении» в том же году). Но одно дело — читать, другое — самому увидеть всё то, что потом, уже после смерти В. Л. Пушкина, поэтически и в то же время точно опишет его племянник в поэме «Медный всадник», — державное течение Невы, одетой в гранитные берега, богатые пристани с толпой кораблей, темно-зеленые сады, чугунный узор оград, громады дворцов и башен, монумент основателю города. И еще — дым и гром военной столицы, петербургские парады и балы.

«Две столицы наши столько же непохожи между собою, как Лондон с Парижем: все в них, даже природа, различно. В Москве древние храмы, терема царские, прелестные окрестности, родовая оседлость наша. Здесь все с иголочки, с чужеземного образца, вокруг мхи, болота. Там простота, радушие, здесь утонченность, чиновность. Там более гостиных, здесь более прихожих.

Петербург изумлял меня на каждом шагу. Вот чертоги северной богини, при виде их рождается благоговение. Вот основатель чудесного города, небывалый в мире гений, скачет на гордом коне. Далее величественная Нева катит серебристые струи, из мачт представляется густой лес, еще далее несколько речек, островов, взморье. Когда ни приедешь, на утренней ли заре, при закате ли солнца, находишь серенады на шлюпках, и музыка духовая, роговая, рожки, бубны, хоры песен не умолкают. Казалось, утехы порхали по воздуху»^[68], — вспоминал о своих первых впечатлениях в Петербурге Павел Иванович Сумароков. Он был шестью годами старше В. Л. Пушкина. Когда ему исполнилось 18 лет, П. И. Сумароков явился на службу в Преображенский полк «с дядькою, поваром и тремястами рублей на годовое содержание».

Измайловский полк квартировал на левом берегу Фонтанки, в Измайловской слободе. Впрочем, господа офицеры могли жить не в казармах, а на съемных квартирах. В любом случае, проснувшись утром на следующий день после приезда в Петербург, братья Пушкины слышали не привычный московский звон колоколов, а пушечный выстрел Петропавловской крепости, барабанную дробь утренней побудки. Надобно было надевать зеленый мундир без лацканов с зеленым воротником, украшенном красной выпушкой по краю, и белый парик. Надобно было служить...

Но прежде чем говорить о службе и конечно же об истории Измайловского полка, в котором предстояло служить Василию Пушкину, несколько слов о сугубо практической стороне жизни в Петербурге. Ведь рассчитывать только на жалованье гвардейскому офицеру не приходилось — оно не покрывало необходимых расходов. П. И. Сумароков в своих

мемуарах представил «некоторые цены из верных источников»:

«Первый в столице дом графа Шереметева на Фонтанке княгиня Наталья Петровна Голицына нанимала за 4 тысячи рублей в год, и все находили плату чрезмерно дорогою.

Хорошая квартира на 7, 8 комнат на больших улицах строила 30 или 25 рублей в месяц.

Купить такой дом можно было за 9, 8 тысяч рублей.

Куль ржаной муки.....2 р.

Фунт говядины.....2 и 1 ½ к.

Полтеленка.....1 р.

Индейка живая.....33 к.

Гусь живой.....25 к.

Курица.....6 и 5 к.

Десяток яиц.....2 к.

Коровьего масла пуд.....2 р.

Восковых свеч пуд.....7 и 6 р.

Сальных.....2 р. 50 к.

Овса четверть.....80 к.

Сена пуд.....4 и 3 к.

Березовых дров сажень.....90 и 70

к.

Сахару пуд.....8 р.

Кофею пуд.....8 р.

Фунт чаю лучшего.....2 р. 50

к.

Маюкона.....1 р. 20 к.

Хлеб белый, не менее полфунта весом.....2 к.

Бутылка шампанского.....1 р. 50

к.

Рейнвейна хорошего.....60 к.

Столового.....25 к.

Английского портера.....25 к.

Московского пива.....2 к.

Рому хорошего.....50 к.

Штоф сладкой водки.....50 и
45 к.
Десяток тонкокожих апельсинов.....25
к.
Лимонов десяток.....3 к.
Готовый гвардии офицерский мундир с галуном....
60 и 80 р.
Готовый фрак.....25 р.
Лучшего английского сукна аршин.....4
р.
Чулки шелковые.....2 р.
50 к.
Сапоги.....2 р.
Башмаки.....1 р.
Карета из Англии..... 350
р.
Наемная карета с четверкою лошадей в месяц.....
60 р.
Наемному слуге в месяц.....3 р.
На харч своему слуге в месяц.....1 р.
20 к.
Одежда слуги.....20 р.
Обед в первом трактире с десертом.....1
р.
Вход в театр.....1 р.

Гвардии офицер с доходом 2000 рублей ездил в карете, имел у себя порядочный стол, а с 4 тысячами рублей мог жить очень хорошо»^[69].

Пехотный Измайловский полк был моложе своих гвардейских и тоже пехотных собратьев — Семеновского и Преображенского полков Петра I. Он был создан в 1730 году в Москве по повелению племянницы Петра I императрицы Анны Иоанновны. Семья ее проживала в то время в подмосковном селе

Измайлове, потому и полк называли Измайловским. С 1731 года местом его постоянной дислокации стал Петербург.

Измайловский полк, как и другие гвардейские полки, был полком привилегированным. Измайловцы, как и другие гвардейцы, охраняли государей и государынь, участвовали в дворцовых церемониалах, присутствовали на коронационных торжествах. В гвардии, как правило, служили знатные и богатые дворяне. Шефами Измайловского полка были царственные особы: императрица Анна Иоанновна, император Иоанн Антонович, императрица Елизавета Петровна, император Петр III. Когда в Измайловский полк явились на службу братья Пушкины, шефом полка была Екатерина II.

Цари и царицы были многим обязаны гвардии. Гвардейские штыки не только защищали трон, но и прокладывали дорогу к нему. Если бы не гвардейские полки, то не бывать императрицей ни Анне Иоанновне, ни Елизавете Петровне, ни Екатерине Великой. 28 июня 1762 года Екатерина II явилась в казармы Измайловского полка, командир которого, граф Кирилл Григорьевич Разумовский, состоял в заговоре против Петра III. Измайловцы первыми присягнули новой императрице. Всех, кто содействовал ее восшествию на престол, она потом по-царски щедро оделила и повышением в чинах, и пожалованием деревень с крепостными душами, и крупными денежными награждениями. Гвардия признавала свою силу. «В полночь на другой день с пьянства, — вспоминал служивший тогда в Преображенском полку Г. Р. Державин, — Измайловский полк, обуяв от гордости и мечтательного своего превозношения, что Императрица в него приехала и прежде других им препровождаема была в Зимний дворец, собравшись без сведения командующих, приступил к Летнему

дворцу, требовал, чтоб Императрица к нему вышла и уверила его персонально, что она здорова...<...> Государыня принуждена встать, одеться в гвардейский мундир и проводить их до их полка»^[70].

Измайловский полк участвовал и в боевых действиях. В 1736 году в Русско-турецкой войне состоялось его боевое крещение. Фельдмаршал Миних под знаменем Измайловского полка повел гвардейцев на штурм Очакова, неприятель был устрaшен, турецкая крепость пала. Боевой путь Измайловского полка — это поход в Швецию в 1742 году, участие в русско-турецких войнах 1774 и 1787-1791 годов, в войне со Швецией 1788-1790 годов (а еще было усмирение московской черни во время чумного мятежа 1771 года, подавление Пугачевского бунта в 1774 году)^[71]. В уже не раз упомянутой повести В. Л. Пушкина «Любовь первого возраста» сказано о заключении мира со Швецией: именно тогда, как сообщает ее автор, «я получил чин гвардейского офицера» (187). Это правда. Но случилось это сразу же после окончания войны со Швецией — в январе 1791 года, как мы помним, Василий и Сергей Пушкины стали прапорщиками. Так что ни Василий, ни его брат в сражениях со шведами участия не принимали. Да и позже Бог миловал, в боевых действиях не участвовали. Впрочем, и независимо от воинских подвигов перед гвардейским офицером Измайловского полка открывались блестящие возможности. Как любой офицер гвардии, он — фигура весьма и весьма заметная в обществе.

«Наконец, произвели меня в прапорщики. Не могу выразить тогдашнее мое восхищение, — вспоминал П. И. Сумароков. — Офицер гвардии, чин лестный, лицо, заметное в столице. Я имел свободный вход во дворец, к вельможам, послам, и стали приглашать меня на балы, вечеринки. В первый раз, как я надел новый

мундир, почти не отходил от зеркала, и дядька любовался мною. О! Гвардии офицер! повторю, был по мнению моему, уже барин»^[72].

Евграф Федорович Комаровский писал:

«...подошел ко мне гофмаршал князь Ф. С. Барятинский и сказал мне:

— Вы можете остаться обедать за столом императрицы.

Сие мне было очень приятно. Какой шаг давал в царствование императрицы чин гвардии офицера! Я был тогда наравне со всеми, и мой полковой командир И. И. Арбенин, который в сержантском моем чине не хотел и знать меня, теперь обедает за одним со мной столом, и у кого же — у российской императрицы. После обеда он первый подошел ко мне и просил меня ездить к нему запросто на обед или на вечер, как я хочу»^[73].

Граф Е. Ф. Комаровский был тремя годами младше В. Л. Пушкина. Как и Василий Львович, он служил в Измайловском полку под командованием Иосафа Иевлевича Арбенева. Для офицеров полка обед у полкового командира — дело обыкновенное. Вероятно, и Василий Пушкин был среди тех, кто обедал у И. И. Арбенева. Об атмосфере, которая царила в его петербургском доме на Малой Морской, несколько позднее, после того как он ушел в отставку в генеральском чине, писал в своих мемуарах Ф. Ф. Вигель:

«...знатные люди говорили, что ездят в дом Арбенева посмеяться, а если бы сказать правду, то для того, чтобы повеселиться. Радушие в этом доме было старинное, всякий вечер наедет молодежь, дом набьется битком, всё засмеется, всё запляшет; правда, зажгутся сальные свечи, для прохлады разнесется квас; уже ничего прихотливого не спрашивай в угощении, но зато веселье, самое живое веселье, которое, право,

лучше одной роскоши, заменившей его в настоящее время»^[74].

Но вернемся к радужным перспективам гвардейского офицера. Наряду с военным, он мог получить придворный чин, сделать блестящую военную или же дипломатическую карьеру, занять важные государственные посты. Е. Ф. Комаровский станет генерал-адъютантом, генералом от инфантерии. Однополчанами Е. Ф. Комаровского и В. Л. Пушкина были Алексей Николаевич Бахметев, впоследствии генерал от инфантерии, герой Отечественной войны 1812 года, в 1812 году начальник приятеля Василия Львовича — поэта Константина Николаевича Батюшкова; Александр Николаевич Бибиков, в дальнейшем также герой войны с Наполеоном, генерал-лейтенант, в 1812–1813 годах начальник Санкт-Петербургского и Новгородского ополчения, тайный советник, сенатор; граф Михаил Андреевич Милорадович, герой войны 1812 года, генерал от инфантерии, в 1818–1825 годах петербургский генерал-губернатор. В Измайловском полку служили Александр Дмитриевич Балашев, в будущем генерал от инфантерии, министр полиции; Василий Васильевич Ханыков, ставший действительным тайным советником, дипломатом.

Василию Львовичу не удалось сделать столь замечательную карьеру. Да он к ней и не стремился. В 1794 году он получит патент на чин гвардии подпоручика, подписанный «собственно Ея Императорского Величества рукою», и уйдет в отставку 28 ноября 1796 года в чине гвардии поручика.

О военной службе Василия Пушкина известно очень мало, точнее — почти ничего. В Российском государственном военно-историческом архиве хранятся «Приказы цесаревича великого князя и полковника л. —

гв. Измайловского полка Константина Павловича, отданные при пароле по л. — гв. Измайловскому полку, 7-30 ноября 1796»^[75]. После кончины Екатерины II император Павел I 7 ноября указом назначил великого князя Константина Павловича шефом и полковником Измайловского полка. В отданных великим князем приказах упомянуты Пушкин 1-й и Пушкин 2-й. Это «Ротное расписание господ штаб- и обер-офицеров сего полка», приказ об отставке поручика Пушкина. И еще один документ, который при кажущейся незначительности все же заслуживает внимания, — наряд от 9 ноября: «...завтре по полку дежурным господину поручику Пушкину»^[76]. Казалось бы, ну и что: Василий Пушкин назначен дежурным по полку на 10 ноября. Это значит, что 10 ноября он должен был находиться в расположении полка и отвечать в течение дня за порядок, принимать решения по разным вопросам, а в конце дежурства написать рапорт. Действительно, вроде бы ничего особенного. Но в какой день, в какое тревожное время Василий Львович должен был дежурить! Четыре дня назад, 6 ноября, скончалась Екатерина II. Ее сын, новый император Павел I, 9 ноября издал указ о перенесении гроба его отца Петра III из могилы в Александро-Невском монастыре во дворец, с тем чтобы потом перенести гробы венценосных супругов в Петропавловский собор и похоронить их вместе. Павел I наденет на себя корону, а потом возложит ее на гроб Петра III, дав понять тем самым, что наследует трон у законного государя, а не у незаконной государыни. 8 ноября в девять часов утра петербургская полиция объявила о новых правилах, касающихся формы одежды и езды в экипажах. Предписывалось непременно носить пудренные парики с косичками, запрещались к ношению круглые шляпы, высокие сапоги и — упаси боже — завязки на башмаках.

Волосы надобно было зачесывать непременно назад и ни в коем случае на лоб. Пешеходы при встрече с императорской фамилией обязаны были остановиться, с тем чтобы, как подобает, императорскую фамилию приветствовать. Уже в этих распоряжениях чувствовалась железная рука нового царя. Все понимали — грядут перемены. Это было тревожное время безумных страхов и радужных надежд. Федор Васильевич Ростопчин оставил нам сочинение «Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I». Оно было создано 15 ноября 1796 года. Ф. В. Ростопчин рассказал о том, чему сам был свидетелем. Дворцовые покои «наполнены были людьми знатными и чиновными, которые во всех происшествиях и счастливых и несчастных заняты единственно сами собой, а сия минута для них всех была тем что страшный суд для грешных»^[77]. Сильнейшее впечатление произвели на Ф. В. Ростопчина рыдающий фаворит Екатерины II Платон Зубов и отношение к нему придворных:

«...войдя в комнату, называемую дежурной, я нашел князя Зубова, сидящего в углу; толпа придворных удалялась от него, как от зараженного, и он, терзаемый жаждою и жаром, не мог выпросить себе стакана воды. Я послал лакея и подал сам питье, в коем отказывали ему те самые, кои сутки тому назад на одной улыбке его основывали здание своего счастья; и та комната, в коей давили друг друга, чтобы стать к нему ближе, обратилась для него в необитаемую степь»^[78].

Вывод, к которому пришел Ф. В. Ростопчин, неутешителен:

«Все люди, любя перемену, думали найти в ней выгоды, и всякий, закрыв глаза и зажав уши, пускался без души разыгрывать снова безумную лотерею слепого счастья»^[79].

Не только придворная знать ловила момент. Военные и чиновники спешили разведать пути, открывающиеся к возможным выгодам. И уж если становиться на эти пути, то надо было бы 10 ноября не дежурить по полку, а выяснять, как оно всё может сложиться, нащупывать полезные связи, напоминать о себе нужным людям, возможным благодетелям. Василий Пушкин был чужд каких-либо искательств. И коль скоро приказом по полку он был назначен на 10 ноября дежурным, то он этот приказ и выполнил. То есть от службы не отказывался, на службу не напрашивался.

Из чего еще состояла служба В. Л. Пушкина? Наверное, это учения и смотры, парады, несение караула. Как он к этому относился? На этот вопрос нам поможет ответить стихотворение его племянника.

Когда стало близиться время к окончанию Лицея, А. С. Пушкину вдруг пришла фантазия пойти в гусары, и конечно же — в гвардейский полк. Если отец и дядя служили в гвардии, то и он, Александр Пушкин, должен пойти по их стопам. Это было в 1817 году. По свидетельству первого биографа А. С. Пушкина В. П. Анненкова, «добивался он у отца позволения вступить в военную службу, в Гусарский полк, где уже было у него много друзей и почитателей. Начать службу кавалерийским офицером была его ученическая мечта, сохранившаяся в некоторых его посланиях из лицея. Сергей Львович отговаривался недостатком состояния и соглашался только на поступление сына в один из пехотных гвардейских полков»^[80]. Тогда лицеист обратился за советом к дяде Василию, своему «Парнасскому отцу»:

Скажи, Парнасский мой отец,
Неужто верных муз любовник

Не может нежный быть певец
И вместе гвардии полковник?
Ужели тот, кто иногда
Жжет ладан Аполлону даром,
За честь не смеет без стыда
Жечь порох на войне с гусаром
И, если можно, города? (I, 250).

Юный поэт полагал, что «дней наших всякий певец» поклоняется Беллоне, Музе и Венере, то есть богиням войны, поэзии и любви: это его святая троица, его «святая вера». А. С. Пушкин ссылается на «Русского Буфлера» — поэта и офицера, участника войны 1812 года К. Н. Батюшкова, который был приятелем В. Л. Пушкина (французский поэт маркиз Станислав Буфлер, с которым сравнивается К. Н. Батюшков, был гусарским полковником, участвовал в военных кампаниях), и на «Дениса храбреца», то есть на поэта и гусара Д. В. Давыдова (и его хорошо знал Василий Львович). Ответ дяди-поэта, который тоже отдал дань военной службе, интересен для нас во многих отношениях:

Ты скажешь: «Перестань, болтун!
Будь человек, а не драгун;
Парады, караул, ученья —
Все это оды не внушит,
А только душу иссушит,
И к Марину для награжденья,
Быть может, прямо на Коцит
Пошлют читать его творенья.
Послушай дяди, милый мой:
Ступай себе к слепой Фемиде
Иль к дипломатике косой!
Кропай, мой друг, посланья к Лиде,

Оставь военные грехи
И пятистопные стихи» (I, 250–251).

Дядя ставил племяннику в пример И. И. Дмитриева, автора стихотворения 1794 года «Ермак», творца стихотворной сказки 1791 года «Модная жена», поэта,

Который, милостию Бога,
Министр и сладостный певец,
Был строгой чести образец,
Как образец он будет слога (1,251).

С И. И. Дмитриевым В. Л. Пушкин познакомился в Петербурге во время своей службы в Измайловском полку. И. И. Дмитриев служил тогда в Семеновском полку. Он давно тяготился военной службой, желая жить жизнью частного человека, посвятить себя поэзии, но только в 1796 году смог уйти в долгожданную отставку. Правда, ему пришлось военную службу поменять на статскую. В 1810 году И. И. Дмитриев был назначен членом Государственного совета и министром юстиции; он ревностно исполнял свои обязанности, оставаясь притом стихотворцем, стихи которого Василий Львович, как и многие его современники, признавал образцовыми.

Министр, поэт и друг: я все тремя словами
Об нем для похвалы и зависти сказал.
Прибавлю, что чинов и рифм он не искал,
Но рифмы и чины к нему летели сами ^[81].

Под этими стихами к портрету И. И. Дмитриева, сочиненными в 1810 году его ближайшим другом

Н. М. Карамзиным, мог бы подписаться и Василий Львович.

Итак, стихотворное послание к дяде племянника-лицеиста, в котором сказались семейственные отношения, житейская ситуация выбора жизненного пути, литературные пристрастия двух поэтов, — это еще и маленькая энциклопедия, перечень тех авторов, кто

...бранную повесил лиру
Меж верной сабли и седла (I, 252).

И — что для нас в данном случае особенно интересно — свидетельство, пусть поэтическое, но в то же время, как нам представляется, весьма достоверное, об отношении Василия Пушкина к военной службе:

Парады, караул, ученья —
Все это оды не внушит,
А только душу иссушит.

О парадах, караулах, учениях дядя знал не понаслышке, мог рассказывать племяннику на основании собственного опыта. Однако было бы неверным полагать, что во время действительной службы в Измайловском полку Василия Пушкина занимало только это. В Петербурге были у него и радости, и развлечения.

3. Петербургские развлечения

В те дни, как все везде в разгулье:
Политика и правосудье.
Ум, совесть и закон святой

И логика пиры пируют,
На карты ставят век златой,
Судьбами смертных пунтируют,
Вселенну в трантелево гнут;
Как полюсы, меридианы,
Науки, музы, боги — пьяны,
Все скачут, пляшут и поют^[82].

Разгулье гвардейцев не имело границ: пьянствовали по кабакам, дебоширили в борделях, рубились на саблях, самозабвенно предавались картежной игре, пугали мирных обывателей (разбитые окна — чуть ли не самые невинные их шалости).

О дисциплине не было и речи.

«...в 1793 году приехал в Петербург князь Н. В. Репнин; он вступил в командование Измайловского полка и сделал смотр оному. Князь нашел полк так запущенным, что приказал составить образцовую команду, в которую назначил и меня»^[83], — писал Е. Ф. Комаровский. И хотя сия команда была создана и ею князь Н. В. Репнин остался доволен, существа дела она не изменила.

Заметим, что недисциплинированность гвардейцев стала своего рода традицией. 30 ноября 1833 года, то есть в царствование Николая I, А. С. Пушкин записал в дневнике:

«Несколько офицеров под судом за неисправность в дежурстве. Великий князь их застал за ужином, кого в шлафроке, кого без шарфа... Он поражен мыслию об упадке гвардии. — Но какими средствами он думает возвысить ее дух? При Екатерине караульный офицер ехал за своим взводом в возке и в лисьей шубе. В начале царствования Александра офицеры были

своевольны, заносчивы, неисправимы — а гвардия была в своем цветущем состоянии» (XII, 315).

Показательно, что А. С. Пушкин ничего не пишет о царствовании Павла I. Именно тогда жесточайшей муштрой удалось на время подтянуть гвардейцев.

Великий князь Павел Петрович еще до вступления на престол не жаловал Екатерининскую гвардию. Он даже представил императрице записку с предложениями о ее реорганизации, но записка его осталась без внимания. Екатерина II смотрела сквозь пальцы на разгул гвардейцев.

Гвардеец Василий Пушкин по мягкости характера вряд ли принимал участие в буйных забавах. Скорее всего его привлекали другие развлечения, которых в Северной столице было предостаточно.

Напомним, что в повести «Любовь первого возраста» Василий Львович рассказал о том, как он приехал в Петербург после окончания Русско-шведской войны:

«Осенью заключен был мир со Швециею. <...> Великая Екатерина, которой все царствование было непрерывным торжеством, любила торжества и праздники, и столица праздновала мир со всевозможными увеселениями. Только и говорили о парадах, иллюминациях, балах и фейерверках» (187).

Торжества и праздники отличались необыкновенной пышностью. Роскошь двора была невероятной. Князя А. Б. Куракина не случайно прозвали бриллиантовым князем. Шляпа князя Г. А. Потемкина была отягощена бриллиантами настолько, что голова Светлейшего не выдерживала ее и шляпу почтительно носил за ним адъютант. Любимец императрицы князь П. А. Зубов щеголял в залитом бриллиантами мундире. Он имел обыкновение носить в кармане камзола алмазы; пересыпая их на руке, любовался их ослепительным блеском. Государыня жаловала своих подданных и бриллиантовыми перстнями, и драгоценными

табакерками, осыпанными бриллиантами. Такой табакеркой наградила она Г. Р. Державина за оду на взятие Измаила. Василий Пушкин о подобных наградах не помышлял. Но и у него был бриллиантовый перстень. В 1808 году он подал в ссудную казну Императорского Московского воспитательного дома «Объявление»:

«Сего 1808 года Сентября 4 дня заложен мною в оной казне Перстень с бриллиантами за 300 руб[лей] на 3 м[есяца], на что и дан билет под № 3812, которому срок минет Декабря 4 дня, ныне оной билет нечаенным случаем мною потерян; почему и прошу всепокорнейше Ссудную Казну, есть ли кто оной билет найдет, принесет и будет требовать выкупа или отсрочки, оного Ему не производить, и в предосторожность же мою и в Московских ведомостях троекратно публиковать не премину. К сему объявлению Коллежский Ассессор Василий Львов сын Пушкин руку приложил.

Ноября дня 1808 года»^[84].

Нашелся ли потерянный закладной билет, смог ли выкупить В. Л. Пушкин свой бриллиантовый перстень — мы не знаем. Но, может быть, он сверкал на его пальце уже тогда, в бытность его гвардейским офицером в Петербурге.

Гвардейцы танцевали на придворных балах. Их принимали знатные вельможи в петербургских домах и загородных имениях, где гремела музыка, сияли огни, столы манили изысканными яствами и тонкими винами, дамы блистали красотой и драгоценными уборами, мужчины отличались остроумием и галантностью, «... при императрице мы помышляли только, чтобы ездить в общество, театры, ходить во фраках»^[85], — вспоминал измайловец граф Е. Ф. Комаровский. Говорили, что прапорщик Измайловского полка М. А. Милорадович нанял балетмейстера, сказался больным и не выходил из своих покоев, пока не превзошел своего товарища,

считавшегося первым танцором. Еще говорили, будто он заказал себе триста шестьдесят пять фраков к зависти тогдашних щеголей. Вряд ли Василий Пушкин, который любил «по моде одеваться /И в обществах приятных быть», мог соревноваться с однополчанином М. А. Милорадовичем по части столь грандиозного гардероба, да и первенствовать в танцах он не стремился. Его вполне оценили за любезность, веселость, искусство декламации, стихи.

Мемуары гвардейцев об их времяпрепровождении в Петербурге в 1790-е годы пестрят множеством имен. Это и немудрено. Ведь многие из гвардейских офицеров, как и Василий Пушкин, «пустились в блистательные общества». Среди названных вельмож, знатных дам, светских людей, петербургских красавиц — и те, с кем Василий Львович будет встречаться позднее, а может быть, встречался и тогда, в 1790-е. Так, он рассказывал П. А. Вяземскому, как князь Александр Михайлович Белосельский-Белозерский однажды читал ему свои стихи на смерть камердинера Василия, с умилением комментируя стих «И что есть человек? — Горсть пыли и водица» (князь полагал, что, «читая этот стих, так и видишь, как протекают наши дни»). С княгиней Екатериной Федоровной Долгорукой, урожденной княжной Барятинской, которая первенствовала между молодыми дамами и красотой, и приятным обращением, В. Л. Пушкин будет общаться в Париже в 1803 году и в Петербурге в 1810-м, посылать ей свои остроумные французские стихи, в 1811 году играть у нее в доме в домашних спектаклях, сочинять французские экспромты и буриме. Княгиня Наталья Петровна Голицына, вернувшись из чужих краев, зажила в Петербурге открытым домом, давала балы по средам. Бывал ли на них Василий Львович? Пройдет время, и в 1819 году он сочинит стихи, которые будут

пропеты в честь ее сиятельства в день именин 26 августа 1819 года в подмосковном имении Голицыных:

Повелевай ты нашими судьбами!
Мы все твои; тобою мы живем,
И нежну мать, любимую сердцами,
В день радостный с восторгом мы поем... (169).

Одним словом, круг общения гвардейца Василия Пушкина, по-видимому, был очень широк и светская жизнь, в которой он принимал деятельное участие, этот круг постоянно расширяла.

Гвардейцы, вспоминая свою молодость, пишут о театре — и придворном, который могли посещать дворяне, и публичном, о спектаклях домашних театров, о маскарадах:

«Давали трагедии: русские — Сумарокова, французские — Корнеля, Расина, Вольтера; комедии оригинальные и переводные — Мольера, Детуша, Реньяра, оперы Моцарта и прочих первостатейных авторов. <...> Содержания балетов были исторические, или баснословные, известные зрителям»^[86].

«Тогда в большом обыкновении были спектакли, из лиц общества составленные. Посол римского императора, граф Кобенцель, известный своею любезностью, был из числа обожателей княгини Долгорукой; он имел большой талант для театра, и часто они представляли итальянскую оперу „Служанка — госпожа“ превосходно. <...> Тогда говорили, что посол, после одной роли, очень уставши, поехал домой и лег в постель; едва он заснул, как камердинер его будит и вводит к нему курьера, приехавшего от императора с нужными депешами. Граф Кобенцель вскочил с постели, курьер, увидя его с насурмленными

бровями, накумяненным, сделав несколько шагов назад, сказал: „Это не посол, а какой-то шут“»^[87].

«В Новый год и еще до Великого поста бывало несколько придворных маскарадов. Всякий имел право получить билет в придворной конторе. Купечество имело свою залу, но обе залы имели между собою сообщение, и не запрещалось переходить из одной в другую. По желанию могли быть в масках, но все должны быть в маскарадных платьях: доминах, венецианках, капюцинах и проч. Императрица сама выходила маскированная, одна, без свиты. В буфетах было всякого рода прохладительное питье и чай; ужин был только по приглашению обер-гофмаршала, человек на сорок в кавалерской зале. Гвардии офицер наряжался для принятия билетов; ежели кто приезжал в маске, должен был перед офицером маску снимать. Кто первый приезжал и кто последний уезжал, подавали государыне записку: она была любопытна знать весельчаков. Как балы, так и маскарады начинались в шесть часов, а маскарад оканчивался в полночь»^[88].

В Петербурге можно было попасть и на маскарады Большого (Каменного) театра, на маскарады итальянца Локателли (вход на них стоил три рубля), французского эмигранта Лиона — он давал их в доме князя А. М. Голицына на Невском проспекте, брал за входной билет один рубль. Как писал П. И. Сумароков, «маскарады у Лиона очень нравились, собирали до 2000 человек»^[89]. Нравились маскарады у Лиона и Василию Пушкину.

В бумагах друга В. Л. Пушкина князя Петра Андреевича Вяземского сохранился первый куплет песни, пропетый Василием Львовичем в Петербурге в последний день Масленицы:

Плыви, Галера! веселися,
К Лиону в Маскарад пустися,
Один остался вечер нам!
Там ждут нас фрау-баронесса
И сумасшедшая повеса,
И Лиза Карловна уж там ^[90].

О дамах полусвета, названных в этих стихах, мы ничего не знаем, а вот о какой Галере здесь идет речь, нам известно благодаря П. А. Вяземскому.

«В конце минувшего столетия, — писал он, — было в Петербурге вовсе не тайное, а дружеское и несколько разгульное общество, под именем „Галера“. Между прочими были в нем два Пушкиных: Алексей Михайлович и Василий Львович...» ^[91]

Названный П. А. Вяземским А. М. Пушкин — четвероюродный брат В. Л. Пушкина, которого, впрочем, последний называет в своих стихах однофамильцем, — личность во многих отношениях интересная. Как и Василий Пушкин, он родился в Москве, правда, пятью годами позже. Так случилось, что на следующий год после его рождения его отец и дядя (он получил известность тем, что во время дворцового переворота 1762 года одолжил свой гвардейский мундир княгине Екатерине Романовне Дашковой) были лишены дворянских прав и сосланы по повелению Екатерины II в Сибирь за открывшееся их намерение изготовить фальшивые ассигнации. Мать Алексея Пушкина последовала за мужем в ссылку. Младенец остался в Москве на попечении куратора университета И. И. Мелиссино и его жены. Как и Василий Пушкин, Алексей Пушкин получил домашнее образование, знал в совершенстве французский и другие европейские языки. Он также с детских лет был записан в лейб-

гвардии Преображенский полк, но, в отличие от Василия, участвовал в сражениях Русско-турецкой войны 1787-1791 годов, был награжден многими орденами, дослужился до чина генерал-майора. В 1802 году А. М. Пушкин выйдет в отставку, поселится в Москве, где будет выступать на сценах домашних театров, переводить Мольера и Расина, войдет в круг В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, И. И. Дмитриева, П. А. Вяземского, Н. М. Карамзина и В. Л. Пушкина, станет его антогонистом. «Пушкин, балагур, стихов моих хулителъ» — так скажет о нем Василий Львович.

П. А. Вяземский назвал еще одного товарища В. Л. Пушкина по обществу «Галера». Это Николай Федорович Хитрово (Хитров), ровесник А. М. Пушкина, офицер Преображенского полка, который также дослужился до чина генерал-майора. Он, как писал П. А. Вяземский, был в свое время ловкий и счастливый волокита, «что-то в роде Дон-Джовани»:

«Любовные похождения были в то время в чести и придавали человеку некоторый блеск. <...> Рассказывали про Хитрова, что он на разные проделки в этом роде был не очень совестлив. Не удастся ему, например, достигнуть где-нибудь цели в своих любовных поисках, он вымещал неудачу, высылая карету свою, которая часть ночи стоит неподалеку от жительства непокорившейся красавицы. Иные подмечали это, выводили из того заключения свои; а с него было довольно. Впрочем, он был умен, блистателен и любезен; товарищи и молодежь очень любили его»^[92].

И еще одну забавную и вместе с тем характеристическую подробность, связанную с Н. Ф. Хитрово и его временем (а следовательно — и со временем Василия Пушкина), со слов А. М. Пушкина сообщает П. А. Вяземский:

«Он был образован и в своем роде литературен. Алексей Пушкин рассказывает, что однажды, на военной сходке, заметил он книжку в гусарской сумке его: это были элегии Парни, только что изданные в Париже. Хитров бросился к Пушкину и говорит ему: „Ради Бога, молчи и не губи меня! Товарищи в полку любят меня потому, что считают меня служакой и гулякой и чуть ли не безграмотным. Как скоро поведают они, что занимаюсь чтением французских книг, я человек пропадающий и мне в полку житья не будет“. Хитров был очень любим великим князем Константином Павловичем, который умел ценить ум и светскую любезность. Пользовался он и благоволением императора Александра»^[93].

П. А. Вяземский не преминул заметить, что Н. Ф. Хитров умер во Флоренции посланником при Тосканском дворе (это было в 1819 году), был женат на дочери князя М. И. Кутузова-Смоленского Елизавете Михайловне, «незабвенной в петербургских преданиях». Елизавете Михайловне, добавили бы мы, которая была верным и преданным другом племянника В. Л. Пушкина — А. С. Пушкина.

Конечно, по-разному складывались судьбы участников общества «Галера», но их успехи и неудачи, радости и огорчения — впереди. А пока они, гвардейские офицеры — и Василий Пушкин, и Алексей Пушкин, и Николай Хитрово — от души веселятся на Масленице в Петербурге, отправляются на Невский проспект в маскарад к Лиону, где их ждут веселые дамы.

Маскарады Лиона, по-видимому, жаловал и семеновец И. И. Дмитриев. В сатире «Чужой толк» 1795 года, описывая день петербургского литератора (своего рода день Онегина XVIII века), он упомянул и

петербургского портного Кроля, и петербургского
содержателя вольных маскарадов Лиона:

Лишь только мысль к нему счастливая придет,
Вдруг било шесть часов! уже карета ждет;
Пора в театр, а там на бал, а там к Лиону,
А тут и ночь... Когда ж заехать к Аполлону?
Назавтра, лишь глаза откроет — уж билет:
На пробу в пять часов... Куда же? В модный
свет.
Где лирик наш и сам взял Арлекина ролю.
До оды ль тут? Тверди, скачи два раза к Кролю;
Потом опять домой: здесь холься да рядись;
А там в спектакль, и так со днем опять
протись!^[94]

Досуг гвардейцев — это еще и полковые праздники,
дружеские пирушки. Что до праздников — гвардейцы
устраивали их с размахом.

«В августе месяце 1796 года, — вспоминал
Е. И. Комаровский, — вздумалось офицерам нашего
полка дать праздник своим знакомым, и для того
наняли дачу по Петергофской дороге, принадлежавшую
тогда князю С. Ф. Голицыну на 6-й версте. Она просто
была по образцу залы Таврического дворца. Барону
Г. А. Строганову поручено было украшение залы и ужин.

На меня возложили полицейскую часть на счет
приезда и разъезда экипажей. Несколько офицеров
назначены были для приема гостей, коих было до 150
особ; вся дача была иллюминирована, и в заключении
праздника сожжен был огромный фейерверк, и когда в
щите загорелся вензель императрицы, со всего полка
собранные барабанщики били поход и полковая музыка

играла. Праздник вообще был прекрасный, и долго о нем говорили»^[95].

Но, конечно, офицеры собирались и более узким кругом за пуншем, за картами и за разговорами. Василий Пушкин пуншу предпочитал шампанское, в карты играть не любил, а вот в разговорах с удовольствием участвовал. В записках Л. Н. Павлицева (он был сыном племянницы Василия Львовича — Ольги Сергеевны Пушкиной, в замужестве Павлицевой) сохранилось семейное предание, относящееся ко времени детства братьев Пушкиных и их петербургской военной службы:

«Оба они, будучи детьми, увидали вечером в одной и той же комнате и в один и тот же час бабушку их Чичерину на девятый день по ее кончине. Она взошла к ним в детскую, благословила их и исчезла. Оба мальчика не сказали один другому об этом ни полслова. Лет пятнадцать спустя они пировали в кружке товарищей — офицеров Егерского полка; предметом беседы послужили, между прочим, сверхъестественные анекдоты, рассказанные по очереди каждым из присутствовавших. Очередь дошла до Сергея Львовича, и он упомянул о своем видении; тогда Василий Львович, вскочив с места, закричал: „Как это, Серж? Значит, мы в одну и ту же минуту видели то же самое?“»^[96].

Рассказы о привидениях занимали тогдашнее общество: говорили о белой женщине, которая не знала покоя и являлась в замках Германии в белом вдовьем покрывале; рассказывали о двойнике императрицы Анны Иоанновны — она пришла к императрице незадолго до кончины... да о чем только не говорили! Что же касается истории об одновременной галлюцинации Василия и Сергея Пушкиных, то в нее, вероятно, вкралась какая-то неточность — или рассказчиков, или мемуариста: бабушка Чичерина — это

Лукерья Васильевна Чичерина, урожденная Приклонская. В родословной Чичериных указан год ее смерти — 1765-й^[97], то есть умерла она за год до рождения Василия Львовича. Впрочем, ведь и генеалоги могут ошибаться.

Развлечения, пожалуй, отнимали у Василия Пушкина сил не меньше, чем служба. Но все равно оставалось время и на литературные занятия. Сближение, а потом и дружба с И. И. Дмитриевым, знакомство через него с Г. Р. Державиным и литераторами державинского круга — поэтом, драматургом, переводчиком Василием Васильевичем Капнистом, поэтом И. Ф. Богдановичем, возможно, Н. М. Карамзиным (во всяком случае, еще до отставки В. Л. Пушкина, в марте 1796 года, Николай Михайлович пишет из Москвы в Петербург и просит передать Василию Львовичу письмо от него), общение с А. М. Пушкиным, не чуждым литературных занятий, — всё это побуждало к творчеству. К тому же гвардейские офицеры часто брали отпуска, уезжали из Петербурга. И Василий Пушкин тоже брал отпуска, подолгу жил в Москве. В повести «Любовь первого возраста» он сам рассказал об этом:

«...протекли два года. Я готовился возвратиться в Москву... <...> Мать моя и две сестры, которых любил я нежно и которые жили в Москве, ожидали меня с нетерпением, и давно сердце мое желало с ними соединиться. Я увидел их, прижал к своему сердцу и оросил слезами, пролитыми от радости и печали. Меня отпустили на 6 месяцев. Я хотел воспользоваться сим отпуском, чтобы посвятить себя трудам кабинета» (188).

Здесь уместно, как нам кажется, вспомнить о том, что сочинительство было в традициях Измайловского полка. 28 июня 1762 года Екатерине II присягал измайловец Н. И. Новиков. В 1770-е годы в

Измайловском полку служили В. В. Капнист и поэт, прозаик, переводчик Михаил Никитич Муравьев (отец декабристов Муравьевых, дядя К. Н. Батюшкова), впоследствии добрый знакомый В. Л. Пушкина. Была драматургом, публицистом и переводчиком сама Екатерина II, шеф Измайловского полка. Так что к В. Л. Пушкину пришло, по-видимому, осознание того, что ему надобно не столько служить, но прежде всего писать. Наконец он вступил на поэтическое поприще. Литературный дебют московского стихотворца состоялся в Петербурге.

4. Литературный дебют. «Камин» и «Каминь». Первые шаги в поэзии

В одиннадцатом номере журнала И. А. Крылова и А. И. Клушина «Санкт-Петербургский Меркурий» было напечатано стихотворение «К камину». Василий Пушкин скрыл свое имя за подписью «...нъ». Издатель — прозаик, поэт, драматург Александр Иванович Клушин — в примечании так представил пока неизвестного автора:

«Сочинитель сего послания есть молодой, с отличными сведениями человек. Будучи столь же скромн, как и просвещен, пишет он не из тщеславия. Друг Муз, друг уединения сидит перед камином, размышляет, и Камин его трогает чувствительное сердце читателя»^[98].

Любезный мой камин! — товарищ дорогой,
Как счастлив, весел я, сидя перед тобой.
Я мира суету и гордость забываю,
Когда, мой милый друг, с собою рассуждаю,
Что в сердце я храню, то знаю я один,
Мне нужды нет, что я не знатный господин,

Мне нужды нет, что я на балах не бываю
И говорить бон-мо насчет других не знаю,
Бо-монда правила не чту я за закон,
И лишь по имени известен мне бостон.
Обедов не ищу, незнаем я, но волен,
О, милый мой Камин, как я живу доволен!
Читаю ли я что иль греюсь, иль пишу,
Свободой, тишиной, спокойствием дышу (119).

Начало многообещающее. Словно почувствовав ветер литературных перемен, Василий Пушкин ориентируется на то новое, что внес Н. М. Карамзин в русскую литературу, — интерес к внутреннему миру образованного дворянина, к жизни частного человека, отказ от материальных ценностей и утверждение ценностей духовных. Размышления сочинителя пронизаны легкой грустью. Но как меняется тон его повествования, когда идеалу уединенной жизни с книгами и творчеством он противопоставляет тех, кто живет в кругу светской суеты:

Пусть Глупомотов всем именье расточает
И рослых дураков в гусары наряжает,
Какая нужда мне, что он развратный мот?
Безмозглов пусть спесив. Но что он? Глупый
скот!
Который, свой язык природный забывая,
В атласных шлафорках блаженство почитая,
Как кукла рядится, любит себя собой,
Мня в плен ловить сердца французской головой.
Он, бюстов накупив и чайных два сервиза,
Желает роль играть парижского маркиза.
А господин маркиз, того коль не забыл,
Шесть месяцев назад здесь вахмистром служил.
Пусть он дурачится! Нет нужды в том ни мало;

Здесь много дураков и будет, и бывало.
Прыгушкин, например, все счастье ставит в том,
Что он в больших домах вдруг сделался знаком,
Что прыгать л'екосез, в бостон играть он знает,
Что Адриан его по моде убирает,
Что фраки на него шьет славный здесь Луи,
И что с графинями проводит дни свои,
Что все они его кузином называют,
И знатные к нему с визитом приезжают.
Но что я говорю? Один ли он таков?
Бедней его сто раз сосед мой Пустяков,
Другим дурачеством Прыгушкину подобен:
Он вздумал, что послом он точно быть способен,
И чтоб яснее то и лучше доказать,
Изволил кошелек он сзади привязать,
И мнит, что тем он стал политик и придворный,
А Пустяков, увы! советник лишь надворный...
(119-120).

Что и говорить: целая галерея сатирических портретов! И это еще не всё. Далее она дополнена портретом Змееяда, доставшего себе неправдою имя: он

...заставляет тех в своей передней ждать.
Которых может он, к несчастью, угнетать (120).

Еще один портрет:

Низкопоклонов тут, с седою головою,
С наморщенным челом, но с подлою душою
(120).

Появляются в стихотворении и Скотинин, «сущий пень, но всеми уважаем», и бездельник Плутон, который «все имение, деревни, славный дом» достал воровством и пронырством.

Конечно, имена говорят сами за себя. Но в острых характеристиках, которые дает персонажам сочинитель, — еще и мастерство, и наблюдательность, и сатирическая традиция. Герои Василия Пушкина заставляют вспомнить персонажей Д. И. Фонвизина: Скотинин Василия Львовича сродни Скотинину из комедии «Недоросль». Вполне вероятно, что автора «Камин» вдохновляла и сатирическая сказка И. И. Дмитриева «Модная жена». Она была написана в 1791 году, в 1792-м напечатана в карамзинском «Московском журнале» и пользовалась большой популярностью, многие ею восхищались. По свидетельству Ф. Ф. Вигеля, «...„Модную жену“... начали дамы знать наизусть»^[99]. В «Старой записной книжке» П. А. Вяземского, сохранился забавный рассказ о госте И. И. Дмитриева — московском священнике:

«Он не любил митрополита Филарета и критиковал язык и слог проповедей его. Дмитриев... защищал его.

— Да помилуйте, ваше превосходительство, — сказал ему однажды священник, — ну таким ли языком писана Ваша „Модная жена“?»^[100]

Эту стихотворную сказку высоко ценил А. С. Пушкин.

В. Л. Пушкин ставил ее наравне с творениями Г. Р. Державина и Н. М. Карамзина:

Люблю Державина творенья,
Люблю я «Модную жену»,
Люблю для сердца утешенья
Хвалу я петь Карамзину (161).

Трудно сказать, что лучше удалось И. И. Дмитриеву: рассказ, легкий и непринужденный, живописная картинка дворянского быта или же сатирические портреты модной жены, дамского угодника Миловзора и обманутого мужа Пролаза. Портрет Пролаза особенно хорош:

Пролаз в течение полвека
Все полз да полз, да бил челом,
И наконец таким невинным ремеслом
Дополз до степени известна человека,
То есть стал с именем, — я говорю ведь так,
 Как говорится в свете:
То есть стал ездить он четверкою в карете;
 Потом вступил он в брак
С пригожей девушкой, которая жить умела,
 Была умна, ловка
 И старика
 Вертела как хотела... [\[101\]](#)

Герои Василия Пушкина — Глупомотов, Безмозглов, Прыгушкин, Пустяков, Змееяд, Низкопоклонов, Скотинин и Плутув — под стать Пролазу. Но сочинитель «Камин» не ограничивается только сатирическими зарисовками. Его наблюдения над людьми и обществом дают ему повод к горестным размышлениям:

О чем ни вздумаю, на что ни посмотрю,
Иль подлость, иль порок, иль предрассудки зрю!
<...>
Ума нам не дают ни знатная порода,
Ни пышность, ни чины, не каменны дома,
И миллионами нельзя купить ума! (120–121).

В заключение послания «К камину» Василий Львович заявляет о своей гражданской позиции:

Довольно — не хочу писать теперь я боле,
И, не завидуя ничьей счастливой доле,
Стараться буду я лишь только честным быть,
Законы почитать, отечеству служить,
Любить моих друзей, любить уединенье,
Вот сердца моего прямое утешенье! (121).

Василий Львович в своих стихах особенно оценил уединение еще и потому, что, погруженный на самом деле в светскую жизнь, он не имел возможности часто уединением пользоваться. Уединение у камина — это скорее его мечта, нежели реальность. Что же касается честности, почитания законов, служения Отечеству, то оказывается, что эти гражданские добродетели вовсе не мешают любви к друзьям, чувствительности сердца. Еще раз скажем: начало многообещающее. Василий Пушкин сумел оригинально соединить в своем стихотворении меланхолию с сатирой, сердечные чувства с обличением пороков.

Послание «К камину» имело большой успех. Поэт и драматург Сергей Николаевич Глинка вспоминал в своих «Записках»:

«Однажды застал я Шатрова (поэта Николая Михайловича Шатрова. — Н. М.) у камина; с досадою рвал он какую-то тетрадь и бросал лоскутки в огонь. — Что ты делаешь? — спросил я. — Истребляю мой стихотворный Камин. Камин Пушкина превозносят до небес, а мой и в грош не ставят. — Тебя передразнили, — отвечал я. — Пушкина Камин игрушка, а твой относится ко всем опустошителям и завоевателям вселенной»^[102].

У В. Л. Пушкина появились последователи и подражатели, и это тоже свидетельствовало об успешном начале его пути в поэзию. Александра Петровна Хвостова, урожденная Хераскова, племянница М. М. Хераскова, в 1795 году в московском журнале «Приятное и полезное препровождение времени» напечатала прозаический этюд «Камин», пронизанный меланхолией и таинственностью:

«Вот и полночь! — ударило двенадцать часов, и сердце томно сказало: „Еще день лишний к прошедшим! Еще днем менее жить и скитаться в сем мире!“ — Все вокруг меня тихо и спокойно; все безмолвствует. — Сажусь одна у камина; смотрю на светлые уголья, которые один за другим гаснут; слушаю унылый вой шумящего ветра; обращаюсь мыслями на прошедшее время жизни своей и сравниваю горести мои с радостями, печали — с удовольствиями...»^[103]

Нельзя не согласиться с той оценкой «Камина» А. П. Хвостовой, которую дал ей в примечании редактор журнала В. С. Подшивалов:

«Мы спешаем сообщить нашим читателям сие прекрасное сочинение почтенной и чувствительной Россиянки. Они и без нашего замечания увидят в нем дух Оссианской горести, нежность и глубину меланхолических чувств, правильность выражений, неизъяснимую во всем приятность»^[104].

Разумеется, меланхолия и приятность сочинения А. П. Хвостовой исключала, в отличие от творения В. Л. Пушкина, какие-либо сатирические мотивы. Но это не помешало его читательскому успеху. Еще до публикации «Камин» А. П. Хвостовой распространялся в списках, потом много раз перепечатывался, был переведен на французский, немецкий и, по некоторым сведениям, на английский языки. В июле 1825 года в письме П. А. Вяземскому А. С. Пушкин шутливо

упоминает г-жу Хвостову — «автора Камина, и следств. соперницу Василия Львовича».

Тремя стихотворными «Каминами» откликнулся на послание «К камину» В. Л. Пушкина И. М. Долгоруков. В 1795 году написал он «Камин в Пензе». Подобно Василию Львовичу, И. М. Долгоруков обращается к камину:

Камин, товарищ мой любезный!
Куда как я тебя люблю!
С тобою в сей юдоли слезной
Заботы все свои делю.
Когда природа умирает,
Когда нас осень запирает
В темницу наших скучных стен,
Тогда, как лист, и я желтею,
К огню прибежище имею,
Играю с ним уединен^[105].

Сочинитель, сидя у камина, размышляет о житейской суете, проповедует золотую умеренность. Подражания — на сей раз «Камину в Пензе» — побудили И. М. Долгорукова написать «Камин в Москве» и «Войну каминов»:

Стократ приятней дома сидя,
Соблазнов света в нем не видя,
С своей семьею просто жить!
И скромно время провождая,
Разсудку здраву угождая,
Дрова в камине шевелить!^[106]

Однако при всех достоинствах «Каминов» И. М. Долгорукова (впрочем, «Камин в Москве» не

отличается достоинством краткости — он «отменно длинный, длинный, длинный...») они ни в какое сравнение с «Камином» В. Л. Пушкина не идут, хотя конечно же продолжают осмысление поэтической темы, блистательно и разносторонне воплощенной в стихотворении Василия Львовича. Быть может, когда А. С. Пушкин в восьмой главе своего стихотворного романа представил влюбленного Онегина, он не без улыбки вспоминал дядю и его послание «К камину»:

Как походил он на поэта,
Когда в углу сидел один,
И перед ним пылал камин,
И он мурлыкал: Benedetta
Иль idol mio и ронял
В огонь то туфлю, то журнал (VI, 184).

Разумеется, в стихах и В. Л. Пушкина, и И. М. Долгорукова мурлыканье, оброненные в огонь туфли и журнал совершенно невозможны...

Первый успех окрылил Василия Львовича. После столь удачного литературного дебюта он уже мог бы воскликнуть:

Где лиры? Станем петь. Нас Феб соединяет:
Вергилий Росских стран присутствием своим
К наукам жар рождает.
Кто с музами живет, утехы вечно с ним!

Вас грации давно украсили венками,
Вам должно петь, друзья! И Дмитрев, Карамзин
Прекрасными стихами
Пленяют, учат нас, а я молчу один!

Нет, нет! И я хочу, как вы, греметь на лире:

Лечу ко славе я: ваш дух во мне горит.
И я известен буду в мире!
О радость, о восторг — и я... и я пиит! (147).

Эти стихи он прочтет в московском доме М. М. Хераскова спустя десять лет, в 1803 году. Но уже тогда, в 1793-м, после успешной публикации в петербургском журнале послания «К камину» гвардейский офицер Пушкин все чаще берет в руки златую лиру. И отпуска в Москве не пропали даром. Плодом его кабинетных занятий стали новые стихи. В Москве они и были напечатаны. На страницах «Приятного и полезного препровождения времени» печатались творения Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева, В. А. Жуковского, Н. М. Карамзина, И. А. Крылова. В созвездии имен этих замечательных поэтов появилось и имя В. Л. Пушкина. В 1794 году читатели журнала прочли стихотворение «К лире. Анакреотическая ода»:

Давно на лире милой,
Давно я не играл;
Скорбящий дух, унылой
Ее позабывал.
Природа украшалась
Прелестною весной,
Рука ж не прикасалась
До лиры дорогой.
Здоровье, дар бесценный!
Лишен я был тебя,
И, грустью отягченный.
Влачил свой век стена (122).

Стихотворец сожалеет о том, что он «не пел на лире / Весенни красоты», радуется своему выздоровлению —

«Настал отрады час».

Но, ах! Весна сокрылась;
Желтеют деревеса,
И птичка удалилась
В полуденны леса;
Уж бабочка не вьется
С цветочка на цветок,
И с милой расстаётся
Пастушкой пастушок.
Зефир не веет боле,
Осенний ветер шумит
И томно поневоле
На лире петь велит (122-123).

И все же Василий Львович смотрит в будущее с философским оптимизмом, так завершая свое стихотворение:

Но к пользе и несчастье
Дает нам рок терпеть:
Когда пройдет ненастье,
Приятней солнце зреть!
Пловец всегда ли в море
Теряет жизнь волной,
Утешься, лира! Вскоре
Увижусь я с весной (123).

Редактор «Приятного и полезного препровождения времени» В. С. Подшивалов трогательно и простодушно написал в примечании:

«Кажется, нет нужды делать внимательным читателя к сей оде. Кого не тронет томное чувство, пробуждающееся опять к жизни после долговременной

и тяжелой болезни! Облака расходятся и луч просиевает. Пожелаем, чтобы сочинитель продолжительно пользовался драгоценным даром — здоровьем»^[107].

Добавим к справедливым соображениям редактора, что стихи В. Л. Пушкина отличают легкость стиля, изящество изложения, а созданная им картина наступающей осени просто очаровательна.

В 1795 году в том же «Приятном и полезном препровождении времени» печатаются еще семь стихотворений Василия Львовича. Одно из них — «Отрывок из Оссиана. Колма». Это первый печатный опыт В. Л. Пушкина в переводе: в данном случае он попытался, как он сообщил, по просьбе своего приятеля перевести стихами «Поэмы Оссиана» Д. Макферсона, написанные прозой. (Оссиан — кельтский бард, мистификация Д. Макферсона.) Нельзя сказать, что стихотворный перевод Василия Львовича был удачен. Впрочем, сам переводчик полагал, что «едва ли их (Оссиановых песен. — Н. М.) течение и гармония не противятся стихам»^[108]. Остальные шесть стихотворений — о любви. «Тоска по милой», «К милой», «Сердечное чувство», «Дворцовый сад», «К милой подруге моего сердца», «К Хлое» — в этих стихотворениях, при всей условности и традиционности их поэтического языка, говорит сердце влюбленного поэта. По существу, перед нами история любви: желание любви, обретение милой подруги, нерешительность:

Как с милой я бываю,
Я весел и грущу;
Сказать люблю желаю
И слов я не сыщу.
То взор ее пленяет,
То сердце рвет мое;

Но, ах! она не знает,
Что я люблю ее (125).

Поэт мечтает о счастье:

Кто б мог со мною
В счастье равняться,
Если б прекрасной
Был я любезен?
Если бы Хлоя
С милой улыбкой
Нежно сказала:
«Сердцу ты мил!» (126).

И, наконец, обретение счастья:

Ты любишь! — Ты навек моя!
Со мною может кто равняться?
Душа открыта мне твоя:
Нет, ты не можешь притворяться!
Ты любишь! — Ты навек моя! (130).

Разумеется, всё вокруг «печально, темно», если
Хлои нет рядом, потому как «Не зреть тебя — ужасно!».
«Рядом же с Хлоей» «все... восхищает»:

И луг прекраснее цветет;
Быстрее речка протекает;
Нежнее пеночка поет... (129).

Безусловно, Хлоя — прекрасна. Потому ей и
посвящены такие прекрасные стихи. Все правильно. Как
справедливо заметил Василий Львович,

Для вас, красавиц, мы берем
Златые лиры в руки
И от прелестных взоров ждем
Иль радости, иль муки (56).

Но кто скрывается под условно-поэтическим именем
Хлоя? Кто она, внушившая поэту нежное и страстное
чувство? Кто она, ставшая музой Василия Пушкина?

К счастью, на эти вопросы мы можем ответить.

Глава третья «ЛЮБОВЬ ИЗ НИЧЕГО РОДИТСЯ, УМИРАЕТ»

1. Красавица Капитолина. Женитьба

Капитолина Михайловна Вышеславцева была двенадцатью годами моложе Василия Львовича. В 1795 году ей минуло 17 лет, и она действительно была красавицей. Во всяком случае, современники иначе ее не называли. «Капитолина Михайловна, замечательной красоты»^[109], — вспоминала о ней Е. П. Янькова. Как и Василий Львович, она была из семьи военных. Отец ее, Михаил Степанович Вышеславцев, служил в лейб-гвардии Семеновском полку. Старший брат Михаил Михайлович, будучи в свое время приписанным к Преображенскому полку, служил затем в лейб-гвардии Конном полку, вышел в отставку, преподавал французский и немецкий языки в Троицкой духовной семинарии в Троице-Сергиевой лавре, был не чужд литературных занятий — переводил, сочинял стихи.

Василий Львович и Капитолина Михайловна встречались в Москве. Об одной из их встреч сохранилось свидетельство влюбленного поэта — стихотворение «Дворцовый сад», под текстом которого стоит дата «11 мая», относящаяся к 1795 году. Дворцовый сад располагался в Немецкой слободе, на левом берегу Яузы. По преданию, в саду росли деревья, посаженные Петром I. Москвичи облюбовали это место для гуляний. Особенно многолюдно там было в Троицын день. Но Василий Львович кроме своей возлюбленной никого не видел:

«В Дворцовом ты саду вчера, конечно, был? —
Клитон мне говорил. —

А мне не удалось там погулять с тобою!
Встречались, слышал я, красавицы толпою;
Кто были там, скажи?» Какой я дам ответ?
Там был почти весь свет!
Но видел я кого?.. Одну лишь только Хлою (128).

И еще одна дата — под текстом стихотворения «К Хлое» — «27 июня», также относящаяся к 1795 году. Именно в этот день Василий Пушкин открыл свое «сердце страстно» юной красавице Капитолине Вышеславцевой и узнал, что его чувство взаимно: «Ты любишь! — Ты навек моя!»

Стихотворение «К Хлое» было напечатано в июльском номере «Приятного и полезного препровождения времени» в 1795 году. Рядом со стихами В. Л. Пушкина — «Послание к Хлоиному другу на случай помолвки», сочиненное князем Григорием Александровичем Хованским:

Недавно ты на лире
Приятно, томно пел,
Что был один ты в мире,
Что друга не имел... ^[110]

Князь Г. А. Хованский поручает Венере устроить счастье Хлоиному другу. Богиня посылает Купидона на Олимп, с тем чтобы узнать о нем у Аполлона, покровителя поэтов. Аполлон отвечает о Хлоином друге так:

Сей автор всем известный;
Любезен музам он.
Хоть он немного пишет;
Но все, что ни писал,

То все любовью дышит,
Достойно все похвал^[111].

Как тут не вспомнить А. С. Пушкина:

Не мадригалы Ленский пишет
В альбоме Ольги молодой;
Его перо любовью дышит,
Не хладно блещет остротой... (VI, 86).

Далее у Г. А. Хованского Аполлон дает исчерпывающую характеристику вздыхателю Хлои:

Коль знать тебе угодно:
Он знающ, мил, умен;
Он мыслит благородно,
Чувствительным рожден!^[112]

Ну а коли так, Венера повелевает Купидону пронзить стрелою «его и Хлои грудь». И автору ничего не остается, как только завершить свое послание словами:

Прими ты поздравленье
И будь щастлив, мой друг!^[113]

15 июля 1795 года В. Л. Пушкин обвенчался с К. М. Вышеславцевой в церкви Святой Троицы, той самой, где некогда его крестили. В метрической книге церкви Святой Троицы за 1795 год 15 июля под № 7 была сделана запись:

«Женился лейб-гвардии Измайловского полку подпоручик Василий Львов Пушкин, поял за себя покойного лейб-гвардии Семеновского полку подпоручика Михайлы Степанова Вышеславцева дочь его, девицу Капитолину Михайлову, оба первым браком, о коих и обыск с поруками был чинен»^[114].

Итак, началась семейственная жизнь поэта. О ней нам почти ничего не известно. Правда, мы знаем, что и после вступления в брак В. Л. Пушкин продолжал военную службу. Причем он не просто числился в Измайловском полку. Как мы помним, 10 ноября 1796 года поручик Василий Пушкин был назначен дежурным по полку. То есть время от времени он появлялся в Петербурге, а его молодая жена оставалась в Москве. Когда-то так было и в семье его дедушки и бабушки со стороны отца — простая житейская ситуация разрешилась тогда трагически, вспышка ревности довела дедушку до убийства жены. Впрочем, как только это стало возможным, 28 ноября 1796 года Василий Львович вышел в отставку без повышения в чине, а потом был «пожалован коллежским асессором».

Военная служба — не для мирного стихотворца. Ведь и Н. М. Карамзин в 1795 году написал:

.....я, в войне добра не видя,
В чиновных гордецах чины возненавидя,
Вложил свой меч в ножны («Россия, торжествуй,
—
Сказал я, — без меня!»)...и, вместо острой
шпаги.
Взял в руки лист бумаги,
Чернильницу с пером,
Чтоб быть писателем, творцом.
Для вас, красавицы, приятным...^[115]

Заметим, что брат Василия Львовича Сергей Львович также поспешил выйти в отставку. Служить в гвардии в царствование Павла I было действительно тяжко. Как вспоминал измай-ловец Е. Ф. Комаровский, «образ нашей жизни офицерской совсем переменялся; <...> теперь с утра до вечера на полковом дворе, и учили нас всех, как рекрут»^[116]. Поскольку если уж императору, добавим мы, что-либо пришлось бы не по вкусу, то по его повелению провинившийся легко мог прямо с плац-парада маршем отправиться в Сибирь.

Павел I, как и все русские цари, короновался в Москве. Это произошло 5 апреля 1797 года. Измайловский полк, уже без поручика Василия Пушкина в своих рядах, участвовал в корона-иконных торжествах. Василий Львович мог встречаться с товарищами по полку, вспоминать былые гвардейские проказы...

Вероятно, В. Л. Пушкин после венчания привез жену в родовую усадьбу на Божедомке, где после смерти отца жил с матерью, братом и сестрами. Но 2 июля 1797 года Ольга Васильевна продала «свой московский двор со всяким в нем каменным и деревянным строением, с садом, оранжереями и во оных со всякими деревьями, с прудом и во оном с рыбою»^[117]. 7 августа того же года на имя Анны и Елизаветы Пушкиных была приобретена усадьба в Огородной слободе, в Малом Харитоньевском переулке, в приходе церкви Святого Харитония, памятной нам по роману «Евгений Онегин»:

В сей утомительной прогулке
Проходит час-другой, и вот
У Харитонья в переулке
Возок пред домом у ворот
Остановился... (VI, 156).

Дядя автора стихотворного романа вместе с женой, матушкой и сестрами летом 1797 года переехал в купленную усадьбу и жил там до 1804 года. Его брат Сергей, отец А. С. Пушкина, уже будучи женатым на Надежде Осиповне Ганнибал и после рождения детей Ольги и Александра, снимал дом на углу Большого Харитоньевского переуллка и проезда Белого города у подпоручика П. М. Волкова. Мать Надежды Осиповны Мария Алексеевна Ганнибал, переехав из Петербурга в Москву, тоже поселилась в Огородной слободе, а потом стала жить с семейством дочери. В 1801 году Сергей Львович с чадами и домочадцами переехал в усадьбу князя Николая Борисовича Юсупова в том же Большом Харитоньевском. Часть усадьбы — старинные палаты XVII века — до сих пор сохранилась. Один из трех каменных домов юсуповской усадьбы был нанят С. Л. Пушкиным за тысячу рублей в год. В Центральном государственном архиве древних актов сохранилась «Опись мебели и протчему» в доме князя Н. Б. Юсупова, который занимали Пушкины^[118]. Перечень включенных в опись предметов дает простор нашему воображению. Мы можем представить, как Василий Львович с Капитолиной Михайловной приходят в гости к Сергею Львовичу и располагаются на стульях «дубовых с подушками российского ковра» или же на креслах «красного дерева с зелеными фанзовыми подушками и набойчатыми чехлами». Как Капитолина Пушкина останавливается перед одним из восьми зеркал «в золоченых рамах больших» или же смотрится в зеркало «в золоченой же раме небольшое». Окна в гостиной украшают занавеси «камчатые желтые на тафте с белую тафтяною каймою шитые разными шелками»^[119]. В солнечные дни комната наполняется золотистым светом, выглядит особенно нарядно. По условиям найма дома «принадлежащий к оному дому сад для прогулки

моей (С. Л. Пушкина. — Н. М.) и приезжающих ко мне гостей остается в пользу мою, кроме имеющейся в том саду аранжереи и плодов»^[120].

И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.
Там нежила меня теней прохлада;
Я предавал мечтам свой юный ум,
И праздномыслить было мне отрада.
Любил я светлых вод и листьев шум,
И белые в тени деревьев кумиры,
И в ликах их печать недвижных дум.
Всё — мраморные циркули и лиры,
Мечи и свитки в мраморных руках,
На главах лавры, на плечах — порфиры —
Всё наводило сладкий некий страх
Мне на сердце; и слезы вдохновенья,
При виде их, рождались на глазах (III, 254–255).

Вызывал ли Юсупов сад у Василия Львовича слезы вдохновения, как у его племянника? Стихи его, посвященные этому прекрасному саду, до нас не дошли. Но конечно же он с женой, как и другие гости Сергея Львовича, по саду прогуливался. Возможно, что Василий Львович с братом участвовал в домашних спектаклях князя Н. Б. Юсупова.

В 1799 году вышел в отставку и переселился в Москву И. И. Дмитриев. Он купил деревянный домик с маленьким садом возле Красных ворот в приходе Харитония в Огородной слободе и стал таким образом соседом братьев Пушкиных. Иван Иванович украсил свой дом эстампами (до конца дней своих он собирал коллекцию эстампов), разместил библиотеку. Свой сад поэт любовно украшал цветами и редкими растениями.

«Подарок деревом или цветком, — справедливо полагал он, — прочнее прочего служит нам памятником дружбы или приязни»^[121]. «Удивляюсь поэту, — замечал он, — который равнодушен к живописи, цветам и деревьям, следовательно и к природе»^[122]. Там, в саду, под густою тенью двух старых лип, прозванных Филимоном и Бавкидою, любил И. И. Дмитриев сидеть с книгою. «Одиночество мое оживлялось довольно часто беседою и молодых писателей: Василья Львовича Пушкина, Владимира Васильевича Измайлова и Василия Андреевича Жуковского. Признательность моя наименовала только тех, которых постоянная приязнь ко мне и поныне услаждает мои воспоминания»^[123], — писал И. И. Дмитриев. Известно, что он бывал в доме Сергея Львовича Пушкина, несомненно, посещал и дом Василия Львовича. С семейством Пушкиных у И. И. Дмитриева связана грустная страница в истории его сердца: ходили слухи, что он был безнадежно влюблен в Анну Львовну, сватался, получил отказ и никогда не женился. Племянник И. И. Дмитриева литератор Михаил Александрович Дмитриев вспоминал об А. Л. Пушкиной так:

«Анна Львовна, когда я ее узнал, была девицей уже старой. Она была умна, умнее своих братьев, женщина кроткая, любезная и просвещенная. Она читала на французском языке не одни романы и стихи, не одни книги, назначаемые для легкого чтения, но и важного, даже философического содержания. Разговор ее был чрезвычайно приятен и полон мыслей и опытности, приобретенной посредством собственного размышления. Она была в числе немногих и редких женщин, которые могли бы служить украшением всякого, и светского, и мыслящего общества! Ум, доброта и снисходительность просвечивали в каждом ее слове»^[124].

Становится понятным, почему Василий Львович очень любил сестрицу Анну. Жизнь с ней в одном доме доставляла ему радость, продлевала счастливые дни его безоблачного детства. Насколько это было по душе Капитолине Михайловне, мы не знаем.

И. И. Дмитриев в своих записках, как мы помним, писал о В. Л. Пушкине, В. А. Жуковском, В. В. Измайлове, бывавших в его доме. В. А. Жуковского представлять сегодня нет необходимости. А вот о Владимире Васильевиче Измайлове, московском поэте, прозаике, журналисте, нужно сказать хотя бы несколько слов. Он, как и И. И. Дмитриев, служил в 1794–1795 годах в лейб-гвардии Семеновском полку, вышел в отставку премьер-майором. В 1795 году в «Приятном и полезном препровождении времени» напечатал чувствительную повесть «Ростовское озеро». Последователь Н. М. Карамзина, он отдавал свои стихотворения в его альманах «Аонида». С Василием Львовичем находился в свойстве.

И еще об одном литераторе — князе Петре Ивановиче Шаликове. Он также был и поэтом, и прозаиком, и журналистом. В 1799 году, будучи премьер-майором гусарского полка, Петр Иванович вышел в отставку и поселился в Москве. Как и В. В. Измайлов, дебютировал в «Приятном и полезном препровождении времени», печатался в карамзинских «Аонидах». Следуя за своими учителями — Н. М. Карамзиным и И. И. Дмитриевым, сочинял чувствительные стихи и прозу, ориентировался на дамские вкусы, отличался в литературных мелочах, стихах на случай, альбомной лирике. И. И. Дмитриев относился к нему с легкой иронией, но был по-своему к нему привязан. М. А. Дмитриев вспоминал:

«Как скоро дядя бывал вечером один и ему было скушно, он приказывал, бывало, слуге: „Вели заложить Пегаса и ехать за князем Шаликовым!“ — Это была

пегая лошадь, которую закладывали в дрожки или в сани и привозили князя Шаликова»^[125].

Познакомившись с Василием Львовичем, П. И. Шаликов вскоре стал близким его приятелем. Они во многом сходились: князь был отчаянным щеголем с непременно розовым платком на шее, поклонником прекрасных дам и, как сказал о нем А. С. Пушкин, «поэт прекрасного пола». Позднее в альбоме Петра Ивановича, где было много стихотворений самого владельца альбома, в том числе «К памятнику собачки, принадлежавшей Катерине Владимировне Апраксиной» и «Эпитафия коту И. И. Дмитриева», В. Л. Пушкин сделал такую стихотворную запись:

Во всем, любезный князь, я сходствую с тобой!
Ты служишь музам, Аполлону!
Амура резвого подвластен ты закону
И женщин раб подчас иной.
Я те же слабости имею;
Я в старости хвалить еще красавиц смею
И не страшусь любви оков;
На лире я пою в сердечном восхищенье,
Не гаснет и теперь мое воображенье,
И мне знаком язык богов! (170).

В Москве В. Л. Пушкин бывает в доме М. М. Хераскова, встречается с Н. М. Карамзиным, который печатает его стихи... Казалось бы, какое отношение к семейной жизни Василия Львовича имели его литературные встречи? Никакого. Разве только то, что Капитолина Михайловна им не препятствовала. И это само по себе прекрасно. В какой мере красавица Капитолина вдохновляла мужа-стихотворца, сказать трудно. Но будет справедливым все же заметить, что в конце 1790-х — начале 1800-х годов талант Василия

Львовича развивается и крепнет. О признании его таланта свидетельствует то, что он печатается у Н. М. Карамзина в лучших периодических изданиях этого времени — альманахе «Аониды» и журнале «Вестник Европы». Поэт не забыл успеха своего послания «К камину». Его сатира 1798 года «Вечер» также соединяет обличение пороков с проповедью уединенной жизни вдали от суетного света. В этом стихотворении он продолжает пополнять галерею сатирических портретов: Стукодей, Змееяда, Скопидомов, Вралев, Буянов Более того, в его стихах — своего рода предвосхищение типажей и коллизий комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

Нет боле сил терпеть! Куда ни сунься: споры,
И сплетни, и обман, и глупость, и раздоры!
(137).

Так начинает В. Л. Пушкин стихотворение «Вечер», в котором описывает хозяев и гостей одного московского дома.

Да, мочи нет: мильон терзаний
Груди от дружеских тисков,
Ногам от шарканья, ушам от восклицаний,
А пуще голове от всяких пустяков ^[126].

Так говорит Чацкий о своем недовольстве Москвой. Картина нравов московского общества, представленная в стихотворении «Вечер», дана в грибоедовском ключе. Василий Львович пишет о несносных говорунах, врагах просвещения, искателях знатности и богатства; с сочувствием показаны у него редкие умники, которым, по словам их противников, «не

нужно золота — давай Жан Жака в руки». Правда, в стихах Василия Львовича нет еще грибоедовского пафоса обличений Чацкого, но в них, несомненно, есть то, что этот пафос приуготовляло:

Сосед мой тут умолк; в отраду я ему
Сказал, что редкие последуют тому;
Что Миловых князей у нас, конечно, мало;
Что золото копить желанье не пропало;
Что любим мы чины и ленты получать,
Не любим только их заслугой доставать;
Что также здесь не все охотники до чтенья;
Что редкие у нас желают просвещения;
Не всякий знаниям честь должну воздает,
И часто враль, глупец разумником слывет;
Достоинств лаврами у нас не украшают;
Здесь любят плясунов — ученых презирают
(141).

(Заметим в скобках, что в 1810-е годы К. Ф. фон Борг перевел «Вечер» на немецкий язык.)

Несомненный интерес представляет для нас и стихотворное «Письмо к И. И. Дмитриеву», в котором Василий Львович заявил о своей литературной позиции. И. И. Дмитриев высмеял в сатире «Чужой толк» высокопарность в поэзии; В. Л. Пушкин же подверг осмеянию излишнюю и к тому же часто притворную слезливость современных стиходеев: «О, плаксы бедные! Жалка мне участь их!» (33). Ссылаясь на свои литературные авторитеты — того же И. И. Дмитриева, «любезного певца», который «вслед шествуя Анакреону / От Граций получил венец»; «милого, нежного» Н. М. Карамзина, который «в храм вкуса проложил дорогу»; «отечества усердного, верного сына»

М. М. Хераскова, Василий Львович декларировал свои представления о поэзии:

Не крюковата мысль творит прекрасным стих.
Но плавность, чистота, души и сердца чувство:
Вот стихотворцев в чем прямое есть искусство!
(33).

В. Л. Пушкин расширяет жанровый репертуар своей лирики, пишет дружеские послания, басни, мадригалы, песни, подражания. А еще — ирмосы, то есть церковные песнопения. И вот здесь как раз уместно сказать о том, что именно семейственные связи Василия Львовича стали причиной того, что он испробовал свое перо и в этом жанре. В 1798–1801 годах брат Капитолины Михайловны Михаил Михайлович Вышеславцев составил и издал в двух книгах антологию духовной лирики русских поэтов «Приношение религии». В антологию были включены сочинения М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, М. М. Хераскова, И. И. Дмитриева, Н. М. Карамзина, других авторов, а также самого М. М. Вышеславцева и В. Л. Пушкина, ирмосы которого свидетельствуют об искренности и глубине его религиозного чувства:

Молитву к Господу я пролию с слезами
И возвещу ему печаль души моей:
О Боже! пощади, не дай погибнуть ей!
Ад приближается. Я отягчен грехами. —
Носимый быстрыми волнами,
Иона воссылал мольбу к Тебе стеная;
Ты спас его — спаси меня! (142).

Стихотворений, посвященных жене и написанных после женитьбы, в общем-то нет. Как скажет позже племянник В. Л. Пушкина, «жена — свой брат». И все же в стихах о любви образ ее, как нам кажется, присутствует. В одном из стихотворений она опять появится под именем Хлои: к ней будет обращен монолог ее супруга, в котором изложена своего рода программа их семейной жизни. И эта программа столь значительна и важна для Василия Львовича, что о ней надо говорить особо. При этом речь пойдет не только о Капитолине и Хлое, но и о Лизоньке и бедной Лизе.

2. Лизонька и бедная Лиза

Видел славный я дворец
Нашей матушки царицы;
Видел я ее венец
И златые колесницы.
«Все прекрасно!» — я сказал
И в шалаш мой путь направил:
Там меня мой ангел ждал,
Там я Лизоньку оставил.
Лиза, рай всех чувств моих!
Мы не знатны, не велики;
Но в объятиях твоих
Меньше ль счастлив я владыки?^[127]

Так начиналась песня И. И. Дмитриева, впервые напечатанная в 1794 году в «Приятном и полезном препровождении времени» без имени автора. Но имя автора знали, и песни, по свидетельству издателя журнала, «многие подражали». Дорожил ею и сам сочинитель. Во всяком случае, он продолжал улучшать ее текст. И если в первом издании строка «И в шалаш

мой путь направил» читалась как «И к селу мой путь направил», а в сборнике «И мои безделки» 1795 года — «И к себе мой путь направил», то уже с издания «Сочинений и переводов» И. И. Дмитриева 1803-1805 годов значился «шалаш». Конечно, так лучше. Противопоставление шалаша дворцу удалось. Богатству и знатности противопоставлена любовь в шалаше на лоне природы:

Царь один веселий час
Миллионом покупает,
А природа их для нас
Вечно даром расточает ^[128].

А как замечательно заканчивает И. И. Дмитриев свою песню:

Эрмитаж мой — огород,
Скипетр — посох, а Лизета —
Моя слава, мой народ
И всего блаженства света! ^[129]

И для Василия Львовича идеал семейного счастья — жизнь с любимой в скромном жилище на природе. Но не только с любимой, а еще и с друзьями. Ведь и Н. М. Карамзин писал:

Верна дружба! Ты едина
Есть блаженство на земле;
Кто тобою усладился,
Тот недаром в мире жил ^[130].

И еще, конечно, — с книгами. Без книг, без чтения Василий Львович своей жизни не мыслил.

После женитьбы В. Л. Пушкин вместе с молодой супругой в 1796 году посетил Суйду, где они, по признанию Василия Львовича, «провели несколько приятных дней». Суйда — мыза в 60 верстах от Петербурга, недалеко от Гатчины. С 1759 года она принадлежала Абраму Петровичу Ганнибалу, крестнику и любимцу Петра I, потом его сыну Ивану Абрамовичу Ганнибалу, уволенному от службы в чине генерал-поручика в 1784 году, — он приходился дядей Надежде Осиповне Ганнибал, вышедшей в 1796 году замуж за Сергея Львовича Пушкина. Впечатления от поездки в Суйду нашли отражение в стихотворении Василия Львовича, которое он так и назвал — «Суйда». В этом стихотворении, напечатанном в 1796 году в «Аонидах», и изложил автор свою программу семейной жизни:

Я Хлое говорил: «Послушай, для покоя
Такое же село, как Суйда, я куплю
И буду жить с тобой там в домике прекрасном!
Нас милые друзья там будут посещать,
А мы под небом ясным,
С сердцами чистыми, их станем угощать.
Тут, в английском саду, под липою густою,
Готов нам будет чай — и Хлое разливать;
А там нас песнями и пляской забавлять
Крестьянки из села все прибегут толпою» (132).

Василий Львович рисует в воображении идиллическую картину: он и его жена пойдут «резвиться на лужок», где для друзей будут выстроены качели; они услышат глас свирели — «и стадо тучное погонит пастушок». А потом — на берегу, в беседке — ужин, где «со вкусом будет все, приятно и не пышно».

По утру он будет проводить время за книгами — Гиршфельд, Руссо, Боннет, Томсон, Юнг, Геснер, Циммерман украсят его уединение: «Вот как я, нежный друг, желаю жить с тобой!» (132).

Когда в 1822 году выйдет в свет книга «Стихотворения Василия Пушкина», сочинитель включит в него стихотворение «Суйда». Первую его строку «Души чувствительной отрада, утешенье» он снабдит горестным примечанием: «Сии стихи были писаны в цветущей молодости моей, я тогда еще мечтал о счастии!» (131). Увы! Поэтическим мечтам Василия Львовича о семейном счастье с прелестной Хлоей, то есть с Капитолиной, не суждено было осуществиться. Литература и жизнь отнюдь не всегда шли рука об руку. Но всё же жизнь в эпоху В. Л. Пушкина (да и в эпоху его племянника) была пронизана литературой. Литературные произведения становились моделью жизненного поведения, определяли судьбы уже не вымышленных, а реальных людей. Позволим себе привести несколько примеров.

В 1781 году появились первые переводы романа Гёте «Страдания молодого Вертера» на русский язык. Роман пользовался огромной популярностью. Многочисленные подражания несчастному герою Гёте были и трагического, и комического свойства. В 1792 году шестнадцатилетний Михаил Сушков написал автобиографическую повесть «Российский Вертер» — написал и покончил жизнь самоубийством. Но есть и другое свидетельство. Это анекдот о поэте Е. И. Кострове в «Записной книжке» П. А. Вяземского:

«Одно из любимых чтений Кострова было роман „Вертер“. Пьяный он заставлял себя читать его и заливался слезами. Однажды в подобном положении после чтения любимого продиктовал он Дмитриеву

любовное письмо во вкусе Вертеровом к любовнице, которую он знал»^[131].

Созданный в 1761 году роман Ж. Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» во Франции только в XVIII веке выдержал 70 изданий, более того — книгопродавцы выдавали его на прочтение за 12 су в час. Первый перевод на русский язык был выполнен в 1769 году, и долгие годы не меньшим успехом роман пользовался у русских читателей и читательниц. В «обманы» Ж. Ж. Руссо влюблялась не только Татьяна Ларина. Трогательная любовь его героев — дочери барона д'Энтажа Юлии и домашнего учителя Сен-Пре побуждала объясняться в любви непременно на природе и конечно же словами Сен-Пре. Разумеется, отнюдь не всех возлюбленных в жизни разделяли сословные преграды, многие из них обретали свое счастье и уже не вспоминали потом о чувствительном романе, которым были так увлечены.

В 1792 году в «Московском журнале» была напечатана повесть Н. М. Карамзина «Бедная Лиза». Трудно передать восторг, с которым встретили ее читатели, до глубины души тронутые бесхитростной историей любви дворянина Эраста и крестьянки Лизы, любви, которая привела к трагической гибели бедной девушки, а потом и к безвременной смерти молодого человека. Об энтузиазме читателей, превративших пруд у Симонова монастыря в Москве, в котором утопилась Лиза, в место паломничества, в какой-то мере рассказывает гравюра Н. Соколова, приложенная к первому отдельному изданию повести в 1796 году. Гравюра запечатлела Симонов монастырь, пруд. Под изображением — надпись:

«В нескольких саженьях от стен Симонова монастыря по Калужской дороге есть старинный пруд, окруженный деревьями. Пылкое воображение читателей видит

утопающую в нем бедную Лизу, и на каждом почти из оных деревьев любопытные посетители, на разных языках, изобразили чувства сострадания к несчастной красавице и уважения к сочинителю повести. Напр.: на одном дереве вырезано:

В струях сих бедная скончала Лиза дни,
Коль ты чувствительный, прохожий, воздохни.

На другом, нежная, может быть, рука начертала:

Любезному Карамзину!
В изгибах сердца сокровенных,
Я соплету тебе венец:
Нежнейши чувства души тобой пленен
.....

Многова нельзя разобрать, стерлось. Сей памятник чувствительности московских читателей и нежного их вкуса в литературе, здесь изображается, иждивением и вымыслом одного ее любителя. 1796 г.»^[132].

В Москве ходили слухи, что в пруду у Симонова монастыря стали топиться обманутые девушки. По рукам ходила эпиграмма:

Здесь бросилась в пруд Эрастова невеста.
Топитесь, девушки: в пруду довольно места^[133].

Нет, конечно же Василий Львович не писал этих иронических стихов. Он, по его позднему признанию в одном из писем П. А. Вяземскому, в 1818 году, гуляя возле пруда, «где Бедная Лиза кончила жизнь свою», нашел собственной руки своей надпись,

которую он «начертил ножом на березе лет двадцать, а может и более назад» (234). Поэт по памяти написал на итальянском языке стихи из 338-го сонета Франческо Петрарки «На смерть Мадонны Лауры», первый из которых Н. М. Карамзин поставил эпиграфом к отдельному изданию своей повести:

Non la conobbe il mondo mentre l'ebbe; / L'ho conosciuta io, e solo a pianger la rimasi (234). (Ее не знал мир, пока имел ее; / Я знал ее, а теперь мне осталось только оплакивать.)

Когда Василий Львович чертил на березе эти строки, вряд ли он мог предполагать, что и в его жизнь, как и в жизнь героя карамзинской повести, войдет девушка, не принадлежащая к дворянскому сословию, бывшая крепостная, которая изменит его судьбу.

3. Вольноотпущенная девка Аграфена. Развод

«1802 г. Августа 13, жена коллежского асессора Василия Пушкина Капитолина (рожденная Вышеславцева) подала прошение о расторжении брака ее с оным мужем за прелюбодейную его связь с вольноотпущенною девкою» ^[134].

Ну просто — гром среди ясного неба! Ведь казалось, ничто не предвещало такой житейской бури. И недавние исторические потрясения никоим образом не сказались на семейной жизни В. Л. Пушкина. Когда мартовской ночью 1801 года в Петербурге заговорщики убили Павла I, на следующий день в Северной столице раскупили всё шампанское и тотчас же надели запрещенные императором жилеты и круглые шляпы. Москва не отставала от Петербурга. Модник В. Л. Пушкин, который, заметим, всегда любил шампанское, не мог не радоваться открывшейся

возможности щегольнуть в модных нарядах. Как вспоминал о нем Ф. Ф. Вигель, «Василий Львович мало заботился о политике, но после стихов мода была важнейшим для него делом»^[135]. Впрочем, что знал он о дворцовом перевороте и что думал о нем, нам неизвестно. Конечно, «дней Александровых прекрасное начало» вселяло в сердца радужные надежды на лучшее будущее. Коронация Александра I в Москве стала чередой всевозможных празднеств и балов, и Василий Львович вместе с женой принимал в них участие. «Блестящее существование его в свете умножалось еще женитьбой на красавице Капитолине Михайловне», — писал Ф. Ф. Вигель.

Вигель познакомился с В. Л. Пушкиным летом 1801 года в подмосковном имении графа Ивана Петровича Салтыкова Марфино, которое славилось великолепным дворцово-парковым ансамблем, праздниками, спектаклями и концертами. В Марфине оркестры играли Моцарта и Гайдна, звучала роговая музыка, рассыпали разноцветные огни фейерверки. На сцене марфинских театров (их было два — один деревянный, в парке, другой — воздушный, в роще) ставились комедии Мариво и Бомарше, оперы Пиччинни и Дж. Паизиелло. В 1801 году Н. М. Карамзин написал комедию «Только для Марфина». В ней играли сам Николай Михайлович, В. Л. Пушкин, Ф. Ф. Вигель.

Филипп Филиппович нарисовал в своих записках портрет Василия Львовича:

«Сам он был весьма некрасив. Рыхлое, толстеющее туловище на жидких ногах, косое брюхо, кривой нос, лицо треугольником, рот и подбородок a'la Charles-Quint (как у Карла Пятого. — Н. М.), а более всего редееющие волосы не с большим в тридцать лет его старообразили. К тому же беззубие увлаживало разговор его, и друзья внимали ему хотя с удовольствием, но в некотором от

него отдалении. Вообще дурнота его не имела ничего отвратительного, а была только забавна»^[136].

Насколько достоверно это описание внешности В. Л. Пушкина? Вероятно, надо учесть всегдашнюю язвительность мемуариста, а также то обстоятельство, что он создавал свои мемуары спустя многие годы после первой встречи с В. Л. Пушкиным, и в созданном им портрете могли сказаться его позднейшие впечатления от общения с Василием Львовичем.

Ф. Ф. Вигелю нельзя отказать в наблюдательности. «Главным его недостатком, — пишет он о В. Л. Пушкине, — было удивительное его легковерие, проистекавшее, впрочем, от весьма похвальных свойств, добросердечия и доверчивости к людям; никакие беспрестанно повторяемые мистификации не могли его от сей слабости излечить»^[137]. Что и говорить, психологическая характеристика нашего героя весьма достоверна.

И еще одна подробность, о которой сообщает Ф. Ф. Вигель: Василий Львович рассказывал ему, мальчишке, «разного рода неблагопристойности про любовные свои успехи», и он, Ф. Ф. Вигель, «начал смотреть на него как на шалунишку»^[138].

Итак, в 1801 году мы видим стареющего, некрасивого, забавного мужа и молодую красавицу — жену; легковерного человека, доброта и доверчивость которого скорее всего распространяются и на его спутницу жизни; главу семейства, склонного к любовным шалостям, которые, впрочем, могли быть больше в разговорах, нежели на самом деле (тот, кто много говорит о любовных победах, часто выдает желаемое за действительное).

Когда Капитолина Михайловна заявила о своем намерении развестись, В. Л. Пушкин еще не оправился от пережитого горя. В январе 1802 года умерла его

мать. В метрической книге церкви Святого Харитония сохранилась запись:

«В Генваре Числа 24. Умре в покаянии по христианской должности вдова полковница Ольга Васильевна Пушкина, коей от роду было 67 лет. Погребена 27 дня в Донском монастыре»^[139].

В феврале дети Ольги Васильевны подали прошение в Московскую гражданскую палату, с тем чтобы был утвержден полюбовный раздел имущества, доставшегося им после смерти матери. За Василием и Сергеем Львовичами закреплено было Болдино, за Анной Львовной — село Тимонино, за Елизаветой Львовной — деревня Новоуспенская. И дворовых людей поделили... Опять-таки хлопоты.

Как только 13 августа Капитолина Михайловна подала на развод, сразу же поползли слухи. Подумать только, 30 сентября из Неаполя (!) Александр Яковлевич Булгаков пишет брату Константину Яковлевичу в Вену (!):

«Василий Львович развелся с Капочкою за то, что она брюхата, но видно не маленьким поэтом. Вот что называется быть глупцом. Пусть плод чужой, но зато слава наша»^[140].

Вот уж правда, «злые языки страшнее пистолета». В сентябре 1802 года и Капочка не брюхата, и Василий Львович с ней еще не развелся, а пока разъехался, хотя законом это запрещалось.

Бракоразводный процесс затянулся на четыре года. В 1803 году Василий Львович решился уехать за границу. До своего отъезда он выдал замуж младшую сестру Елизавету за помещика Рязанской губернии, переводчика Московского архива Коллегии иностранных дел Матвея Михайловича Сонцова, человека любезного, хорошего рассказчика и шутника (и по части карьеры весьма преуспевшего — в 1825 году

он будет камергером). Сестра получила от брата к свадьбе поэтический подарок — басню «Голубка и бабочка». Бабочка сетует голубке на неверного мотылька. Голубка советует ей самой любить для того, чтобы «любимой нежно быть». Василий Львович так заключает свою басню:

Элиза милая, пример перед тобою:
Люби... и будешь век довольна ты судьбою!
Супруг твой добр и мил. Он сердца твоего,
Конечно, цену знает;
Люби и почитай его!
Там счастье, где любовь: оно вас ожидает (71).

Это была улыбка сквозь слезы. Для него самого, казалось, уже не было надежды на любовь и счастье. Когда в апреле 1803 года он садился в карету, не произносил ли он мысленно еще ненаписанный монолог Чацкого:

Вон из Москвы! Сюда я больше не ездук.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету.
Где оскорбленному есть чувству уголок!^[141]

(Хотя, чье чувство было оскорблено, еще предстоит решить.)

Василий Львович уезжал из Москвы в конце апреля, накануне своего дня рождения. Быть может, он рассчитывал, напившись новыми впечатлениями, повстречавшись с новыми людьми, родиться для новой жизни. За окнами кареты замелькали города и страны — Германия, Франция... А потом — уже морским путем — в туманный Альбион, в Англию...

В 1804 году В. Л. Пушкин возвращается в Москву. Но должно было пройти еще много времени до решения церковного суда. 8 февраля 1806 года отчаявшийся Василий Львович обратился к князю Александру Николаевичу Голицыну, обер-прокурору Синода с просьбой помочь ему в прекращении дела о разводе его с женой. Письмо В. Л. Пушкина А. Н. Голицыну, письмо А. Н. Голицына московскому викарию, преосвященному Августину, письмо преосвященного Августина А. Н. Голицыну и, наконец, указ Синода по делу о разводе Пушкиных проливают свет на создавшееся положение и вместе с тем ставят перед нами новые вопросы, требующие ответа. Обратимся к названным документам.

В. Л. Пушкин — князю А. Н. Голицыну 8 февраля 1806 года из Москвы в Петербург:

«Не лишите меня покровительства вашего. На вас единственно полагаю я всю мою надежду. Жена моя, Капитолина Михайловна, желая выйти за другого, разными происками, через усердствующих ей посредников, вынудила у меня письмо, которое, будучи в беспамятстве, я написал, но потом в неоднократных просьбах моих, поданных его преосвященству Августину, викарию московскому, я опровергнул, и просил его преосвященство, как архипастыря, возвратить мне мою жену, с которою я никак разводиться не желаю, а напротив того, по долгу христианскому хочу жить неразлучно, и никаких к тому с моей стороны препятствий нет. Теперь духовная консистория не знаю почему требует меня к формальному суду, то мне судиться с женою, которую я люблю и с которой я хочу жить, не для чего. Я исполню долг христианина и мужа и потому имею право просить помощи вашей. Мне также известно, что главное удовольствие ваше есть помогать несчастным и невинным. Прошу ваше сиятельство сделать милость

отписать преосвященному Августину, чтоб мне позволено было приехать в С.-Петербург и объяснить вам самим все мое дело, я надеюсь, что вы, по великодушию вашему, не откажете мне в сей моей просьбе и будете уверены о не лестном почитании, с которым имею честь пребыть, и проч.»^[142].

Князь А. Н. Голицын — преосвященному Августину 16 февраля 1806 года из Петербурга в Москву:

«Василий Львович Пушкин пишет мне, что супруга его Капитолина Михайловна, желая выйти замуж за другого, разными происками выманила у него письмо в беспамятстве и теперь в московской консистории завела суд по форме о разводе.

Не зная о подлинности дела сего, но судя, что других законных доказательств к разводу, кроме вынужденного у него в беспамятстве письма, нет, то казалось бы по одному сему и тогда, когда он с нею желает неразлучно жить, начинать суд по форме неуместно; и для того я покорнейше прошу ваше преосвященство оказать ему архипастырское покровительство. А как г. Пушкин изъяснит еще и то, что имеет надобность быть в С.-Петербурге, но его принуждая стать к суду, не позволяют отлучиться, то в сем случае прошу доставить ему ваше пособие, ибо если уж столь необходимо, и делу сему обойтись без формального суда не можно, то он вместо себя представить может поверенного. Меня ж прошу уведомить о существе дела сего, пребываю впрочем с истинным почтением и проч.»^[143].

Преосвященный Августин — князю А. Н. Голицыну 7 марта 1806 года из Москвы в Петербург:

«Сиятельный князь, милостивейший благодетель мой!

Почтеннейшим писанием от 16-го прошедшего месяца ваше сиятельство изволите требовать от меня

уведомления по делу коллежской ассессорши Капитолины Пушкиной о разводе с мужем ея. По учинении справки, спешу донести вашему сиятельству, что дело сие началось по формальному прошению оной Пушкиной, обвиняющей мужа своего в нарушении к ней верности, и свидетельствующей то, как другими доказательствами, так собственноручным письмом его, в котором г. Пушкин ясно и прямо признает себя нарушителем святости брачного союза, и что он привязан к одной женщине, от которой никогда отстать не может.

Мы по долгу пастырскому всячески старались примирить жену с мужем. Прежде ни муж, ни жена не склонялись к примирению, но после муж склонился, а жена осталась совсем непреклонною. Почему чрез восемь месяцев после того, как жена г. Пушкина подала на него просьбу по необходимости, велено начать суд; и до решения дела г. Пушкину от Москвы не отлучаться.

Получив почтеннейшее письмо вашего сиятельства, я отнесся к его высокопреосвященству, ходатайствуя за Василия Львовича. Но в ответ получил от него, „что дело производится по законному учреждению, и поэтому не решится. А потому г. Пушкину до решения дела отлучаться из Москвы не следует, а поверенных в брачных разводах принимать указами запрещено, а велено их судить лично“. О сем донося вашему сиятельству, смею уверить, что я с моей стороны Василью Львовичу готов сделать всякое пособие и тем доказать, что ничего нет для меня приятнее, как исполнять волю вашу и чрез то заслужить милости и покровительство ваше.

С глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностию имею честь быть и проч.» ^[144].

Извлечение из указа Синода от 22 июня 1806 года по делу о бракоразводном процессе В. Л. и

К. М. Пушкиных:

«По производстве о сем продолжительное время дела Московское епархиальное начальство постановило следующее определение. Как истица Капитолина Пушкина, по многократно чинимым ей увещаниям и советам, примириться с мужем своим не согласилась и в том оказалась совсем непреклонною; а поелику и Пушкин, сколько ему от духовного начальства ни делано было пособия, чтобы он с своей стороны все средства употребил на примирение жены своей к сожитию с ним, но о том и отзыва к ней не имел и лично перед собранием Консистории показал, что он с самого обвенчания с истицею супружеской верности не хранил и с отпущенною на волю девкою Аграфеною Ивановою прелюбодейство подлинно чинил и с нею в Париж и прочие немецкие города ездил, также и представленное от жены письмо, в рассуждении связи его Пушкина с оною девкою, подлинно ли писано его рукою в целом уме и по собственному чувству в невинности и честности же его, а не по чьему либо другому, что (а равно и все показания жены его в рассуждении сего поступка) утвердил во всем за точныя и справедливыя, и жить он с нею впредь в законном супружестве, по причине падения своего, и могущей быть посему от нея всегда недоверчивости, не пожелал: за каковым собственным его Пушкина и учиненным пред судом лично признанием, по силе Воинских Процессов 2 главы п. 1,2 и 3, показал себя в нарушении брачного союза и впредь к тому неблагонадежным, для того его Пушкина брак с истицею Капитолиною, урожденною Вышеславцевою, за прелюбодейство его Пушкина, по силе Евангелиста Матфея гл. 19 стиха 9 и Василия В. 21 гл. пр. 9, расторгнуть, и чтоб он ту Вышеславцеву впредь женою своею, а она его своим мужем не почитала и нигде не писала, в том обязать их подпискою, с таким

подтверждением, чтобы он по силе 9 пр. Василия Великого оставался всегда безбрачным и в другой брак ни с кем не дерзал. Жене же его Вышеславцевой, яко лицу невинному, во второй с свободным лицом брак, когда пожелает, вступить дозволить и в том дать ей свидетельство; а его Пушкина за прелюбодейство от жены по силе Анкирского собора, 20 пр. подвергнуть семилетней церковной епитимии, с отправлением оной через шесть месяцев в монастыре, а прочее время под смотрением духовного его отца, с тем, что оный, смотря на плоды его покаяния, может ему возложенную епитимию и умалить. Синод утвердил определение епархиального начальства»^[145].

Прежде чем говорить о некоторых существенных подробностях, сообщенных в приведенных документах, несколько слов о тех, кто, помимо В. Л. Пушкина, в них фигурирует.

Князь А. Н. Голицын, как уже было сказано, — обер-прокурор Синода. В 1816–1824 годах он займет пост министра просвещения, в 1817 году будет присутствовать на выпускных экзаменах в Царскосельском лицее, представлять всех выпускников, в том числе племянника В. Л. Пушкина, Александру I. В августе 1828 года А. Н. Голицын будет допрашивать А. С. Пушкина, являясь членом комиссии по расследованию авторства «Гаврилиады» (к этому времени А. С. Пушкин уже напишет на него эпиграмму «Вот Хвостовой покровитель»). Судя по его письму к преосвященному Августину, он действительно хотел помочь Василию Львовичу.

Московский викарий преосвященный Августин вел дела Московской епархии, был деятельным помощником митрополита Платона. Именно его называет преосвященный Августин в письме князю А. Н. Голицыну. Как мы помним, владыка Платон знал

семью В. Л. Пушкина, в свое время пожелал лично отпевать отца Василия Львовича Льва Александровича. При всем уважении к покойному Л. А. Пушкину он не считал возможным сделать какое-либо послабление его сыну, полагал необходимым строго соблюдать церковные законы.

В указе Синода названо имя вольноотпущенной девки Аграфены Ивановой. Благодаря указу, мы знаем, что о прелюбодейной связи с ней говорилось в прошении Капитолины Михайловны о разводе с мужем, что сам ответчик подтвердил эту связь в представленном женой его собственной рукой написанном письме, а также в своих показаниях суду. Кроме указа Синода, ни в каких других документах, письмах, дневниках, мемуарах Аграфена Иванова не упоминается. Возникает вопрос: а была ли Аграфена Иванова на самом деле?

Позволим себе высказать некоторые предположения. В XIX веке церковный суд для расторжения брака должен был иметь веские причины. И не решил ли В. Л. Пушкин по своему благородству и доброте взять вину на себя, написав признательное письмо? Потом, по слабости характера и искренней привязанности к жене, он пытался всё вернуть на круги своя.

А. Н. Голицыну он сообщал, что письмо написал в беспамятстве и что разными происками жена это письмо у него вынудила. Когда дело всё же дошло до суда, Василий Львович признал свою вину в супружеской неверности, сообщил даже, что он с Аграфеной Ивановой «в Париж и другие Немецкие города» ездил. Независимо от того, существовала ли вольноотпущенная девка Аграфена Иванова на самом деле или же ее вообразил Василий Львович, чтобы любимая им Капитолина Михайловна не пострадала, эта история (реальная или вымышленная) Дорого ему

обошлась — кроме семилетнего церковного покаяния он был осужден на безбрачие.

Капитолина Михайловна в том же 1806 году вновь вышла замуж. Всё верно: Василий Львович не случайно сообщал А. Н. Голицыну, что жена его затеяла бракоразводный процесс, желая выйти замуж за другого. Этим другим оказался сослуживец В. Л. Пушкина по Измайловскому полку Иван Акимович Мальцов. В 1794 году он вышел в отставку в чине секунд-майора, переехал в Москву и занялся промышленной деятельностью. Ему, наследнику огромного состояния, принадлежали стекольные и чугунолитейные заводы на Брянщине. И. А. Мальцов был моложе Василия Львовича на восемь лет, с Капитолиной Михайловной жил долго и счастливо. У них было трое детей: два сына — Василий и Сергей — и дочь Мария. Может быть, первого сына они называли Василием в благодарность за то, что Василий Львович дал жене возможность развестись с ним без какого-либо для нее унижения? Не случайно же Е. П. Янькова, вспоминая замечательную красавицу Капитолину Михайловну, рассказывала: «Она с мужем разошлась и вышла за Мальцева, но с первым своим мужем все-таки осталась в дружеских отношениях, и он тоже не переставал быть приятелем Мальцева»^[146].

Дочь К. М. Мальцевой Мария Ивановна вышла замуж за графа Николая Павловича Игнатьева, дипломата, председателя Кабинета министров, члена Государственного совета. В Москве, в Государственном архиве Российской Федерации, в фонде Н. П. Игнатьева хранятся письма Капитолины Михайловны к дочери. Они говорят о том, что Капитолина Михайловна была нежной матерью, любила и заботилась о своих близких.

«Я тебе, друг мой, не могу объяснить, — писала она Маше, — с каким я теперь нетерпением жду

возвращения мужа, и как приедет, то не буду мешкать ни одного часу сдесь — в кибитку или в дилижанс мне все равно, только чтоб поскорее к вам друзья мои, крепко прижму вас к сердцу моему, никакое перо, ни красноречие не может етого описать чувства. Христос с вами. Друг и мать К. М.»^[147].

Это с Василием Львовичем у Капитолины Михайловны семейная жизнь не сложилась...

Для В. Л. Пушкина развод с женой был уроком жизни, который он запомнил надолго. В одном из писем 1824 года Александру Ивановичу Тургеневу П. А. Вяземский рассказал о такой сцене:

«На днях застал я Василия Львовича, проповедующего своему знаменитому камердинеру Игнатию твердость и великодушие в пренесении рогов, которые всадила ему жена. „Чем же я тебя хуже, — говорил он ему, — а и я был роконосец“. <...> Сцена была бесподобная! Василий Львович утешал его от доброй души; представь себе притом, что вся дворня была свидетельницею его увещаний, и ты постигнешь всю патриархальность этой сцены»^[148].

Конечно, проповедь Василия Львовича, забывшего, что «гостиная усажена лакеями и прачками», забавна. Но содержание этой проповеди — твердость и великодушие в перенесении такого несчастья, как неверность жены, заслуживает уважения и сочувствия.

Вскоре после памятных для него событий В. Л. Пушкин сочинил басню «Соловей и малиновка», в которой рассказал печальную историю своего разрыва с женой.

«Соловушка малиновку любил / И гнездышко ей свил». Но ему пришлось оставить любимую, улететь в «сторону чужую». В разлуке снегирь утешал малиновку, нашептывал ей, что соловей «в дальней рощице... <...> с зяблицей летает». Когда соловей, «любовник

страстный», вернулся домой, его, несчастного, ждало лишь разоренное гнездо:

О нежные сердца! Любовь из ничего
Родится, умирает,
И басни сей творец нередко повторяет;
В любви разлука нам опаснее всего! (75).

Басня В. Л. Пушкина была напечатана в 19-м номере «Вестника Европы» в 1807 году. В следующем номере журнала появилось стихотворение П. И. Шаликова «На басню Соловей и Малиновка»:

Друзья! Не сам ли нам печальный Соловей
Пропел о ветреной Малиновке своей —
Как он забыт, оставлен ею?
Ах! только можно петь Орфею
Об Эвредике и судьбе,
Любви, надежде, сердцу льстившей,
Потом с любезною жестоко разлучившей!
Я верю в истине, Соловушка, тебе!
Так живо горестей чужих не выражают.
Одни несчастные несчастье прямо знают!^[149]

Сочувствие друга не могло не тронуть Василия Львовича. И хотя сердце его было разбито, оставалась дружба, оставалась поэзия. И об этом, и о других утешениях и радостях в жизни В. Л. Пушкина мы еще не раз будем говорить. Сейчас же хотелось бы вернуться в апрель 1803 года и совершить с нашим героем заграничное путешествие, которое так много для него значило и о котором он не раз вспоминал и рассказывал по возвращении на родину.

Глава четвертая «ДРУЗЬЯ, СЕСТРИЦЫ! Я В ПАРИЖЕ!»

1. Москва — Рига — Данциг — Берлин

22 апреля 1803 года в «Московских ведомостях» в известиях об отъезжающих за границу появилось имя нашего героя:

«Коллежский асессор Василий Львович Пушкин и при нем служитель его Игнатий Хитров; живет Яузской ч. 1 квартал в доме под № 29-2».

Служитель Игнатий Хитров — тот самый «знаменитый камердинер» В. Л. Пушкина, о котором писал в 1824 году П. А. Вяземский А. И. Тургеневу. «Знаменитый» — вероятно, прежде всего потому, что он сочинял стихи. Поэт собрался в заграничное путешествие вместе со слугой-поэтом...

Конечно, В. Л. Пушкин отправлялся в путь с пером в руке. За три дня до отъезда на дружеском ужине он обещал передать свои впечатления в письмах. И. И. Дмитриев тут же заметил, что письма его всегда будут драгоценны для друзей, но только вот содержание их заранее известно. И якобы тут же Иван Иванович сочинил забавное стихотворение «Путешествие NN в Париж и Лондон, писанное за три дни до путешествия», писанное, разумеется, самим путешественником. Создатель этой «стихотворной безделки» (так он назвал свое сочинение сам) упомянул о ней в своих мемуарах. Племянник И. И. Дмитриева Михаил Александрович пояснил: «Написано в 1803 и напечатано в 1808 г., в числе 50 экземпляров с виньеткой»^[150]. Но он ошибался: стихотворение было сочинено уже после возвращения В. Л. Пушкина в

Россию. Это была шутливая мистификация, чрезвычайно интересная для нас и как образец легкого, остроумного повествования, и как своего рода документ. Василий Львович, вернувшись домой из чужих краев, много раз рассказывал о своей заграничной поездке, и его рассказы, безусловно, нашли отражение в стихах И. И. Дмитриева.

О пребывании В. Л. Пушкина за границей нам известно и из двух его писем, адресованных Н. М. Карамзину из Берлина и Парижа в 1803 году и тогда же напечатанных Николаем Михайловичем в «Вестнике Европы». К счастью, некоторые сведения (пусть и немногие) мы можем почерпнуть из французских газет и журналов, из дневника одной французской барышни, с которой Василий Львович встречался в Париже в салоне ее матушки, из альбома русской барыни, жившей тогда в столице Франции, а также из адресованной В. Л. Пушкину записки знаменитого французского актера.

Еще до своей поездки В. Л. Пушкин читал «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» английского писателя Лоренса Стерна и «Письма об Италии» французского автора Шарля Дюпати. Разумеется, читал их на языке оригинала, хотя мог познакомиться и с их русскими переводами. Сочинение Стерна впервые было напечатано на русском языке в 1793 году, затем переиздано в другом переводе в 1803-м, то есть в год отъезда В. Л. Пушкина за границу. Любопытно название первого русского издания: «Стерново путешествие по Франции и Италии, под именем Йорика, содержащее в себе: необыкновенныя, любопытныя и весьма трогашья приключения, многия критическия рассуждения и замечания, изображающия истинныя свойства и дух французскаго народа; нежныя чувствования, тонкия и острыя изречения, нравственныя и философскія мысли, основанныя на

совершенном познании человеческого сердца, с приобщением дружеских писем Йорика к Элизе и Элизы к Йорику». В какой-то мере это название объясняет, что привлекало к книге Стерна его многочисленных читателей и последователей, среди которых можно назвать и Василия Львовича. Чувствительность созданного Стерном путешественника нашла отклик в добром сердце московского поэта.

Я, право, добр! и всей душою
Готов обнять, любить весь свет!.. —

это признание В. Л. Пушкина — героя стихотворения И. И. Дмитриева — перекликается со словами Стерна о том, что если бы он оказался в пустыне, то полюбил бы кипарис.

Стерн представил классификацию путешественников:

«Праздные путешественники,
Пытливые путешественники,
Лгущие путешественники,
Гордые путешественники,
Тщеславные путешественники,
Желчные путешественники.

Затем следуют:

Путешественники поневоле,
Путешественник правонарушитель и преступник,
Несчастный и невинный путешественник,
Простодушный путешественник
и на последнем месте (с вашего позволения)

Чувствительный путешественник (под ним я
разумею самого себя)» ^[151].

Пожалуй, Василия Львовича можно считать не только чувствительным путешественником, но и путешественником простодушным и пытливым.

Поэтому, скорее всего, его могли заинтересовать и «Письма об Италии» Шарля Дюпати, где помимо декларированных автором ощущений, чувств и идей есть пространные описания природы и не менее пространные описания произведений искусства (заметим, что «Письма об Италии» в русском переводе печатались в 1798 году в «Приятном и полезном препровождении времени», а в 1800 году вышли в свет отдельным изданием). Главным же образцом для В. Л. Пушкина явились «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина.

Карамзин совершил свое путешествие за границу в 1789–1790 годах. Сразу же по возвращении в Россию он опубликовал свое сочинение сначала в отрывках в 1791–1792 годах в «Московском журнале» и в 1794–1795 годах — в альманахе «Аглая». Затем в 1797 году «Письма русского путешественника» в четырех частях вышли в свет отдельным изданием и, наконец, полностью в шести частях были опубликованы в 1801 году. Сочинение Н. М. Карамзина, как писал он сам, «удостоилось лестного благоволения публики»^[152]. Русские читатели с изумлением обнаружили, что поездка за границу нашего отечества может быть вызвана не только необходимостью государственной службы, надобностью лечения, намерением получить образование или же бегством от политического преследования, но просто желанием получить удовольствие от новых впечатлений. В сочинении Н. М. Карамзина каждый мог найти для себя то, что его интересовало: описание европейских достопримечательностей, рассказ о встречах со знаменитыми людьми, повествование об исторических событиях, свидетелями которых оказался русский путешественник. Карамзин знакомился сам и знакомил русских читателей с миром европейской культуры и еще

— знакомил Европу с культурой России. Его путешественник — образованный просвещенный человек, достойный собеседник известных европейских писателей и философов: Иоганна Готфлида Гердера, Христофа Мартина Виланда, Шарля Бонне, Иммануила Канта...

Конечно, путешествие заставляло оставить надолго дорогих друзей. В начале своего пути карамзинский путешественник восклицал:

«Внутренне проклинал я то беспокойство сердца человеческого, которое влечет нас от предмета к предмету, от верных удовольствий к неверным, как скоро первые уже не новы, — которое настраивает к мечтам наше воображение и заставляет нас искать радостей в неизвестности будущего!»^[153]

Когда племянник В. Л. Пушкина будет описывать путешествие своего героя Онегина, вероятно, он вспомнит приведенное выше признание из «Писем русского путешественника»:

Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест
(Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест) (VI, 170).

Но как бы то ни было, путешествие всегда прекрасно.

«Приятно, весело, друзья мои, — пишет Н. М. Карамзин, — переезжать из одной земли в другую, видеть новые предметы, с которыми, кажется, самая душа наша обновляется, и чувствовать неоцененную свободу человека, по которой он подлинно может назваться царем земного творения»^[154].

По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
— Вот счастье! вот права... (III, 420), —

напишет в 1836 году А. С. Пушкин, полагавший, что путешествия нужны ему нравственно и физически.

«Одним словом, друзья мои, путешествие питательно для духа и сердца нашего, — утверждал Н. М. Карамзин. — Путешествуй, ипохондрик, чтобы исцелиться от своей ипохондрии! Путешествуй, мизантроп, чтобы полюбить человечество! Путешествуй, кто только может!»^[155]

В. Л. Пушкин и последовал этому благодетельному совету. Примечательно, что накануне отъезда из Москвы он встречался с автором «Писем русского путешественника». Спустя почти 13 лет после поездки Н. М. Карамзина Василий Львович отправился в Европу по его, карамзинскому, маршруту. И именно ему адресовал он свои письма.

«28-го июня 1803 г. Берлин.

Пишу к вам с сердечным удовольствием, любезный Николай Михайлович. Вы уверены, конечно, сколь много почитаю и люблю вас; а я уверен, что мое письмо будет вам приятно. Путешествие мое благополучно; я еду тихо, но покойно» (201).

Первый город, который описал Василий Львович в письме Н. М. Карамзину, — Рига.

«Лишь только въедешь в Ригу, — сообщал в свое время Н. М. Карамзин, — увидишь, что это торговый город, — много лавок, много народа — река покрыта кораблями и судами разных наций — биржа полна. Везде слышишь немецкий язык — кое-где русский, — и

езде требуют не рублей, а талеров. Город не очень красив, улицы узки — но много каменного строения, и есть хорошие дома»^[156].

Такой увидел Ригу в 1789 году Н. М. Карамзин. Такой увидел ее в 1803 году и В. Л. Пушкин. Впрочем, еще до своего путешествия Василий Львович мог прочесть «Примечания о городе Риге» Б. В. Пестеля, напечатанные в Москве в 1798 году:

«Старинные дома имеют вид древности, а вновь построенные прекрасны, прочны и в новейшем вкусе. <...> Улицы столь тесны, что карета с каретою разъехаться не могут. Из встречающихся на многих улицах карет одна должна поворотить в переулок.

Мост через Двину — 1150 шведских локтей — 360 сажен длины. А ширина — могут разъехаться две кареты. Пристают за лето 100 и более кораблей. <...> Зимой Двина почти так же людна, как летом. Из Польши, Литвы и Лифляндии привозят по ней лен, пеньку, дрова, окороки и др.»^[157].

Василия Львовича интересовали прежде всего достопримечательности города:

«В Риге жил пять дней. Этот город понравился чрезвычайно. Я осмотрел ратушу, библиотеку, дом Черноголовых (Schwarzhäupter), гулял в саду Фитингофа...»(201).

«У крыльца ратуши, — сообщал Б. В. Пестель, — положены два камня — стыда или бесчестия. На сии камни ставятся преступившие против благочестия. На грудь привязывается им доска с надписью их преступления. В 1796 году в августе, в самое время биржи, стояла на оном камне женщина с доскою на груди, на которой написано было: содержательница развратного дому. Она стояла час и после выгнана из городу и провождена за границу»^[158].

Мы не знаем, видел ли Василий Львович эти ужасные камни и несчастных преступников против благочестия — во всяком случае, он ничего не написал об этом. Что же касается библиотеки, то его, страстного библиофила, она не могла не привлечь богатым книжным собранием. О ценности этого собрания сообщает Б. В. Пестель в своих «Примечаниях о городе Риге»:

«Городская библиотека — больше из древних авторов. Начало оной происходит от изгнанных в 1523 г. миноритов и в 1587 г. иезуитов. В ней находятся старинной печати 15-го столетия книги Иоанна Фауста, Гуттенберга и Гернсгейма. <...> В 1594 г. завел синдик Давид Гилхен типографию, которая обязана была вносить 1 экз. каждой книги в Рижскую городскую библиотеку. Доктор Иоганн Бауэр, знаменитый врач, подарил собрание врачебных, физических и философических книг. <...> В 1735 г. императрице Анне Иоанновне угодно было повелеть СПб. Академии по 1 экземпляру издаваемых ею книг, карт и эстампов доставлять.

<...> В древние времена одолжались чужестранные купцы, из разных краев света сюда на ярмонку с товарами прибываю-щи, давать за место для выставки своих товаров градской библиотеке самопроизвольный подарок; а как в тогдашнее время много привозимо было книг, то дарили ими и обогащали библиотеку. Рижский магистрат выстроил в 1778 г. залу для библиотеки вновь. Зала и побочные комнаты великолепны и в новейшем вкусе...» ^[159]

В. Л. Пушкин посетил дом Черноголовых, который был построен в центре Риги в далеком XIV веке. В конце XV века его арендовало братство Святого Георгия. Сначала именно святой Георгий был патроном братства, а потом — святой Маврикий (черная голова мавра

украшала герб братства, потому и стали называть его членов Черноголовыми). По существу, это была Малая гильдия молодых неженатых купцов, иностранных и местных, основанная в противовес Большой купеческой гильдии. В доме Черноголовых бывали на праздниках венценосные особы. В большом зале висели портреты шведских и русских монархов, среди которых был и портрет посетившей дом Екатерины II. Черноголовые умели устраивать праздники. Особенно веселились они на Масленицу: пир горой в большом зале, карнавальное шествие при свете факелов, пляски на улицах города. Бывали в доме Черноголовых и музыкальные концерты. Рассказы об этом, видимо, пришлись по душе Василию Львовичу.

Как мы помним, наш путешественник упомянул в письме сад Фитингофа. По-видимому, речь идет о парке в имении Бурхарда Кристофа Фитингофа Мариенбург.

Бурхард Фитингоф (он был моложе Василия Львовича на год) служил в свое время камер-юнкером при дворе наследника Павла Петровича, в 1793 году стал камергером, затем тайным советником. В 1793 году после смерти отца он продал свой дом в Петербурге и, увлеченный изучением флоры, занялся благоустройством Мариенбурга. Парк Мариенбурга стал одной из достопримечательностей Лифляндии. Прекрасное озеро, живописные виды, которые открывались в разных точках парка, вольтер, где содержались различные птицы, круглый бассейн из тесаного камня, всевозможные постройки, храм, посвященный богине плодородия Помоне, мраморная ваза работы славного Антония Кановы — подарок Екатерины II... Одним словом, Василию Львовичу было на что посмотреть. А как трогателен возведенный на берегу озера в 1799 году Бурхардом Фитингофом в память отца восьмиметровый гранитный обелиск. На нем золотом выбита надпись: «Лучшему отцу — другу

человечества от его благодарного сына. MDCCLXXXIX»^[160]. Не исключено, что, когда Василий Львович читал эту надпись, слеза отуманила его взор.

Конечно, В. Л. Пушкина интересовали не только достопримечательности, но и люди, их быт и нравы.

«Жители в Риге богаты, а женщины любезны; говорят все по-французски и очень обходительны».

Поиски дома банкира — «доброго господина Гая» — привели Василия Львовича к приятному знакомству:

«...вижу прекрасную женщину, сидящую под окном, с книгою в руках. Она догадалась, что я приезжий; позвала меня очень учтиво и спросила, кого мне надобно. Муж ее вышел, пригласил к себе, и я очутился в доме богатого купца Эльснера. Жена его, или лучше сказать грация, читала ваше путешествие; натурально, что я говорил о вас: сказал, что вас знаю, что вы меня любите, что накануне отъезда моего я провел целый день с вами» (201–202).

Оказалось, что господин Эльснер знаком со многими учеными людьми в Париже. Заручившись его рекомендациями, Василий Львович отправился далее. Он не стал описывать в своем письме Н. М. Карамзину Данциг. Зачем? Ведь это сделал сам Карамзин:

«Сей прекрасно выстроенный город, море, гавань, корабли в пристани и другие, рассеянные по волнующему, необозримому пространству вод, — всё сие вместе образует такую картину, любезнейшие друзья мои, какой я еще не видывал в жизни своей и на которую смотрел два часа в безмолвии, в глубокой тишине, в сладостном забвении самого себя»^[161].

Конечно, лучше уже не скажешь. А вот коль скоро Н. М. Карамзину не удалось увидеть «славную Эйхелеву картину в главной лютеранской церкви, представляющую Страшный суд», тем более что «король французский... давал за нее тысячу

гульденов», то Василий Львович сделал всё, чтобы увидеть это живописное полотно Х. Мемлинга (в XVIII веке оно приписывалось кисти А. Ван Дейка), и подробно в своем письме его описал:

«В Данциге я видел великолепную соборную церковь. Картина Страшного Суда достойна примечания; только я удивляюсь воображению живописца Ван-Эйка. Архангел Гавриил держит весы и весит грешников: кто тяжел, тот и грешен; того и тащит сатана крюком в ад! Блаженные, идущие в рай, чрезвычайно друг на друга похожи и что-то не так веселы, как бы им быть надлежало; но краски живы, и некоторые физиономии чрезвычайно хорошо изображены; а особливо нашей братьи, грешников. Порок, видно, во всем легче представить, нежели добродетель!» (202).

Приведенное описание, на наш взгляд, делает честь пытливому, простодушному и веселому путешественнику.

Василий Львович не преминул в письме Николаю Михайловичу заметить, что, посетив в Данциге собрание («наподобие нашего Английского клуба»), он читал газеты и разговаривал с банкиром Пельтром о русской литературе: «Путешествие ваше ему очень известно...» (202).

Оказавшись в Берлине, В. Л. Пушкин сообщает Н. М. Карамзину, что священник Иван Борисович Чудовский с удовольствием вспоминал о нем и рассказывал о чаепитии с автором «Писем русского путешественника» в Дрездене. И еще: «Господин Коцебу был у меня, и я третьего дня у него ужинал; подарил ему портрет ваш, и он благодарил меня чрезвычайно» (202).

Заметим, что, рассказывая о своих берлинских встречах, Василий Львович дает только положительные характеристики новым знакомцам: книгопродавец Мерт

— «ученый и любезный человек», Ифланд — «актер бесподобный», «актрисы здесь также хороши». Доброжелательный взгляд русского путешественника радуется прекрасному фасаду оперного дома, великолепнейшим воротам Бранденбургским, прекрасным домикам в берлинском парке, куда здешние жители «собираются пить кофе, пиво, лимонад и курить табак» (203), виду, открывающемуся из отеля «Россия», где он остановился:

«...просыпаюсь и вижу липовую аллею; вижу берлинских красавиц с корзинками в руках, которые прогуливаются и работают» (203).

Берлинские достопримечательности не описаны, а всего лишь перечислены Василием Львовичем:

«В Берлине я видел все редкости, всё, что достойно любопытства: дворец, в котором всего более мне понравилась картина Ангелики Кауфман — Иисус; арсенал, оперный дом, католическую церковь, фарфоровую фабрику, королевскую библиотеку» (203).

Да и зачем их описывать, если это уже сделали Н. М. Карамзин и другие путешественники?

В Берлине театр и литература, как всегда, больше всего занимали В. Л. Пушкина. Встреча его с Августом Коцебу — это встреча со знаменитым немецким писателем и драматургом.

Его пьесы ставились не только в Германии, но и во Франции, Англии, России и везде имели необыкновенный успех. В рецензии на парижскую постановку драмы А. Коцебу «Ненависть к людям или раскаянье» (рецензия была напечатана в 1808 году в журнале «Драматический вестник») сообщалось: «Каждый вечер в театре раздавались вздохи и рыдания, и ни одна женщина не выходила из него не омочив слезами полдюжины платков» ^[162].

Впрочем, в этой же рецензии было сказано о том, что пьеса «наполнена вздором, глупостями, мыслями ложными или гигантскими...»^[163]. Пройдет время, и племянник В. Л. Пушкина А. С. Пушкин будет считать произведения А. Коцебу образцом дурного вкуса, который он в 1825 году насмешливо назовет коцебятиной. Но время-то должно было пройти... А в начале XIX столетия были и восторги, и рукоплескания. В 1791 году повесть Коцебу «Мария Сальмон, или Торжество добродетели» перевел на русский язык сам Н. М. Карамзин. В. Л. Пушкин писал ему:

«Я сидел в ложе у Коцебу: играли его новую комедию „Die Pagen Streiche“^[164], которая еще неизвестна в России» (202–203). Какое ребяческое удовольствие от того, что он, Василий Львович, видит пьесу, в его отечестве еще неизвестную!

Когда В. Л. Пушкин ужинал у А. Коцебу или присутствовал на его комедийном спектакле в берлинском театре, ни он, ни знаменитый немецкий писатель не могли предугадать трагического финала его судьбы: в 1819 году Коцебу, состоявшего на службе у русского правительства, из патриотических побуждений заколет кинжалом немецкий студент Карл Занд, и Василию Львовичу останется только философски заметить в письме П. А. Вяземскому: «Германские студенты шутить не любят, и с ними связываться плохо» (250).

В Берлине В. Л. Пушкин познакомился с поляком, «господином Бернаки, который любит русский язык и читает русские книги» (203). Тот, в свою очередь, познакомил московского стихотворца с польскими баснями. Одну из них — басню Игнатия Красицкого «Птичка в клетке» — Василий Львович поспешил перевести (это был вольный перевод) и отправить Николаю Михайловичу. Тогда же, в 1803 году,

Н. М. Карамзин напечатал ее в «Вестнике Европы» под названием «Соловей и чиж».

В Берлине В. Л. Пушкин посетил институт глухонемых и сумасшедший дом:

«Сейчас я возвратился из института глухих и немых. Г. профессор Этке есть истинный друг человечества. Одного немого спросили при мне, что такое Россия? — „Великая империя“. — „Как называют императора Российского?“ — „Александр“. Профессор сказал ему мое имя; он тотчас написал: Пушкин. Я был тронут до слез. Кто любит добро, должен любить и почитать таких людей, каков Этке. Они делают честь роду человеческому. Оттуда ездил я в Hotel de Charite^[165], дом сумасшедших; здание огромное и которое находится под надзиранием славного Гуфланда. Лучше и приятнее видеть несчастных немых, которые, посредством искусства, перестают быть несчастными, нежели вечных страдальцев» (204).

Приведенный текст говорит о любознательности и добросердечии нашего чувствительного путешественника. Но вот уже и Берлин остается позади, становится воспоминанием. Карета везет Василия Львовича во Францию, приближается к Парижу, главной цели его путешествия.

2. Париж

«12-го сентября 1803 г., Париж.

Желание мое исполнилось, любезный Николай Михайлович, я в Париже и живу приятно и весело. Каждый день вижу что-нибудь новое и каждый день наслаждаюсь» (204).

Вот уж воистину В. Л. Пушкин следует за Н. М. Карамзиным:

«Я в Париже! Эта мысль производит в душе моей какое-то особое, неизъяснимое, приятное движение... „Я в Париже!“ — говорю сам себе и бегу из улицы в улицу, из Тюльери в поля Елисейские, вдруг останавливаюсь, на все смотрю с отменным любопытством: на дома, на кареты, на людей. Что было мне известно по описаниям, вижу теперь собственными глазами — веселюсь и радуюсь живою картиною величайшего, славнейшего города в свете»^[166].

Друзья! Сестрицы! я в Париже!
Я начал жить, а не дышать!^[167]

Так начинает И. И. Дмитриев «Путешествие NN в Париж и Лондон» — не с Риги, не с Данцига или Берлина, а именно с Парижа.

В 1803 году столица Франции влекла к себе многих иностранцев, в том числе и русских. Ведь сколько перемен! Великая французская революция, начавшаяся самозабвенным разрушением Бастилии, провозгласившая свободу, равенство и братство, превратившая французов из подданных в граждан, обернулась ужасами кровавого террора. Монархия сменилась республикой, но зачем же казнить бедного короля Людовика XVI и его венценосную супругу Марию Антуанетту?! Подумать только: по Сене плавали плоты с гильотинами! И это взамен обещанного царства разума и всеобщего счастья. Но ведь одно дело — салонные разговоры о свободе и просвещении и совсем другое — взбунтовавшаяся чернь, напугавшая всех не на шутку. Конечно, «блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые». Но избави бог посетить его в эти минуты на самом деле! Н. М. Карамзин был во Франции в 1789–1790 годах, в начале революции. В. Л. Пушкин

оказался в Париже в 1803 году, уже после бурных революционных событий. Это было другое время. Консульство сменило Директорию. Первый консул Бонапарт, генерал-триумфатор, вернувшийся в Париж из Итальянского и Египетского походов, по существу, завоевал в стране неограниченную власть. И если Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» признавался, что путешествует из любопытства, то любопытство еще более подстрекало В. Л. Пушкина приехать в Париж.

Русские газеты и журналы много писали о Франции и о первом консуле. Читая «Московские ведомости» и «Вестник Европы», можно было познакомиться с известиями из Парижа, сообщениями о Бонапарте. На глазах современников он становился человеком-легендой, героем, настоящим богом войны. Культ Бонапарта, как водится, создавал не только он сам, но и его окружение. Обратимся к «Московским ведомостям» 1803 года:

«Из Парижа июля 7.

В Монитере обнародовано следующее письмо из Дюнкирхена от 4 июля:

„В субботу, в 5 часов вечера, пушечная пальба, с крепости и с батареи производимая, возвестила о прибытии первого Консула. Не можно довольно выразить общей радости народа; повсюду слышны были восклицания: „Да здравствует Буонапарте!““»^[168].

«Из Парижа июля 25.

Здесь музей статуи получил от Консула Камбасереса название и надпись Musée Napoleon (Музей Наполеона)»^[169].

«Из Парижа июля 27.

Возвращения первого Консула ожидают сюда около 4 августа. <...>

Оттуда ж июля 29.

Первого Консула ожидают к 13-му числу Августа в Париже.

15-го числа Августа, в которое за год перед сим Буонапарте избран первым Консулом на всю жизнь, будет, как говорят, праздновано торжество, прошлогоднему подобное»^[170].

«Из Парижа августа 12.

В повелении, изданном здешним Архиепископом об отправлении молебствия в день рождения первого Консула, сказано между прочим: „Нам должно называть Буонапартия человеком Божиим; ибо от Него получил он свою власть и силу, и от Него должен он ожидать себе награды...“»^[171].

«Из Парижа ноября 2.

В Седане одна прекрасная площадь получит название: Площадь Буонапартия Великого. На ней поставлен будет монумент сего Героя»^[172].

Между тем, несмотря на вздорожание съестных припасов, пожары, засухи и сильные морозы, жизнь налаживалась. В. Л. Пушкин до своего отъезда за границу в первом номере «Вестника Европы» за 1802 год мог познакомиться с публикацией «Нечто о нынешнем Париже»:

«Париж, в котором еще недавно было столько шума, волнения, мятежа и всякого рода ужасов, ныне так спокоен и тих, что иностранец, видя его, с трудом верит или глазам, или памяти своей. Французы подлинно чудные люди: один год есть для них век — так скоро они переменяются!

Везде отворены лавки, и все наполнены товарами. Пале-Рояль воскресло в прежнем блеске своем и служит опять ежедневным гульбищем для франтов и щеголих. Хотя и здесь зима не очень приятна, хотя и здесь теперь всякой день дожди, но, однако ж, веселые Французы думают только о забавах; мрачное небо не

помрачает их ума, и глубокая грязь не мешает им прытко бегать из спектакля в спектакль. Карет множество, а кабриолетов еще более; их нанимают по часам и за 40 су можно ехать куда угодно. Везде пылают каминны; но дрова здесь всего дороже: камин стоит мне ежедневно около 50 су. — Съестные припасы не так дороги: фунт самого лучшего мяса стоит 12 су; за бутылку хорошего вина платят экую (рубль). Ныне здесь обыкновенно обедают в пятом часу и потому ужина совсем не бывает. — Комнаты в Отелях не дешевы; я нанимаю три, изрядно прибранные, за 5 луидоров в месяц. — Иностранцев здесь очень много, по большей части Немцов и Англичан; последние не могут нарадоваться миром и Парижем. Вчера в Пале-Рояль одна красавица, приняв меня за Англичанина, сказала мне: „Здравствуй, новый друг! как мы благодарны великому Бонапарте за удовольствие гулять с вами по-старому в здешнем саду!“

Жители Парижские все так же учтивы, как и прежде. Имя гражданина почти уже не употребляется; даже и ремесленники, даже и рыбные торговки говорят всякому хорошо одетому человеку: Moncieur! Только в судах и на письмах остаются еще Республиканския названия Citoyen и Citoyenne. Улицы также по старому называются: говорят Rue Richelieu; Palais-Royal, а не la Loi, не Palais Egalite.

Есть ли не ошибаюсь, то ныне здесь менее нищих, нежели прежде; однако ж все довольно. <...>

Но почта отходит... В другой раз поговорим еще о Париже!»^[173]

Что же говорить о Париже, когда лучше, как известно, один раз увидеть, чем сто раз услышать.

В июле 1803 года Василий Львович уже в Париже. Письмо Н. М. Карамзину он пишет только 12 сентября. Понятно, почему он не садится писать письмо тотчас же

по прибытии в Париж. Ведь столько впечатлений, каждый день что-нибудь новое. Голова идет кругом. С жадным любопытством В. Л. Пушкин посещает лекции и проповеди, спешит в театры и музеи, совершает прогулки по городу, встречается с соотечественниками и — главное — заводит новые знакомства с французами, общается с французскими литераторами и актерами. В письме Н. М. Карамзину есть и печальные размышления о событиях французской революции. Но Василий Львович никак не годился для роли зеркала одной лишь революции, свидетелем которой он, к счастью, и не был. Он, жадно впитывающий впечатления бытия, был зеркалом всего и всех, с кем сводила его судьба.

В. Л. Пушкин сообщает Николаю Михайловичу о лекции «славного метафизика Сикара»: «Он говорит хорошо, но слишком плодовито» (204). Впрочем, беседа с аббатом Сикаром, чью знаменитую школу для глухонемых посетил московский путешественник, понравилась ему больше: «Он рассуждал о бессмертии души, и мне казалось, что я беседую в Афинах с Платоном» (208).

В день блаженного Августина Василий Львович побывал на проповеди «славного аббата де Булоня»: «Я слушал его с удовольствием, но признаюсь, что всего более поражало меня умиление Французов, которые недавно жгли церкви и гнали священников. Оратор говорил о пользе религии, о монастырских учреждениях, о должном почтении к пастырям церкви и пр. Я сам думаю, что Боссюэт, Фенелон, Массильон достойнее любви Вольтера и Дидерота; одни были истинные друзья человечества; другие желали отнять у нас единственное утешение — веру» (206).

«Кто хочет видеть совершенную красавицу, тот должен идти в музей Наполеона и смотреть на прелестную Венеру Медицис. Я согласен с Дюпати, что в ней всё Венера. В той же зале поставлена славная

группа Лаокоона и величественный Аполлон Бельведерский. Антиной также достоин удивления. Он задумался; кажется, что меланхолия запечатлела уста его. В другой зале представляется взору славная Венера Капитолийская. Многие знатоки предпочитают ее Венере Медицис; но я не знаток и люблю то, что более действует на мое сердце» (206).

Василий Львович успел узнать, что «из здешних многих гульбищ самое приятнейшее есть Фраскати» (207). Но конечно же он гулял не только там. «Не буду вам говорить о Версалии, великолепном ее дворце и садах, которые вы знаете», — писал он Николаю Михайловичу и далее в традициях сентиментальной литературы рассказал ему о своей прогулке в Трианоне, вызывая в памяти прекрасные картины недавнего прошлого и с сожалением замечая нынешнее, после революционных событий, запустение:

«Подобно вам, я гулял в Трианоне и наслаждался приятным вечером. Там, где всё украшалось некогда присутствием Марии Антуанетты, видны теперь меланхолические развалины! Ресторатор живет в ее комнатах. Трианонские воды обратились в луга; где прежде ловили рыбу, там косят сено. Грот, хутор, хижина существуют и ныне, но все близко к разрушению» (207-208).

В. Л. Пушкин в Париже, как, впрочем, и где бы то ни было, видит в людях прежде всего добрые черты — будь то французы вообще или же их легендарный первый консул и его супруга:

«Французы любезны и любят иностранных. Красавиц везде много, но должно признаться, что нигде нет столько любезных женщин, как во Франции. Все нимфы и фации!» (206).

Василий Львович так рассказывает о своей встрече с Бонапартом:

«Мы были в Сен-Клу представлены первому консулу. Физиономия его приятна, глаза полны огня и ума; он говорит складно и вежлив. Аудиенция продолжалась около получаса. Там, в большой зале, стоит картина, изображающая Федру с Ипполитом. Она есть славное произведение живописца Гереня. Федра сидит подле Тезея; меч Ипполитов в ее руках, на бледном лице ее изображается любовь и отчаянье. Ипполит, кажется, говорит: „Le jour n'est pas plus pur que le fond de mon cœur“^[174]. Расин, увидев эту картину, конечно, обнял бы Гереня от всего сердца. Нас представляли также и госпоже Бонапарте, которая принимает всех с величайшей любезностью» (207).

Рассказ В. Л. Пушкина, на наш взгляд, весьма любопытен. Казалось бы, русский путешественник встречается с великим человеком, о котором уже говорит весь мир. Но не великий человек оказывается в центре его внимания, а картина славного живописца Пьера-Нарцисса Гереня, который был тогда в большой моде. В 1800 году его картина «Марк Секст» имела грандиозный успех — ей поэты посвящали оды, толпа, стоящая перед ней, устраивала оvation. Пожалуй, не меньшим успехом пользовалась и картина «Федра и Ипполит», которую созерцал в Сен-Клу Василий Львович. Написанная на известный сюжет греческой мифологии (Федра, вторая жена афинского царя Тезея, влюбляется в своего пасынка Ипполита, который не отвечает ей взаимностью, и кончает жизнь самоубийством, оклеветав перед тем непреклонного юношу в глазах отца, так что юноша тоже погибает) картина отличалась театральностью: казалось, что перед зрителем разыгрывается сцена из трагедии Жана Расина, которого с юности знал наизусть Василий Львович. Потому и процитировал он по памяти монолог

Ипполита из второй сцены четвертого акта трагедии Расина «Федра»:

О строгости моей наслышана Эллада.
И в добром имени мне высшая награда,
Мой дух суров и горд. А сердце у меня
Едва ли в ясности уступит свету дня ^[175].

(Перевод М. Н. Донского)

Творение Гереня обладало к тому же прелестью новизны.

«Недавно один любитель художеств и талантов давал праздник в честь новой славной Гереновой картины (которой содержание взято из Федры). На столе был поставлен Рассинов бюст. Подле Гереня сидела молодая Актриса Дюшену, играющая Федру; напротив их стихотворец Легуве. Пили следующие тосты: Расину — Рафаэлю — живописцам в Поэзии — друзьям талантов — Герою, защитнику Муз — миру — свободе» ^[176].

«Герой, защитник Муз» — уж не Бонапарт ли?

Приведенный отрывок из записок некой молодой немецкой дамы, жившей в Париже, которые были переведены Н. М. Карамзиным и напечатаны в 1803 году в одиннадцатом номере «Вестника Европы», красноречиво свидетельствует о том, что В. Л. Пушкин был не одинок в своем восхищении картиной Гереня. Его восторг разделяли французы.

А что же первый консул в рассказе Василия Львовича? Его характеристика, как и характеристика госпожи Бонапарте, — всего лишь рама повествования о живописном полотне Гереня. Бонапарт — одна из достопримечательностей Парижа. Русский путешественник сообщил о его приятной физиономии,

глазах, полных огня и ума, складной речи и вежливости, и, как сказал бы Н. В. Гоголь, «мимо, читатель, мимо!». Но нам-то, читателям письма Василия Львовича, конечно, хотелось бы узнать больше о его визите в Сен-Клу. И мы можем это сделать.

В восемнадцатом номере «Вестника Европы» за 1803 год было напечатано взятое из немецкого журнала и переведенное Н. М. Карамзиным «Письмо из Парижа». Это рассказ немецкого путешественника о приеме в Сен-Клу. Благодаря этому рассказу мы узнаем множество небезынтересных подробностей, начиная с дороги в Сен-Клу в третьем часу дня и кончая разъездом гостей и их возвращением в Париж не ранее семи часов вечера. И Василий Львович ехал в Сен-Клу по берегу Сены, мимо Елисейских Полей, Пасси и Булонского леса. Попав за ограду замка, и он увидел, что «двор и сени были наполнены Жандармами и придворными лакеями»^[177]. Русский путешественник, как и путешественник немецкий, поднимался по большой мраморной лестнице, ведущей «в круглую прекрасную залу», и, войдя в залу аудиенции, увидел два ряда кресел, «на которые садились иностранные дамы».

«Все были отменно нарядны, а всех более Русския и Польки: в бархатном платье, фиолетоваго, темнозеленаго и лиловаго цвета, с золотым широким шитьем. Одна Польская дама усадила свою накидку бриллиантами. <...> На девице Лористон и на других придворных дамах были кисейныя белыя платья и богатыя Турецкия покрывала: это называется здесь утренним нарядом»^[178].

Ожидание выхода первого консула и его супруги заняло два часа, и В. Л. Пушкин и другие гости «в сие время успели осмотреть картинную галерею и другие богато убранныя комнаты»^[179].

«В пятом часу все возвратились в залу аудиенции. Дамы стали перед креслами, а мужчины позади — и Бонапарте вошел, один, в каком-то странном мундире, зеленом с красным воротником, в белом камзоле, черном нижнем платье, белых чулках, с маленькою треугольною шляпою и драгунскою саблею. Он тотчас начал говорить с первою дамою; сказал ей то же, что после и всем другим: несколько слов о климате их отечества, о путешествии до Парижа, о тамошнем их пребывании — смотрел весело, ласково и приятно улыбался»^[180].

Ну что же, всё правильно: когда Василий Львович писал о том, что первый консул «говорит складно и вежлив», он не погрешил против истины, и физиономия первого консула действительно была приятна. Но если Василий Львович увидел в глазах Бонапарта огонь и ум, то немецкий путешественник, не спускавший с героя лорнет, главным образом интересовался цветом его глаз: какие они — зеленые или голубые? Заметив, что «взор его совершенно погас и не изъявляет ничего»^[181], немецкий путешественник счел это следствием сильных страстей и проницательно заметил: «Консул имеет одну страсть, но сильнейшую и самую разрушительную: властолюбие и любочестие». Что же касается впечатления от госпожи Бонапарте, то оно общее — она «учтива и даже слишком ласкова для занимаемого ею места»^[182].

«Через полчаса Госпожа Бонапарте и Консул, весьма учтиво поклонясь собранию, ушли назад во внутренние комнаты, а нас провели через великолепную галерею в большую залу, где начали подавать шоколад, кофе, вино, бисквиты, оржад и лимонад»^[183].

Можно вообразить толчею в большой зале, где немецкий путешественник насчитал около шестидесяти дам, по крайней мере, сто иностранцев и французских

чиновников. Он подходил к генералу Дюроку, «товарищу и любимцу Консула», среди присутствующих заметил министра Талейрана и княгиню Е. Ф. Долгорукую, «уже не красавицу, но весьма приятную и благородную видом»^[184]. С Екатериной Федоровной Долгорукой, блиставшей некогда в Петербурге красотой и талантами, Василий Львович встречался в Париже.

Благодаря публикации в «Gazette rationale, ou le Moniteur universel» от 6 сентября 1803 года нам известно, когда В. Л. Пушкин был представлен Бонапарту, кто его представлял и кого еще представляли вместе с ним^[185]. Это было 4 сентября 1803 года. Согласно протоколу, русских подданных первому консулу представлял Петр Яковлевич Убри, поверенный в делах России при полномочном министре А. И. Моркове. Среди тех, кто удостоился этой чести, оказались князь Петр Васильевич Лопухин, действительный тайный советник, сенатор, председатель Государственного совета, Николай Михайлович Бороздин, генерал-лейтенант, Александр Алексеевич Тучков 4-й, красавец с серыми глазами и вьющимися русыми волосами, полковник. Забавно, что во французской газете В. Л. Пушкин повышен в чине — назван ошибочно подполковником. В самом деле, не может же первый консул принимать какого-то отставного поручика!

Когда начался разъезд, то около двухсот карет подавали одну задругой. Наверное, и Василий Львович, как и немецкий путешественник, около часа ожидал своей кареты, наблюдая общий беспорядок, слушая крики лакеев, призывающих кучеров.

Мы берем на себя смелость утверждать, что это своеобразное театральное представление в Сен-Клу всё же меньше заинтересовало Василия Львовича, чем

парижские театральные спектакли. «Вы знаете мою страсть к спектаклям, — писал он Н. М. Карамзину, — и можете вообразить, с каким удовольствием бываю в парижских!» (207). Путешественник-театрал видел на сцене знаменитого Франсуа-Жозефа Тальма, который блистал в трагедиях Корнеля, Расина, Вольтера, Шекспира. Более того, Василий Львович познакомился и коротко с ним сошелся. В бумагах П. А. Вяземского сохранилась остроумная записка Тальма В. Л. Пушкину (разумеется, по-французски):

«Не совершаю никакого преступления в субботу. В этот день моя совесть на просторе. Не буду иметь дела ни до Эвменид, ни до Фурий. Им угодно было дать мне сей отдых, чтобы я мог засвидетельствовать мое почтение княгине Долгорукой. И так до субботы, весь ваш Тальма»^[186].

Великий актер был интересен для В. Л. Пушкина еще и тем, что он дружил с поэтами и драматургами Арно и Дюсисом, с которыми познакомился и московский поэт (в 1816 году он с чувством переведет популярное стихотворение Арно «Листок» под названием «Листочек»), Небезынтересно (наверное, более для нас, чем для Василия Львовича) и то, что Тальма был приятелем Бонапарта. Говорили, что, когда Бонапарт в зале Конвента за заслуги в подавлении роялистского мятежа произвели в дивизионные генералы, будущий император Франции предстал одетым в поношенный мундир и кожаные штаны Тальма^[187]. Два великих актера — так называли их современники. Недаром Бонапарт брал у Тальма уроки декламации. Впрочем, и Василий Львович мог похвалиться тем, что учился декламации у Тальма. В доме мадам Рекамье русский путешественник познакомился со «славной актрисой Дюшеноа», которая «чрезмерно дурна лицом, но играет в трагедиях

прекрасно» (207). В письме Н. М. Карамзину Василий Львович простодушно заметил: «Госпожа Рекамье мила, добра, но совсем не так хороша, как говорят об ней» (206–207). Позволим не согласиться с ним: Жюльетта Рекамье была не только мила и добра, она еще и ослепительно красива и чрезвычайно умна. Красоту ее донесли до нас полотна таких прославленных художников, как Давид, Жерар, Гро: безупречный овал лица, гибкая стройная шея, фигура богини. Не без некоторого кокетства она предпочитала белые одежды (белый цвет — символ чистоты). С Жюльеттой Рекамье дружила писательница Жермена де Сталь. В нее был влюблен, ей поклонялся Бенжамен Констан. В ее салоне, одном из самых блистательных политических салонов Парижа, будут гостями Шатобриан, Ламартин, Стендаль, Мериме, Бальзак. Наконец (вернемся в 1803 год) ее гость — Василий Львович Пушкин, которому она любезно предложила место в своей театральной ложе. По-видимому, замечательная женщина Франции запомнила своего московского гостя. Когда в 1825 году ее посетил А. И. Тургенев, он запишет в дневнике: «... говорили... много о поэте Пушкине, коего дядю Вас<илия> Льв<овича>, m-me Récamier знала...»^[188]

В Париже Василию Львовичу был открыт доступ в лучшее литературное общество. Он познакомился со многими французскими поэтами и писателями. Любопытны оценки, которые он дает им в своем письме Н. М. Карамзину:

«Дюсиз и Бернарден-де-Сен-Пьер — добрые и милые люди; последний очень стар и дряхл, но еще приятен умом. Арно, автор трагедии „Мария“, человек с отменными дарованиями. Виже умен и довольно любезен, но так много о себе думает, что наконец проклинаешь и ум его, и любезность. Мерсье — не что иное как сумасшедший: он недавно сочинил сатиру, в

которой ругает как можно более астрономию, Ньютона, Бюффона и пр. <...>

На сих днях я был у госпожи Жанлис. Она принимает хорошо, говорит умно и просто. — „Я редко вижусь с авторами, — сказала она мне, — люблю их читать, а не быть с ними“. Госпожа Жанлис ненавидит философию, вздыхает о прошедшем и пишет романы в ожидании будущего. Она всем недовольна, а более всего, кажется мне, старостью» (205–206).

Встречаясь с известными французскими писателями, В. Л. Пушкин достойно представлял свое отечество:

Не улицы одне, не площади и дома,
Сен-Пьер, Делиль, Фонтан мне были там
знакомы.

Они свидетели, что я в земле чужой
Гордился русским быть, и русский был прямой.
Не грубым остяком, достойным сожаленья,
Предстал пред ними я любителем ученья;
Они то видели, что с юных дней моих
Познаний я искал не в именах одних;
Что с восхищением читал я Фукидида,
Тацита, Плиния — и, признаюсь, «Кандида» (40).

Василий Львович с интересом читает французские газеты и журналы — «Le journal de Débats» и «L'Observateur Français», и об этом также сообщает в письме Н. М. Карамзину. Решив познакомить французов с русской народной поэзией, он переводит на французский язык четыре старинные песни (правда, прозой). Его переводы были напечатаны в «Mercure de France» и приняты с одобрением. 17 августа 1803 года на эту публикацию господина Василия Пушкина, русского литератора, откликнулась газета «Journal des

Dames et Modes» (ее издавал аббат и литератор Пьер ле Ла Месанжер), процитировав фрагменты из песен «Милый жаворонок» и «Три ласточки», с тем чтобы читатели могли составить представление о духе русского народа^[189]. Как справедливо заметил впоследствии А.С.Пушкин, «переводчики — почтовые лошади просвещения». На этом благородном поприще В. Л. Пушкин был неутомим. В Париже он готов был просвещать и французов, и русских: 8 января 1804 года он перевел отрывок из поэмы английского поэта Джеймса Томсона «Времена года» на русский язык, на сей раз — стихами.

Бывал Василий Львович в Париже и у своих соотечественников. Каждую среду он обедал у Петра Федоровича Балка. «Чудак, но умный и образованный чудак»^[190] — так отзывался о нем П. А. Вяземский. Недаром у него в Париже, по свидетельству В. Л. Пушкина, бывали «здешние ученые». В начале царствования Павла I П. Ф. Балк-Полев за ссору с полицмейстером М. Эртелем и за нарушение приказа, запрещающего носить фрак и круглую шляпу, был лишен своих званий и чинов (а он был камергером и тайным советником) и выслан из Москвы. «Кроткий Ангел» государь Александр I, разумеется, простил его и вернул на службу. В 1804 году П. Ф. Балк-Полев станет посланником в Бразилии. Но пока, в 1803 году, он в Париже принимает Василия Львовича.

Встречался Василий Львович и с князем Егором Алексеевичем Голицыным, которого можно назвать старожилом французской столицы. В десятилетнем возрасте (то есть в 1782 году) его отправили сюда с гувернером, и только спустя восемь лет он вернулся в Россию. С малолетства записанный в гвардию, он стал в царствование Павла I генерал-майором, но острословие и карикатуры повредили ему: он попал в опалу, был

выслан из Петербурга в Москву, а в 1798 году и вовсе уволился от службы. И в Париже, и в Петербурге, и в Москве Е. А. Голицын шалил, отличался в любовных похождениях. Об этом написал Н. М. Карамзин в сатирическом произведении «Моя исповедь», напечатанном в 1803 году в «Вестнике Европы» — в герое «Моей исповеди» угадываются некоторые черты Е. А. Голицына. П. А. Вяземский считал, что таким образом Н. М. Карамзин отплатил своему некогда счастливому сопернику^[191]. Быть может, В. Л. Пушкин знал об этом соперничестве и потому не упомянул Е. А. Голицына в письме Н. М. Карамзину.

Вместе с Е. А. Голицыным В. Л. Пушкин посещал парижский дом супругов Дивовых. Сенатор Андриан Иванович Дивов и его жена Елизавета Петровна, урожденная Бутурлина, уехали из России за границу, прожили в Париже несколько лет. Елизавета Петровна бывала в салоне Жозефины Богарне, жены первого консула. Племянник Е. П. Дивовой граф М. Д. Бутурлин вспоминал в своих записках о таком случае:

«Однажды, на семейном завтраке, к которому та (Жозефина Богарне. — Н. М.) пригласила мою тетку, взошел муж ее Наполеон (уже пожизненный консул) и, подошел к 7- или 8-летнему Николаю Андриановичу, которого взяла с собой мать, спросил, как понравился ему только что окончившийся смотр войск и не желает ли он поступить в ряды этого войска. „Смотр очень мне понравился, — отвечал мальчуган, — но я русский и желаю служить только моему Отечеству“. „Очень хорошо и правильно ты мыслишь, — отвечал Наполеон, поцеловав в голову юного патриота, — таковым всегда и оставайся“»^[192].

М. Д. Бутурлин рассказал и о том, как, вернувшись в Москву, Дивовы изумляли москвичей парижскими модными привычками: они «принимали утренних

посетителей, лежа на двуспальной кровати — и муж, и жена — в высоких ночных чепцах с розовыми лентами и блондами»^[193] (пародия на приемы у Жюльетты Рекамье, которая демонстрировала гостям свою изысканно убранную спальню).

В декабре 1803 года Василий Львович посещает салон баронессы Юлии Крюденер, правнучки фельдмаршала Миниха, писательницы — в начале декабря вышел в свет ее роман «Валери», который имел необыкновенный успех. Московский стихотворец «с большим пылом», как записала 7 декабря в своем дневнике дочь баронессы Жюльетта, «читал свои русские песни и стихи, адресованные госпоже Демидовой. Под конец он прочитал стихи, обращенные ко мне, в которых он упрекает меня за мою насмешливость»^[194]. И. И. Дмитриев справедливо заметил (от имени Василия Львовича) в «Путешествии NN в Париж и Лондон»:

Я, например, люблю, конечно,
Читать мои куплеты вечно,
Хоть слушай, хоть не слушай их...^[195]

К сожалению, стихи В. Л. Пушкина, посвященные Жюльетте Крюденер, как и упомянутые ею в записи от 2 декабря стихотворение «Заблуждение» и сочинение, названное сентиментальным путешествием, нам пока неизвестны. Зато, благодаря дневнику дочери писательницы, мы знаем, с кем встречался Василий Львович в салоне ее матери. Это были уже знакомые нам писатели Бернанден де Сен-Пьер и Август Коцебу, актер Тальма, П. Ф. Балк-Полев, а также писатель и переводчик, посол Франции в Дании, Швеции и Саксонии барон де Бургуань, певец Ж. Тара. Что же

касается стихов, адресованных Е. А. Демидовой, то В. Л. Пушкин вписал их в ее альбом в Петербурге 10 декабря 1810 года, и мы можем их прочесть. Но прежде, чем мы сделаем это, — два слова об очень важном, о том, что мы чуть было не забыли в нашем повествовании.

Как был одет Василий Львович в Париже? Конечно же — по моде:

Люблю и странным я нарядом,
Лишь был бы в моде, щеголять... ^[196]

Из журнала «Московский Меркурий» (Часть четвертая, М., 1803) нам достоверно известно по опубликованному там сообщению из Парижа от 9 ноября, что «мужчины носят по три жилета... и более: один жилет всегда бывает казимировой красной или полосатой; а другой белой атласной. Рединкоты делают с ридикюлями; а сапоги с большими желтыми отворотами до колена — следственно гораздо короче прежнего. Чулок должен быть несколько виден. На рейдинкоте, на кафтане, на жилете, на стиблетах, на всей одежде носят белые пуговицы из металла; и чем более их нашито, тем лучше. Красные пуговицы строго запрещены Модой» ^[197].

Можно не сомневаться — Василий Львович не носил красных пуговиц. А вот теперь — о Е. А. Демидовой и ее альбоме в нарядном алом сафьяновом переплете с золотым тиснением и золотым обрезом.

Елизавета Александровна Демидова, урожденная Строганова, в 1779 году в возрасте четырнадцати лет вышла замуж за Николая Никитича Демидова, владельца огромного состояния, рудников и заводов на Урале и в Сибири (он вошел в историю нашего отечества

не только как промышленник, тайный советник, командор Мальтийского ордена, русский посланник во Флоренции, но и как меценат, покровительствующий ученым и художникам, щедрый благотворитель). Мужа и жену сближали общий интерес к литературе и искусству, но характерами и вкусами они не сходились. Разлад в их семейной жизни привел к тому, что они фактически разошлись. Впрочем, в светском и шумном Париже, где они поселились, это, насколько нам известно, не стало предметом обсуждения. Приличия были соблюдены, и Е. А. Демидова предавалась всевозможным увеселениям и празднествам, которыми так славился Париж: театр, балы, блестящие салоны — вот что занимало ее. Демидовы принимали у себя в парижском доме артистов, музыкантов, литераторов. Открытый лом Демидовых привлекал их неслучайно: Елизавета Александровна, кокетливая и грациозная, была просто обворожительна. К тому же она обожала Францию и французов, первого консула называла богом Европы, благоговела и преклонялась перед ним. Увы, исторические события неумолимо вторгались в частную жизнь наших соотечественников, оказавшихся за границей. В канун войны России с наполеоновской Францией Демидовым пришлось уехать из Парижа в Россию.

Когда 10 декабря 1810 года в Петербурге В. Л. Пушкин раскрыл альбом Е. А. Демидовой, то, вероятно, прежде, чем обмакнуть перо в чернильницу, или же уже сделав свои записи и присыпав еще невысохшие чернила песком, он перелистал альбом, прочитал записи, которые оставили на его страницах те, кто писал их раньше его. Среди автографов он обнаружил запись Тальма, с которым подружился в Париже в 1803 году, записи других актеров, поэтов, писателей, деятелей французской культуры, с

которыми, возможно, тоже встречался: Шарль Мильвуа, Луи-Себастьян Мерсье, Жан-Шарль-Жульен Люс де Лансиваль, Аделаида-Жийет Дюфренуа, урожденная Бийе, Эмманюэль Дюпати, Пьер Лафон...

Василий Львович записал в альбом Е. А. Демидовой свои французские стихи на заданное ею слово «искренно» — это образец салонной игры. И еще другое французское стихотворение, в котором он вспоминал о своей жизни в Париже и о своей встрече с Елизаветой Александровной:

У Сены на берегах сии стихи слагая,
В Париже жил, как Вы, Парижем покорен.
Трепещет сердце там, всем ум там восхищен.
Владычица там женщина любая.
В Париже к Вам я часто приходил,
Вам принося святое поклоненье.
Я, ветреный, лишь в Вас искал спасенье
И, Вам благодаря, вдруг постоянным был.
Элиза, было Ваше то произведение.

(Перевод Н. Муромской)^[198]

Сегодня и мы можем перелистать страницы альбома Е. А. Демидовой. Он хранится в рукописном отделе Государственного музея А. С. Пушкина в Москве. Начатый некогда в Париже, он побывал в Петербурге, а потом оказался в Лондоне, где в 2008 году был приобретен на аукционе Кристи для Московского Пушкинского музея. Но если альбом покинул Лондон, то нам еще предстоит вместе с Василием Львовичем туда попасть: ведь из Парижа наш путешественник в 1804 году отправился в столицу туманного Альбиона. Как сказал автор «Писем русского путешественника»: «Прости, любезный Париж!»

3. Лондон — Москва

Валы вздувались горами.
Сливалось море с небесами,
Ревели ветры, гром гремел,
Зияла смерть, а N. N. цел!
А N. N. наш в коротком фрачке,
В Вестминстере свернувшись в ком,
Пред урной Попа бьет челом;
В ладоши хлопает на скачке,
Спокойно смотрит сквозь очков
На стычку Питта с Шериданом,
На бой заборных петухов
Иль дога с яростным кабаном;
Я в Лондоне, друзья, и к вам
Уже объятья простираю —
Как всех увидеть вас желаю!
Сегодня на корабль отдам
Все, все мои приобретенья
В двух знаменитейших странах!
Я вне себя от восхищенья!
В каких явлюсь к вам сапогах!
Какие фраки! панталоны!
Всему новейшие фасоны! ^[199]

Да, не забыл И. И. Дмитриев про моду, приверженцем которой был В. Л. Пушкин. Если в Париже русский путешественник хвалился тем, что он знает «все магазины новых мод», то в Лондоне у него должны были разбежаться глаза: к 1804 году, то есть к тому времени, когда Василий Львович прибыл в Англию, Лондон, не уступая Парижу, также стал столицей моды. Когда наш герой оказался в Лондоне, то уже у всех на устах было имя законодателя моды, лондонского денди

Джорджа Брайана Браммела. Покрой его фрака всегда безупречен; предложенный им фасон длинных панталон со штрипками не позволяет им мяться; сапоги его блестят так, что возникает легенда, будто бы он чистит их шампанским. Правда, никаких упоминаний о Браммеле в письмах В. Л. Пушкина нет. Да и вообще письмами Василия Львовича из Лондона мы не располагаем. Разве что — одним письмом, отправленным русскому послу в Лондоне. Но об этом письме чуть позже. А сейчас вернемся к стихотворению И. И. Дмитриева, которое, будучи основанным на рассказах В. Л. Пушкина о его заграничном путешествии, является чуть ли не единственным источником, позволяющим составить представление о его лондонских впечатлениях.

Тяготы и опасности морского пути, которые преодолел московский путешественник, добираясь до Лондона, описаны Иваном Ивановичем пусть иронично, но достаточно выразительно. Василий Львович героически преодолел препятствия, чтобы не только попасть в столицу моды, но и познакомиться с историей, литературой, культурой и государственным устройством страны, о которой был и начитан, и наслышан. Быть может, он готов был повторить слова Н. М. Карамзина из «Писем русского путешественника»: «...я в Англии — в той земле, которую в ребячестве своем любил я с таким жаром и которая по характеру жителей и степени народного просвещения есть, конечно, одно из первых государств Европы. — Здесь всё другое: другие дома, другие улицы, другая пища — одним словом, мне кажется, что я переехал в другую часть света»^[200].

И. И. Дмитриев говорит прежде всего о посещении Василием Львовичем Вестминстера, заметив в примечании: «Для некоторых напомню, что в этом

аббатстве издавна погребаются короли и славные мужи»^[201]. Мы же для некоторых напомним, что в 1790 году Н. М. Карамзин посетил Вестминстерское аббатство и в «Письмах русского путешественника» подробно его описал. Ему удалось создать своего рода путеводитель, в котором точность описания «важнейших монументов» и переводы некоторых надгробных надписей соединены с размышлениями о жизни и смерти, временном и вечном, ничтожном и великом, смешном и трагическом.

«На черном и белом мраморном памятнике лорда Кранфильда подписано женою его: „Зависть воздвигала бури против моего славного и добродетельного супруга, но он, с чистою душою, смело стоял на корме, крепко держался за руль совести, рассекал волны, спасся от кораблекрушения, в глубокую осень жизни своей бросил якорь и вышел на тихий берег уединения. Наконец сей изнуренный мореходец отправился на тот свет, и корабль его счастливо пристал к небу“.

На гробе славного поэта Драйдена стоит его бюст с простою надписью: „Иоанн Драйден родился в 1632, умер в 1700 году. Герцог Букингам соорудил ему сей монумент“. — Подле, как нарочно, вырезана самая пышная эпитафия на памятнике стихотворца Кауле (Cowley): „Здесь лежит Пиндар, Гораций и Вергилий Англии, утеха, красота, удивление веков“, и проч. — На гробе самого герцога Букингама, друга Попова, читаете: „Я жил и сомневался; умираю и не знаю; что ни будет, на все готов“. — А ниже — „За короля моего — часто, за отечество — всегда“»^[202].

Почти разрушившийся готический монумент Джеффри Чосеру вызывает в памяти Н. М. Карамзина сведения о том, что Чосер «писал неблагопристойные сказки, хвалил своего родственника герцога Ланкастерского и помог ему стихами взойти на

престол»^[203]. Достойный памятник Ботлеру, который в своей славной поэме осмеивал кромвелевских республиканцев и фанатизм, заставляет автора «Писем русского путешественника» вспомнить о том, что поэт, вызвавший некогда похвалы двора и короля, умер с голоду.

«Под Мильтоновым бюстом сооружен памятник стихотворцу Грею. Лирическая муза держит в руке медальон его и, указывая другою рукою на Мильтона, говорит: „У греков — Гомер и Пиндар; здесь — Мильтон и Грей!“

Преклоните колена... Вот Шекспир!., стоит, как живой, в одежде своего времени, опершись на книгу, в глубокой задумчивости... <...>

Четыре времени года изображены на гробнице Томсоновой. Отрок указывает на них и подает венок поэту»^[204].

Описав памятник Генделю — он «слушает ангела, который в облаках, над его головою, играет на арфе», — Н. М. Карамзин обращает наше внимание на гробницу некоего Томаса Пара: на ней «написано, что он жил 152 года, в царствование десяти королей, от Эдуарда IV до Карла II». «Известно, — замечает писатель, — что сей удивительный человек, будучи ста тридцати лет, не оставлял в покое молодых соседок своих и присужден был всенародно, в церкви, каяться в любовных грехах»^[205].

С благоговением останавливается Карамзин перед памятником Невтону (Ньютону), читает латинскую надпись, которая «заключается сими словами: „Как смертные должны гордиться Невтоном, славою и красотою человечества!“»^[206]. Памятники, сооруженные парламентом и королем от имени благодарной Англии тем, кто пожертвовал жизнью отечеству, вызывают эмоциональное восклицание русского

путешественника: «Трогательное и достойное героизма воздаяние!»^[207]

«Придел Генриха VII назывался чудом мира. В самом деле, тут много удивительного в готическом вкусе; особенно же в резьбе на меди и на дереве. — В этом приделе погребают королевскую фамилию, и вы видите подле несчастной Марии Стюарт Елизавету! Гроб всех примиряет»^[208].

Мы позволили себе привести столь пространные выдержки из сочинения Н. М. Карамзина потому, что всё это видел в Вестминстерском аббатстве и В. Л. Пушкин. Благодаря Карамзину мы вместе с ним и вместе с Василием Львовичем совершили прогулку по Вестминстерскому аббатству, поклонились могилам и памятникам английских поэтов. Правда, поклониться урне Александра Попа, поэмы и послания которого пользовались в России известностью, ни мы, ни Василий Львович не смогли. Вопреки утверждению И. И. Дмитриева, Александр Поп был похоронен в церкви Святой Марии в Твикенхеме.

Вестминстерское аббатство — это история Англии. В стихотворении И. И. Дмитриева В. Л. Пушкин, познакомившись с прошлым страны, спешит окунуться в ее настоящее.

«Теперь вы, друзья мои, ожидаете от меня другой картины, хотите видеть, как тридцать, сорок человек, одетых зефирами, садятся на прекрасных, живописных лошадей, приподнимаются на стремянах, удерживают дыхание и с сильным биением сердца ждут знака, чтобы скакать, лететь к цели, опередив других, схватить знамя и упасть на землю без памяти; хотите лететь взором за скакунами, из которых всякий кажется Пегасом; хотите в то же время угадывать по глазам зрителей, кто кому желает победы, чья душа за какою лошадию несется; хотите читать в них надежду,

восторг или отчаяние; хотите слышать радостные плески в честь победителя: „Браво! Виват! Ура!..“
Ошибаетесь, друзья мои!»^[209]

В самом деле, Н. М. Карамзин не представил читателям картину скачек, потому что он на скачки опоздал и их не видел. И. И. Дмитриев рассказал нам о том, как восторженный В. Л. Пушкин хлопал на скачках в ладоши. И еще смотрел спокойно сквозь очки на петушиный бой и на схватку дога с кабаном. Но в этом позволительно усомниться. Вряд ли столь чувствительного путешественника, как Василий Львович, привлекали такие буйные забавы лондонской толпы, как петушьи и кабаньи бои, травля быков, медведей и собак. Знаток истории Лондона Питер Акرويد сообщает, что «быков тоже травили собаками, при этом им иногда клали в уши горошины или подпаливали спины огнем, чтобы привести их в ярость»^[210]. И. И. Дмитриев в данном случае точен: он пишет о схватке дога с «яростным кабаном». Но, право же, это зрелище не для Василия Львовича. А вот что касается посещения английского парламента — да, скорее всего, он там был — вслед за Н. М. Карамзиным. Это посещение тем более интересно для просвещенного путешественника, что ничего подобного в России не имелось. А здесь, в Англии, в свободной дискуссии члены парламента обсуждают законы, отстаивают свои убеждения, и так называемый электорат гордится свободой и демократией в своей стране. И. И. Дмитриев ироничен: ведь, по существу, он насмешливо сравнивает «стычку Питта с Шериданом» — то есть Вильяма Питта младшего, государственного деятеля, представлявшего партию тори, который в 1804 году видел главную задачу в войне с Бонапартом, и Ричарда Бринслея Шеридана, известного драматурга, автора комедии «Школа злословия» и политика, чье место было

среди вигов (оба они считались блестящими ораторами) — с боем «задорных петухов / Иль дога с яростным кабаном». Заметим, что Н. М. Карамзин видел Питта в Вестминстерском аббатстве во время исполнения оратории Генделя «Мессия» и отнесся к нему с уважением, ибо Питт, «умом своим редкий человек... живет... <...> имея целию пользу своего Отечества». Оценил он и «пиитический жар» Шеридана. Выборы же в парламент показались Н. М. Карамзину профанацией: два кандидата на два места (что же тут выбирать?); жители, которые накануне выборов «угощались безденежно в двух тавернах»; и «мальчик лет тринадцати», который «влез на галерею и кричал над головою кандидатов: „Здравствуй, Фокс! Провались сквозь землю, Гуд!“ а через минуту: „Здравствуй, Гуд! Провались сквозь землю, Фокс!“»^[211]. Оно, конечно, сам по себе парламент может быть и не плох, но «всякие гражданские учреждения должны быть соображены с характером народа: что хорошо в Англии, то будет дурно в иной земле»^[212]. Пройдет время, и в 1822 году А. С. Пушкин напишет «Послание к цензору», в котором процитирует приведенное суждение Н. М. Карамзина:

Угрюмый сторож Муз, гонитель давний мой,
Сегодня рассуждать задумал я с тобой.
Не бойся: не хочу, прельщенный мыслью
ложной,
Цензуру поносить хулой неосторожной;
Что нужно Лондону, то рано для Москвы (II, 267).

В контексте послания, адресованного цензору А. С. Бирукову, которого А. С. Пушкин называл трусливым дураком, а деятельность его в качестве цензора — самовластительной расправой, суждение

Н. М. Карамзина спустя тридцать с лишним лет звучит двусмысленно. «Что нужно Лондону, то рано для Москвы» — так ли это? А может, уже и не так? Не исключено, что далекий от политики В. Л. Пушкин, посетивший в Лондоне заседание парламента, наблюдавший и английский парламент, и английские свободы, подобными вопросами не задавался. В данном случае любопытно письмо П. А. Вяземского от 9 января 1819 года, адресованное А. И. Тургеневу:

«Знаешь ли, кто здесь свободолюбивейший? Василий Львович! И тот от того, что говорит: „Да почему же и нам не быть свободными?“ Вот либеральнейшее речение, слышанное мною в Москве»^[213].

Как жаль, что мы не знаем, о чем беседовал В. Л. Пушкин с русским полномочным послом в Лондоне Семеном Романовичем Воронцовым, по словам Н. М. Карамзина, «человеком умным, достойным, приветливым, который живет совершенно по-английски, любит англичан и любим ими»^[214]. Уже то, что Василий Львович с ним встречался, примечательно. Родной брат сенатора, министра иностранных дел, канцлера Российской империи Александра Романовича Воронцова и княгини Екатерины Романовны Дашковой (в 1783–1796 годах она была директором Петербургской Академии наук и президентом Академии Российской), С. Р. Воронцов — и сам личность, чрезвычайно интересная. Противник деспотизма, опытный политик, он с 1786 года жил в Англии, но его любовь к этой стране не мешала ему быть патриотом России. Он мог многое рассказать Василию Львовичу об Англии и англичанах, хотя бы о том же Питте, с которым был дружен. И литературные интересы были не чужды С. Р. Воронцову. Он хорошо знал русскую литературу, встречался в 1790 году с Н. М. Карамзиным, читал ему наизусть лучшие места из од М. В. Ломоносова. С

большой долей вероятности можно утверждать, что В. Л. Пушкин познакомил его со своими сочинениями, декламировал свои стихи. В бумагах С. Р. Воронцова сохранилось французское письмо Василия Львовича:

«Господин Граф,

Я беру на себя смелость послать вам отрывок перевода, или скорее подражания Томсону. Я присоединяю свой перевод знаменитой идиллии Биона и одну из моих басен, род произведений, который мне наиболее всего удастся. Смею надеяться, что ваше сиятельство удостоите прочесть сии слабые опыты с должной снисходительностью и что вы соизволите принять уверения глубокого уважения, с которым имею честь пребыть, Господин Граф,

Вашего сиятельства покорнейшим и послушнейшим слугою Пушкин»^[215].

Конечно, сомневаться в искусстве Василия Львовича писать письма не приходится. Но вот коснулся ли разговор с русским послом в Лондоне его сына, 22-летнего юноши, того самого Михаила Семеновича Воронцова, который станет героем 1812 года, с 1823 года новороссийским генерал-губернатором и наместником Бессарабии — и еще начальником Александра Пушкина?

Теперь — несколько слов о практической (или, если угодно, прозаической) стороне жизни В. Л. Пушкина в Лондоне. В 1805 году во втором томе «Сочинений и переводов Петра Макарова» были напечатаны «Письма из Лондона», публиковавшиеся и ранее — в 1796 году в «Приятном и полезном препровождении времени» и в 1803-м в «Московском Меркурии». Сами письма датированы 1795 годом. Разумеется, за девять лет, то есть до 1804 года, когда Василий Львович приехал в Лондон, многое в столице Англии могло измениться. Но, с другой стороны, Англия всегда была страной, где

чтили и сохраняли традиции. Так что читая «Письма из Лондона», мы всё же можем представить себе чисто английские удобства, которые были предложены русскому путешественнику, и примерный уровень тамошних цен. Сведения, сообщавшиеся в «Письмах из Лондона», говорят сами за себя:

«Поверите ли, что Лондонское житье стоит мне дешевле Петербургского и даже Московского? <...> Имея несколько шиллингов, находишь себе услужников везде: в доме, на улице, в театре.

Просыпаюсь — звоню в колокольчик: является хозяйская девка, разводит огонь в камине, греет воду. Нет сахару: та же девка покупает в лавочке фунт, два фунта, три фунта сахару изколатаго и завернутаго в картузы. Кафтан не вычищен: приходит искусный камердинер, чистит кафтан, одевает меня. <...> Это стоит крону (менее двух рублей) в месяц. <...>... надобно ехать; грязно: выхожу на улицу; стоят заложенные кареты; извозчик отворяет дверцы, и должен ехать, хотя бы не хотел; цена учреждена, расстояния определены; за каждую Английскую милю и за час езды платят один шиллинг (37 копеек). <...> Подъезжаю к театру: неизвестной человек отворяет мне дверцы кареты, и есть ли надобно, обтирает мои сапоги; даю ему два пенса (копейки три). Хочу Газет, Журналов: приносят их ко мне за совершенную безделицу и на другой день берут обратно. Люблю читать книги: сто библиотек к моим услугам. Желаю приятных связей... Не бойтесь, друзья мои! не оскорблю вашего благонравия, замолчу.

Прилагаю счет, сколько мне потребно денег на годовой прожиток в Лондоне. По нынешнему курсу наш рубль составляет 31 пенс.

Комната в лучшем квартале города — просторная, чистая, покойная, с хорошим ковром на полу, с полным числом мебели из красного дерева — отдается

обыкновенно за одну гинею в месяц. Двух комнат довольно. Это составит в год — 185 р.

Угли для камина и свечи 50 —

Слуги не надобно: хозяйская девка заменяет его. Но камердинеру, который приходит одевать меня, плачу по 2 руб. в месяц. 24 —

Прачке 60 —

Перукахера и пудры ненадобно.

Чай и сахар 60 —

Я обедаю иногда у французского ресторатёра: беру от четырех до пяти блюд, портер и кофе: плачу 80 копеек. Еще полагаю на завтрак и легкий ужин по 70 копеек в день 540 —

По Лондонским плитам охотно хожу пешком — и тем охотнее, что богачи, лорды и женщины ходят пешком — а в дурную погоду нанимают фиакр. Весьма довольно будет на извозчиков 150 —

Гардероб в такой земле, где столько мануфактур и где не употребляют мехов, должен стоять в половину менее здешняго 250 —

На карманные расходы 181 —

Итого: 1500 руб.»^[216]

У Василия Львовича была еще одна значительная статья расхода — на книги. Из своего заграничного путешествия — помимо самых разнообразных впечатлений — В. Л. Пушкин вывез прекрасную библиотеку. Многие книги, приобретенные им, принадлежали до Великой французской революции королевской и другим богатым библиотекам. Василий Львович очень дорожил и гордился своим книжным собранием. Оно было столь ценно, что ему завидовал даже владелец роскошной библиотеки граф Д. П. Бутурлин. И. И. Дмитриев в своей стихотворной шутке так писал о книгах, собранных В. Л. Пушкиным за границей:

Какой прекрасный выбор книг!
Считайте — я скажу вам вмиг:
Бюффон, Руссо, Мабли, Корнилий,
Гомер, Плутарх, Тацит, Вергилий,
Весь Шекспир, весь Поп и Пом;
Журналы Аддисона, Стиля...
И все Дидота, Баскервиля!
Европы целой собрал ум!^[217]

Но вот уже и книги аккуратно упакованы камердинером Игнатием (разумеется, под руководством Василия Львовича). Сложены модные фраки и жилеты, шляпы и сапоги. Вот уже багаж погружен на корабль. Попутный ветер весело шумит в парусах. И вот уже родной берег показался вдали. Кронштадт, Петербург... А потом знакомой дорогой из Петербурга в Москву. Под дугой весело звенит колокольчик. И, наконец, вот она — родная Москва.

Но вот уж близко. Перед ними
Уж белокаменной Москвы,
Как жар, крестами золотыми
Горят старинные главы.
Ах, братцы! Как я был доволен,
Когда церковей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось! (VI, 154–155).

Да, это — из «Евгения Онегина». Да, эти проникновенные строки напишет племянник В. Л. Пушкина после возвращения в 1826 году в Москву из Михайловской ссылки. Но и в 1804 году дядюшка чувствовал то же, вернувшись из-за границы на родину.

Глава пятая ДОМАШНИЙ МИР И ЛИТЕРАТУРНАЯ ВОЙНА

1. В допожарной Москве

Знавали ль вы Москву былую,
Когда росла в ней трын-трава?
Я вам старушку нарисую.
Вот допожарная Москва:
Валы, бугры, пруды, овраги,
Домы на горках и во рвах,
Телеги, цуги, колымаги;
По моде юноши в очках
И дев и жен бездетных стаи,
Алины, Поленьки, Аглаи;
Ходячих сборище веков,
Старух московских допожарных
И допотопных стариков,
Рассказчиков высокопарных;
Толпы майоров отставных,
Белоплумажных бригадиров,
Тузов — вельмож давно былых.
Тревога, суета средь улиц и домов,
И вечный шум карет и дрожек,
И вечный шум колоколов...
Трещат полы от ног и ножек.
Визиты, балы да пиры,
Качели, горы, бег, цыганы,
Слоны, медведи, обезьяны,
Огни потешные, воздушные шары.
То садки, травли, лотереи.
То стерляди в сажень, то с вёрсту осетры:

Что день, то новые затеи^[218].

Когда цитируешь поэму Владимира Сергеевича Филимонова «Москва», трудно остановиться. Конечно, она появилась в печати в 1845 году, когда В. Л. Пушкина да и А. С. Пушкина уже не было на свете. Конечно, это уже воспоминания о Москве. Но они написаны москвичом, которому дороги многие подробности московского допожарного быта. А как для нас-то эти подробности интересны! Ведь должны же мы представить, в какой город вернулся Василий Львович из своего заграничного путешествия. Бойкое перо его знакольца В. С. Филимонова живописует не только улицы и дома, но и ту жизнь, которая кипела на московских улицах и в московских домах. Он не просто рассказывает, он показывает нам москвичей, занятых визитами, обедами, карточной игрой, балами.

О допожарной Москве писали в стихах и прозе и другие современники В. Л. Пушкина. Позволим себе обратиться к сочинениям тех из них, кто хорошо знал и Москву, и В. Л. Пушкина.

В 1810 году Константин Николаевич Батюшков вышел в отставку в чине подпоручика. В Москве он переводил Парни и Петрарку, познакомился с Н. М. Карамзиным, подружился с В. А. Жуковским, П. А. Вяземским и В. Л. Пушкиным. Правда, вторую половину 1810 года он провел в доставшемся ему от матери сельце Хантонове Новгородской губернии. Но в начале 1811-го Батюшков опять в Москве. По живым впечатлениям от московской жизни сочиняет он в 1811–1812 годах произведение, которое при публикации (а это было много лет спустя, в 1869 году) получило название «Прогулка по Москве». Картина допожарной Москвы нарисована им и мастерски, и достоверно.

Общее его впечатление от Москвы — в самом начале повествования:

«...это исполинский город, построенный великанами: башня на башне, стена на стене, дворец возле дворца! Странное смешение древнего и новейшего зодчества, нищеты и богатства, нравов европейских с нравами и обычаями восточными! Дивное, непостижимое слияние суетности, тщеславия и истинной славы и великолепия, невежества и просвещения, людскости и варварства»^[219].

А потом в сочинении К. Н. Батюшкова, как в калейдоскопе, сменяются яркие, часто контрастные по отношению друг к другу виды, жанровые сцены, портреты москвичей. Вот «важный и спокойный вид» Кремля, где «всё дышит древностью», а вот Кузнецкий мост и Тверская, где «всё в движении»:

«Там книжные французские лавки, модные магазины, которых уродливые вывески заслоняют целые дома, часовые мастера, погреба, и словом, все снаряды роскоши и моды»^[220].

Перед читателями разыгрываются маленькие спектакли: в модной лавке, где торговка продает залежавшийся товар провинциалкам, в конфектном магазине, где «мы видим большое стечение московских франтов в лакированных сапогах, в широких английских фраках и в очках, и без очков, и растрепанных, и причесанных»^[221].

«Хороший тон, мода требуют пожертвований: и франт, и кокетка, и старая вестовщица, и жирный откупщик скачут в первом часу утра с дальних концов Москвы на Тверской бульвар. Какие странные наряды, какие лица! Здесь вы видите приезжего из Молдавии офицера, внука этой придворной ветхой красавицы, наследника этого подагрика, которые не могут налюбоваться его пестрым мундиром и невинными

шалостями; тут вы видите провинциального щеголя, который приехал перенимать моды и который, кажется, пожирает глазами счастливца, прискакавшего на почтовых с берегов Секваны (Сены. — Н. М.) в голубых панталонах и в широком безобразном фраке. Здесь красавица ведет за собою толпу обожателей, там старая генеральша болтает с своей соседкою, а возле их откупщик, тяжелый и задумчивый, который твердо уверен в том, что Бог создал одну половину рода человеческого для винокурения, а другую для пьянства, идет медленными шагами с прекрасною женою и карлом»^[222].

На Тверском бульваре Батюшков замечает и университетского профессора в епанче, и напевающего водевили шалуна, который «травит прохожих своим пуделем», и записного стихотворца — он «читает эпиграмму и ожидает похвалы или приглашения на обед»^[223]. Когда цитируешь К. Н. Батюшкова, тоже очень трудно остановиться.

Допожарную Москву прекрасно знал А. С. Пушкин. Это Москва его детства. Ностальгические чувства в пушкинском послании сослуживцу по коллегии Министерства иностранных дел, товарищу по «Зеленой лампе» Н. В. Всеволожскому, которое было написано в 1819 году поэтом, восемь с лишним лет не видевшим родного города, соединены с обобщением: приметы московского жизненного уклада — своего рода преамбула уже не к портретам, а к персонифицированным нравственным характеристикам московского общества:

Ты скачешь в мирную Москву,
Где наслажденьям знают иену,
Беспечно дремлют наяву
И в жизни любят перемену.

Разнообразной и живой
Москва пленяет пестротой,
Старинной роскошью, пирами.
Невестами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.
Ты там на шумных вечерах
Увидишь важное Безделье,
Жеманство в тонких кружевах
И Глупость в золотых очках,
И тяжелой Знатности веселье,
И Скуку с картами в руках (II, 101).

Вот в такую, с детства знакомую московскую жизнь вернулся В. Л. Пушкин из чужих краев. И его, родового москвича, поэта-путешественника, с радостью приняла матушка-Москва, изумляясь его новомодным нарядам, собранной в путешествии библиотеке, рассказам о чужеземных странах.

«Парижем от него так и веяло, — вспоминал П. А. Вяземский. — Одет он был с парижской иголки с головы до ног; прическа *à la Titus*, углаженная, умащенная *huile antique*. В простодушном самохвальстве давал он дамам обнюхивать свою голову»^[224].

Во всем блеске парижского туалета запечатлен Василий Львович на портрете, который он привез из своего путешествия. В Париже он нашел время зайти в мастерскую Э. Кенеди, чтобы заказать свой портрет в технике физиототраса, входившей тогда в моду. Заказчик садился на несколько минут перед аппаратом с отражающим устройством — возникавший едва заметный рисунок тут же дорисовывали и гравировали на медной пластинке (всего получалось не более десяти отпечатков). Рассматривая этот портрет, друзья

увидели профиль человека, которому уже за тридцать: горбатый нос, тонкие губы, устремленный вперед взгляд, модную прическу, нарядное белое жабо.

Василий Львович до конца своих дней оставался приверженцем французской моды, пришедших из Франции нововведений. Ф. Ф. Вигель вспоминал, как В. Л. Пушкин, услышав в 1804 году о прибытии в Петербург от первого консула Франции Бонапарта его «дипломатического агента» генерала Дюрока, представлявшего собой «картинку модного журнала», тотчас же поспешил из Москвы в Северную столицу только для того, чтобы познакомиться с последними новостями парижского туалета. Вернувшись в Первопрестольную, «он всех изумил толстым и длинным жабо, коротким фрачком и головою в мелких кудрявых завитках как баранья шерсть, что называлось тогда *à la Duroc*»^[225].

П. А. Вяземский рассказал о таком забавном случае, связанном с одной из парижских новинок:

«В Москве до 1812 г. не был еще известен обычай разносить перед ужином в чашках бульон, который с французского слова называли *consomme*. На вечере у Василия Львовича Пушкина, который любил всегда хвастаться нововведениями, разносили гостям такой бульон, по обычаю, который он вероятно вывез из Петербурга или из Парижа. Дмитриев отказался от него. Василий Львович подбегает к нему и говорит: „Иван Иванович, да ведь это *consomme*. — Знаю, отвечает Дмитриев с некоторою досадою, что это не ромашка, а все-таки пить не хочу“»^[226].

Но что модные привычки?! В. Л. Пушкин сохранял много лет неослабевающее восхищение Парижем и парижанками. Недаром, много позже, в 1819 году, он писал П. А. Вяземскому:

«Кн. Николай Щербатов возвратился из чужих краев, но я его еще не видел. Сказывают, что жена его изрядненько говорит по-французски и довольно ловка. Вот каков Париж! Как же не любить его?» (265).

Василий Львович так натвердил всем о своем восхищении очаровательной мадам Рекамье, что А. М. Пушкин сочинил от его имени французский куплет, в котором вымышленный сочинитель сокрушался, почему прелестная француженка не голубка, а он — не ветка. Объявив В. Л. Пушкину, что знает его очень милые стихи, польстив его доверчивому самолюбию, Алексей Михайлович под всеобщий хохот прочел свой куплет. По свидетельству П. А. Вяземского, «шутка удалась». «Но хохотал ли Василий Львович? Об этом история молчит»^[227].

Когда в 1808 году И. И. Дмитриев напечатал отдельной книжечкой тиражом всего пятьдесят экземпляров «Путешествие NN в Париж и Лондон» — не для продажи, а для друзей, то Василию Львовичу, конечно, было приятно вспомнить о своих заграничных впечатлениях и встречах. Это редчайшее миниатюрное издание к тому же было украшено виньеткой, на которой был изображен В. Л. Пушкин, как считал племянник Ивана Ивановича, «чрезвычайно сходно»^[228] — сидя в кресле, он восторженно слушает Тальма, который с книгой в руке дает ему урок декламации. И все же, как свидетельствует племянница В. Л. Пушкина О. С. Павлищева, когда эта стихотворная шутка разнеслась по Москве, она на некоторое время расстроила приятельские отношения Василия Львовича с Иваном Ивановичем, правда, ненадолго^[229]. В самом деле, у В. Л. Пушкина были основания сердиться. Его галломания, которая всегда вызывала улыбку, теперь, в 1808 году, выглядела в глазах многих уже не столь безобидной. Описанный Иваном Ивановичем восторг

русского путешественника от встречи с Бонапартом в это время могли расценить и как антипатриотизм. В Европе гремели пушки. Русское общество тяжело переживало поражение под Аустерлицем, при Фридланде, позорный для России Тильзитский мир. Так что о счастье «стоять близехонько» к Бонапарту лучше было бы умолчать.

Между тем жизнь Василия Львовича в Москве шла своим чередом. Конечно, затянувшийся бракоразводный процесс отнял много душевных сил. Но получив, наконец, в 1806 году развод, Василий Львович зажил по-прежнему. Он встречался со старыми друзьями — И. И. Дмитриевым, Н. М. Карамзиным, П. И. Шаликовым, А. М. Пушкиным, В. А. Жуковским, заводил новых, познакомился с К. Н. Батюшковым, П. А. Вяземским. Особенно подружился Василий Львович с Петром Андреевичем Вяземским, который был моложе его двадцатью шестью годами. Вспоминая много лет спустя об их дружбе, Вяземский писал:

«Дмитриев говаривал о нем, что он кончит тем, что будет дружен с одними грудными младенцами, потому что чем более стареет, тем все более сближается с новейшими поколениями. Грешно было бы мне поминать его слегка, а паче того насмешливо. Он был приятный, вовсе не дюжинный стихотворец. Добр был до бесконечности, до смешного, но этот смех ему не в укор. <...> Меня любил он с особенной нежностью, могу сказать, с балующею слабостью. Зять его, Солнцев, говорил, что сердечные привязанности его делятся на три степени: первая — сестра Анна Львовна, вторая — Вяземский, третья — однобортный фрак, который выкроил он из старого сюртука по новомодному покрою фрака, привезенного в Москву Павлом Ржевским»^[230].

Признание П. А. Вяземского, пусть сделанное с улыбкою, дорогого стоит. И Н. М. Карамзин признается в

одном из писем:

«Обнимите за меня поэта — дядю: люблю любовь его»^[231].

Василий Львович был деятельным участником московской общественной жизни. Он встречался с друзьями и многочисленными знакомыми и в Москве, и в подмосковных усадьбах. Особенно любил он имение Вяземских Остафьево, где жил Н. М. Карамзин, женатый на единокровной сестре П. А. Вяземского Екатерине Андреевне Колывановой, где бывали И. И. Дмитриев, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, где позже будут бывать А. С. Пушкин, Адам Мицкевич. Гостеприимный хозяин, В. Л. Пушкин принимал друзей и в своем доме. Нагуляньях, на балах, в театре, в Английском клубе — он всюду попевал.

Английский клуб с 1802 по 1812 год находился в доме князей Гагариных на Страстном бульваре у Петровских ворот. Туда частенько навещался Василий Львович для того, чтобы встретиться с друзьями, пообедать или поужинать, почитать газеты и журналы, обсудить политические новости (но только не для того, чтобы играть в карты). 23 января 1806 года он был в клубе вместе с Сергеем Львовичем Пушкиным, Алексеем Михайловичем Пушкиным, Иваном Ивановичем Дмитриевым, сыном княгини Екатерины Романовны Дашковой губернским предводителем дворянства Павлом Михайловичем Дашковым, знакомцем по Парижу Александром Алексеевичем Тучковым. В этот день Английский клуб впервые посетил в качестве гостя Степан Петрович Жихарев. В своем дневнике он оставил запись о том, как собравшиеся обсуждали торжественный прием герою Шенграбенского сражения — князю Петру Ивановичу Багратиону — предлагали дать ему большой обед с музыкой и певчими, стихотворец Павел Иванович Голе

нище в-Кутузов вызвался написать в его честь кантату. Благодаря покровителям С. П. Жихарев попал 3 марта в клуб на обед в честь П. И. Багратиона и 4 марта подробно этот обед описал. Хочется верить, что и Василий Львович присутствовал на обеде, сел за стол, накрытый на 300 кувертов, видел великолепное убранство, отведал «всё, что только можно было отыскать лучшего и редчайшего из мяса, рыб, зелени и плодов»^[232], видел князя П. И. Багратиона, слышал оркестр, который при появлении героя заиграл польский — «Гром победы раздавайся!», пил со всеми «Здоровье государя императора!».

В 1802 году было основано Императорское человеколюбивое общество, которое занималось попечительством бедных — и Василий Львович стал его членом. А как же иначе? «Счастлив тот, кто любит несчастных! — писал он. — Богачи по большей части имеют чугунные головы и железные сердца»^[233].

В 1811 году было создано Общество любителей российской словесности при Московском университете — и Василий Львович оказался среди его учредителей.

Председатель общества в 1811 году (и учредитель, конечно) — Антон Антонович Прокопович-Антонский, директор Благородного пансиона при Московском университете, профессор натуральной истории, минералогии и сельского хозяйства. Среди учредителей — Федор Федорович Кокошкин, драматург и переводчик (в своем доме на Воздвиженке он устраивал литературные вечера и спектакли, но был несчастливым соперником Василия Львовича на любительской сцене); Алексей Федорович Мерзляков, поэт, переводчик, критик, профессор Московского университета по кафедре красноречия и поэзии; Роман Федорович Тимковский, профессор римской и греческой истории, переводчик; Михаил Трофимович Каченовский,

профессор по русской истории, статистике, географии и русской словесности, переводчик, критик (в 1805–1807, 1811–1813, 1815–1830 годах издавал основанный Н. М. Карамзиным «Вестник Европы»); Александр Федорович Воейков, поэт, критик, журналист (в 1814 году он женится на племяннице В. А. Жуковского Александре Андреевне Протасовой, которой посвящена баллада «Светлана»); другие, не менее достойные люди. А коли так, то и Василий Львович должен быть среди них, тем более что его не могла не привлекать благородная цель общества — споспешествовать развитию отечественной словесности.

И без Благородного собрания В. Л. Пушкин не мог обойтись. Если членами Английского клуба могли быть только мужчины (разумеется, только дворяне, более того, московская дворянская элита), то на балы и концерты в прекрасное здание на Большой Дмитровке со знаменитым колонным залом съезжалась вся дворянская Москва.

В 1811 году московское дворянство отличалось в «рыцарской забаве» — «карусели». Трудно представить, но и Василий Львович был «кавалерственного карусельного собрания член». Хотя иначе и быть не могло: 20–25 июня вся дворянская Москва съехалась к месту напротив Александринского дворца и Нескучного сада. Там по проекту Ф. И. Компорези был выстроен огромный амфитеатр с галереями и ложами — он вмещал пять тысяч человек. На арене рыцари состязались в верховой езде, в умении метать копье, стрелять из пистолета, биться на шпагах. Главным судьей был главнокомандующий, граф Иван Васильевич Гудович. Среди судей — русский посланник в Париже, князь Иван Сергеевич Барятинский, гражданский губернатор Москвы Николай Васильевич Обресков, отличившийся в сражении при Аустерлице Федор Петрович Уваров. Среди почетных членов «карусели» —

графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская, графиня Екатерина Владимировна Апраксина, урожденная княгиня Голицына, князь Николай Борисович Юсупов, сенатор Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий, князь Петр Андреевич Вяземский. Дамы вручали победителям призы под восхитительные звуки труб и литавр. Красный шарф с надписью «Отважность в юности — залог доблести зрелых лет» получил за искусство поединка неизвестный рыцарь: под забралом скрывал свое лицо А. В. Всеволожский. «Карусель» преследовала благотворительные цели. Собранные деньги были розданы раненым солдатам, вдовам, беднякам, пошли на выкуп должников, находящихся под арестом. О «карусели» отзывались восторженно, хотя не обошлось и без критики. «У нас карусель, — писал К. Н. Батюшков Н. И. Гнедичу, — и всякий день кому нос на сторону, кому зуб вон!»^[234] В. Л. Пушкин сочинил и в 1811 году выпустил в свет брошюру «О каруселях», в которой представил обстоятельный исторический очерк рыцарских турниров в Европе и России, перечислил участников «нынешнего каруселя». Свое сочинение он посвятил «благородному московскому обоюбого пола сословию».

Где бы ни был Василий Львович, он всегда развлекал московское общество, читал с удовольствием свои и чужие стихи, сыпал в беседах остротами, с воодушевлением играл в домашних спектаклях, заполнял альбомы русскими и французскими стихами, словом, «возбуждал улыбки дам / Огнем нежданных эпиграмм». Некоторые его рассказы, экспромты, буриме сохранили для нас дневники и воспоминания П. А. Вяземского, С. П. Жихарева, М. А. Дмитриева.

«...генерал ожидал какого-то почтенного гостя, между тем необходимо было ему нужно отлучиться из дома. Он приказывает жене принять гостя и сказать,

что он тот час возвратится; вместе с тем строго наказывает ей не пускаться в дальние разговоры, а говорить только о самых близких и домашних предметах. Гость приезжает, — „что это за панталоны на вас? — обращается она к приезжему. — У моего мужа платье совсем не так сшито“. Призывает она камердинера мужа и приказывает ему принести жилеты и панталоны барина. Приносят. Генерал возвращается домой и застаёт выставку. Вот картина! (Рассказано В. Л. Пушкиным, современником этих событий.)»^[235].

«Помню в доме Апраксина представление трагедии Вольтера, Альзира, в старинном переводе Карабанова, впрочем, довольно близком и не лишенном достоинства. Тут подвизались Кокошкин, двоюродный брат его, тоже Кокошкин, с женою своею и поэт Иванов. Если Федор Федорович был довольно сухощав, то два другие дородством своим занимали на сцене довольно видное место. <...> Василий Львович Пушкин... по добрым свойствам своим, не очень задирчивый в эпиграммах... <...> выходя из театра, сказал довольно забавно»:

Гусмана видел я, Альзиру и Замора.
Умора!^[236]

«Намедни какой-то помещик Перхуров, отставной прапорщик и громогласный толстяк, в великом раздражении на французов кричал в Английском клубе: „Подавай мне этого мошенника Буонапартия! Я его на веревке в клуб приведу“. Услышав грозного оратора, Иван Александрович Писарев, только что приехавший из деревни, скромный тихоня, спросил у Василия Львовича Пушкина: не известный ли это какой-нибудь генерал и где он служил? Пушкин отвечал экспромтом:

Он месяц в гвардии служил
И сорок лет в отставке жил,
Курил табак,
Кормил собак,
Крестьян сам сек —
И вот он в чем провел свой век!

Иван Иванович говорит, что Пушкин и не воображает, какая верная и живая биография заключается в его экспромте»^[237].

«Однажды Василий Львович Пушкин, бывший тогда еще молодым автором, привез вечером к Хераскову новые свои стихи. — „Какия?“ спросил Херасков. — „Разсуждение о жизни, смерти и любви“, отвечал автор. Херасков приготовился слушать со всем вниманием и с большою важностью. Вдруг начинает Пушкин:

Чем я начну теперь? — Я вижу, что баран
Нейдет тут ни к чему, где рифма барабан?
Вы лучше дайте мне зальцвасеру стакан
Для подкрепления сил! Вранье не алкоран и проч.

Херасков чрезвычайно насупился и не мог понять, что это такое! — Это были *bouts rimés*, стихи на заданные рифмы. <...> Важный хозяин дома и важный поэт был не совсем доволен этим сюрпризом; а Пушкин очень оробел. Дядя мой сказывал, что это было очень смешно»^[238].

Интересно, что в романе младшего современника В. Л. Пушкина и А. С. Пушкина Л. Н. Толстого «Война и мир» буриме Василия Львовича были упомянуты как характерная черта быта допожарной Москвы. Но еще интереснее то, что в черновиках романа Л. Н. Толстого

Василий Львович не просто упомянут, он был действующим лицом. Толстой привел его в дом Жюли Карагиной, где устраивались вечера, заполнялись стихами и рисунками ее альбомы, где Борис Друбецкой читал «Бедную Лизу». Василий Львович появляется в доме меланхолической Жюли в обществе Н. М. Карамзина и П. А. Вяземского. «Ее приятелем, — пишет Л. Н. Толстой, — был и Карамзин, в прежние времена бедняк и В[асилий] Пушкин и П[етр] А[ндреевич] Вяземский, который писал ей стихи»^[239]. Несомненно, автор был осведомлен не только о дружеских связях и литературных пристрастиях В. Л. Пушкина. Составить представление о его личности, о его жизни и сочинениях он мог, читая «Русскую старину» и «Русский архив», где печатались документы, письма, дневники эпохи 1812 года, «Москвитянина» и «Отечественные записки», где были напечатаны «Записки современника» С. П. Жихарева. Еще до публикации в 1874 году в «Вестнике Европы» Л. Н. Толстому были предоставлены письма 1812–1813 годов М. А. Волковой к В. И. Ланской, где речь идет и о В. Л. Пушкине, у которого «страсть нравиться прекрасному полу» и который «легковерен как пятилетний ребенок». Заметим, что несколько насмешливое отношение к Василию Львовичу со стороны девятнадцатилетней фрейлины не исключает и чувства симпатии:

«Василий Львович вчера ужинал у нас. Пушкин просто бесценный. Он нас очаровал. Мы за ним ухаживали и умоляли прочесть свои стихи; он это очень любит, тотчас повеселел и весь вечер смешил нас»^[240].

Конечно, составить представление о В. Л. Пушкине Л. Н. Толстой мог, читая его сочинения. И еще — слушая рассказы тех, кто его хорошо знал, был с ним дружен. Л. Н. Толстой встречался с ближайшим другом Василия

Львовича П. А. Вяземским, в бумагах которого хранились автографы его стихотворений, в том числе и его буриме, с Д. Н. Блудовым, товарищем поэта-дяди по «Арзамасу», с П. А. Плетневым, издателем сборника его стихотворений. Приятелем В. Л. Пушкина был двоюродный дядя Л. Н. Толстого, знаменитый Ф. И. Толстой-Американец. Быть может, Л. Н. Толстой читал брошюру В. Л. Пушкина «О каруселях», в которой был упомянут герольдмейстер «каруселя» 1811 года граф Илья Андреевич Толстой, дед писателя.

Но почему же Василий Львович остался в качестве персонажа лишь в черновиках романа «Война и мир»? Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, приведем еще один фрагмент из чернового варианта толстовского произведения:

«В клубе не было обеда, вечера без него. Как только он приваливал на свое место на диване после двух бутылок Марго, его окружали и завязывались споры, толки, шутки. Где ссорились, он одной своей доброй улыбкой и кстати сказанной шуткой — мирил, на балах он везде был, не доставало кавалера, он танцевал, старушек он дразнил и веселил, с молодыми барынями был умно любезен, и никто лучше него не рассказывал смешные истории и не писал в альбомы. На турнирах в буриме с В. Л. Пушкиным и П. И. Кутузовым всегда его буриме был прежде готов и забавнее (зачеркнуто: „смешнее“. — Н. М.)»^[241].

Это сказано о Пьере Безухове, который зимой 1810/11 года, разъехавшись с женой, поселился в Москве. Но это могло быть сказано и о В. Л. Пушкине. В добродушии Пьера, с радостью принятого московским обществом, в его шутках, умении примирить враждующие стороны, в его готовности рассказывать смешные истории и писать в альбомы, сочинять буриме угадывается Василий Львович, добродушный человек,

остроумный собеседник, прекрасный рассказчик, умеющий как никто объединять людей, творец альбомной культуры и тот, кого, по свидетельству его внучатого племянника Л. Н. Павлищева, «знала и любила вся Москва»^[242]. В окончательной редакции романа «Война и мир» Л. Н. Толстой исключил умную любезность Пьера, рассказанные им смешные истории, альбомы и турниры в буриме, то есть именно то, в чем угадывается Василий Львович. Как знать, может быть, Толстой отказался от В. Л. Пушкина как персонажа потому, что руководствовался чувством соразмерности и сообразности: своими симпатичными чертами он был слишком похож на его любимого героя Пьера Безухова?!

«Бывают странные сближения», как заметил А. С. Пушкин. И в герое Л. Н. Толстого Пьере Безухове, который, вернувшись в Москву, поначалу погрузился в стихию кутежей с вином и цыганками, отдался привычному течению московской жизни, и в Василии Львовиче Пушкине, участвовавшем во всех увеселениях московского общества, совершалась внутренняя работа.

«Я кружусь в обществах, — писал В. Л. Пушкин, — и многие думают, что рассеянность есть моя стихия; но кому известно, что возвращаясь я часто домой с утомленным сердцем и с унылою душою? Доказательство, что нет ничего обманчивее наружности»^[243].

Невидимые постороннему глазу поиски смысла жизни, желание вырваться из плена светской суеты, обрести идеал, к которому можно было бы стремиться, привели нашего героя, как и героя Л. Н. Толстого, в масонскую ложу.

2. Братья масоны и брат Сергей

В 1810 году 43-летний В. Л. Пушкин вступил в петербургскую масонскую ложу «Соединенных друзей» и стал «почтенным братом Пушкиным». В разные годы в масонских ложах состояли поэты и писатели А. П. Сумароков, М. М. Херасков, Н. И. Новиков, А. Н. Радищев, Н. М. Карамзин, И. Ф. Богданович, композитор М. Ю. Виельгорский, архитектор В. И. Баженов, гравер Н. И. Уткин, художники Ф. П. Толстой и К. П. Брюллов, министр народного просвещения А. К. Разумовский и член Государственного совета М. М. Сперанский, полководцы А. В. Суворов и М. И. Кутузов, императоры Павел I и Александр I (он же в 1822 году масонские ложи в России запретил). Масонами были П. И. Шаликов, Ф. Ф. Вигель, А. И. Тургенев, П. А. Вяземский, А. А. Дельвиг, В. К. Кюхельбекер, К. Ф. Рылеев, А. С. Пушкин. Даже приведенный перечень имен свидетельствует о том, что в окружении В. Л. Пушкина было много масонов. Один из них — действительный статский советник Василий Дмитриевич Камынин. В 1817 году он, как и Василий Львович, стал одним из основателей московской ложи «Ищущих манны». Внук В. Д. Камынина В. С. Арсеньев сохранил тетрадь деда в сафьяновом переплете с золотыми украшениями и застёжками. В тетради были записаны изречения масонов. Познакомимся с некоторыми из этих изречений чтобы составить представление о том, что занимало умы братьев-масонов в деле духовного самосовершенствования, строительства духовного храма премудрости, царства всеобщего равенства, любви, истины и конечно же счастья.

«Физические болезни имеют корень свой в нравственном существе и служат к предостережению от падения, и к очищению. <...>

Слово есть корона человека, и оно должно быть исполнено премудрости и разума. <...>

Блудодеяние есть первый шаг к идолопоклонству. <...> Чувствуемая охота к исправлению должна почитаться особенной милостью Божеской. <...>

Блажен человек, узнавший и нашедший молитвенное состояние сердца. <...>

Высочайшее здравие есть сердечное.

Допусти осеменять себя Словом Божиим и добродетелями. Отвергающий посредства может быть уподоблен такому, кто мнит взойти на лестницу, из коей вынуты ступени.

Премудрость есть высший порядок, надзирающий и поправляющий все другие порядки. В ней всякий смысл и всякие способности. Без нее дух человеческий не может сойтись с Богом.

Бог не вводит в искушение, но попускает человека входить в искушение, дабы он собственным опытом познал гнусность пороков» ^[244].

Масонство будто бы никоим образом не отвергало христианскую веру. Для Василия Львовича, твердого, искреннего и простодушного в вере, это, несомненно, было важно. «Атеизм есть совершенное безумие, — писал он в 1826 году. — Взгляни на солнце, на луну и звезды, на устройство вселенной, на самого себя и скажешь с умилением: есть Бог!» (193).

Масонство предполагало служение Отечеству и государю. Само собой разумеется, что никаких революций, никаких насильственных потрясений было не нужно. А нужно было, надев запон (фартук, напоминающий о строительной профессии вольного каменщика) и белые перчатки, знаменующие чистоту не только рук, но и помыслов, вооружившись молотком, очищать дикий камень своей души, отшлифовывать его до идеальной формы куба, любить своих друзей, не забывать о ближних, помогать бедным. Для такого

человека, как Василий Львович, всё это было
чрезвычайно привлекательно:

Как счастлив тот, кто постигает
Творца всю благодать и любовь.
Кто страсти победить желает
И выйти тщится из оков;
Кто очищая дикий камень,
Полезным в жизни хочет быть,
В душе хранит небесный пламень,
Умеет ближнего любить.

Он узрит Свет!.. Храм Соломонов
Для мудрых только отворен,
Кто братских знает цель законов,
Кто им повинен, тот блажен!
Коварства, злобы мы не знаем,
Наш первый долг добро творить,
Мы ищем манны, ожидаем,
Трудимся, чтоб ее вкусить (168-169).

И еще атмосфера тайны, символика масонских знаков, торжественные ритуалы, похожие на театральные действия, — всё это будоражило воображение поэта и театрала. И еще — что греха таить — масонство было в моде. Кроме того (а, может быть, для Василия Львовича и прежде всего), вступив в ряды масонов, он роднился со всем миром — и русским, и зарубежным. Возникшее в XVIII веке в Англии, масонство к началу XIX столетия распространилось по многим странам. Масонами были Вольтер, Вальтер Скотт, Генрих Гейне, Гёте, Тадеуш Костюшко, Фридрих II, Симон Боливар, Паганини...

Ложу «Соединенных друзей», в которую вступил В. Л. Пушкин, основал в 1802 году действительный

камергер Александр Александрович Жеребцов, мать которого, О. А. Зубова, участвовала в заговоре против Павла I. В разное время членами ложи были великий князь Константин Павлович, министр полиции А. Д. Балашов, церемониймейстер двора его императорского величества граф И. А. Нарышкин, гусарский офицер и философ П. Я. Чаадаев, дипломат и драматург А. С. Грибоедов, офицер и будущий декабрист П. И. Пестель, художник А. О. Орловский. В 1810 году, одновременно с Василием Львовичем, в ложу «Соединенных друзей» вступил будущий шеф корпуса жандармов и начальник Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии Александр Христофорович Бенкендорф. Но эти должности он займет в царствование Николая I. А тогда, в 1810 году, и он был полон либеральных устремлений, мечтал о всеобщем благе. Пережив в Париже бурный роман с актрисой Жорж, увлечение, которое толкало его на всяческие безумства, А. Х. Бенкендорф нуждался в утешении и на какое-то время нашел его у братьев-масонов.

В. Л. Пушкин, А. Х. Бенкендорф и другие члены масонской ложи «Соединенных друзей» собирались не только для работы над самосовершенствованием, бесед о масонских добродетелях приема новых членов в свои ряды, посвящения братьев в различные степени или же решения хозяйственных вопросов. насущных проблем, связанных с благотворительностью. На заседаниях так называемых столовых лож организовывались торжественные трапезы, отличавшиеся изысканной сервировкой убранных цветочными гирляндами столов, тонкими винами в сверкающем хрустале, благоухающими яствами на драгоценном фарфоре и серебре. Посуда была украшена масонскими знаками. Отличительным знаком ложи «Соединенных друзей» был золотой равносторонний треугольник, в который

были заключены надпись «Les amis réunis» («Соединенные друзья») и изображение двух соединенных в братском пожатии рук. Иногда к застольям допускались дамы, которые были окружены галантным поклонением. Можно не сомневаться, что Василий Львович на таких собраниях чувствовал себя в своей тарелке.

Заметим, что у ложи «Соединенных друзей» имелся свой оркестр, и братья гармонии — музыканты — услаждали слух собравшихся. В 1810 году был издан на французском языке сборник «Гимны и кантаты для ложи Соединенных Друзей на Востоке С.-Петербурга». Две песни написал В. Л. Пушкин, третью он сочинил вместе с членом ложи, актером О.-Ж. Дальмасом. Василий Львович прославлял почтенного мастера ложи, «добрых братьев» — соединенных друзей. Он воспевал Отечество и государя императора. Одна из его песен, положенная на музыку членом ложи композитором К. А. Кавосом (в сборнике были напечатаны и ноты), распевалась не только братьями-масонами, она получила широкую известность в обществе:

Любить отчизну и служить отчизне —
Вот долг масона, вот призвание его.
Без доблести, без знанья ничего
Не радуется масон в этой жизни.

Любовь к царю должна в сердцах сиять.
Он наш отец, он благодетель — государь.
Любовь нас заставляет повторять:
Виват, наш Александр! Виват, наш царь!

(Перевод Н. Муромской)

Василий Львович искренне радовался тому, что его перо могло служить благородным масонским целям.

Своей радостью он делился с друзьями. В декабре 1810 года Н. М. Карамзин писал из Москвы в Петербург И. И. Дмитриеву о В. Л. Пушкине: «Добрый малой! Я поздравил его с новым достоинством масона»^[245].

В 1811 году Василий Львович вступил в другую петербургскую ложу — «Елизаветы к добродетели». Она была названа так в честь венценосной супруги Александра I, императрицы Елизаветы Алексеевны, и отличалась от других масонских лож большей строгостью требований к ее членам. Великий мастер ложи Егор Андреевич Кушелев призывал братьев:

«...Оставьте пустую и ни к чему не ведущую наружность, то есть: обеды, ужины, частые столовые ложи, а паче банкеты; делайте оные как можно реже.

...Старайтесь устроить так, чтобы дом ложи вашей ни мало не походил на трактир, клуб или место увеселения и препровождения времени, а напротив, старайтесь вселить братьям сию мысль, что ложа есть храм премудрости, где братья должны поучаться к добродетели и слушать чистейшие нравственные поучения»^[246].

Впрочем, строгие правила не мешали застольям (одного столового серебра было в 1812 году закуплено на 500 рублей).

Вступив в ложу «Елизаветы к добродетели», Василий Львович горячо принялся за дело. Он был назначен на должность витии, получил знак ложи — пятиконечную золотую звезду с прописной буквой «Е» в центре между изображениями циркуля и наугольника, прочел вырезанный на знаке девиз: «Размеряй действия твои циркулем разума, располагай поступки по углу совести». Коль скоро назначили Василия Львовича витией, то и стал он витийствовать. В Рукописном отделе Российской государственной библиотеки в Москве хранятся протоколы ложи «Елизаветы к

добродетели». Благодаря этим документам известно, что 3 января 1812 года «брат вития Пушкин» перед собравшимися членами ложи, «испросив слово, читал составленную им на новый год речь». «Она, — как сказано в протоколе, — быв сочинена прекрасным слогом, заключала в себе трогательные убеждения, дабы братие свободные каменщики сохранили нравы свои от пороков и пребывали бы в союзе, единомушии, прочих добродетелях, могущих украшать имя Свободного Каменщика»^[247].

Речь произвела сильное впечатление на слушателей. Василий Львович удостоился их благодарности как и благодарности Великого мастера ложи. Конечно, размышления почтенного брата витии о масонских добродетелях были и размышлениями о себе самом, об искушении страстями, которым он, бедный, подвергался.

В 1810 году, когда Василий Львович вступил на путь масонского самосовершенствования, он стал отцом. Шестнадцатилетняя Анна Николаевна Ворожейкина (он был двадцатью восемью годами старше ее), мещанка московской слободы Лужники Крымские, родила ему дочь Маргариту. История умалчивает, где увидел он юную деву. Известно, что брат ее, Александр Николаевич Ворожейкин, проживал в Пятницкой части Москвы, торговал шелковым товаром. Кто знает, может быть, там, в лавке брата, куда заглянул модник Василий Львович, с тем чтобы прикупить шелка на шейные платки, и заметил он Аннушку. А быть может, встретил ее на одном из московских гуляний. Так или иначе, участь его была решена. Но обвенчаться с избранницей он не мог — ведь церковный суд при разводе с Капитолиной Михайловной Вышеславцевой наказал его обетом безбрачия. Однако жизнь Василия Львовича отныне и до самой смерти была связана с

Анной Николаевной. Дочь Маргарита, а потом и родившийся в 1812 году сын Лев жили в его доме как воспитанники Васильевы (им, как и их матери, В. Л. Пушкин не мог дать ни своего имени, ни состояния). С Анной Николаевной Ворожейкиной Василий Львович никогда не разлучался.

14 июня 1811 года он был избран витией ложи «Елизаветы к добродетели», 28 июня заочно утвержден в этой должности, так как находился в это время в Москве. А в июле того же года В. Л. Пушкин вместе с Анной Николаевной и камердинером Игнатием приехал в Петербург, с тем чтобы определить племянника Александра в Императорский Царскосельский лицей. Товарищ А. С. Пушкина по Лицею Иван Пущин много лет спустя вспоминал Анну Николаевну, которая любила с ними «побалагурить и пошалить»: «...а про нас и говорить нечего: мы просто наслаждались непринужденностью и некоторой свободой в обращении с милой девушкой»^[248].

Семья не мешала масонским трудам. 17 января 1812 года В. Л. Пушкин, радея о бедных, дабы им как можно более было сделано денежных вспомоществований, предложил: «...те братья, кои прежде закрытия Ложи будут просить, чтобы позволено им было оставить Ложу», должны «вносить прежде выхода из оной непременно в кружку бедных что пожелают»^[249].

Предложение В. Л. Пушкина было принято со всеобщим одобрением.

«...За сие же предложение Высокопочтеннейший великий Мастер, купно со всеми братьями, изъявили брату Витии Пушкину чувствительнейшую благодарность знаками между ними употребляемыми, как такому свободному каменщику, коий услаждал братьев сея почтеннейшая Ложи отличными своими речами, предложил совет свой, исполненный благого

образа мыслей, являющих в нем истинную преданность Ордену нашему и искреннюю любовь вообще к человечеству»^[250].

Любопытно, что согласно «Ведомости о взносах на 20 декабря 1811» В. Л. Пушкин за полгода внес тридцать три рубля из обещанных им пятидесяти пяти. Вероятно, уже в это время он мог с горестью заметить, что у него «сена, дров и денег нет». Жизнь, как всегда, вносила коррективы и в благие намерения.

Во время войны 1812 года ложи были закрыты. В 1815-1816 годах В. Л. Пушкин возобновил свою масонскую деятельность, в 1817 году оказался среди основателей ложи «Ищущих Манны». Здесь Василий Львович был избран секретарем ложи, затем вторым стражем, а затем и первым стражем ложи. В течение двух лет он посещал масонские собрания, занимался благотворительностью, сочинял масонские стихи. Став членом «Капитула Феникса», поэт получил рыцарское достоинство. А в 1822 году ложи в России были запрещены.

Масонство — тайная (хотя и не для всех) и, вероятно, очень важная для В. Л. Пушкина часть его духовной жизни. Но это еще и часть его общественной жизни. Участие в масонских работах совершалось одновременно с участием в балах, маскарадах, гуляньях московского общества, игрой в домашних спектаклях и посещением театра, поездками в подмосковные усадьбы и визитами в дома московских друзей и знакомых, неутомимой деятельностью на литературном поприще и конечно же одновременно с семейными заботами. В начале 1810-х годов семейный круг Василия Львовича — это его собственная семья, любимая сестра Анна Львовна, семья сестры Елизаветы Львовны, в замужестве Сонцовой, семья брата Сергея Львовича, где он бывал особенно часто.

Младший брат В. Л. Пушкина — человек вспыльчивый, раздражительный до крайности. И еще — скупой. Он мог сердиться из-за разбитой 35-копеечной рюмки, жалеть (это будет позже) 80 копеек на извозчика для сына Александра, который, будучи больным, принужден будет идти пешком по сырому Петербургу. Всё это так. Но ведь Василий Львович писал о нем: «Он точно я другой». И это тоже правда. Они во многом сходились — и характерами, и увлечениями.

Сергей Львович тоже сочинял стихи. Конечно, он не стал поэтом. Это были стихи на случай, салонные мелочи, но они придавали жизни поэтический оттенок, что радовало и самого сочинителя, и окружающих.

Как и брат, Сергей Львович играл в домашних спектаклях. Вряд ли он играл так же блистательно, как Василий Львович, но ведь играл же.

В светских беседах Сергей Львович отличался остротами и каламбурами. Их ценили в обществе, их запоминали. Потому некоторые из них и дошли до нас. «В чем сходство между солнцем и вами, г. Пушкин?» — «В том, что нельзя без гримасы разглядывать нас обоих»^[251]. Разумеется, приведенный диалог звучал на французском языке. И еще один пример остроумной находчивости С. Л. Пушкина. Забавно, что это диалог с другим остряком, поэтом и драматургом А. Д. Копьевым — его «переострил» Сергей Львович:

«Копьев был столько же известен в Петербурге своими остротами и проказами, сколько и худобою своей крепостной и малокормленной четверни. Однажды ехал он по Невскому проспекту, а Сергей Львович Пушкин (отец поэта) шел пешком по тому же направлению. Копьев предлагает довести его. „Благодарю, — отвечал тот, — но не могу: я спешу“»^[252].

Младший брат Василия Львовича также отдавал дань моде, и не только в одежде. «Чувствительность

бывала в моде /И в нашей северной природе», — напишет А. С. Пушкин в черновиках «Евгения Онегина». Но все же для братьев Пушкиных чувствительность не была модой. Она была свойством их родственных душ (хотя, конечно, здесь не обошлось и без влияния чувствительных стихов и прозы). Впрочем, черта вполне достойная. Ведь, как заметил А. С. Пушкин, «лучшие качества доброго сердца: чувствительность и благодарность». Правда, в отличие от брата, Сергей Львович был чувствителен до крайности, до слезливости, но при этом не был так бесконечно добр, как Василий Львович.

Как и брат, Сергей Львович до старости оставался поклонником женской красоты. Его жена Надежда Осиповна была красива, образованна, остроумна, но и, как это часто бывает у красавиц, весьма капризна. Сергей Львович ее капризы безропотно терпел, потому что любил.

Духовные искания Сергею Львовичу были отнюдь не чужды. И он стал масоном — вступил в масонскую ложу на четыре года позже брата, в 1814 году, будучи на службе в Варшаве.

Вот к чему был не способен С. Л. Пушкин, так это к хозяйствованию (как, впрочем, и В. Л. Пушкин). Помещиком он был, прямо скажем, никаким, свою часть болдинского имения закладывал и перезаклаживал, в 1830-е годы долгов было чуть ли не на 140 тысяч. Да о каком хозяйствовании может идти речь, если в 1809 году крестьянин А. П. Кудрявцев подал прошение в Московское губернское правление о взыскании с С. Л. Пушкина долга — тот задолжал ему 107 рублей 45 копеек за взятые еще в 1806 году мыло и свечи.

Без мыла и свечей, конечно, не обойтись. Но ведь Сергея Львовича такие низменные предметы мало занимали. Он, как и брат его, жил литературой. В доме было много книг, главным образом на французском

языке. Детям читывал он Мольера. В дом С. Л. Пушкина приходили поэты и литераторы. Многих из них приводил Василий Львович — И. И. Дмитриева, Н. М. Карамзина, П. И. Шаликова, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова. Французский эмигрант граф Ксавье де Местр, автор «Путешествия вокруг моей комнаты», был еще и художником. Миниатюрный портрет его работы запечатлел Надежду Осиповну (она в самом деле была очень хороша). Девушка Першерон де Муши оживляла собрания игрой на клавикордах. Любовь к музыке соединила ее с композитором и музыкантом Джоном Фильдом — она стала его женой.

В доме Сергея Львовича жили литературой, говорили о литературе, слушали новые сочинения. В гостиной иногда разрешалось находиться детям — Ольге, Александру, Льву. Маленький Александр слушал разговоры взрослых, стихи дяди с детских лет знал наизусть. Василий Львович был первым настоящим поэтом в жизни племянника. Именно он, Василий Львович, наставлял его в поэзии, воспитывал литературный вкус. Наверное, дядя первым заметил рано пробудившийся в мальчике интерес к поэзии, любовь к чтению. Быть может, Василий Львович познакомился с самыми ранними литературными опытами Александра на французском языке. К тому же Александр проявлял находчивость и остроумие, что тоже не могло не нравиться дяде. Когда однажды И. И. Дмитриев, увидев смуглого кудрявого мальчика, воскликнул: «Какой арабчик!» — тот сразу же ответил: «Арабчик, да не рябчик» (Иван Иванович переболел оспой и потому лицо его было рябым). Добрый дядя, вероятно, сочувствовал ребенку, когда однажды увидел его в камзольчике, к которому был пришит носовой платок, — так Надежда Осиповна наказывала сына за то, что тот беспрестанно терял носовые платки. А ведь рассеянность Александра была вовсе не

неряшливостью. На самом деле он был сосредоточен на внутренней работе, которая совершалась в нем. В его кудрявой голове роились впечатления бытия: шум уличной толпы, народный меткий язык, разговоры в гостиной на французском языке, мир, который открывался ему за кожаными переплетами книг, неясные еще собственные поэтические строки.

Александр Пушкин, будучи ребенком, стал свидетелем поэтической славы дяди. 1810-е годы — время расцвета поэтического дарования В. Л. Пушкина. Он по-прежнему сочинял стихи на случай, басни, эпиграммы, мадригалы, дружеские послания. Но прославился в это время полемическими посланиями, которые выдвинули его в первые ряды последователей Н. М. Карамзина. Более того, человек сугубо мирный, он оказался отважным борцом за просвещение, вкус, чистоту поэтического стиля, за новый литературный язык, который утверждали Н. М. Карамзин и писатели его школы в борьбе с А. С. Шишковым и его сторонниками.

3. Шишковисты против карамзинистов

Н. М. Карамзин выступил первым. Правда, он ни на кого не нападал. Просто в начале XIX столетия в печати появились его статьи, в которых он высказывал свои мысли о патриотизме, о русском литературном языке, о будущем отечественной литературы. В 1802 году в статье «О любви к отечеству и народной гордости», напечатанной в «Вестнике Европы», им были высказаны соображения, под которыми могли бы подписаться многие патриоты:

«Язык наш выразителен не только для высокого красноречия, для громкой, живописной поэзии, но и для нежной простоты, для звуков сердца и

чувствительности. Он богаче гармонией, нежели французский; способнее для излияния души в тонах; представляет более аналогичных слов, то есть сообразных с выражаемым действием: выгода, которую имеют одни коренные языки! Беда наша, что мы все хотим говорить по-французски и не думаем трудиться над обработыванием собственного языка: мудрено ли, что не умеем изъяснять им некоторых тонкостей в разговоре?»^[253]

Еще Н. М. Карамзин писал о том, что «мы уже имеем столько знаний и вкуса в жизни, что могли бы жить, не спрашивая: как живут в Париже и в Лондоне? Что там носят, в чем едят и как убирают дома?»^[254]. «Патриот, — замечал он, — спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках, оскорбительные для народной гордости»^[255].

В самом деле, зачем нам чужевластье мод, главным образом французских? Зачем нам засилье французского языка?

«Я, право, иногда боюсь, — заметил И. И. Дмитриев, — чтобы мужики наши заговорили по-французски, а мы по-ихнему. <...> Да мне уже и удалось послушать на улице пьяного каменщика, приветствовавшего своего товарища: „Бонжур, мусье“, а в гостинной крестьянку-кормилицу; она, поднося к ее сиятельству двухлетнюю Додо или Коко (не помню), толкала ее в затылочек и повторяла: „скажи, матушка, мерси, мерси“»^[256].

М. А. Дмитриев вспоминал о допожарной Москве:

«Кстати повторить здесь, что до французов привязанность наша к ним и к их языку была что-то непостижимое! Довольно было хорошо говорить по-французски, чтобы быть приняту в лучших домах, но никакое просвещение, никакой ум без французского

языка не давали почетного места в гостинной. <...> Вывески в Москве все были французские; разговаривали в гостинных по-французски! Не было порядочного дворянского дома, даже по деревням, где бы не было французского учителя; французские эмигранты принимались без разбору, как люди высшего образования; в богатейших русских домах учили и наставляли детей французские аббаты!»^[257]

Всё это так. Но французский язык — это язык русского образованного общества. Да, Н. М. Карамзин считал, что «язык важен для патриота». Но почему же не присвоить отечеству из французского языка «благодетельное и нужное»?

Сегодня мы произносим и пишем слова «интересный», «влияние», «занимательный», «трогательный», «усовершенствовать», не вспоминая о том, что эти слова были придуманы, сочинены Н. М. Карамзиным по образцу французских. Они были нужны для того, чтобы описывать сложную душевную жизнь образованного дворянина, его мысли и чувства.

О словах ожесточенно спорили, более того — за слова воевали. «Всякое иностранное слово есть помешательство процветать собственному, и потому чем больше число их, тем больше от них вреда языку»^[258], — полагал адмирал Александр Семенович Шишков, главный противник Н. М. Карамзина.

А. С. Шишков тоже был патриотом. Его заслуги перед Отечеством несомненны. Боевой морской офицер, в 1790 году он участвовал в войне со Швецией, был награжден золотым оружием с надписью «За храбрость». И заслуги перед отечественной словесностью у него — драматурга, поэта, переводчика — имелись. Заметим, что в 1783 году он перевел сочинение немецкого педагога И.-Г. Кампе «Маленькая детская библиотека» и его перевод неоднократно

перепечатывался до середины XIX века. А. С. Шишков переводил не только с немецкого, но и с итальянского, и с французского, которым владел в совершенстве. Особо нужно сказать о детских стихах адмирала.

С. П. Жихарев 9 января 1807 года записал в своем дневнике:

«Гаврила Романович (Державин. — Я. М.) представил меня А. С. Шишкову... <...> С большим любопытством рассматривал я почтенную фигуру этого человека, которого детские стихи получили такую народность, что, кажется, нет ни в одном русском грамотном семействе ребенка, которого не учили бы лепетать»:

Хоть весною
И тепленько,
А зимою
Холоденько,
Но и в стуже
Нам не хуже, и проч. ^[259].

Какая легкость в детских стихах А. С. Шишкова! Но одно дело — практика, совсем другое — теория.

В 1803 году в Петербурге вышло в свет «Рассуждение о старом и новом слоге» А. С. Шишкова. В этом и других сочинениях адмирал излагал свою лингвистическую и литературную теорию. Он полагал, что русский язык произошел от церковно-славянского, а потому и русский язык должен широко включать церковнославянскую лексику. Заимствования иностранных слов недопустимы. Недаром А. С. Шишков принципиально исключил иностранные слова из изданного в 1789–1794 годах шеститомного «Словаря Академии Российской».

«Слово трогательно, — писал он в „Рассуждении о старом и новом слоге российского языка“, — есть

совсем ненужный для нас и весьма худой перевод французского слова *toucher*. Ненужный потому, что мы имеем множество слов, то же самое понятие выражающих, как например: жалко, чувствительно, плачевно, слезно, сердобольно и проч., худой потому, что ничего не значит»^[260].

Зачем засорять русский язык чужеземными словами (в этом А. С. Шишков обвинял Н. М. Карамзина), если церковно-славянский открывает широкие возможности для словообразования? В самом деле, почему бы не включить в русский язык взамен иностранных новые слова, произведенные от русских корней: вместо анатомия — трупоразъятие, вместо оратор — краснослов, вместо аристократия — вельможедержавие, вместо биллиард — шарокат, вместо антипатия — противустрастие?

Время рассудило спор о словах не в пользу А. С. Шишкова. Впрочем, для А. С. Шишкова и Н. М. Карамзина это была полемика не только о словах, но о будущем русского литературного языка и отечественной словесности. Развивая учение М. В. Ломоносова о трех стилях, А. С. Шишков делил литературную речь на слог: высокий, средний, простой, не допуская их смешения. Н. М. Карамзин и писатели его школы ориентировались на средний стиль, сближали литературный язык с разговорным языком образованного общества. А. С. Шишков боролся с украшенным стилем карамзинистов; приятности и правильности карамзинского слога противопоставлял простоту и ясность. В отличие от карамзинистов, разрабатывающих малые литературные формы, жанры дружеского послания и элегии, А. С. Шишков и его сторонники утверждали, с одной стороны, большие формы, высокие литературные жанры, оду, с Другой — басню, в которую обильно включалось просторечие.

Спор о словах был еще спором о просвещении, об идеологии, о политических и нравственных основах русской жизни. Шишковисты боялись, как бы с французской лексикой в Россию не пришли революционные идеи. Не нужно нам ни самого орудия убийства — гильотины, ни слова, его обозначающего. Не нужно нам «безумного умствования дидеротов, жанжаков, волтеров и прочих, называвшихся философами». Напротив, нужно противостоять пагубному воздействию на русское общество просветительских идей западноевропейской культуры. В противовес европеизму Н. М. Карамзина А. С. Шишков выдвинул принцип русского начала, народности.

Казалось бы, в литературной полемике негоже прибегать к политическим аргументам. Но ведь прибегали же! Шишковисты обвиняли своих противников в отсутствии патриотизма, преклонении перед иноземным, безверии. Н. М. Карамзину приписывалось вольнодумство, в нем видели чуть ли не революционера. Один из сторонников А. С. Шишкова сенатор Павел Иванович Голенищев-Кутузов не только перелагал псалмы, сочинял оды, а также, впрочем, и дружеские послания, стихи «на случай» и даже буриме, переводил Вергилия и Ювенала, итальянского поэта П.-А.-Д. Метастазию, французских авторов Ж. Делиля и Расина, немецкого писателя Г.-А. Бюргера. Он еще писал доносы на Н. М. Карамзина, доказывая, что все его сочинения надобно сжечь. Фанатичный руководитель масонской ложи «Нептун», он с не меньшим фанатизмом преследовал своего литературного противника. Когда А. Ф. Воейков в сатире «Дом сумасшедших» описал исступление Павла Ивановича, он, по существу, объективно отразил его ненависть к литературному противнику:

Вот Кутузов: он зубами
Бюст грызет Карамзина,
Пена с уст течет ручьями,
Кровью грудь обагрена.
Но напрасно мрамор гложет,
Только время тратит в том,
Он вредить ему не может
Ни зубами, ни пером^[261].

Уже тогда, в начале XIX века современники говорили о двух партиях в литературе — А. С. Шишкова и Н. М. Карамзина. Пройдет четверть века, и карамзинист П. А. Вяземский признает только две партии в литературе: писателей талантливых и писателей бесталанных. Беспристрастие требует сказать о том, что в рядах как шишковистов, так и карамзинистов были и те, и другие. За Н. М. Карамзина выступали В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, В. Л. Пушкин, а потом и молодой А. С. Пушкин. Но убежденным карамзинистом был П. И. Шаликов, чувствительные творения которого весьма уязвимы для критики. А. С. Шишков имел таких союзников как Г. Р. Державин, И. А. Крылов, А. А. Шаховской, награжденный А. С. Пушкиным в «Евгении Онегине» эпитетом «колкий» за его действительно очень остроумные комедии. Но соратником А. С. Шишкова был известный графоман граф Д. И. Хвостов, над творениями плодovитой музы которого кто только не потешался (в самом деле, одни «зубастые голуби», которые порхают в его стихах, чего стоят!). К тому же партийные ряды шишковистов и карамзинистов не были непроницаемыми друг для друга. Когда в 1811 году под председательством А. С. Шишкова было учреждено общество «Беседа

любителей русского слова», ее почетным членом был избран Н. М. Карамзин. Когда в 1809 году К. Н. Батюшков написал сатирическое стихотворение «Видение на берегах Леты», он все же не утопил в реке забвения «славенофила» — А. С. Шишкова:

Один, один славенофил,
И то, повыбившись из сил,
За всю трудов своих громаду,
За твердый ум и за дела
Вкусил бессмертия награду^[262].

Полемика между шишковистами и карамзинистами будет продолжаться не один год. Реформу русского литературного языка, начатую Н. М. Карамзиным, завершит А. С. Пушкин, но он учтет некоторые положения теории А. С. Шишкова, борясь против украшенного карамзинского слога за «нагую простоту». По-видимому, с учетом многолетней полемики о языке А. С. Пушкин даст свое определение вкуса (критерий вкуса был выдвинут карамзинистами):

«Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности» (XI, 52).

Вернемся, однако, к началу XIX века. Военные действия противоборствующих сторон нашли отражение в речах, книгах, статьях, комедиях, эпиграммах, посланиях. С критикой «Рассуждения о старом и новом слоге» выступил представитель старшего поколения карамзинистов, издатель «Московского Меркурия» П. И. Макаров. В «Прибавлении к сочинению „Рассуждение о старом и новом слоге“», вышедшем в свет в 1804 году, А. С. Шишков разразился бранью в адрес своих врагов, объявив их шайкой писателей, ополчившихся на славянские книги, с тем

чтобы утвердить книги французские, — а отселе один только шаг до развратных нравов и пролития крови. В 1805 году А. А. Шаховской написал комедию «Новый Стерн», в которой осмеял Н. М. Карамзина и его школу:

«Граф. Добрая женщина, ты меня трогаешь!

Кузьминична. Что ты, барин, перекрестись! Я до тебя и не дотронулась.

Фока. Не грех ли клепать на старуху?

Ипат. Невежи все берут спроста; трогать не то, что трогать... а что бишь?»^[263]

Конечно, все знали, что восторженные читатели и почитатели Н. М. Карамзина называли автора «Писем русского путешественника» «русским Стерном» или «нашим Стерном». Но под метким прицелом А. А. Шаховского оказались и В. В. Измайлов, автор «Путешествия в полуденную Россию», и П. И. Шаликов, сочинитель чувствительных стихов и прозы. Попытки В. В. Измайлова защититься успеха не имели. П. И. Шаликову ничего не оставалось делать, как признать несомненные достоинства комедии А. А. Шаховского. Н. М. Карамзин ничего не отвечал на задевавшее его произведение.

В 1808 году в Петербурге было напечатано сочинение А. С. Шишкова «Перевод двух статей из Лагарпа с примечаниями переводчика». Это был тяжелый снаряд, пущенный в Н. М. Карамзина и карамзинистов. Статьи авторитетного для карамзинской школы теоретика литературы Лагарпа были использованы А. С. Шишковым для утверждения своей лингвистической теории. К тому же адмирал знал, что Лагарп, некогда друг Вольтера и автор антиклерикальных сочинений, после французской революции изменил свои прежние убеждения, стал противником просветителей и ревностным католиком: чем не урок карамзинистам? С обстоятельным

критическим разбором труда А. С. Шишкова выступил молодой карамзинист Дмитрий Васильевич Дашков. Будучи в Петербурге на службе в Министерстве юстиции (министром юстиции был тогда И. И. Дмитриев), он сделал все, чтобы объединить литературные силы приверженцев Н. М. Карамзина. Являясь с декабря 1810 года членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, он содействовал тому, чтобы в 1811 году в него вступили Д. П. Северин, В. Л. Пушкин, Д. П. Блудов, в начале 1812 года — С. П. Жихарев. Общество имело свой печатный орган — журнал «Цветник». В одиннадцатом и двенадцатом номерах журнала за 1810 год и была напечатана рецензия Д. В. Дашкова на книгу А. С. Шишкова: Д. В. Дашков аргументированно доказал надуманность изложенной в ней теории, заявил о ее дилетантизме.

Конечно, спустя более чем два века утомительно следить за всеми перипетиями литературной полемики. Но нам осталось совсем немного, чтобы дожждаться выхода В. Л. Пушкина на этот театр военных действий.

Весной 1810 года Василий Львович написал послание «К В. А. Жуковскому»:

Скажи, любезный друг, какая прибыль в том,
Что часто я тружусь день целый над стихом?
Что Кодильяка я и Дюмарсе читаю,
Что логике учусь и ясным быть желаю?
Какая слава мне за тяжкие труды?
Лишь только всякий час себе я жду беды:
Стихомарателей здесь скопище упрямо.
Не ставлю я нигде ни семо, ни овамо;
Я признаюсь, люблю Карамзина читать
И в слоге Дмитреву стараюсь подражать.
Кто мыслит правильно, кто мыслит благородно,
Тот изъясняется приятно и свободно.

Славянские слова таланта не дают
И на Парнас они поэта не ведут (36).

Так в самом начале послания заявлена принципиальная позиция стихотворца. Названные имена Э.-Б. де Кондильяка, автора книг «Об искусстве рассуждения» и «Логика, или Начала искусства мыслить» и С.-Ш. Дю Марсе, автора трактата по риторике, не случайны. Поэт, если он, конечно, не стихомаратель, должен трудиться, изучать и логику, и риторику. Василий Львович отмежевывается от литературных староверов: ему писать «се́мо» вместо «сю́да» и «ова́мо» вместо «ту́да» ни к чему. «Можно любить русский язык и быть истинно русским, — писал он в „Мыслях“, напечатанных в альманахе „Аглая“ в 1808 году, — однако ж не употреблять в сочинениях своих ни се́мо, ни ова́мо, ни абие»^[264]. Отмежевываясь от шишковистов, В. Л. Пушкин заявляет о своих литературных учителях — Н. М. Карамзине и И. И. Дмитриеве. И еще — говорит о необходимости просвещения:

Талант нам Феб дает, а вкус дает ученье.
Что просвещает ум? питает душу? — чтение
(37).

Вот они — истоки стремления А. С. Пушкина к тому, чтобы «и в просвещении стать с веком наравне».

В. Л. Пушкин выступает против «собора безграмотных славян»; под именами Балдуса, Клита, Ариста сатирически представляет завистника Н. М. Карамзина А. С. Шишкова, высказывает намерение сражаться за просвещение:

Итак, любезный друг, я смело в бой вступаю,
В словесности раскол, как должно, осуждаю.

<....>

В славянском языке и сам я пользу вижу,
Но вкус я варварский гоню и ненавижу.

<....>

Слов много затвердить не есть еще ученье;
Нам нужны не слова — нам нужно просвещение
(38).

Конечно, В. Л. Пушкин познакомил со своим творением друзей. 7 июня 1810 года К. Н. Батюшков писал из Москвы П. А. Вяземскому в его подмосковное имение Остафьево: «Кстати, В. Л. Пушкин прислал послание к Жук<овскому>, которое, как и все его стихи, гладко и хорошо написано — а в мыслях, показалось мне, связи нет никакой — это его обыкновенный манер, да вот что необыкновенно: он тут так бреет Шишкова — без пощады! много забавных стихов»^[265].

Мы вынуждены отказать себе в удовольствии согласиться с К. Н. Батюшковым: связь в мыслях есть!

9 июня 1810 года А. И. Тургенев отправил брату Н. И. Тургеневу стихи В. Л. Пушкина из Петербурга в Геттинген:

«Посылаю тебе также послание Василия Львовича <„К В. А. Жуковскому“>. Оно будет напечатано в Вестнике <Евр>опы. Изрядно написано. Оно теперь ходит по городу, и славенофилы собираются отвечать на него»^[266].

Н. И. Тургенев, отвечая Александру Ивановичу на его письмо уже в июле 1810 года, заметил:

«Стихи Пушкина понравились мне потому только, что писаны по-русски. Жаль, что адресованы к

В. Ан. Жук<овскому>. Не нужно говорить о том, о чем ничего не знаешь; и не хорошо без нужды нападать на Шишкова. Неумно будет, если Шишков будет отвечать Пушкину»^[267].

И с этим суждением нам трудно согласиться.

Попытка В. Л. Пушкина напечатать свое послание в «Вестнике Европы» не удалась: издатель журнала В. Т. Каченовский не пожелал заводить ссоры, и В. А. Жуковский с ним согласился. «Шишкова почитаю суеверным, но умным раскольников в литературе, — писал он А. Н. Тургеневу 12 сентября 1810 года в Петербург из Муратова, имения Е. А. Протасовой в Орловской губернии, — мнение его о языке то же, что религия раскольников, которые почитают священные книги более за то, что они старые, а старые ошибки предпочитают новым истинам, и тех, которые молятся не по старым книгам, называют богоотступниками. Таких раскольников надобно побеждать не оружием Василия Львовича, слишком слабым и нечувствительным»^[268]. И все же В. А. Жуковский включил адресованное послание в изданную им в 1810–1811 годах пятитомную антологию «Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских...». Послание В. Л. Пушкина было напечатано в журнале «Цветник» (№ 12 за 1810 год — этот номер вышел с опозданием, в марте 1811 года). Д. И. Хвостов в апреле 1811 года сделал такую запись:

«Послание Василья Львовича Пушкина, называемое защитниками Шишкова карусельное орудие, много потеряло своего блеску в печати. Сочинитель, мастер читать, и в его устах оно более нравилось. Сия пиеса сделает шум, поелику метила не в бровь, а в глаз на почтенного Ариста Шишкова, но сама по себе не заслуживает никакого внимания»^[269].

Нет, не так! Заслужила пьеса В. Л. Пушкина внимание. На нее откликнулся эпиграммой «Ответ на послание Пушкина, где он жалуется, что не позволяют ни хвалить, ни читать Карамзина» шишковист Д. П. Горчаков, поэт-сатирик, член «Беседы любителей русского слова»:

Когда и от кого (скажи мне без притворства)
Хвалить Карамзина помеху ты встречал?
Тебе сам Буало в «Науке стихотворства»,
Окончив первую песнь, на это право дал ^[270].

Первая песнь «Науки стихотворства» Буало оканчивалась стихом «Глупец находит всегда еще большего глупца, который им восхищается». Так Д. П. Горчаков, отсылая Василия Львовича к известному трактату французского теоретика литературы, называет глупцами и Н. М. Карамзина, и В. Л. Пушкина. Между тем стих В. Л. Пушкина «Нам нужны не слова — нам нужно просвещение» стал крылатым афоризмом. Его даже цитировал А. С. Шишков в официальном письме графу Аракчееву по делам Академии Российской. «Какая была бы радость и честь Василию Львовичу Пушкину, если он мог бы знать» ^[271], — писал П. А. Вяземский, обнаруживший это при чтении «Записок А. С. Шишкова» уже после смерти и А. С. Шишкова, и В. Л. Пушкина.

3 декабря 1810 года в Петербурге состоялось годовое собрание Российской Академии, на котором А. С. Шишков (в 1813 году он станет президентом Академии) зачитал «Рассуждение о красноречии Священного Писания». В «Присовокуплении к Рассуждению...» он обвинил В. Л. Пушкина в преклонении перед иноземным, приписал ему безверие

и безнравственность и язвительно заметил, что есть стихотворцы, которые научались благочестию в «Кандиде», а благодетелию и знаниям — в парижских переулках. «Рассуждение...» с «Присовокуплением...» было издано в 1811 году.

Первый отклик В. Л. Пушкина на «Рассуждение о красноречии Священного Писания» мы находим во французском стихотворении «Песня Островитянина», вписанном в альбом Е. А. Демидовой 10 декабря 1810 года, то есть всего неделю спустя после того, как А. С. Шишков произнес в Академии свою речь. Потому и появляются у Василия Львовича иронические стихи о тех, «чьи гениальны строки, / Кто Цицеронам лишь под стать». Называя себя всего лишь сочинителем куплетов, автор стихотворения недвусмысленно объявляет «ученой скукой» сочинения своего литературного противника:

Я в Академии уроки
Пойти бы мог, конечно, брать
У тех, чьи гениальны строки.
Кто Цицеронам лишь под стать.
Врата святилища науки,
Увы, закрыты для меня.
Я не пишу ученой скуки.
Куплетов сочинитель я ^[272].

(Перевод Н. Муромской)

Особую остроту полемическому выпадку В. Л. Пушкина придавало то, что стихотворение «Песнь Островитянина» было написано им на французском языке. Но всё же это — альбомное стихотворение, адресованное немногим, нигде не напечатанное. Однако обвинения, выдвинутые А. С. Шишковым, были слишком серьезны, чтобы оставлять их без внимания.

Василий Львович отразил их, написав летом 1811 года послание «К Д. В. Дашкову», также задетому в шишковском сочинении:

Неужель от того моя постраждет вера,
Что я подчас прочту две сцены из Вольтера?
Я христианином, конечно, быть могу,
Хотя французских книг в камине я не жгу.
В предубеждениях нет святости нисколько,
Они мертвят наш ум и варварства начало.
Ученым быть не грех, но грех во тьме ходить.
Невежда может ли отечество любить?
Не тот к стране родной усердие питает,
Кто хвалит все свое, чужое презирает,
Кто слезы льет о том, что мы не в бородах,
И бедный мыслями, печется о словах!
Но тот, кто следуя похвальному внушенью,
Чтит дарования, стремится к просвещенью...
(39).

Знакомство с посланием «К Д. В. Дашкову» делает понятным, почему Д. П. Северин в письме П. А. Вяземскому от 18 августа 1811 года назвал его «Об истинном патриотизме».

В 1811 году послания В. Л. Пушкина «К Д. В. Дашкову» и «К В. А. Жуковскому» были изданы отдельной брошюрой с предуведомлением, подчеркивающим их полемическую направленность. Любопытно, что цензор И. О. Тимковский в донесении Санкт-Петербургскому цензурному комитету сообщал о том, что он рассмотрел и одобрил к напечатанию 3 октября 1811 года рукопись «Двух посланий Василия Пушкина» и «Речи, произнесенные при открытии Императорского Лицея», «...не нашед в них ничего противного Указу о Цензуре»^[273]. Напомним, что

А. П. Куницын, выпускник Геттингенского университета, лицейский преподаватель политических и нравственных наук, на торжественном открытии Лицея 19 октября произнес блестящую речь, в которой говорил о любви к Отечеству, о служении России. Оратор был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени. Наградой В. Л. Пушкину за его «Два послания» явилась их популярность: еще до публикации они широко распространялись в списках. И всё же, как нам представляется, они были недостаточно оценены современниками, наверное, потому, что «большое видится на расстоянии». «Два послания» вошли в историю русской литературы как первые манифесты карамзинской школы.

В 1811 году В. Л. Пушкину было суждено совершить свой литературный подвиг: в марте он сочинил поэму «Опасный сосед», также связанную с литературной борьбой, но, кроме полемической направленности, обладающую и другими несомненными достоинствами. Однако, прежде чем говорить об этом, прочтем ее по-настоящему увлекательный и мастерски написанный текст.

Глава шестая «ОПАСНЫЙ СОСЕД»

Ох! Дайте отдохнуть и с силами собраться!
Что прибыли, друзья, пред вами запираяться?
Я все перескажу: Буянов, мой сосед,
Имение свое проживший в восемь лет,
С цыганками, с б...ми, в трактирах с плясунами,
Пришел ко мне вчера с небритыми усами,
Растрепанный, в пуху, в картузе с козырьком.
Пришел — и понесло повсюду кабаком.
«Сосед, — он мне сказал, — что делаешь ты
дома?
Я славных рысаков подтибрил у Пахома;
На Масляной тебя я лихо прокачу».
Потом, с улыбкою ударив по плечу,
«Мой друг, — прибавил он, — послушай: есть
находка;
Не девка — золото, из всей Москвы красotka.
Шестнадцать только лет, бровь черная дугой,
И в ремесло пошла лишь нынешней зимой.
Ступай со мной, качнем!» К плотскому страсть
имея,
Я — виноват, друзья, — послушался злодея.
Мы сели в обшивни, покрытые ковром,
И пристяжная вмиг свернулася кольцом.
Извозчик ухарский, любуясь рысаками,
«Ну! — свистнул, — соколы, отдернем с
господами».
Пустился дым густой из пламенных ноздрей
По улицам как вихрь несущихся коней;
Кузнецкий мост, и вал, Арбат, и Поварская
Дивились двоице, на бег ее взирая.
Позволь, Варяго-Росс, угрюмый наш певец,
Славянофилов кум, взять слово в образец.

Досель в невежестве коснея, утопая,
Мы, парой двоицу по-русски называя,
Писали для того, чтоб понимали нас.
Ну, к черту ум и вкус; пишите в добрый час!
«Приехали», — сказал извозчик, отряхаясь.
Домишка, как тростник от ветра колыхаясь,
С калиткой на крюку представился очам.
Херы с Покоями сцеплялись по стенам.
«Кто там?» — нас спросил охрипый голос
грубый.
«Проворней отворяй, не то — ракалью в зубы, —
Буянов закричал, — готовы кулаки»,
И толк ногою в дверь; слетели все крюки.
Мы сгорбившись вошли в какую-то каморку,
И что ж? С купцом играл дьячок приходский в
горку;
Пунш, пиво и табак стояли на столе.
С широкой задницей, с угрями на челе,
Вся провонявшая и чесноком, и водкой,
Сидела сводня тут с известною красоткой;
Султан Селим, Вольтер и Фридерик Второй
Смирненно в рамочках висели над софой;
Две гости дюжие смеялись, рассуждали
И «Стерна нового» как диво величали.
(Прямой талант везде защитников найдет!)
Но вот кривой лакей им кофе подает;
Безносающая стоит кухарка в душегрейке;
Урыльник, самовар и чашка на скамейке.
«Я здесь», — провозгласил Буянов-молодец.
Все вздрогнули — дьячок, и сводня, и купец;
Но все, привстав, поклон нам отдали учтивый.
«Ни с места, — продолжал Сосед велеречивый,
—
Ни с места! Все равны в б.....е у б.....й;
Не обижать пришли мы честных здесь людей.
Панкратьевна, садись; целуй меня, Варюшка;

Дай пуншу; пей, дьячок». — И началась пирушка!

Вдруг шепчет на ухо мне гостя на беду:

«Послушай, я тебя в светлицу поведу;

Ты мной, жизненочек, останешься доволен;

Варюшка молода, но с нею будешь болен;

Она охотница подарочки дарить».

Я на нее взглянул. Черт дернул! — так и быть!

Пошли по лестнице высокой, крючковой;

Кухарка вслед кричит: «Боярин тароватой,

Дай бедной за труды, всю правду доложу.

Из чести лишь одной я в доме здесь служу».

Сундук засаленный, периною покрытый.

Огарок в черепке, рогожью пол обитый,

Рубашки на шестах, два медные таза,

Кот серый, курица мне бросилась в глаза.

Знакомка новая, обняв меня рукою,

«Дружок — сказала мне, — повеселись со мною;

Ты добрый человек, мне твой приятен вид,

И, верно, девушке не сделаешь обид.

Не бойся ничего; живу я на отчете,

И скажет вся Москва, что я лиха в работе».

Проклятая! Стыжусь, как падок, слаб ваш друг!

Свет в черепке погас, и близок был сундук...

Но что за шум? Кричат! Несется вопль в светлицу.

Прелестница моя, накинув исподницу,

От страха босиком по лестнице бежит;

Я вслед за ней. Весь дом колеблется, дрожит.

О ужас! мой Сосед, могучею рукою

К стене прижав дьячка, тузит купца другою;

Панкратьевна в крови; подсвечники летят,

И стулья на полу ногами вверх лежат.

Варюшка пьяная бранится непристойно;

Один кривой лакей стоит в углу спокойно

И, нюхая табак, с почтеньем ждет конца.

«Буянов, бей дьячка, но пощади купца», —
Б...ь толстая кричит сердитому герою.
Но вдруг красавицы все приступают к бою.
Лежали на окне «Бова» и «Еруслан»,
«Несчастный Никанор», чувствительный роман,
«Смерть Роллы», «Арфаксад», «Русалка», «Дева
Солнца»;
Они их с мужеством пускают в ратоборца.
На доблесть храбрых жен я с трепетом взираю;
Все пали ниц; Сосед победу одержал.
Ужасной битве сей вот было что виною:
Дьячок, купец, Сосед пунш пили за игрою,
Уменье в свете жить желая показать;
Варюшка всем гостям старалась подливать;
Благопристойности ничто не нарушало.
Но Бахус бедствиям не раз бывал начало.
Забав невинных враг, любитель козней злых,
Не дремлет Сатана при случаях таких.
Купец почувствовал к Варюшке вожделение
(А б...ь, в том спору нет, есть общее именье),
К Аспазии подсев, дьячку он дал толчок;
Буянова толкнул, нахмурившись, дьячок:
Буянов, не стерпя приветствия такого,
Задел дьячка в лицо, не говоря ни слова;
Дьячок, расхоробрясь, купца ударил в нос;
Купец схватил с стола бутылку и поднос,
В приятелей махнул, — и Сатане потеха!
В юдоли сей, увы! плач вечно близок смеха!
На быстрых крыльях веселие летит,
А горе тут как тут!.. Гнилая дверь скрипит
И отворяется; спокойствия рачитель,
Брюхастый офицер, полиции служитель,
Вступает с важностью, в мундирном сертуке.
«Потише, — говорит, — вы здесь не в кабаке;
Пристойно ль, господа, у барышень вам
драться?

Немедленно со мной извольте расквитаться». Тарелкою Сосед отвечал ему. Я близ дверей стоял, ко счастью моему. Мой слабый дух, боясь лютейшего сраженья. Единственно в ногах искал себе спасенья; В светлице позабыл часы и кошелек; Чрез бревна, кирпичи, чрез полный смрада ток Перескочив, бежал, и сам куда не зная. Косматых Церберов ужаснейшая стая, Исчадь адово, вдруг стала предо мной, И всюду раздался псов алчных лай и вой. Что делать? — Я шинель им отдал на съеденье. Снег мокрый, сильный ветер. О! страшное мученье! В тоске, в отчаяньи, промокший до костей, Я в полночь наконец до хижины моей, О милые друзья, калекой дотащился. Нет! полно! — Я навек с Буяновым простился. Блажен, стократ блажен, кто в тишине живет И в сонмище людей неистовых нейдет; Кто, веселясь подчас с подругой молодою, За нежный поцелуй не награжден бедою; С кем не встречается опасный мой Сосед; Кто любит и шутить, но только не во вред; Кто иногда стихи от скуки сочиняет И над рецензией славянской засыпает (27–30).

1. Московский сюжет, французские поэмы и английские гравюры

Это был звездный час Василия Львовича. Грандиозный успех — он его заслужил. Творец «Опасного соседа» мог по праву пожинать лавры.

Прочитав поэму, мы разделяем восторг современников В. Л. Пушкина. Ф. Ф. Вигель вспоминал, что она «изумила, поразила его насмешников и заставила самых строгих серьезных людей улыбаться соблазнительным сценам, с неимоверной живостью рассказа, однако же с некоторою пристойностью им изображенным»^[274]. «Вот стихи! Какая быстрота, какое движение!»^[275] — восклицал К. Н. Батюшков. Приятель В. Л. Пушкина библиофил Сергей Дмитриевич Полторацкий справедливо считал «Опасного соседа» шедевром:

«Это стихотворение можно назвать совершенством (*chef-d'oeuvre*) в своем роде. Оно отличается живостью и плавностью рассказа, меткими выражениями, замысловатостью шуток и разговоров, живописным описанием местности и вместе с тем, — при всей щекотливости избранного Автором предмета, — имеет нравственную цель»^[276].

Правда, первые читатели «Опасного соседа» были не только восхищены, но и удивлены. Ф. Ф. Вигель полагал, что Василий Львович в этом творении превзошел самого себя. К. Н. Батюшков был поражен: «И это написала вялая муза Василия Львовича!»^[277] А. Ф. Воейков, наградив В. Л. Пушкина в «Парнасском адрес-календаре» листочком лавра с надписью «за Буянова», поставил его всё же «при водяной коммуникации». Е. А. Баратынский предположил, что создание «Опасного соседа» не обошлось без подмоги черта:

Откуда взял Василий непотешный
Потешного Буянова? Хитрец
К лукавому прибег с мольбою грешной.
«Я твой, — сказал, — но будь родной отец,
Но помоги». — Плодятся без усилья.

Горят, кипят зазорные стихи,
И складные страницы у Василья
Являются в тетрадах чепухи^[278].

Деликатный В. А. Жуковский пенял Василию Львовичу на его, как он писал, «подчас» (а на самом деле почти всегдашние), многословие и вялость:

Послушай, Пушкин-друг, твой слог отменно
чист;
Грамматика тебя угодником считает,
И никогда твой вкус не ковыляет.
Но, кажется, что ты подчас многоречист,
Что стихотворный жар твой мог бы быть живее,
А выражения короче и сильнее^[279].

Но ведь это сказано не об «Опасном соседе»!

Так как же все-таки объяснить феномен «Опасного соседа»? Наверное, сам Василий Львович не смог бы этого сделать. Или же ответил словами итальянца — импровизатора из «Египетских ночей» А. С. Пушкина: «Всякий талант неизъясним». (Здесь уместно вспомнить, что И. И. Дмитриев, по свидетельству М. А. Дмитриева, говорил, что Василий Львович похож на итальянского импровизатора^[280].) Так или иначе, нам остается — нет, не объяснять, почему В. Л. Пушкин вдруг воспарил в «Опасном соседе», — но попытаться прочесть поэму, сопоставить ее с произведениями русской и мировой культуры, чтобы хоть в какой-то мере приблизиться к постижению мастерства и остроумия ее творца.

Сначала о сюжете. В его основе — путешествие, но на сей раз не за границу, не в Берлин, Париж и Лондон,

а из центра Москвы на окраину Первопрестольной, в московский бордель. Разумеется, это путешествие отнюдь не сентиментальное, а скорее — авантюрное. Интерес для читателей сначала в ожидании: что-то будет? Потом — в происшествии: вместо ожидаемого грехопадения — неожиданная драка. А потом уже — в том, избежит или не избежит расплаты за происшедшее симпатичный нам герой-повествователь, убежит или не убежит он из притона, спасется или не спасется от преследования ужасной стаи собак.

Сюжет разворачивается стремительно. Сочинитель избегает соблазна описать подробно московские улицы, которые с детских лет он хорошо знал.

Кузнецкий мост, и вал, Арбат и Поварская.

Кузнецкий мост — улица, где было множество магазинов, французских модных лавок; накануне балов и маскарадов туда съезжалась вся Москва. И В. Л. Пушкин, известный щеголь, следивший за новинками моды, не раз бывал на Кузнецком мосту: там можно было приобрести и фрак новейшего покроя, и панталоны, и цветные жилеты, и шейные шелковые платки, и жабо (жабо было особенно к лицу Василию Львовичу), а еще и золотой лорнет, и брелки к часам, и много еще хорошего и нужного.

Но вот обшивни миновали Кузнецкий мост, уставленный каретами, и выехали на вал. Когда-то здесь действительно был земляной вал, окружавший центр Москвы. А потом здесь разбили бульвары — Никитский и Тверской, излюбленное место прогулок москвичей, где не раз прогуливался Василий Львович, восхищая всех своим изысканным туалетом. Тверской бульвар давно снискал себе заслуженную славу. В 1809 году в журнале «Московский вестник» было напечатано

стихотворение, которое так и называлось — «Слава бульвара»:

Бульвар, утеха всей столицы,
Собрание редкостей, красот,
Где льются были, небылицы,
Где торжество дурачеств, мод;
Где клуб политик свой находит,
Где воин шпорами разит,
Где флегм, насупя шляпу, бродит,
Где франт уродливо лежит;
Где смесь бояр, вельможей знатных
С поселянином и купцом,
Горбатых, стройных и не статных,
Где смесь и умного с глупцом;
Где нимфы радости постылой
Берут с проказников оброк,
Где добродетель также милой
Себе находит уголок... ^[281]

Василий Львович не стал описывать Кузнецкий мост, Тверской бульвар — «мимо, читатель, мимо!». Мимо Арбата и Поварской, где селилась дворянская Москва и где не раз бывал В. Л. Пушкин. Скорее туда, в пригород Москвы — Кудрино и Подновинское предместье, где весной ставились качели и карусели, устраивались народные гулянья. Туда, где приютился домишко с «нимфами радости постылой». Там ожидает наших героев соблазнительное приключение.

По-видимому, одна из задач сочинителя — передать само движение. Кони несутся по московским улицам как вихрь. Девка, которой так и не удалось совратить повествователя, по лестнице бежит, а вслед за ней бежит и ее гость. Драка — это само движение. Выбравшись из борделя, повествователь резво скачет

уже на своих двоих и, как загнанная лошадь, наконец-то достигает своего дома. Уф!

В сюжете «Опасного соседа», в тексте поэмы, в отдельных ее деталях много пародийных отсылок к европейской и русской литературе, иронических параллелей с произведениями мировой культуры. Эрудиция европейски образованного человека дает о себе знать. И это только украшает московскую поэму В. Л. Пушкина.

Начнем с Никола Буало-Депрео — французского поэта, критика и теоретика классицизма. Он являлся незыблемым авторитетом для карамзинистов в оценке литературных произведений. Его стихотворный трактат «Поэтическое искусство» ориентировал их на эстетические нормы, которых следовало придерживаться сочинителю, вооружал критериями хорошего вкуса. Буало привлекался в союзники Н. М. Карамзиным и писателями его школы в борьбе за литературный язык, который широко включал галлицизмы. Буало заявил и нравственные позиции в литературной полемике, различая в противнике автора и человека. Неслучайно В. Л. Пушкин, отвечая на личные выпады А. С. Шишкова, обвинявшего его в безнравственности и отсутствии патриотизма, взял эпиграфом к посланию «К Д. В. Дашкову» стихи из IX сатиры Буало: «Осуждая его сочинения, изливал ли я в ужасных выражениях на его жизнь опасный яд? Буало. Сатира IX» (301). Ссылка на авторитет Горация, автора «Искусства поэзии», и Буало есть в послании «К В. А. Жуковскому»:

Вот мнение мое! Я в нем не ошибаюсь
И на Горация и Депрео ссылаюсь:
Они против врагов мне твердый будут щит...
(37).

Василий Львович знал творения Буало не понаслышке. Знал он и его третью сатиру, в которой речь шла о том, как один бедолага попал на обед, литературный спор закончился дракой, и перепуганному рассказчику (от его лица ведется повествование) ничего не оставалось делать, как убежать и поклясться не бывать больше на подобных пирах. В 1819 году, рассказывая в письме П. А. Вяземскому об одном обеде, В. Л. Пушкин заметил по-французски: «Это был обед по Буало» (253). В «Опасном соседе» — близкий к сатире Буало зачин: заявление «Я все перескажу» сродни намерению дать возможность некому собеседнику, расспрашивающему о причине печали, выслушать рассказ о несчастном происшествии. Сцена драки в поэме Василия Львовича во многих подробностях похожа на драку в сатире Буало. Впрочем, все драки похожи друг на друга: в ход идут кулаки, летит посуда, опрокидывается мебель. Сравним:

Стол весь под ноги упал, блюда, ножи, вилки,
Кушанье все пролито, разбиты бутылки... ^[282]

(Перевод Антиоха Кантемира)

... подсвечники летят,
И стулья на полу ногами вверх лежат (29).

В «Опасном соседе» купец бросает в противников бутылку и поднос, Буянов «ответствует» полицейскому тарелкою (в сатире Буало тарелка летит в стену). К счастью для обоих героев-повествователей, во время драки они оказываются у дверей и спасаются бегством:

А я до дверей добрался, не сказав ни слова^[283].

(Перевод Антиоха Кантемира)

Я близ дверей стоял, ко счастью моему.
Мой слабый дух, боясь лютейшего сраженья,
Единственно в ногах искал себе спасенья (30).

И, наконец, — клятва:

С доброй клятвой присягнул впредь не
очутиться
На пирах тех, где можно и ума лишиться^[284].

(Перевод Антиоха Кантемира)

Нет! полно! — Я навек с Буяновым простился.

Важная подробность: обитательницы борделя дерутся с Буяновым книгами; подобно снарядам те летят в противника:

Но вдруг красавицы все приступают к бою.
Лежали на окне «Бова» и «Еруслан»,
«Несчастный Никанор», чувствительный роман,
«Смерть Роллы», «Арфаксад», «Русалка», «Дева
Солнца»;
Они их с мужеством пускают в ратоборца (29).

Источник сцены драки именно книгами — другое произведение Буало, его шутливая поэма 1674 года

«Налой»^[285]. В ней рассказывается о том, как в маленькой провинциальной церкви поссорились казначей и певчий из-за того, где должен стоять аналой. Соперники сражаются книгами, которые автор поэмы осмеивает:

И се настал уже лютейшей брани час;
Вражда по воздуху разносит громкий глас.
Тогда в отсудствие сего книгопродавца
Изъемлют книги все из каждого повставца,
И на Евварда все летят как некий град,
Опустошающий с плодами виноград;
Там книгой каждого рука вооружалась;
Какая и кому нечаянно попалась;
Тот Челобитную любви в руках держал;
Другой Часы схватил и ими поражал,
Тот преплетенного Иону взял по моде,
Иной забвенного взял Тасса в переводе;
Там держат множество в руках надутых строф,
Испущенных во свет умами школяров^[286].

(Перевод В. И. Майкова)

Книги, которые должны были поразить Буянова, — круг чтения непотребных девок. Это не только произведения лубочной литературы — «Знатная сказка о славном и храбром витязе Бове королевиче», «Сказка о царевиче Еруслане Хиразовиче, сильном могучем богатыре», «Несчастный Никанор, или Приключения жизни российского дворянина», но и русская переделка немецкой волшебной оперы «Фея Дуная» — «Русалка» (в 1807 году А. А. Шаховской сочинил текст четвертой и последней части оперы, которая в том же году была поставлена на петербургской сцене). Это и драматические сочинения Коцебу «Гишпанцы в Перу,

или Смерть Роллы. Романтическая трагедия в пяти действиях» и «Дева Солнца».

Подобно Буало, который в поэме «Налой» высоким слогом героических поэм описывает заурядную ссору ничтожных людей, В. Л. Пушкин называет пьяную драку «ужасной битвой», «лютейшим сражением», Буянова — ратоборцем, обитательниц веселого дома — доблестными храбрыми женами.

Еще один возможный литературный источник «Опасного соседа» — стихотворная сатира «Описание борделя»^[287]. Она была впервые напечатана в 1620 году во Франции в сборнике «Сатирические наслаждения» без имени автора (возможно, им был Теофиль де Вио). В «Описании борделя» сводня, подобно Буянову, предлагает рассказчику познакомиться с молодой девицей, якобы девственницей, увлекает его в бордель, куда приходят еще два гостя, также претендующих на красотку. Как и в «Опасном соседе», возникшая ссора переходит в драку, угроза вызвать полицейского заставляет рассказчика убежать из борделя.

Приятель Василия Львовича, поэт, издатель «Журнала для милых» Михаил Николаевич Макаров назвал поэму «Опасный сосед» «Гогартовым оригиналом, с которого копию снять невозможно»^[288]. Речь идет об английском художнике XVIII века Уильяме Хогарте. Огромный успех ему принесла серия картин «История шлюхи». Сам художник выполнил с них гравюры, объявил подписку на их издание и выпустил в свет в 1732 году. Гравюры тотчас стали темой различных сочинений: прозаических комментариев, стихотворной поэмы, поставленной в театре пантомимы, и даже оперы, правда, не получившей сценического воплощения. Во время своего заграничного путешествия, приобретая в Лондоне сувениры, Василий Львович мог купить тарелку, веер

или табакерку с воспроизведениями полюбившихся англичанам хогартовских гравюр. Большой популярностью пользовались и другие серии Хогарта — «История распутника», «Модный брак». «Вся нация заражена ими, — писал о гравюрах серии „История распутника“ один из современников художника. — Я не видел ни одного сколько-нибудь значительного дома, где не было бы этих нравственных гравюр»^[289].

И в XVIII, и в XIX веках (наверное, будет справедливо, если мы назовем здесь и XX, и XXI века) и в Англии, и в Европе, и в России зрители ценили в Хогарте зрелищность, точность бытописания, сатирический дар и высокую нравственную цель, которую он преследовал в своих творениях. В. А. Жуковский, помещая в 1808 году в «Вестнике Европы» первый лист из серии «История распутника», назвал ее «моральной Гогартовской карикатурой»^[290].

Ценимые в Хогарте достоинства были признаны и за творцом «Опасного соседа». Мы не знаем, сознавал ли сам В. Л. Пушкин возможность сопоставления своей поэмы с гравюрами Хогарта, но, на наш взгляд, сопоставить их конечно же небезынтересно.

Хогарт называл себя не художником, а драматическим автором: «Я решил создать на полотне картины, подобные театральным представлениям»^[291]. Это ему вполне удалось. Его серии картин всегда объединялись драматическим сюжетом, который развивался от одной картины к другой, получая в последней логическое завершение. Так, в серии «История распутника», состоящей из восьми картин, художник показал зрителям путь своего героя: притоны и игорные дома довели его в конце концов до тюрьмы и сумасшедшего дома.

И В. Л. Пушкин, подобно Хогарту, изображает одну сцену за другой. И его поэма — также своеобразная

серия сценически организованных картин.

Сцена первая — к рассказчику-поэту является сосед Буянов, сатирический портрет которого очерчен весьма выразительно: «...с небритыми усами, / Растрепанный, в пуху, в картузе с козырьком». Монолог Буянова, соблазняющего поэта отправиться к блудницам, сопровождается жестом: он «с улыбкою» ударяет по плечу своего собеседника.

Сцена вторая — поэт и Буянов на паре рысаков, которыми правит ухарский извозчик, стремительно несутся по московским улицам.

Сцена третья — герои приехали к «домишку», стены которого испещрены непристойными надписями и рисунками.

Сцена четвертая. Мы видим идиллическую картину, которая предстает перед глазами вошедших в бордель приятелей: каморка служит гостиной. На столе стоят пунш, пиво и табак, на скамейке урыльник (то есть сосуд для мочи), самовар и чашки. Купец и дьячок играют в горку — простонародную карточную игру. Сводня Панкратьевна сидит рядом с «известною красоткой» Варюшкой. Здесь же веселятся две другие дюжие «гости». Кривой лакей подает им кофе. Готовая к услугам «безноса» стоит кухарка в душегрейке.

Обратим внимание на то, что Василий Львович не просто рассказывает; он, как и Хогарт, показывает историю шлюхи, начало этой истории и ее печальное завершение. О том, как начиналась эта история, сказано Буяновым в первой сцене:

Не девка, — золото, из всей Москвы красотка.
Шестнадцать только лет, бровь черная дугой,
И в ремесло пошла лишь нынешней зимой.

В четвертой сцене Варюшка предстала перед Буяновым и поэтом-рассказчиком во всем блеске молодости и красоты. Но здесь же — то будущее, которое ожидает ее в конце карьеры: безногая, больная сифилисом кухарка, оставшаяся служить в борделе «из чести», то есть за чаевые.

Следующая пятая сцена особенно интересна. Это сцена пирушки. Она соотносится с листом «Он пирует» из серии «История распутника». Герой Хогарта веселится в трактире вместе с проститутками. Пьяный, со спущенным чулком, в расстегнутой рубашке, он задрал ногу на стол. В руке у него рюмка, другой рукой он обнимает шлюху, которая за его спиной передает своей товарке украденные у него часы (как мы помним, и рассказчику «Опасного соседа», сбежавшему из притона, пришлось оставить там кошелек и часы). Любопытно, что на стенах изображенного Хогартом трактира висят портреты римских императоров с дырами на месте лиц: Рим, известный своим развратом, не может видеть столь откровенной картины свального греха. Создавая декорацию четвертой и пятой сцены, Василий Львович тоже не забыл про портреты:

Султан Селим, Вольтер и Фридерик Второй
Смирненно в рамках висели над софой...

Так мировое сообщество — Турция, Франция, Пруссия, — представленное портретами Селима III, Вольтера и Фридриха II, созерцает пока что мирную жизнь русского борделя.

Сцена шестая, с переменой декораций: «знакомка новая» увлекает стихотворца по высокой «крючковой» лестнице в свою светлицу. Рассказчик успевает описать интерьер: огарок в черенке освещает «сундук засаленный, периною покрытый», обитый

рогожей пол, «рубашки на шестах, два медные таза», заметить серого кота и курицу. Но любовная игра, не успев начаться, прерывается шумом, воплем, который несется в светлицу.

Сцена седьмая. Поэт и его новая подруга прибегают на шум и вопль. Драка, свидетелями которой они становятся, описана Василием Львовичем столь мастерски, что его описание заставляет вспомнить не только Хогарта, но и фламандских художников, картины Питера Брейгеля:

О ужас! Мой Сосед, могучею рукою
К стене прижав дьячка, тузит купца другою;
Панкратьевна в крови; подсвечники летят,
И стулья на полу ногами вверх лежат.
Варюшка пьяная бранится непристойно;
Один кривой лакей стоит в углу спокойно
И, нюхая табак, с почтеньем ждет конца.

И эту сцену созерцают Селим III, Вольтер и Фридрих II, созерцают, надо полагать, не без интереса. Вольтер — автор поэмы «Орлеанская девственница», где много рыцарских и эротических сражений; драка в московском борделе забавно проецируется на эти сражения. Селим III и Фридрих II (его в России называли не иначе как Фридрихом Великим) — полководцы, которые вели кровопролитные войны: кровавую битву в борделе выигрывает Буянов — он выступает здесь в роли одержавшего победу полководца.

Сцена восьмая — явление полицейского, «брюхастого офицера». Это — неотвратимая расплата за дебош, учиненный в борделе. Полицейский появляется в отворившейся двери столь же театрально, как и судья с приставами, которые пришли

арестовывать проститутку (третий лист хогартовской серии «История шлюхи»).

И последняя, девятая сцена — бегство стихотворца, оставившего впопыхах в светлице кошелек и часы, перепрыгивающего «чрез бревна, кирпичи, чрез полный смрада ток», бросающего свою шинель на съедение стае косматых псов.

Завершается поэма своеобразным переложением первого псалма царя Давида: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей».

Блажен, стократ блажен, кто в тишине живет
И в сонмище людей неистовых нейдет;
Кто, веселясь подчас с подругой молодою,
За нежный поцелуй не награжден бедою;
С кем не встречается опасный мой Сосед;
Кто любит и шутить, но только не во вред;
Кто иногда стихи от скуки сочиняет
И над рецензией славянской засыпает.

Обратим внимание на то, что каждую гравюру Хогарта серии «История распутника» сопровождала стихотворная надпись моралистического характера. Это было прямое назидание, адресованное не столько персонажам гравюр, сколько зрителям.

Казалось бы, В. Л. Пушкин, как и Хогарт, изображая свои сцены, также заботится о морали. Буянов, приглашающий стихотворца к блудницам, назван злодеем, шлюха, склоняющая его к греху, — проклятой. Стремление к соблюдению приличия даже в борделе можно увидеть в авторской реплике: «Благопристойности ничто не нарушало». Однако комический эффект этой реплики разрушает ее назидательный смысл: в самом деле, о какой

благопристойности может идти речь, если бордель — это уже неблагопристойность? К нарушителям благопристойности с назиданием, которое также звучит комически, обращается «полиции служитель», почтительно именуя посетителей борделя господами, а проституток — барышнями:

«Потише, — говорит, — вы здесь не в кабаке;
Пристойно ль, господа, у барышень вам
драться?»

Казалось бы, назидательная цель, урок — и в изображении бедствий, которые претерпел убежавший из борделя стихотворец, но эти бедствия описаны В. Л. Пушкиным с комическим пафосом:

...О! страшное мученье!
В тоске, в отчаяньи, промокший до костей,
Я в полночь наконец до хижины моей,
О милые друзья, калекой дотащился.
Нет! полно! — я навек с Буяновым простился.

И заключает поэму не просто переложение, но пародирование псалма Давида. Если первые две строки почти буквально повторяют слова псалмопевца, то затем его мудрые заветы подменяются житейскими практическими советами: «блажен, стократ блажен» оказывается тот, кого «молодая подруга» «за нежный поцелуй» не наградила «бедою», то есть дурной болезнью; блажен тот, с кем не встречается опасный сосед Буянов.

Так что источники источниками, но они — лишь повод к авторской импровизации. Нам остается только

повторить восхищенные слова Чарского из «Египетских ночей»:

«Как! Чужая мысль чуть коснулась вашего слуха, и уже стала вашей собственностью, как будто вы с нею носились, лелеяли, развивали ее беспрестанно. <...> Удивительно, удивительно!» (VIII, 270).

2. Буянов, буяны и Американец

В 1782 году в восьмом номере журнала «Вечерняя заря» была напечатана анонимная эпиграмма «На Буянова»:

Когда Буянов где в компании бывает.
Всегда раздоры там и ссоры затевает.
Он в несогласии находит тьмы забав.
Но отчего в Буянове злой нрав?
Постойте, я скажу: вот та тому причина:
Он зол, властолюбив и круглый дурачина ^[292].

Герой приведенной эпиграммы Буянов, затевающий раздоры и ссоры, стал героем поэмы В. Л. Пушкина, название которой, возможно, было подсказано ему комедией А. Коцебу «Опасное соседство» (комедия шла на московской сцене в 1806 году в вольном переводе родственника Пушкиных П. Н. Приклонского) ^[293]. Но в русской поэзии были и другие буяны, которые предшествовали Буянову, созданному Василием Львовичем.

В 1771 году вышла в свет поэма В. И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх». Ее герой — ямщик Елисей:

дети́на взра́чный,
Картежник, пьяница, буян, боец кулачный...^[294]

В поэме В. И. Майкова — кабаки, пьяные драки, кулачные бои, приключения, любовные авантюры. И еще — античные боги и богини — они сосуществуют с откупщиками, полицейскими, распутными девками. Вакх вмешивается в жизнь Елисея. Античность пародируется российской повседневностью. Трагическая история царицы Карфагена Дидоны, покончившей с собой из-за разлуки с Энеем (об этом рассказал Вергилий в поэме «Энеида»), комически представлена в истории старой начальницы исправительного дома, покинутой молодым любовником Елисеем:

Хотя прошло еще тому не много дней,
Как отбыл от сея Дидоны прочь Еней;
Но она не так как прежняя стенала
И с меньшей жалостью Елесю вспоминала;
Она уже о нем и слышать не могла,
Портки его, камзол в печи своей сожгла,
Когда для пирогов она у ней топилась;
И тем подобною Дидоне учинилась^[295].

А. С. Пушкина восхищал приведенный выше текст. По-видимому, оценил его и Василий Львович. Автор «Опасного соседа» использовал продемонстрированные В. И. Майковым художественные возможности пародийной игры с античностью. И в поэме В. Л. Пушкина карикатурно высвечиваются образы древней истории и мифологии: Варюшка, принимающая в борделе Буянова, купца и дьячка и еще рассказчика-стихотворца, представлена женой Перикла Аспазией, в

доме которой собирались философы, художники и поэты. Дворняги, сожравшие шинель убежавшего из притона незадачливого искателя приключений, названы Церберами — по имени свирепого трехголового пса, охранявшего выход из преисподней (оттуда удалось выйти только Орфею, усыпившему Цербера песнями). Когда В. Л. Пушкин заметил в своей поэме, что «Бахус бедствиям не раз бывал начало», то не отсылал ли он тем самым читателей к поэме В. И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх», в которой Вакх гневается на откупщиков, назначивших слишком дорогую цену на вино и пиво: потому и уменьшилось число пьяных? Он избирает орудием своего мщения Елисея, что становится началом его злоключений.

Еще один буян — в «Оде кулашному бойцу» И. С. Баркова, сочиненной в конце 1750-х — начале 1760-х годов:

Хмельную рожу, забияку,
Драча всесветна, пройдака,
Борца, бойца пою, пиваку,
Широкоплеча бурлака!^[296]

Многие стихи поэта XVIII века И. С. Баркова из-за непристойности их содержания не печатались, но широко распространялись в списках. Можно не сомневаться: они были известны Василию Львовичу.

Прежде чем Буянов появился в «Опасном соседе», он был выведен В. Л. Пушкиным в стихотворении 1798 года «Вечер»:

Буянов и не глуп, но вздумал в сорок лет
Жениться и франтить, и тем себя прославить,
Чтоб женушку свою тотчас другим оставить.
И подлинно успел в том модный господин:

С французом барыня уехала в Берлин (139).

В этих стихах можно увидеть предысторию героя «Опасного соседа»: Буянов, сорокалетний франт, обманутый муж, оставленный своей женой, пустился затем во все тяжкие, прожил свое имение «в восемь лет / С цыганками, с б...ми, в трактирах с плясунами», стал любителем сомнительных приключений, об одном из которых и повествует поэма В. Л. Пушкина.

В том, как охарактеризован небритый и растрепанный герой Василия Львовича, в том, что он говорит и как говорит («Я славных рысаков подтибрил у Пахома; / На Масляной тебя я лихо прокачу»; «Ступай со мной — качнем!») — что-то очень знакомое.

«Таких людей приходилось всякому встречать не мало. Они называются разбитными малыми, слынут еще в детстве за хороших товарищей, и при всем том бывают весьма больно покалачиваемы. В их лицах всегда видно что-то открытое, прямое, удалое. Они скоро знакомятся, и не успеешь оглянуться, как уже говорят тебе: ты. Дружбу заведут, кажется навек; но всегда почти так случится, что подружившийся подерется с ними того же вечера на дружеской пирушке. Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народ видный»^[297] — так напишет спустя почти 30 лет Н. В. Гоголь, представляя в «Мертвых душах» своего Ноздрева. Эти же слова можно отнести и к Буянову. Как и Ноздрев, он весел, задирист и красноречив. Любопытно, что героев В. Л. Пушкина и Н. В. Гоголя сближает даже лексика.

Проворней отворяй, не то — ракалью в зубы, —
Буянов закричал, — готовы кулаки...

Ноздрев же говорит Чичикову: «Теперь я очень хорошо тебя знаю. Такая, право, ракалия!» В Толковом словаре В. И. Даля слово «ракалья» означает «негодяй, бестия, наглый подлец».

Разумеется, Буянова можно считать литературным предшественником и даже литературным прототипом Ноздрева^[298]. Но в данном случае для нас важнее другое. Н. В. Гоголь подчеркнул жизненность, типичность своего Ноздрева: «Таких людей приходилось всякому встречать не мало». Конечно же и В. Л. Пушкин встречал таких людей. Более того, среди тех, с кем свела его судьба, был один человек, который в жизни как нельзя лучше воплощал тип Буянова. Это приятель Василия Львовича граф Федор Иванович Толстой, прозванный за путешествие к берегам Америки Американцем. О нем, человеке безудержных страстей, готовом перепить самого Вакха, картежнике, который играл в карты «навверняка», исправляя, по его собственному признанию, ошибки фортуны, дуэлисте, участнике многих приключений, нередко заканчивавшихся рукоприкладством, рассказывали множество анекдотов. Вот некоторые из них, записанные П. А. Вяземским:

«За обедом, на котором гостям удобно было петь с Фигаро из оперы Россини: Cito, cito, piano, piano (то есть сыто, сыто, пьяно, пьяно), Американец Толстой мог быть не из последних запевальщиков. В конце обеда подают какую-то закуску или прикуску. Толстой отказывается. Хозяин настаивает, чтобы он попробовал предлагаемое, и говорит: „Возьми, Толстой, ты увидишь, как это хорошо; тот час отобьет весь хмель“. — „Ах Боже мой! — воскликнул тот, перекрестясь, — да за что же я два часа трудился? Нет, слуга покорный; хочу остаться при своем“»^[299].

«Он же в одно время, не знаю по каким причинам, наложил на себя епитимью и месяцев шесть не брал в рот ничего хмельного. В самое то время совершились в Москве проводы приятеля, который отъезжал надолго. Проводы эти продолжались недели две. Что день, то прощальный обед или прощальный ужин. Все эти прощания оставались, разумеется, не сухими. Толстой на них присутствовал, но не нарушал обета, несмотря, вероятно, и на собственное желание. Наконец назначены окончательные проводы в гостинице, помнится, в селе Всесвятском. Дружно выпит прощальный кубок, уже дорожная повозка у крыльца. Отъезжающий приятель сел в кибитку и пустился в путь. Гости отправились обратно в город. Толстой сел в сани с Денисом Давыдовым, который (заметим мимоходом) не давал обета в трезвости. Ночь морозная и светлая. Глубокое молчание. Толстой вдруг кричит кучеру: стой! Сани остановились. Он обращается к попутчику своему и говорит: „Голубчик Денис,дохни на меня“»^[300].

«Однажды в Английском клубе сидел перед ним барин с красно-сизым и цветущим носом. Толстой смотрел на него с сочувствием и почтением, но видя, что во все продолжение обеда барин пьет одну чистую воду, Толстой вознегодовал и говорит: „Да это самозванец! Как смеет он носить на лице своем признаки им незаслуженные?“»^[301].

«Князь *** должен был Толстому по векселю довольно значительную сумму. Срок платежа давно прошел, и дано было несколько отсрочек, но денег князь ему не выплачивал. Наконец Толстой, выбившись из терпения, написал ему: „Если вы к такому-то числу не выплатите долг свой сполна, то не пойду я искать правосудия в судебных местах, а отнесусь прямо к лицу Вашего Сиятельства“»^[302].

И еще один анекдот, записанный А. И. Герценом:

«Последняя его проделка чуть было снова не свела его в Сибирь. Он был давно сердит на какого-то мещанина, поймал его как-то у себя в доме, связал по рукам и ногам и вырвал у него зуб. Вероятно ли, что этот случай был лет десять или двадцать тому назад? Мещанин подал просьбу. Толстой задарил полицейских, задарил суд, и мещанина посадили в острог за ложный навет. В это время один известный русский литератор, Н. Ф. Павлов, служил в тюремном комитете. Мещанин рассказал ему дело, неопытный чиновник поднял его. Толстой струхнул не на шутку, дело клонилось явным образом к его осуждению, но русский Бог велик! Граф Орлов написал князю Щербатову секретное отношение, в котором советовал ему дело затушить, чтоб не дать такого прямого торжества низшему сословию над высшим»^[303].

Яркая, колоритная личность Ф. И. Толстого привлекала поэтов и писателей. О нем писали П. А. Вяземский, А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, которому он приходился двоюродным дядей.

Пожалуй, наиболее точный психологический портрет Ф. И. Толстого-Американца нарисовал П. А. Вяземский:

Американец и цыган,
На свете нравственном загадка,
Которого, как лихорадка.
Мятежных склонностей дурман
Или страстей кипящих схватка
Всегда из края мечет в край,
Из рая в ад, из ада в рай!
Которого душа есть пламень,
А ум — холодный эгоист;

Под бурей рока — твердый камень!
В волненьи страсти — легкий лист!^[304]

А. С. Грибоедов, представляя в «Горе от ума» москвичей, не обошел своим вниманием оригинала Ф. И. Толстого, которого знала вся Москва:

Но голова у нас, какой в России нету,
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом
И крепко на руку нечист^[305].

Федор Иванович, познакомившись с грибоедовской комедией по списку, узнал себя, но последний стих отредактировал, предложив свой его вариант — «В картишки на руку не чист», и тут же пояснил: «Для верности портрета сия поправка необходима, чтоб не подумали, что ворует табакерки со стола; по крайней мере, думал отгадать намерение автора»^[306].

Ф. И. Толстой стал адресатом эпиграммы А. С. Пушкина:

В жизни мрачной и презренной
Был он долго погружен,
Долго все концы вселенной
Осквернял развратом он.
Но, исправясь по не многу,
Он загладил свой позор,
И теперь он — слава богу
Только что картежный вор (II, 155).

Будучи в ссылке в Кишиневе, А. С. Пушкин узнал, что Ф. И. Толстой распространял в Петербурге сплетню о том, будто его, А. С. Пушкина, высекли в канцелярии петербургского генерал-губернатора, — тогда-то и ответил он на клевету приведенной эпитаграммой. Поэт готовился к дуэли с клеветником, но когда он вернулся в Москву из Михайловской ссылки в 1826 году, друзьям удалось предотвратить дуэль, помирить противников, а три года спустя А. С. Пушкин, сватаясь за Н. И. Гончарову, даже прибегнул к помощи Федора Ивановича, который хорошо знал семейство его будущей жены.

Л. Н. Толстой называл своего двоюродного дядю «необыкновенным, преступным и привлекательным человеком», признавал в нем «много нравственно чудесного». Великий писатель запечатлел его в образе Федора Турбина, героя повести «Два гусара»: «Ведь это какая отчаянная башка, надо знать. Картежник, дуэлянт, соблазнитель; но гусар — душа, уж истинно душа»^[307]. Ф. И. Толстой сказался и в образе бретера Долохова, героя романа «Война и мир».

И всё же первым, на наш взгляд, Ф. И. Толстого-Американца в образе литературного героя представил В. Л. Пушкин. Цыганки и плясуны, с которыми прожил свое имение Буянов, карточная игра и пирушка, в которых он радостно и энергично принимает участие, драка, в стихию которой он самозабвенно погружается, — во всем этом угадывается Ф. И. Толстой, не только увлекавшийся цыганками, но и женившийся впоследствии на цыганке-певице, картежник и пьяница, драчун и проказник. «Сосед велеречивый» — так называет Буянова В. Л. Пушкин. «Болтун красноречивый»^[308] — так обращается в стихотворном послании к Ф. И. Толстому его друг Д. В. Давыдов. Известно, что Федор Иванович сам любил рассказывать

о своих невероятных похождениях. Об обезьяне, с которой он якобы жил как с женой, а потом изжарил и съел, ходили легенды. Двоюродная племянница Ф. И. Толстого М. Ф. Каменская сохранила некоторые его рассказы об участии в 1803 году в кругосветном плавании под началом И. Ф. Крузенштерна — эти рассказы мог слышать и В. Л. Пушкин:

«На корабле Федор Иванович придумывал непозволительные шалости. Сначала Крузенштерн смотрел на них сквозь пальцы, но потом пришлось сажать его под арест. Но за каждое наказание он платил начальству новыми выходками, он перессорил всех офицеров и матросов, да как перессорил! Хоть сейчас на ножи! Всякую минуту могло произойти несчастье, а Федор Иванович потирал себе руки. Старичок корабельный священник был слаб на вино. Федор Иванович напоил его до положения риз и, когда священник как мертвый лежал на палубе, припечатал его бороду сургучом к полу казенной печатью, украденной у Крузенштерна. Припечатал и сидел над ним; а когда священник проснулся и хотел приподняться, Федор Иванович крикнул: Лежи, не смей! Видишь, казенная печать! Пришлось бороду подстричь под самый подбородок.

На корабле был ловкий, умный и переимчивый орангутанг. Раз, когда Крузенштерн отплыл на катере куда-то на берег, Толстой затащил орангутанга в его каюту, открыл тетради с его записками, положил их на стол, сверху положил чистый лист бумаги и на глазах обезьяны стал марать и поливать чернилами белый лист. Обезьяна внимательно смотрела. Тогда Федор Иванович снял с записок замаранный лист, положил его к себе в карман и вышел из каюты. Орангутанг, оставшись один, так усердно стал подражать Федору Ивановичу, что уничтожил все записи Крузенштерна. За это Крузенштерн высадил Толстого на какой-то

малоизвестный остров и сейчас же отплыл. Судя по рассказам Федора Ивановича, он и на острове продолжал бедокурить, живя с дикарями, пока какой-то благодетельный корабль не подобрал его — татуированного с головы до ног»^[309].

Одним словом, и во время кругосветного путешествия Ф. И. Толстой буянил. Но, конечно, в Буянове сказался не весь Федор Иванович, который привлекал современников истинной храбростью, образованностью, умом, обаянием и щедростью души, преданностью друзьям.

К сожалению, мы не можем сказать, когда В. Л. Пушкин познакомился с Ф. И. Толстым. А ведь это могло быть еще в те годы, когда Американец был ребенком: он родился в Москве в 1782 году в приходе церкви Харитония в Огородниках, там провел свое детство^[310]. Скорее всего, и во время учебы в Морском кадетском корпусе и службы в Петербурге Ф. И. Толстой не забывал родной город, приезжал иногда в Москву. Известно, что 15 февраля 1810 года он был в так называемом домовом отпуске на 28 дней и в срок в свой Преображенский полк не явился. В декабре он вновь получил отпуск — уже на три месяца^[311]. Возможно, в это время Ф. И. Толстой посетил Первопрестольную — как раз перед тем, как Василий Львович стал сочинять «Опасного соседа». Но не исключено, что их знакомство состоялось уже после того, как «Опасный сосед» в марте 1811 года был написан, после того, как Ф. И. Толстой, вернувшись со славой из военного похода в 1814 году в Москву, вышел в отставку и поселился в Староконюшенном переулке. В 1816 году в послании «К графу Ф. И. Толстому» Василий Львович сожалел о том, что подагра не позволяет ему приехать к милому своему Толстому на обед, где будут

И. И. Дмитриев, П. А. Вяземский, А. М. Пушкин,
П. И. Шаликов:

Как мне не горевать?
Вы будете, друзья, и пить, и забавляться,
И спорить, и смеяться,
А я сидеть один с поникшей головой,
И к вам лишь мыслями, увы, переноситься! (53)

В письмах В. Л. Пушкина П. А. Вяземскому 1818–1821 и 1828 годов имя Ф. И. Толстого встречается довольно часто: Василий Львович бывает у него с друзьями на великолепных ужинах, пьет шампанское, слушает пение цыганок, сообщает, что его приятель «более, нежели когда-нибудь, пустился в игру», рассказывает о том, что Федор Иванович читает Гиббона и Геродота, спешит сообщить о его женитьбе на цыганке Авдотье Максимовне Тугаевой, сочувствует его горю, когда у него умирают дети. Но, думается, и до знакомства с Ф. И. Толстым В. Л. Пушкин слышал рассказы о его буйном нраве и авантюрных похождениях, подказавшие ему характеристические черты Буянова.

Читал ли Ф. И. Толстой «Опасного соседа»? Несомненно. Более того — он считал, что в поэме В. Л. Пушкина есть намек на его жену — цыганку. Во всяком случае, А. Я. Булгаков, рассказывая 18 мая 1821 года в письме брату о том, что Василий Львович собрал все свои сочинения для печати, не преминул заметить: «...но тут не будет Буянова. Американец Толстой говорит, что это *une production immorale*^[312]. Почему же? Потому что здесь нападают на цыганок (мало, и на его жену)^[313]». А ведь, как мы помним, с цыганками прожил свое имение Буянов. Быть может, Ф. И. Толстой узнал себя в герое «Опасного соседа»?

И еще одна подробность, связанная с Буяновым. Его буйство комически представлено и в политическом плане. Лозунг Буянова «Все равны в борделе у б...» — не что иное, как пародирование лозунга Великой французской революции, провозгласившей свободу, равенство и братство. (Заметим, что в поэме В. Л. Пушкина в борделе оказываются представители духовенства, купечества и дворянства.) Любопытно, что «революционный» смысл лозунга Буянова был, по-видимому, воспринят первыми читателями «Опасного соседа» и дал повод к мистификации. А. Я. Булгаков 4 мая 1820 года писал из Москвы в Петербург брату, сообщая об обеде у Василия Львовича, на котором среди гостей были М. М. Сонцов, П. И. Шаликов, В. С. Филимонов, А. М. Пушкин:

«Стали говорить, что племянник его, поэт и повеса (говорят), был призван к Милорадовичу за какие-то стихи. <В. Л.> Пушкин весь сконфузился, но еще больше, когда я стал уверять, что Ал. П. дал следующий ответ графу Милорадовичу: „Я эти стихи знаю, в<ашему> с<иятельств>у не солгали, они точно написаны Пушкиным, дядею моим“» ^[314].

А. Я. Булгаков сумел живо передать замешательство Василия Львовича, который, «как громом убитый, стал на всех поглядывать» и наконец залепетал по-французски: «Прежде всего я очень сильно сомневаюсь, что мой племянник мог сказать подобную вещь, и... даже если бы он ее сказал, граф Милорадович, я надеюсь, этому бы не поверил». И, переходя с французского на русский, а потом опять на французский, добавил: «Ведь меня все знают, я не либерален: меня знает и Ив. Ив. Дмитриев, и Карамзин, я не пишу подобных стихов». — «А Буянов?!» — воскликнул А. Я. Булгаков. «Ну, что Буянов, — стал оправдываться творец „Опасного соседа“, — это плохая

шутка». — «Плохая — да, — возразил всегдашний насмешник Василия Львовича А. М. Пушкин, — но не забавная»^[315]. Быть может, шутка В. Л. Пушкина была адресована далекому от политики, буяну, но отнюдь не революционеру Ф. И. Толстому?

3. Автор и повествователь, масонские дневники и притча о блудном сыне, Орфей, Давил и Гораций

«Ты прав, — писал К. Н. Батюшков Н. И. Гнедичу в июле 1811 года об „Опасном соседе“ и его создателе, — сатира Пушкина есть произведение изящное, оригинальное, а он сам еще оригинальнее своей сатиры. Вяземский, общий наш приятель, говорит про него, что он так глуп, что собственных стихов своих не понимает. Он глуп и остер, зол и добродушен, весел и тяжел, одним словом: Пушкин есть живая антитеза»^[316].

В самом деле, первое впечатление при знакомстве с автором «Опасного соседа» могло быть и не совсем для него выгодным. В Василии Львовиче прежде всего видели модника, человека влюбчивого, легковверного и простодушного порой действительно до глупости. Но всякий, кто ближе знакомился с ним, мог вполне оценить его доброту, искреннюю веселость, остроумие, блестящую эрудицию и конечно же — его поэзию. Разумеется, творец всегда отражается в своем творении. И В. Л. Пушкин, создавая образ рассказчика «Опасного соседа» (от его лица ведется повествование, он еще и герой поэмы), отдал ему некоторые свои черты. Рассказчик простодушен, искренен, и это придает особую прелесть его повествованию. Он трогательно доверителен по отношению к друзьям:

Ох! Дайте отдохнуть и с силами собраться!
Что прибыли, друзья, пред вами запираюсь?
Я все перескажу...

Обращением к друзьям поэма начинается, и им же завершается рассказ об опасном приключении:

Я в полночь наконец до хижины моей,
О, милые друзья, калекой дотащился.

Перед друзьями винит себя рассказчик за то, что его сумел увлечь в бордель Буянов:

Я виноват, друзья, послушался злодея.

Друзьям признается он в своей слабости:

Стыжусь, как падок, слаб ваш друг!

В этих признаниях угадывается автор поэмы, который поверял друзьям свои радости и горести, в стихах и прозе не раз говорил о том, как он ценит дружбу, как любит своих друзей. И друзья знали, какую ценность представляет для него дружба. К. Н. Батюшков в марте 1817 года так благодарил в письме В. Л. Пушкина за его дружество:

И как, скажите, не любить
Того, кто нас любить умеет,
Для дружества лишь хочет жить
И языком богов до старости владеет! ^[317]

В том же письме Батюшков писал о том, что музы благословили Василия Львовича на стихотворство и любовь к друзьям:

Не будешь в золоте ходить,
Но будешь без труда на рифмах говорить,
Друзей любить
И кофе жирный пить ^[318].

«Опасный сосед» — это адресованная друзьям исповедь рассказчика, по существу — его интимный дневник. И здесь, как нам представляется, уместно вспомнить «Исповедь» Жан Жака Руссо, где он, по его собственному признанию, «с одинаковой откровенностью рассказывал... <...> о хорошем и о дурном» ^[319]. Так и рассказчик «Опасного соседа» признается в своих пороках и слабостях:

Мой слабый дух, боясь лютейшего сраженья,
Единственно в ногах искал себе спасенья...

Кроме того, здесь, может быть, уместно сказать и о том, что масоны (как мы помним, творец «Опасного соседа» был масоном), занимаясь духовным самосовершенствованием, идя путем самопознания, вели дневники, в которых исповедовались и каялись в содеянных грехах. Мы не располагаем дневником масона В. Л. Пушкина и даже не знаем, вел ли он дневник. Но чтобы хотя бы отчасти представить себе, что же такое масонский дневник, обратимся к запискам 1780-х годов отца А. И. Тургенева — известного масона И. П. Тургенева, в которых он признавался:

«Главный грех мой есть, в разсуждении тела, — невоздержание, и любимая страсть моя есть

сластолюбие или, лучше сказать, обжорство, ибо тонкого вкуса и в пище я не имею. От сей склонности к обжорству происходит и склонность моя к блудодеянию, и так сильна во мне, что каждый день борюсь с нею»^[320].

И еще один масонский дневник — Пьера Безухова в романе «Война и мир». Любимый герой Л. Н. Толстого стремится, иногда наивно, как и Василий Львович, побеждать свои пороки, похоть воздержанием и отвращением, удаляться от суеты.

Рассказчик «Опасного соседа» чистосердечно признается в том, что он не устоял, был соблазнен сначала Буяновым на поездку в бордель, а потом блудницей, склоняющей его ко греху. От окончательного падения рассказчика спасает затеянная Буяновым драка. Пережитое им испытание, «страшное мучение», в конце концов через тоску и отчаяние привело его к отказу от греховных увеселений, к осознанию ценности добродетельной жизни. Но, напомним: простодушное повествование рассказчика о его пути к добродетели окрашено иронией автора «Опасного соседа».

Небезынтересно обратить внимание на то, что «Опасный сосед» перекликается с притчей о блудном сыне: рассказчик уходит из дома, пирует с блудницами и наконец, раскаявшись в своих грехах, возвращается домой. Конечно же В. Л. Пушкину были известны лубочные картинки, запечатлевшие сцены этой притчи и сопровождавшиеся нравоучительными подписями. Племянник Василия Львовича иронично описал их в повести «Станционный смотритель», включив в интерьер почтовой станции, где служит Самсон Вырин:

«Тут он принялся переписывать мою подорожную, а я занялся рассмотрением картинок, украшавших его смиренную, но опрятную обитель. Они изображали

историю блудного сына: в первой почтенный старик в колпаке и шлафроке отпускает беспокойного юношу, который поспешно принимает его благословение и мешок с деньгами. В другой яркими чертами изображено развратное поведение молодого человека: он сидит за столом, окруженный ложными друзьями и бесстыдными женщинами. Далее, промотавшийся юноша, в рубище и в треугольной шляпе, пасет свиней и разделяет с ними трапезу; в его лице изображены глубокая печаль и раскаяние. Наконец представлено возвращение его к отцу; добрый старик в том же колпаке и шлафроке выбегает к нему навстречу: блудный сын стоит на коленях; в перспективе повар убивает упитанного тельца, и старший брат вопрошает слуг о причине таковой радости. Под каждой картинкой прочел я приличные немецкие стихи» (VIII, 98–99).

В поэме В. Л. Пушкина притча о блудном сыне рассказана самим раскаявшимся блудным сыном. При этом не только общая сюжетная канва, но и некоторые персонажи и детали его рассказа соотносятся с известной библейской историей и лубочными картинками. Буянов, дьячок, купец, сводня Панкратьевна, красотка Варюшка, две другие «дюжие гости» — вот они, ложные друзья и бесстыдные женщины. Кошелек, брошенный рассказчиком в борделе, — не напоминает ли он о мешке с деньгами, которые промотал блудный сын?

«К плотскому страсть» рассказчика, его внимание к шестнадцатилетней красотке Варюшке, увлечение другой «гостьей» веселого дома — в этом, конечно, сказались склонности самого автора поэмы, который всегда был отнюдь не платоническим поклонником женской красоты. Соединив свою судьбу с Анной Николаевной Ворожейкиной, имея от нее двух детей, Василий Львович тем не менее до старости лет заглядывался на других красавиц. Так, 2 августа 1818

года он писал П. А. Вяземскому из села Березичи Козельского уезда:

«...признаюсь, что и в седирах моих я еще смотрю на красавиц с удовольствием. Здесь живут две девицы Щербачевы, которых не худо бы сделать молодницами. Большая, чернотроха, чернотроха, пленяет собою, а меньшая похожа чрезвычайно на Елизавету Семеновну Обрескову, с тою только разницею, что Щербачевой 19 лет» (236).

Отдавая должное московским красавицам, Василий Львович 16 ноября 1818 года сообщал в письме П. А. Вяземскому: «Вот что у нас в столице делается. Хомутовы давали на этих днях маленький бал, на котором явились две новые красавицы, меньшие дочери Марьи Ивановны Корсаковой. Они ростом выше своей матери и груди у них не хуже грудей вашей приезжей француженки. Третьего дня был на большом бале у Апраксиных: всех лучше были Урусовы, Фотка Толстая и Киселева» (241–242).

И еще одно признание Василия Львовича из письма П. А. Вяземскому от 16 марта 1819 года:

«Платонисты чрезвычайно походят на тех людей, которые пьют мед, по усам течет, а в рот не попадает. Что до меня касается, я люблю его глотать, пока силы мои еще то позволяют» (244–245).

Нужно ли говорить о том, что в своих стихах и на русском, и на французском языке В. Л. Пушкин воспевал красавиц?

О, женщины! Опять я в вашей власти!
Вам жизнь бестрепетно опять я отдаю!
Одни лишь вы даруете мне счастье.
Одних лишь вас, счастливый, я пою!^[321]

(Перевод Н. Муромской)

Разумеется, рассказчик «Опасного соседа» — персонаж, действующее лицо поэмы, не тождественное автору. Это так. И все же, если учесть, что Василий Львович наделил созданного им рассказчика некоторыми своими чертами, то рассказчик и автор во многом воспринимаются как одно лицо. К тому же рассказчик по воле автора повествует о своем приключении стихами, он стихотворец, и это, на наш взгляд, весьма важно, потому что в поэме рассказчик и автор соотносятся с поэтами древности — Орфеем, Давидом и Горацием. Подумать только, уже тогда, в 1811 году, Василий Львович сумел сказать о союзе поэтов всех времен и народов! Пройдет 11 лет, и 9 декабря 1822 года И. И. Дмитриев в Москве напишет в альбоме знаменитой польской пианистки Марии Шимановской, в котором есть автографы многих русских и европейских поэтов, в том числе В. Л. и А. С. Пушкиных:

Таланты все в родстве; источник их один,
Для них повсюду мир; нет ни войны, ни грани, —
От Вислы до Невы, чрез гордый Аппенин
Они взаимно шлют приязни братской дани ^[322].

Пройдет еще два года, и в 1824 году А. С. Пушкин в послании «К Языкову» скажет о том же:

Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью (II, 322).

В поэме дядюшки А. С. Пушкина тема союза поэтов решена в пародийном ключе.

Рассказчик — Орфей — спасается не от одного Цербера, но от «косматых Церберов ужаснейшей стаи». Если легендарный фракийский поэт усыпил Цербера своей игрой на лире, своими песнями, то рассказчик спасся от них бегством, бросив им на съедение шинель, чем, конечно, не усыпил их: «повсюду раздался псов алчных лай и вой», разбудивший, вероятно, всех жителей округа.

Мы уже говорили о том, что в заключительных стихах пародируется первый псалом Давида. Но в них пародируется также второй эпод Горация ^[323].

Сравним:

Блажен, стократ блажен, кто в тишине живет
И в сонмище людей неистовых нейдет;
Кто, веселясь подчас с подругой молодою,
За нежный поцелуй не награжден бедою...

Это В. Л. Пушкин. А вот Гораций:

Блажен лишь тот, кто суеты не ведая.
Как первобытный род людской,
Наследье дедов пашет на волах своих...

<...>

В тиши он мирно сочетает саженьцы
Лозы с высоким тополем...

<...>

Ужели дум нельзя развеять суетных
Среди всех этих радостей,
В добавок если ты с подругой скромною,
Что нянчит милых детушек,

С какой-нибудь сабинкой, апуллянкою,
Под солнцем загоровшею?^[324]

(Перевод А. П. Семенова-Тян-Шанского)

Напомним, что Горация Василий Львович очень любил, перевел много его стихов, во многих своих стихах ему подражал. И еще — Василий Львович шутливо сравнивал себя с Горацием:

Гораций нам твердит: «Час близок роковой —
Спешите насладиться!»
Но Августов певец подагры не имел
И всем, что в жизни, наслаждался:
Он Пирру, Хлою пел
И в сладостных стихах философом являлся!
А мне не до того:
Я мудрости такой и дара не имею;
Здоровье для утех нужнее нам всего,
И только я теперь его ценить умею (53).

Когда мы говорим о возможном пародийном сопоставлении рассказчика и автора «Опасного соседа» с Давидом и Горацием, то нужно вспомнить о том, что Давид и Гораций были не только поэтами, но и воинами. О прославленном подвиге Давида, поразившего из пращи исполина Голиафа, писал А. С. Пушкин:

Певец Давид был ростом мал,
Но повалил же Голиафа... (II, 318).

А вот Гораций в оде «К Помпею Вару» сам признался в своей трусости в битве при Филиппах, где он бежал с поля боя. «Бессмертный трус Гораций» — так называет

римского поэта А. С. Пушкин в послании к дяде. И рассказчик «Опасного соседа» не участвовал в сражении Буянова, но «единственно в ногах искал себе спасенья» и, поспешно покинув поле брани, из борделя убежал. Автор же поэмы Василий Львович, также не отличаясь храбростью в житейских и военных баталиях, в которых ему не приходилось принимать участия, был зато заслуженным литературным бойцом, смело вступался за своих соратников и своего литературного вождя Н. М. Карамзина. В «Опасном соседе» он поражал противников оружием смеха. Житейская трусость и литературная отвага — как видим, и здесь дает о себе знать антитеза, о которой писал К. Н. Батюшков. Любопытно, что с Давидом сравнивает В. Л. Пушкина (правда, иронически) И. И. Дмитриев в письме П. А. Вяземскому от 7 октября 1818 года:

«Историографа (Н. М. Карамзина. — Н. М.) берется защищать один только Василий Львович своим бильбоке, яко Давид своею пращею!!! Все прочие други и приверженцы прижались к своим творениям. Слава и честь безкорыстному, усердному рыцарю!»^[325]

Без всякого сомнения, В. Л. Пушкин — Давид в «Опасном соседе» — одержал славную победу. Защищая Н. М. Карамзина и карамзинистов, он перешел в решительное наступление и сразил наповал А. С. Шишкова и шишковистов, по меткому выражению К. Н. Батюшкова, «удивительно смешно отделал» их. Как ему это удалось? Конечно, об этом надо сказать подробнее.

4. Двоица, диво и славянская рецензия

В начале «Опасного соседа» В. Л. Пушкин изображает стремительный бег пары рысаков, запряженных в обшивни, по московским улицам:

Мы сели в обшивни, покрытые ковром,
И пристяжная вмиг свернулася кольцом.
Извозчик ухарский, любуясь рысакami,
«Ну! — свистнул, — Соколы! отдернем с
господами».
Пустился дым густой из пламенных ноздрей
По улицам как вихрь несущихся коней;
Кузнецкий мост, и вал, Арбат и Поварская
Дивились двоице, на бег ее взирая...

Казалось бы, при чем здесь шишковисты? Но слово уже сказано. И слово это — «двоица». Пара рысаков, «подтибренных» Буяновым у Пахома, названа славянизмом, заимствованным у поэта-шишковиста С. А. Ширинского-Шихматова. Слово, непринужденно и вроде бы совсем не нарочно включенное в стремительное повествование, становится поводом для своего рода лирического, или, вернее, иронического, отступления — обращения к тому, кто это слово позволил себе написать в стихотворном тексте:

Позволь, Варяго-Росс, угрюмый наш Певец,
Славянофилов кум, взять слово в образец.
Досель в невежестве коснея, утопая,
Мы, парой двоицу по-русски называя,
Писали для того, чтоб понимали нас.
Ну, к черту ум и вкус; пишите в добрый час!

Злополучная «двоица коней» — из стихотворения С. А. Ширинского-Шихматова «Возвращение в отечество любезного моего брата князя Павла Александровича из пятилетнего морского похода, в течение которого плавал он на многих морях, начиная от Балтики до Архипелага, видел многие европейские земли и,

наконец, из Тулона сухим путем через Париж возвратился в Россию». Оно было напечатано отдельным изданием в Петербурге в 1810 году и вызвало насмешливую критику М. Т. Каченовского. В 19-м номере журнала «Вестник Европы» за 1810 год по поводу «резвой двоицы коней» критик заметил: «Хорошо, что приезжий гость скакал не на тройке»^[326]. Будем, однако, справедливы и, признавая неудачным осмеянное словосочетание С. А. Ширинского-Шихматова, согласимся с В. К. Кюхельбекером, которому, по его собственному признанию, «удалось восхищаться прекрасным описанием коней, находящимся в сем послании и не уступающим ни одному из известных, хваленых»^[327]. Последуем примеру В. К. Кюхельбекера, переписавшего стихи С. А. Ширинского-Шихматова в свой дневник, и также приведем их на страницах нашей книги:

Но кто там мчится в колеснице
На резвой двоице коней,
И вся их мощь в его деснице?
Из конских дышащих ноздрей
Клубится дым и пышет пламень,
И пена на устах кипит;
Летит земля и хрупкий камень,
И пыль виется до небес;
Играют гривы их густые,
Мелькают сбруи золотые,
Лучи катящихся колес^[328].

В самом деле — замечательно. Сколько энергии, сколько движения! Правда, пена на устах, уста у лошадей — это как-то не очень. Но зато — летящая из-под копыт земля, столбы пыли до небес, мелькание

золотой сбруи и особенно выразительно — «лучи катящихся колес». Прекрасно!

Если внимательно присмотреться, то, быть может, описание мчащихся рысаков в «Опасном соседе» появилось не без влияния стихов С. А. Ширинского-Шихматова. Сравним:

Пустился дым густой из пламенных ноздрей
По улицам как вихрь несущихся коней.

Даже рифма «ноздрей — коней» у двух поэтов одна и та же.

В. Л. Пушкин просто уничтожил А. А. Шаховского, заставив девок в борделе читать его нашумевшую комедию «Новый Стерн»:

Две гостыи дюжие смеялись, рассуждали
И «Стерна нового» как диво величали.
(«Прямой талант везде защитников найдет!»)

В 1807-1815 годах А. А. Шаховской сочинял ироико-комическую поэму «Расхищенные шубы», где нападал на карамзинистов, пародийно цитировал стихи В. Л. Пушкина из посланий к В. А. Жуковскому и Д. В. Дашкову. Но его набег не шли ни в какое сравнение с «Опасным соседом». У В. Л. Пушкина — всего одна фраза, но ведь какая убийственная! Талант А. А. Шаховского по достоинству оценен, и где? В борделе! Острота Василия Львовича стала крылатой. «Прямой талант везде защитников найдет» — эти слова повторяли беспрестанно. Правда, злые языки распространяли слух о том, что их сочинил не В. Л. Пушкин, а В. А. Жуковский^[329], но это не так. А. А. Шаховской пытался обороняться от автора

«Опасного соседа» шуткой. «Ну, не несчастье ли мое? — говорил он. — Человек первый раз, отродясь, сказал остроту — и то на мой счет»^[330]. Слова А. А. Шаховского дошли до нас и в иной редакции: «Надо же мое несчастье, что раз удалось бздуну перднуть — и то на мой счет»^[331]. Фу, гадость какая! Но и она свидетельствует о том, что очень уж был раздосадован А. А. Шаховской, так раздосадован, что даже не смог свою досаду скрыть, не сумел достойно и остроумно ответить на больно задевшую его остроту Василия Львовича.

Досталось в «Опасном соседе» и А. С. Шишкову. В него «выстрелил» последний стих поэмы — «И над рецензией Славянской засыпает». Об усыпительности скучных творений А. С. Шишкова — Старослова — В. Л. Пушкин писал и в послании «К Д. В. Дашкову»:

Я каяться готов.
Я, например, твержу, что скучен Старослов,
Что длинные его сухие поученья —
Морфея дар благий для смертных усыпленья.
И если вздор читать пришла мне черед,
Неужели заснуть над книгою беда? (40)

Вот что интересно. «Опасный сосед» — ироико-комическая поэма, в которой сказались многие жанры. Современники называли произведение В. Л. Пушкина и сатирой, и стихотворением. Мы говорим о том, что в «Опасном соседе» дает о себе знать и жанр исповеди, и притчи. Поэма Василия Львовича — это еще и святочный рассказ. Потому и курица оказалась в светлице новой знакомки рассказчика: обитательницы борделя гадали о суженом на Святки. Вспомним балладу В. А. Жуковского «Светлана»:

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали.
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали,
Снег пололи. За окном
Слушали. Кормили
Счетным курицу зерном... ^[332]

По народным поверьям, Святки, народный праздник, который отмечался с Рождества до Крещения, — это время нечистой силы. Она дает о себе знать и в поэме Василия Львовича. Совращение рассказчика с пути истинного — дело черта: «Я на нее взглянул. Черт дернул! — так и быть!» Драка спровоцирована Сатаной:

Забав невинных враг, любитель козней злых,
Не дремлет Сатана при случаях таких.

Разыгравшееся в борделе «лютейшее сражение» — «Сатане потеха». И косматые псы, преследующие рассказчика, не случайно названы «исчадьем адовым»: убежав из борделя, рассказчик спасся от Сатаны, избежал ада. Но, пожалуй, особо важное значение для «Опасного соседа» имеет жанр эпиграммы. Не трудно заметить, что полемические выступления В. Л. Пушкина против А. А. Шаховского и С. А. Ширинского-Шихматова воплощены в эпиграмматической форме. Более того, они могут быть вычленены из текста поэмы и иметь самостоятельное значение.

Что касается выпада против А. С. Шишкова, то к нему обращен последний стих поэмы, всего одна строчка. Но как точно выбрано место этой строки! Ведь по законам риторики, ораторская речь должна завершаться «удовлетворительным окончанием», то

есть последнее слово всегда очень значимо. При этом и выпад против А. С. Шишкова имеет эпиграмматический характер. Сон, вызванный чтением сочинения бездарного стихотворца, — устойчивый мотив эпиграмм, написанных до и после создания «Опасного соседа». Среди их авторов — Г. Р. Державин, А. Е. Измайлов, П. А. Вяземский, Д. В. Веневитинов и другие поэты. Приведем некоторые из этих эпиграмм:

Большую оказал услугу мне Филет,
Что сочинения свои он издал в свет!
Когда бессонницей страдаю,
Прочту — и засыпаю^[333].

Б. К. Бланк

Тирсис всегда вздыхает.
Он без «увы» строки не может написать,
А тот, кому Тирсис начнет свой бред читать,
Сперва твердит «увы», а после засыпает^[334].

П. А. Вяземский, 1811 год
Надпись к портрету доброго поэта

Он участь горькую несчастных облегчал.
Прочтя его стихи, страдалец засыпал^[335].

Ф. Ф. Иванов, 1815 год
Вспомним и лицейские стихи А. С. Пушкина 1814 года:

Писатель за свои грехи!
Ты с виду всех трезвее;

Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее (I, 62).

Эпиграмматические выпады В. Л. Пушкина против литературных староверов действительно великолепны. Эпиграммы, написанные им ранее, да и после «Опасного соседа», не были ни столь разительны, ни столь остроумны. Думается, поэма «Опасный сосед» изумила, восхитила первых читателей еще и потому, что наряду с забавным сюжетом, выразительными портретами героев, мастерскими жанровыми сценами отличалась неожиданной для ее творца эпиграмматической остротой.

«Опасный сосед» по понятным причинам не печатался. Об издании поэмы не могло быть и речи. Это не мешало ее чрезвычайной популярности. М. Н. Макаров писал, что это «превосходное творение нашего поэта... нигде не напечатанное, а всем известное, получившее народность»^[336]. Поэма, по свидетельству М. А. Дмитриева, «ходила по рукам, как произведение действительно замечательное»^[337]. Ф. Ф. Вигель сообщал об «Опасном соседе»: «Напечатать такого рода стихов не было возможно: но тысячи их рукописных копий, кажется, еще доселе сохранились»^[338].

В. Л. Пушкин справедливо считал «Опасного соседа» «лучшим и удачнейшим» из своих стихотворений. Как всякий автор, он хотел видеть его напечатанным и, вероятно, напечатанным сразу же после того, как в 1811 году оно было написано. И Василий Львович начал хлопотать об издании.

5. Первое издание «Опасного соседа»

«В 1800-х годах, в те времена, когда не было еще ни железных, ни шоссейных дорог... <...> в те наивные времена, когда из Москвы, выезжая в Петербург в повозке или карете, брали с собой целую кухню домашнего приготовления, ехали восемь суток по мягкой пыльной или грязной дороге и верили в пожарские котлеты, в валдайские колокольчики и бублики...»^[339] — так начинается повесть Л. Н. Толстого «Два гусара». В те времена, продолжим мы, а точнее 16 июля 1811 года, В. Л. Пушкин сел в Москве в карету вместе с Анной Николаевной Ворожейкиной, камердинером Игнатием и племянником Александром, которого надобно было отвезти в Петербург, чтобы определить в Императорский Царскосельский лицей. Л. Н. Толстой не ошибся — дорога в Северную столицу действительно заняла около восьми суток. 23 июля наши путешественники прибыли в Петербург, проехав 723 версты и проследовав через Черную Грязь, Клин, Тверь, Торжок, Вышний Волочёк, Валдай, Яжелбицы, Бронницы, Новгород, Тосну, Ижоры. Для Василия Львовича путь знакомый. Для Александра всё внове — виды городов, почтовые станции, пожарские котлеты в Торжке, баранки в Валдае, залиvistый звон валдайских колокольчиков. Перед отъездом тетка Анна Львовна и двоюродная бабка по отцу Варвара Васильевна Чичерина подарили ему на орехи 100 рублей (сумма по тем временам немалая). Дядюшка 100 рублей у племянника взял будто бы займы, да так и забыл отдать (быть может, из педагогических соображений). Кроме любимого племянника В. Л. Пушкин привез в Петербург и свое любимое детище — поэму «Опасный сосед».

По приезде в столицу В. Л. Пушкин с Александром, Аннушкой и Игнатием остановились в гостинице «Бордо» на набережной Мойки, но прожили там всего

несколько дней. Там с Василия Львовича, как писал он П. А. Вяземскому, «содрали бешеную сумму». Потом был «ужасный переезд», во время которого «всё перебили» — «и теперь у меня всё шиворот-навыворот»^[340]. Но, к счастью, с «Опасным соседом» ничего не случилось, и драгоценная рукопись благополучно переехала вместе с Василием Львовичем в дом купца Кувшинникова на Мойке близ Конюшенного моста.

Отсюда В. Л. Пушкин ездил на заседания Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, собрания логи «Елизаветы к добродетели», в гости к друзьям и знакомым. Он пробыл в Петербурге и остаток лета, и осень, и зиму 1811 года и смог вернуться в Москву только в феврале 1812 года. Конечно, в Петербурге Василий Львович был обременен делами и хлопотами по устройству племянника в Лицей. Он возил Александра на приемные экзамены в петербургский дом министра просвещения А. К. Разумовского. Экзаменовали будущих лицеистов сам А. К. Разумовский, директор Департамента народного просвещения И. И. Мартынов и директор Лицея В. Ф. Малиновский. Результатами экзаменов дядя мог быть вполне доволен. Племянник в Лицей был принят в числе тридцати юных отпрысков дворянских семейств — Александра, как и других мальчиков, должны были воспитывать и образовывать, приуготовляя «к важным частям службы государственной». До октября 1811 года племянник жил с дядей. Василий Львович, познакомивший его во время экзаменов с Иваном Пущиным, приглашал Пущина в дом, проводил с детьми время, словом,

Слегка за шалости бранил
И в Летний сад гулять водил.

Еще он ездил с ними на Крестовский остров, катал на ялике. Навещал он Александра и тогда, когда тот переехал в Царское Село. Конечно, Василий Львович находил время и для того, чтобы бывать в свете. Да и как отказать себе в удовольствии и не побывать на празднестве у княгини Е. Ф. Долгоруковой, которое, по его словам, было «настоящей феерией»: «Большая иллюминация, музыка на воде, балет, бал, роскошный ужин...»^[341] (оригинал по-французски; перевод Т. Г. Цявловской). Но главным конечно же оставались поэзия, творчество, книги. И — «Опасный сосед», с которым надо было познакомить и петербуржцев.

Василий Львович вместе с племянником навестил в Петербурге Ивана Ивановича Дмитриева. Он застал у него литературного единомышленника Дмитрия Николаевича Блудова. Собираясь читать «Опасного соседа», Василий Львович велел Александру выйти из комнаты. Резвый мальчик со смехом возразил дядюшке: «Зачем вы меня прогоняете, я всё знаю, я всё уже слышал»^[342].

Побывал В. Л. Пушкин в гостях и у Д. В. Давыдова и ему прочел «Опасного соседа». Однако поэт-гусар как-то сразу не оценил славное творение. «Он недавно был у меня, читал „Опасного соседа“, слабо писанного, — сообщал Д. В. Давыдов 25 августа 1811 года П. А. Вяземскому. — Найдешь кой-где стихи порядочные, но вообще очень водяны, так, как и все его сочинения»^[343]. Так и хочется воскликнуть: неправда ваша, Денис Васильевич!

Но можно ли было на берегах Невы напечатать «Опасного соседа»? Вот в чем вопрос.

В Санкт-Петербурге, в Рукописном отделе Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинском Доме), хранится единственный известный к настоящему времени экземпляр первого издания

«Опасного соседа». Долгое время эта книжная редкость считалась утраченной. Сегодня с ней можно познакомиться, обратившись к книге «Василий Львович Пушкин. Опасный сосед», изданной в Санкт-Петербурге в 2011 году с иллюстрациями замечательных художников Александра Георгиевича и Валерия Георгиевича Трауготов: здесь факсимильно воспроизведено первое издание поэмы. На шести листах плотной голубой бумаги напечатан текст «Опасного соседа» за подписью «Пшкн». Вслед за текстом поэмы Василия Львовича напечатаны две эпиграммы. Приведем их, сохраняя орфографию печатного источника:

На Новой
1812 й Год
(По случаю разорвания накануне онаго Л. П.
последних ево штанов)
Не прав ты новый год в раздаче благостыни;
Ты своенравнее и щастия Богини.
Иным ты дал чины,
Другим места богаты,
А мне лишь новыя заплаты
На старыя мои штаны.
Пливск.

Религия везде страдает:
Волтер ее бранит, Кутузов защищает ^[344].

Первая эпиграмма принадлежит перу Патрикия Симоновича Политковского, который был семнадцатью годами моложе В. Л. Пушкина, учился в Московском университете, служил в Петербурге в Коллегии иностранных дел, в Министерстве финансов, в 1810

году получил чин титулярного советника. П. С. Политковский был поэтом и переводчиком — сочинял оды, послания, романсы, басни, стихи на случай, переводил Юнга, Ж. Б. Л. Грессе, Ф. Шиллера, Оссиана. Не чуждый шутливой поэзии, он был автором не только «Оды на <...> день тезоименитства Государя Александра Павловича» и романса «Стон Шарлоты при гробе Вертера», но и таких стихотворений, как «Заочное открытие в любви одного новейшего сентименталиста девице, появившейся на заднем дворе департамента разных податей и сборов и после того скрывшейся» и «Плач о неполучении жалованья (написано экспромтом в конце 1811 года)». Стихи действительно забавные. Вот, например:

Вотще я по часам стою,
Зевая у окошка,
Лишь множу тем тоску мою:
Она скребет как кошка.
Один лишь след, один песок
Мне в утешение остался,
К которому твой башмачок
Так часто прикасался.
Увы, жестокая краса,
Скажи, на что сие похоже?
Ах, лучше б плюнула в глаза
Илихватила бы по роже,
Чем так тирански поступать
И мучить человека,
Который должен умирать,
Не прожив четверть века,
Который так в тебя влюблен,
Положим, от безделья,
Что забывает пищу, сон

И бродит как с похмелья...^[345]

Нельзя не процитировать и его «Плач о неполучении жалованья», тем более что там, как и в «Опасном соседе», есть библейский зачин «Блажен...», также представленный в пародийном плане:

Придется умереть от стужи,
Коль с голоду умереть не мог:
Вся плоть моя почти наружи,
И пальцы лезут из сапог.
А ты, любезная отчизна,
Котору буду век любить,
На все в тебе дороговизна,
За гривну нечего купить.
Блажен, кто мелочным товаром
Торгует в лавочке простой
Или владеющий амбаром
И кучей в нем кулей с мукой!^[346]

Василий Львович был знаком с Патрикием Симоновичем, вместе с ним бывал на заседаниях Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (как и В. Л. Пушкин, П. С. Политковский состоял его членом), называл его в числе «известных своими произведениями»^[347] участников общества, знал и ценил его поэзию. Однажды, по свидетельству П. А. Вяземского, он декламировал те самые стихи «На Новый год», которые были напечатаны вместе с «Опасным соседом»^[348].

Автором второй эпиграммы, напечатанной без подписи вслед за «Опасным соседом», был Андрей Иванович Тургенев, старший из братьев Тургеневых, — с

ними был дружен Василий Львович. К сожалению, в 1803 году А. И. Тургенев умер от горячки, прожив немногим более двадцати лет (он родился в 1781 году). И все же, несмотря на молодость, он успел много написать. Это и речь о любви к Отечеству, произнесенная на экстраординарном собрании Дружеского литературного общества в доме А. Ф. Воейкова в Москве возле Новодевичьего монастыря (это общество основал А. И. Тургенев), и выполненный вместе с А. Ф. Мерзляковым перевод «Страданий молодого Вертера» Гёте, и дружеские послания, и элегии, и эпиграммы. Его стихотворение «К Отечеству» и «Элегию» напечатал Н. М. Карамзин в 1802 году в журнале «Вестник Европы». Публикуя «Элегию», Н. М. Карамзин сопровождал ее примечанием:

«Это сочинение молодого человека с удовольствием помещаю в „Вестнике“. Он имеет вкус и знает, что такое поэтический слог. Некоторые стихи прекрасны, как то увидят читатели. Со временем любезный сочинитель будет конечно оригинальнее и в мыслях и в оборотах; со временем о самых обыкновенных предметах он найдет способ говорить по-своему. Это бывает действием таланта, возрастающего с годами»^[349].

«Элегию» вполне оценили читатели. Ею, будучи в Лицее, восхищался В. К. Кюхельбекер. Она отразилась не только в лицейских стихах А. С. Пушкина, но и в таких его стихотворениях, как «Цветы последние милей», «Брожу ли я вдоль улиц шумных»^[350]. Сравним:

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей (II, 423).

А. С. Пушкин

Один увядший лист несчастному милее,
Чем все блестящие весенние цветы...^[351]

А. И. Тургенев

Что же касается эпиграммы, напечатанной вместе с «Опасным соседом», то названный в ней Кутузов — это неизвестный нам П. И. Голенищев-Кутузов, яростный противник Н. М. Карамзина; о защите им религии сказано в связи с его «Одой в честь моему другу». Среди дошедших до нас эпиграмм А. И. Тургенева есть еще одна, адресованная П. И. Голенищеву-Кутузову:

Кутузов! Вот еще работа для тебя!
Пиши, бесись, ругай, и осрами... себя^[352].

Таким образом, первая публикация «Опасного соседа» оказалась в соседстве с эпиграммами сочинителей, творцу поэмы хорошо знакомых. Но всё же — когда и где был напечатан «Опасный сосед»?

Принято считать, что первое его издание появилось в конце 1811-го или же в начале 1812 года^[353]. Где появилось? На этот счет есть две версии^[354]. Возможно, «Опасный сосед» был издан в кругу членов Общества любителей словесности, наук и художеств в Петербурге тайным образом, конечно, не для распространения (потому и сохранился в Петербурге единственный экземпляр этого уникального издания). Но возможно предположить, что издание, задуманное Василием Львовичем в Москве, в Москве и увидело свет. Не исключено, что издать «Опасного соседа» мог Платон Петрович Бекетов, который в 1801 году завел в Первопрестольной типографию — ее современники справедливо считали самой лучшей. П. П. Бекетов

выступал и в роли редактора, заботился об изяществе оформления выпускаемых им книг. Он издавал сочинения И. Ф. Богдановича, А. Н. Радищева, Д. И. Фонвизина, М. М. Хераскова, В. А. Жуковского, Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева, которому приходился двоюродным братом. В 1807 году в типографии П. П. Бекетова малым тиражом (50 или 70 экземпляров) было издано «Путешествие NN в Париж и Лондон». Так что и «Опасный сосед» мог быть там напечатан. Но никаких сведений об этом нет. Во время войны 1812 года типография и книжный склад П. П. Бекетова были уничтожены московским пожаром. Не сохранилось и никаких откликов современников на первое издание «Опасного соседа». Неизвестно даже, знал ли о нем сам автор. Быть может, это объясняется тем, что в 1812 году ни Василию Львовичу, ни его литературным союзникам и противникам было не до «Опасного соседа»: над Россией разразилась гроза двенадцатого года.

Глава седьмая «ГРОЗА ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА»

1. Москва. 1812 год

12 июня 1812 года в среду вышли «Московские ведомости» (в это время газета выходила в свет по средам и субботам). Развернув пахнущие типографской краской плотные листы, Василий Львович, как и другие читатели, мог познакомиться с политическими новостями, сообщениями из Дрездена, Берлина, Вильно, Амстердама, Лондона, разными известиями и объявлениями.

Номер открывался известием о подписании конвенции Александром I, Императором и Самодержцем Всероссийским с Его Светлостью, Владетельным герцогом Саксен-Веймарским и Эйзенахским: конвенция должна была «споспешествовать сношению и свободной торговле между обоюдными их подданными»^[355].

Далее следовали указы о назначениях на государственные посты, сообщения о пожаловании в различные звания, награждении орденами и пожаловании бриллиантовыми перстнями.

«Г-ну Обер-Камергеру и Главному Директору над театральными зрелищами и музыкою, Нарышкину выражена монаршая признательность за его усердное попечение о вверенной ему части»^[356].

Удовлетворено прошение Главнокомандующего в Москве, Генерал-фельдмаршала Графа Гудовича об отставке «для поправления разстроенного его здоровья, предоставляя ему впрочем, по возстановлении онаго, занять место его в Государственном Совете»^[357].

«Из Дрездена, мая 25.

Вчерашнего числа около полудня Император Наполеон был в Римско-католической церкви; а ввечеру с Супругою своею. Императором и Императрицею Австрийскими, Королевою Вестфальскою, Великим Герцогом Вирцбургским и всеми Членами Саксонского Королевского Дома слушал концерт в театре»^[358].

Из Парижа сообщалось, что «там показывается за деньги человек странного вида от природы»: левую руку употребляет вместо ног, «стоит на оной и даже может всходить на лестницу»^[359].

Печатались депеши от графа Веллингтона о военных действиях против французских войск на суше и на море.

В разделе «Объявления» был помещен следующий текст:

«Московский Военный Губернатор, граф Растопчин объявляет всем тем, кои имеют приносить ему жалобы, или подавать просьбы, или к нему являться, что он для сего назначает время ежедневно от 11 часов утра до полудня. Для дел же, или извещения письменно и изустно, время не терпящих, всегда к нему каждой без замедления допущен быть может»^[360].

Далее следовали объявления о продаже книг у книгопродавцев Свешникова, Селивановского, Ивана Готье, Матвея и Ивана Глазуновых (разумеется, с указанием адресов их книжных лавок):

«Дон Кишот ла Манхский, сочин. Серванта; перев. с французск. с картинами. М., в Унив. тип. 1812. В пер. 6 руб.

Собрание сочинений Тацита. <...> Спб. у Шнора. На бел. бум. в пер. 30 р.

Искусство плавать, с рассуждением о важности сего телес-наго упражнения и с 22 фигурами, представляющими различные образцы плавания и

обороты, употребляемые в оном. М., 1807 г. В пер. 230 к.»^[361].

И еще — «Чародей, или Новый и полный Оракул», «Новый самоучитель французского языка», «Детская физика с картинками», другие книги.

Конечно же — объявления о продаже домов с погребями, конюшнями, амбарами, коровниками, банями, прудами и рощами.

«За Пречистенскими воротами, в приходе Ильи Обыденного, в доме Соборного дьячка под № 424 продается бричка с откидным верхом прочная и очень легкая; последняя цена 100 руб.»^[362].

Не хотите бричку, купите дорожную коляску самой лучшей отделки. К тому же за умеренную цену можно купить охотничью четверню одношерстных иноходцев — «ладные и резво бегут» или пару вятских лошадей — «шерстью голубые, годные во всякую упряжку, по пять лет».

А сколько нужных вещей продается: часы, табакерки, зрительная трубка, картины, биллиард, зеркала, бюро, люстры, ковры, «седло настоящее Аглинское», кресла, стулья, диваны, шифоньеры, туалеты и бронза — «всё за самую сходную цену». И еще — платки, шали, кисеи, батисты, чулки дамские шелковые, перчатки лайковые, ридикюли.

Если нужны разные духи, то надо идти в переулок между Тверской и Дмитровской против Егорьевского монастыря, в дом госпожи Глебовой-Стрешневой, в магазин — там еще «можно получить настоящую о-де-перль для белизны лица и рук, по 3 р. склянка».

За готовым платьем — к портному Ивану Шладеру, на Тверскую против Польской лавки. Там фраки, жилеты и легкие шаровары.

За лимонами, немецким черносливом, французским уксусом, макаронами и вермишелью, сахарным

вареньем, чаем — в Охотный ряд, в дом купца Второва, в овощную лавку Герасима Барашкова.

Принять к сведению:

«Отпускается в услужение дворовый человек 50 лет, с женою 35 лет и с дочерью 11 лет, знающий казначейскую, лакейскую и кучерскую должности, а жена шьет белье и прачка, доброго и трезвого поведения»^[363].

Ну что же, всё как всегда. На улице цокают копыта лошадей, кричат разносчики, и день выдался ясный, солнечный (это мы знаем точно — в следующем субботнем номере «Московских ведомостей» напечатаны метеорологические наблюдения: в среду 12 июня — «сияние солнца, безоблачное небо»), И в доме В. Л. Пушкина, наверное, тоже всё как всегда: утренний кофий со сливками, неспешный разговор с Анной Николаевной, чтение газеты. В это время еще никто не знает, что в ночь с 11 на 12 июня французские войска перешли Неман и вторглись в пределы нашего Отечества.

Сначала, как водится, поползли слухи. 17 июня в Петербурге получено неофициальное известие о вторжении армии Наполеона в Россию. 20 июня об этом стало известно в Москве.

«Следующие дни прошли в праздных толках и догадках, — вспоминала знакомая В. Л. Пушкина Анна Григорьевна Хомутова (ей было тогда двадцать шесть лет), — но никто не предвидел, что в скором времени исчезнет и след тех богатых и изящных гостиных, где напрополую препирались о предстоявших событиях, которых, однако, никто не умел вообразить себе в настоящем свете. По вечерам, следуя модному обычаю, много народа собралось на бульваре; тревожные толпы, в мрачном настроении, проходили по нем, прислушиваясь к речам говорунов, которые

рассказывали то, что успели узнать, проведать, а иной раз и выдумать. <...> Вяземский порхал около хорошеньких женщин, мешая любезности и шутки с серьезными тогдашними толками. Василий Пушкин подвигался за ним тяжелым шагом; его широкое добродушное лицо выражало полнейшую растерянность; впервые при разговоре о Наполеоне он не решился рассказать, как имел счастье представляться ему. В обществе господствовала робкая, но глухая тревога; все разговоры вращались около войны»^[364].

В 1831 году А. С. Пушкин в незавершенном романе, получившем впоследствии редакторское название «Рославлев» (в черновиках это — «неизданные записки дамы»), так описал настроения московского общества в начале Отечественной войны:

«Вдруг известие о нашествии и воззвание государя поразили нас. Москва взволновалась. Появились простонародные листки графа Растопчина; народ ожесточился. Светские балагуры присмирели; дамы вструхнули. Гонители французского языка и Кузнецкого моста взяли в обществе решительный верх, и гостиные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французский табак и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюр, кто отказался от лафита и принялся за кислые щи. Все закаялись говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедывать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни. <...>

Приезд государя усугубил общее волнение. Восторг патриотизма овладел наконец и высшим обществом, гостиные превратились в палаты прений. Везде толковали о патриотических пожертвованиях. Повторяли бессмертную речь молодого графа

Мамонова, пожертвовавшего всем своим имением. Некоторые маменьки после того заметили, что граф уже не такой завидный жених, но мы все были от него в восхищении» (VIII, 153–154).

Пушкинское описание при всей его ироничности очень точно. Даже отказ от французского лафита в пользу кислых щей, то есть русского кваса, не является преувеличением:

«...адмирал Мордвинов заявил, что пока родина в опасности, он будет обедать не 8 блюдами, а лишь 5-ю, отказывается от иностранных вин, а жена и дочери перестают носить туалет и украшения, сделанные не из русских материалов и не русскими руками. Разницу между ценами адмирал обязался вносить в казначейство на расход по защите родины» ^[365].

И растерянный В. Л. Пушкин «вписывается» в созданную его племянником картину. Его легко представить среди присмиривших светских балагуров. (Нам это нетрудно сделать потому, что мы только что познакомились с воспоминаниями А. Г. Хомутовой.)

Можно не сомневаться, что Василий Львович, как и все москвичи, был поражен воззванием государя, с большим чувством читал рескрипты и манифесты Александра I.

«Первопристольной Столице Нашей Москве!

Неприятель вошел с великими силами в пределы России. Он идет разорять любезное Наше Отечество. <...> ...наиперве обращаемся мы к древней Столице Предков наших, Москве. Она всегда была главою прочих городов Российских; она изливала всегда из недр своих смертоносную на врагов силу; по примеру ея из всех прочих окрестностей текли к ней, на подобие крови к сердцу, Сыны Отечества, для защиты оного. Никогда не настояло в том вящей надобности, как ныне. Спасение Веры, Престола, Царства того требует. Итак

да распространится в сердцах знаменитого Дворянства Нашего и во всех прочих сословиях дух той праведной брани, какую благославляет Бог и православная наша Церковь; да составит и ныне сие общее рвение и усердие новые силы, и да умножатся оные, начиная с Москвы, во всей России!»^[366] — говорилось в воззвании, с которым 6 июля обратился к москвичам император. В этот же день был подписан манифест «О вторжении врага в пределы России и о всеобщем против него ополчении». В манифесте речь шла о злобном намерении врага разрушить славу и благоденствие родной земли: «...с лукавством в сердце и лестию в устах несет он вечные для ней цепи и оковы»^[367]. Полагая «войск наших, кипящих мужеством», недостаточным для поражения неприятеля, император призывал все сословия объединиться:

«Да встретит он в каждом Дворянине Пожарского, в каждом Духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества; Святейший Синод и Духовенство! вы всегда теплыми молитвами призывали благодать на главу России; народ Русской! Храброе потомство храбрых Славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках, никакие силы человеческие вас не одолеют»^[368].

Понятно, почему «все закричали о Пожарском и Минине» — о них, купце Козьме Минине, организаторе народного ополчения 1611-1612 годов, освободившего Москву от польских захватчиков, и князе Д. М. Пожарском, избранном в 1612 году воеводой Нижегородского ополчения, сказано в Царском манифесте.

Манифесты, рескрипты, приказы по армиям было поручено сочинять государственному секретарю,

адмиралу А. С. Шишкову. По свидетельству С. Т. Аксакова, «писанные им манифесты действовали электрически на целую Русь. Несмотря на книжные, иногда несколько напыщенные выражения, русское чувство, которым они были проникнуты, сильно отзывалось в сердцах русских людей»^[369]. Недаром А. С. Пушкин написал о А. С. Шишкове:

Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа,
Он славен славою двенадцатого года (II, 368).

И Василий Львович, вероятно, оценил патриотические манифесты, с подлинным воодушевлением написанные его литературным противником. Но сейчас, в 1812 году, было не до литературной войны.

Простонародные листки графа Ф. В. Ростопчина тоже упомянуты А. С. Пушкиным в «Рославлеве» не случайно. Сочиненные московским генерал-губернатором листки разносили по домам как театральные афиши (потому их и стали называть ростопчинские афишки). Это были «Дружеские послания главнокомандующего в Москве к жителям ее», они издавались почти ежедневно, а то и по несколько в день с 1 июля по 31 августа 1812 года. Ф. В. Ростопчин блестяще знал французский язык, говорил и писал по-французски как по-русски. «Складом ума, остроумием, — вспоминал о Ф. В. Ростопчине П. А. Вяземский, — ни дать ни взять настоящий француз. Он французов ненавидел и ругал на чисто французском языке»^[370]. Листки же его были написаны простонародным слогом:

«Московский мещанин, бывший в ратниках, Карнюшка Чихирин, выпив лишний крючок на тычке,

услышал будто Бонапарт хочет идти на Москву, разсердился и, разругав скверными словами всех французов, вышед из питейного дома, заговорил под орлом так: „Как! К нам? Милости просим, хоть на святки, хоть на масляницу: да и тут жгутами девки так припопоят, что спина вздуется горой. Полно демоном-то наряжаться: молитву сотворим, так до петухов сгинешь!“»^[371].

И дальше всё — прибаутки да поговорки — и про Матушку-Москву, и про молодцов русских рекрутов, про силу Христианскую: «...домой ступай и знай из рода в род, каков русский народ!»^[372] Так Ф. В. Ростопчин вселял уверенность в победе русского оружия, ободрял москвичей. От его афиш были в восторге купцы и мещане, простонародье. Дворяне относились к ним по-разному — одни принимали, другие осуждали за площадной слог. В. А. Жуковскому ростопчинские афиши нравились, А. А. Шаховскому язык их казался не совсем приличным, П. А. Вяземский их решительно не одобрял. Как оценивал их Василий Львович — неизвестно.

В церквях звонили колокола, священники читали с амвона обращение Святейшего синода, взывая к чадам Церкви и Отечества, поднимая их на защиту домов наших и храмов Божиих от хищной руки «властолюбивого, ненасытимого, не хранящего клятв, не уважающего алтарей врага», служили молебны об избавлении от него. Газеты и журналы печатали манифесты, приказы, рескрипты, проповеди и конечно же патриотические стихи.

11 июля Александр I приехал в Москву и остановился в Кремле. На следующий день, когда в девять утра царь вышел на Красное крыльцо, его встретили восторженные крики народной толпы, звон колоколов. В Успенском соборе отслужили молебен о

даровании победы русской армии. Когда император вышел из собора, москвичи закричали: «Веди нас, отец наш! Умрем или победим!» Это действительно был «восторг патриотизма», о котором писал А. С. Пушкин в «Рославлеве» и который «овладел наконец и высшим обществом». В Слободском дворце Александр I встретился с московским дворянством и купечеством — энтузиазм был всеобщим. Жертвовали деньги, оружие. Граф М. А. Дмитриев-Мамонов (это о нем сказано в «Рославлеве») дал обязательство сформировать на свой счет конный полк.

Тем временем враг продвигался вглубь России, приближался к Москве. А. Г. Хомутова вспоминала о своей встрече с глубоко опечаленным Василием Львовичем около 18 июля:

«Мы с Дурновой отправились к Барановым и застали там обоих Пушкиных (Василия Львовича и Алексея Михайловича. — Н. М.), Вяземского с женой (они только что приехали из Остафьева) и графа Мамонова, молодого, умного, богатого, всеми уважаемого красавца, который бросил свою столь почетно начатую службу, чтобы посвятить себя отечеству в дни его бедствия.

Шел печальный разговор о текущих событиях. Василий Львович испускал громкие вздохи, и Алексей Михайлович заметил ему: „Да напиши ты жалобную песенку; теперь как раз время развернуться твоей плаксивой Музе. Впрочем, этот дурак ничего не умеет сделать во время: он и не подозревал, что я был в связи с его женой“. Княгиня Вера (жена П. А. Вяземского. — Н. М.) рассмеялась, мы тоже, и таким образом часок позабыли грозившую нам участь»^[373]. Ах, Алексей Михайлович! Хоть и шутка, а всё же нехорошо, право.

Было отчего испускать громкие вздохи. Русская армия отступала. 6 августа был оставлен Смоленск. В

Москву привозили раненых, размещая их в госпиталях и частных домах. 8 августа во главе русских войск Александр I поставил М. И. Кутузова — известие об этом было встречено всеобщим ликованием. Но восторг длился недолго — отступление продолжалось. М. И. Кутузов, избегая столь желанного Наполеоном генерального сражения, завлекал его войска вглубь России.

Между тем жизнь в Москве дорожала: пара пистолетов работы тульского мастера стоила уже не 7 или 8 рублей, а 35 или даже 50 рублей. Не только оружейники, но портные и сапожники, другие ремесленники утроили или же учетверили цены на свои изделия. Поднялась цена и на съестные припасы. Бедный Василий Львович! Впрочем, хозяйственной частью занималась, вероятно, Анна Николаевна.

В. Л. Пушкин, служивший когда-то в лейб-гвардии Измайловском полку, но по характеру своему человек невоенный, мог бы повторить слова, сказанные Александром I: «Какая ужасная вещь война!» К тому же в 1812 году ему 46 лет, по тем временам весьма почтенный возраст; болезни уже начали одолевать его, да и семья на руках — Аннушка, Маргариточка, новорожденный Левушка. Вряд ли обсуждался вопрос о том, чтобы записаться в Московское ополчение. Ополченцами стали его молодые друзья — В. А. Жуковский, П. А. Вяземский. Дружину Тверского ополчения возглавил литературный противник В. Л. Пушкина А. А. Шаховской (он был одиннадцатью годами моложе Василия Львовича). Больной К. Н. Батюшков рвался в строй — ему по разным обстоятельствам удалось это сделать только в марте 1813 года. В армию из отставки вернулся Ф. И. Толстой. Да что говорить, все, кто мог, встали на защиту Отечества.

Войска Наполеона приближались к Москве. Москвичи стали покидать родной город. Кареты, коляски, дрожки, телеги заполонили улицы. Надо было вывезти сокровища Оружейной палаты, документы Московского архива, ценности московских церквей и монастырей. Сергей Львович Пушкин, который с 1802 года служил в Московском комиссариате, ведавшем вооружением и обмундированием армии, хлопотал о том, чтобы эвакуировать запасы вооружения и воинского имущества, и это ему удалось: 1700 подвод и 23 барки были отправлены в Нижний Новгород.

«Много народу собиралось в Кремле, которого золотые купола посылали нам торжественный прощальный привет, — вспоминала А. Г. Хомутова. — Мы смотрели на них со слезами, спрашивая себя: „Увидим ли мы их снова?“ В. Л. Пушкин, возводя глаза к небу и подымая руки, декламировал: „Москва, России дочь любима“. Мы грустно слушали его, когда внезапно появившийся Алексей Михайлович ударил его по плечу со словами: „Да полно тебе чужим умом жить!“ Мне досадна была эта неуместная шутка, как взрыв хохота в доме, где лежит мертвец»^[374].

Нет, это был не чужой ум. Это были прекрасные стихи И. И. Дмитриева «Освобождение Москвы», посвященные освобождению Первопрестольной от польских интервентов в 1612 году, стихи, в которых был создан торжественный панегирик древней столице России:

В каком ты блеске ныне зрима,
Княжений знаменитых мать!
Москва, России дочь любима,
Где равную тебе сыскать?
Венец твой перлами украшен;
Алмазный скиптр в твоих руках;

Верхи твоих огромных башен
Сияют в злате, как в лучах;
От Норда, Юга и Востока —
Отвсюду быстротой потока
К тебе сокровища текут;
Сыны твои, любимцы славы,
Красивы, храбры, величавы,
А девы — розами цветут!^[375]

Недаром строки из этого стихотворения «Москва, России дочь любима, / Где равную тебе сыскать?» племянник В. Л. Пушкина поставит одним из эпиграфов к московской, седьмой главе романа «Евгений Онегин». Можно представить, как отзывались эти слова в 1812 году в сердцах москвичей, вынужденных покинуть родной город, чтобы не оставаться под властью ненавистного завоевателя, с каким чувством предстоящей утраты декламировал их Василий Львович.

26 августа на поле возле села Бородино в 120 километрах от Москвы состоялось генеральное сражение русских войск с армией Наполеона, самое кровопролитное сражение 1812 года. Потери были огромными. После изгнания французов из Москвы в «Ведомости об уборке тел на Бородинском поле» сообщалось:

«Сожжено было 56 811 человеческих тел и 31 664 лошадиных. Операция эта стоила 2101 рубль 50 копеек, 776 сажень дров и две бочки вина»^[376].

А. А. Тучков, тот самый Тучков, который в 1803 году вместе с Василием Львовичем представлялся Наполеону, погиб со знаменем в руках, разорванный на куски вражеской картечью. Под П. А. Вяземским, служившим при М. А. Милорадовиче, были убиты две

лошади, сам он был контужен. На Бородинском поле храбро сражались с врагом Д. В. Давыдов, сын С. Р. Воронцова М. С. Воронцов, Ф. И. Толстой... Сотоварищ В. Л. Пушкина по масонской ложе «Соединенных друзей» А. Х. Бенкендорф в день сражения находился в Поречье: его отряд заслонял войскам Наполеона переправу через Москву-реку в 30 верстах от места сражения. В. А. Жуковский стоял в резерве на левом фланге русской армии, «...всё вокруг нас страшно гремело, — вспоминал он впоследствии, — огромные клубы дыма поднимались на всем полукружии горизонта, как будто от повсеместного пожара, и, наконец, ужасною белою тучею обхватили половину неба, которое тихо и безоблачно сияло над бьющимися армиями»^[377].

Наполеон, уже будучи в изгнании, признавал, что из всех его сражений самым ужасным было сражение под Москвой, в котором французы проявили себя достойными имени победителей, а русские завоевали право быть непобежденными. После Бородинской битвы русские войска отступили. Москва совсем опустела. В альбоме, принадлежавшем императрице Александре Федоровне (он хранится в Петербурге, в Российском государственном историческом архиве), есть любопытная запись:

«За несколько дней до вступления врага в Москву г-н Карамзин, остававшийся там одним из последних, пришел к кн. Петру Андреевичу Вяземскому, который получил контузию в Бородинской битве и был перевезен в Москву. Он находит там кн. Вяземского, лежащего на своем канапе и столь довольного этим, что не очень-то озабоченного будущим; Жуковского, сидящего рядом с ним и сосредоточенно занятого писанием. „Что вы там пишете?“ — спрашивает г-н Карамзин и, заглянув, видит список того, что Жуковский приехал купить в

Москве. Моченые яблоки, свежие яблоки, арбузы и другие самые разные фрукты. „Э, дорогой мой, — говорит ему г-н Карамзин, — здесь вы уже не найдете и хлеба, так забудьте про все ваши освежительные фрукты“»^[378].

Выезжая из Москвы накануне вступления французов (ранее историограф уже вывез свою семью в Ярославль), Н. М. Карамзин встретил у заставы Сергея Николаевича Глинку, яростного противника галломании, издателя патриотического журнала «Русский вестник». С. Н. Глинка ел арбуз и витийствовал перед толпой. Увидев Н. М. Карамзина, он закричал ему: «Наконец-то Вы сознаетесь, что они людоеды, и бежите от своих возлюбленных»^[379].

П. А. Вяземский также выехал в Ярославль к жене, которая ожидала их первенца. Из Москвы уезжал кто только мог: в особняках оставались картины, книги, драгоценный фарфор, серебро... Князь П. И. Шаликов не имел средств для отъезда и вынужден был остаться: быть может, он надеялся на то, что просвещенные французы будут вести себя как воспитанные люди.

Последним Москву покидал Ф. В. Ростопчин, который клялся жизнью своей, что неприятель не будет в городе. От предложения некоей дамы составить эскадрон амазонок он отказался, так же как отказался генерал Апраксин от намерения актеров русской труппы «собственными силами защищать столицу»: он «не пожелал обессмертить себя с 20 театральными героями в римских костюмах»^[380].

2 сентября войска Наполеона, предводительствуемые самим императором, вошли в Москву. Начались грабежи и погромы.

3 сентября вспыхнул пожар. Огонь бушевал на Красной площади, на Арбате, в Замоскворечье. В ночь на 4 сентября поднявшийся ветер раздул огонь —

Первопрестольная вся была объята пламенем. Зарево московского пожара было видно в 100 километрах от Москвы.

В это время В. Л. Пушкина в Москве уже не было. Еще до Бородинского сражения он вместе со своим семейством выехал в Нижний Новгород.

2. Нижний Новгород. Жизнь на берегах Волги

Нижний Новгород расположен на высоком берегу Волги, там, где она сливается с Окой. Древний кремль с башнями и зубчатыми стенами, храмы, монастыри. Домов каменных мало, большей частью постройки деревянные. Есть нарядные дворянские особняки, есть, конечно, и избы. Город торговый. В 80 верстах, у стен Макарьевского монастыря, знаменитая Макарьевская ярмарка. Виды с крутого берега открываются прекрасные или, как сказали бы в пушкинское время, картинные. На воде множество судов, лодок, барж. На улицах коляски, кареты, дрожки, телеги, подводы. Идут купцы, ремесленники, крестьяне в белых рубахах, бурлаки...

В Центральном архиве Нижегородской области хранятся дела Нижегородской городской думы, губернского правления, канцелярии губернатора. Дворянского собрания. Имеющиеся в делах документы помогают представить жизнь и быт города, в котором в 1812 году оказался наш герой. В толстых папках — множество листов: крестьянин Василий Ерофеев украл вино с судна нижегородского мещанина Букина; рабочие люди не явились по договору для доставки соли; трактиры «отпираемы и запираемы были в узаконенные часы»; солдаты избили купца Кадашевцева; прапорщик Деревяшкин признался в убийстве двух извозчиков; крестьяне сел Кемар и

Коноплянки Княгининской округи подрались из-за спорных покосов сена; привлекались к ответственности зачинщики возмущения крестьян помещицы Мусиной-Пушкиной по поводу чрезмерных поборов вотчинным начальником Куничкиным; наводились справки о беглых Федоре и Иване Михайловых, о беглом дворовом человеке Степане Никитине, о беглой крестьянке Марии Петровой... В папках есть и документы, отражающие быт военного времени: с купцов и мещан Нижнего Новгорода собирались пожертвования на содержание ополчения; лучшие кузнечные, столярные и сапожные мастера изготавливали седла для кавалерии; росли цены на поставляемые для армии сукна; врачебная управа подавала рапорт о привитой предохранительной оспе; в губернском правлении в шкафах выставлялись образцы вещей, которые принимались для жертвования в армию; по предписанию главнокомандующего иностранцы были взяты на учет...

Василий Львович был далеко не единственным москвичом, оказавшимся во время нашествия французов в Нижнем Новгороде. Сюда были эвакуированы три московских департамента Правительствующего сената, находившееся в Москве Государственное казначейство с золотым запасом, сокровища Оружейной палаты, Межевая канцелярия, Московский архив Коллегии иностранных дел, Московский почтамт, Московский университет. Московская комиссариатская комиссия, которую переименовали в Нижегородскую ^[381]. Не исключено, что в Нижний Новгород приехал назначенный начальником комиссариатской комиссии Сергей Львович Пушкин — вероятно с семьей — Надеждой Осиповной, детьми (исключая Александра, который оставался в Петербурге), Марией Алексеевной Ганнибал. Известно, что в Нижнем находилась и Анна Львовна Пушкина. В

город на Волге перебрались Апраксины, Архаровы, Бибиковы, Муравьевы, Римские-Корсаковы, другие видные московские семейства. Здесь была «вся Москва». И «всю Москву» надо было как-то разместить и обустроить. Вице-губернатор города Александр Семенович Крюков предоставил свой дом на плац-парадной площади кремля для размещения московских департаментов Правительствующего сената (впрочем, они вскоре были отправлены в Казань). В Спасо-Преображенском соборе кремля нашел свое пристанище Московский архив Коллегии иностранных дел. Там же, в кремле, в Нижегородской казенной кладовой, поместили денежные средства различных учреждений и ведомств, слитки золота и серебра Московского горного правления. Драгоценные вещи из Оружейной палаты хранились в каменном доме Кожевникова в Вознесенском переулке. Имущество Императорского Московского почтамта приютило здание Нижегородской губернской гимназии на Верхнебазарной площади по соседству с Нижегородской почтовой конторой. Императорский Московский университет обрел приют в Нижегородской гимназии и в частных домах. Студенты поселились на Варварской улице в доме нижегородского аптекаря Г. Х. Эвениуса, два сына которого учились в Московском университете^[382]. Квартир не хватало, москвичи устраивались кто как мог — кто в частных домах, в тесных комнатах, а кто в избах. Член Оружейной палаты А. М. Пушкин поселился в доме купца Петра Переплетчикова на Сергиевской улице, Н. М. Карамзин с семьей, которую он забрал из Ярославля, — в доме дворянина Михаила Михайловича Аверкиева, старого знакомого еще по масонским связям, а потом в доме С. А. Львова с видом на Нижегородский кремль^[383]. К. Н. Батюшков, который вывез из Москвы вдову своего

покойного дядюшки Михаила Никитича Муравьева Екатерину Федоровну с детьми, жаловался в одном из писем: «Мы живем теперь в трех комнатах, мы — то есть Катерина Федоровна с тремя детьми, Иван Матвеевич (Муравьев-Апостол, дипломат, государственный деятель, писатель. — Н. М.), П. М. Дружинин (директор Московской губернской гимназии, друг семьи Муравьевых. — Н. М.), англичанин Эвене, которого мы спасли от французов, две иностранки, я, грешный, да шесть собак. Нет угла, где можно было повернуться...»^[384]

Василий Львович жил в избе...

Все были опечалены пожарами в Москве, страшными разрушениями и бедствиями, которые принесла война.

«От Твери до Москвы и от Москвы до Нижнего я видел целые семейства всех состояний, всех возрастов и в самом жалком положении... — писал К. Н. Батюшков. — Видел нищету, отчаяние, пожары, голод, все ужасы войны и с трепетом взирал на землю, на небо и на себя. Нет, я слишком живо чувствую раны, нанесенные любезному нашему отечеству, чтоб минуту быть покойным. Ужасные поступки вандалов или французов в Москве и в ее окрестностях, поступки, беспримерные и в самой истории... <...> поссорили меня с человечеством»^[385].

Многие тревожились за своих близких, сражающихся с неприятелем, томились неизвестностью об их участи. Марья Ивановна Римская-Корсакова, выехавшая из Москвы чуть ли не 1-2 сентября вместе с дочерьми — старшей Варварой, вдовой павшего в бою при Фридланде флигель-адъютанта А. А. Ржевского, двадцатилетней Натальей и младшими Екатериной и Александрой, в это время не знала, что 26 августа при Бородине героически погиб ее старший сын Павел —

его судьба долго оставалась ей неизвестной. Будучи в Нижнем Новгороде, Марья Ивановна молилась и о Павле, и о своем любимце — сыне Григории, который также участвовал в Бородинском сражении, и о младшем Сергее, записавшемся в Московское ополчение. На Бородинском поле сложил свою голову сын директора Публичной библиотеки в Петербурге, впоследствии президента Академии художеств А. Н. Оленина Николай. Второй сын его Петр был в этом бою столь тяжело ранен, что его сочли мертвым, но крепостные слуги Олениных доставили молодого человека сначала в Москву, а потом в Нижний Новгород, выходили его. В Нижнем находился генерал Алексей Николаевич Бахметев — ему на Бородинском поле оторвало ногу, но он надеялся по излечении вернуться в строй, обещал К. Н. Батюшкову взять его в адъютанты. В Нижний привозили и раненых французов, которые, несмотря на причиненное ими зло, всё же вызывали сострадание: жена А. М. Пушкина Елена Григорьевна шила для пленных рубашки.

Оказавшись осенью 1812 года на берегах Волги, многие москвичи не знали, что им придется задержаться здесь надолго. Безденежье, болезни близких — всё это надо было пережить. В мае 1813 года Н. М. Карамзин похоронил на кладбище нижегородского Печерского монастыря пятилетнего сына Андрюшу. И дочери его были не здоровы. У жены от потрясения случился выкидыш. Летом 1813 года от чахотки умерла дочь М. И. Римской-Корсаковой Варвара...

20 мая 1813 года В. Л. Пушкин сетовал в письме К. Н. Батюшкову: «Болезни домашних моих меня сокрушают, и несмотря на прекрасную весну, не могу отсюда выдраться и поехать в деревню. Доктора и Аптеки со времени приезда моего в Нижний стоят мне более осьми сот рублей. Что делать? Роптать не

должно, а терпеть. Бог милостив! Дни красные возвратятся и для меня...»(209).

Василию Львовичу удалось все-таки «выдраться» из Нижнего и уехать в деревню — родовое Болдино, где, по-видимому, оставался он и лето, и начало осени — до конца октября 1813 года. Оно и понятно. Коли денег нет, так свои-то крестьяне и накормят, и оденут. И крыша над головой своя — барский дом стоит пустой. Да и помолиться есть где — еще батюшка Лев Александрович выстроил на земле древней их вотчины каменную церковь Успения. Что же касается красот природы, всегда вдохновляющих поэта, то красот особенных не было.

Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогой,
За ними чернозем, равнины скат отлогой,
Над ними серых туч густая полоса (III, 236).

Это племянник В. Л. Пушкина напишет в 1830 году в Болдине, и еще много чего сочинит в ту болдинскую осень. У дядюшки такой урожайной творческой осени не было. «В деревне живучи, я обременен был такими скучными делами, что не имел времени к приятелям писать, ни с Музами беседовать» (218), — жаловался он П. А. Вяземскому 18 ноября 1813 года уже из Нижнего Новгорода.

Жизнь москвичей на берегах Волги была, однако, наполнена не только бедствиями и лишениями, стенаниями и болезнями. Став эмигрантами, как они себя называли, москвичи не хотели предаваться греху уныния. Обеды, балы, маскарады были, пожалуй, еще оживленнее из-за неустроенности быта. К. Н. Батюшков в одном из писем набросал несколько колоритных сцен из жизни москвичей в Нижнем Новгороде: на площади «между телег и колясок толпились московские франты

и красавицы, со слезами вспоминая о бульваре»; на «патриотическом обеде» у Архаровых «от псовой травли до подвигов Кутузова все дышало любовью к отечеству»; на балах и маскарадах «наши красавицы, осыпав себя бриллиантами и жемчугами, прыгали до первого обморока в кадрилих французских, во французских платьях, болтая по-французски бог знает как, и проклинали врагов наших»^[386]. Упомянул Батюшков и В. Л. Пушкина, привычно включившегося в светскую суету. На ужинах у вице-губернатора А. С. Крюкова «...Василий Львович, забыв утрату книг, стихов и белья, забыв о Наполеоне, гордящемся на стенах древнего Кремля, отпускал каламбурь, достойные лучших времен французской монархии, и спорил до слез с Муравьевым о преимуществе французской словесности»^[387]. Впрочем, веселость Василия Львовича, как и многих других москвичей, отнюдь не исключала глубоких переживаний, искренних чувств, настоящей любви к отечеству, родной Москве. Обратимся к письму В. Л. Пушкина П. А. Вяземскому от 14 декабря 1812 года:

«Наконец, любезнейший Князь, я дождался письма твоего. Оно меня сердечно обрадовало, в чем, я думаю, ты и не сомневаешься. Поздравляю тебя с сыном. Да будет он со временем твоим другом и утешителем!

Я вижу из письма твоего, что ты грустишь о Москве, но как и не грустить о кормилице нашей? Другой Москвы не будет, и час от часу разорение столицы нам будет чувствительнее. Я потерял в ней всё движимое мое имение. Новая моя карета, дрожки, мебели и драгоценная моя библиотека, всё сгорело. Я ничего вывезть не мог; денег у меня не было, и никто не помог мне в такой крайности. Что делать? Я благодарю теперь Бога, что он осенил щитом своим храбрые наши войска, поражающие бегущего злодея.

Аттила нашего века покрыл себя вечным стыдом, и бедствия наши ни малейшей не принесли ему пользы.

Ты спрашиваешь, что я делаю в Нижнем Новгороде? Совсем ничего. Живу в избе, хожу по морозу без шубы, и денег нет ни гроша. Вот завидное состояние, в котором я теперь нахожусь» (216–217).

В. Л. Пушкин спрашивал Вяземского об их общих друзьях — Д. Н. Блудове и Д. П. Северине, служивших в дипломатическом корпусе, интересовался В. А. Жуковским и его здоровьем и заканчивал письмо пожеланием и утешением: «Надейся и мужайся! Бог милосерд!» (217).

Василий Львович погрешил в этом письме против истины. Нельзя сказать, что он совсем ничего не делал в Нижнем. Он писал стихи. И в приведенном письме он посылал своему другу послание «К жителям Нижнего Новгорода». Он сочинил его 20 сентября, выразил в нем любовь к родной Москве, ненависть к Наполеону и уверенность в победе русского оружия. И еще, конечно, благодарность к нижегородским жителям, приютившим москвичей в годину военных испытаний:

Примите нас под свой покров,
Питомцы Волжских берегов!

Примите нас, мы все родные!
Мы дети матушки-Москвы!
Веселья, счастья дни златые,
Как быстрый вихрь промчались вы!

Примите нас под свой покров,
Питомцы Волжских берегов!

Чад, братий наших кровь дымится,
И стонет с ужасом земля!
А враг коварный веселится

На башнях древнего Кремля! (155–156).

С болью в сердце говорил московский поэт об оскверненных святых храмах, расхищенных сокровищах, обращенных в пепел жилищах. Василий Львович призывал «Бога сильного брани», с тем чтобы он не дал торжествовать врагу, предрекал врагу гибель:

Погибнет он! Москва восстанет!
Она и в бедствиях славна;
Погибнет он! Бог Русских грянет!
Россия будет спасена (156).

А. М. Пушкин, по своему обыкновению насмешничая над Василием Львовичем, неодобрительно отзывался об этих стихах. И. И. Дмитриев, по свидетельству П. А. Вяземского, «говорил, что эти стихи напоминают ему колодника, который под окном просит милостыню и оборачивается с ругательствами к уличным мальчишкам, которые дразнят его»^[388]. Между тем послание «К жителям Нижнего Новгорода» пользовалось большой популярностью, его читали, переписывали в альбомы. Профессор Императорского Московского университета Г. И. Фишер, который как и Василий Львович во время нашествия наполеоновской армии жил в Нижнем Новгороде, сочинил на эти стихи музыку. Послание не единожды перепечатывалось. Впервые оно появилось на страницах «Сына Отечества» в 1813 году, в 1814 году увидело свет в «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году». В 1815 году в 16-м номере «Вестника Европы» под названием «Слова к музыке» были опубликованы три первые строфы послания Василия Львовича (к

номеру приложены ноты), а в следующем, 17-м номере журнала стихотворение было напечатано полностью. Вошло оно и в издание «Стихотворений Василия Пушкина» 1822 года. В Государственном музее А. С. Пушкина хранится обветшавший, потертый на сгибах полулист голубой бумаги верже, где вслед за текстом послания «К Нижегородским жителям» следует запись:

«6 рубашек
3 патштанников
2 простыни
5 навалак
4 палатенца
9 платков
2 скатерти
5 салфетак
2 чулок
4 пар носков
2 платья
1 капот».

Эта хозяйственная запись по-своему отражает кочевой, неустроенный быт москвичей в Нижнем Новгороде.

В 1813 году в Нижнем В. Л. Пушкин написал еще одно послание — «К Д. В. Дашкову»:

Мой милый друг, в стране,
Где Волга наравне
С берегами протекает
И, съединясь с Окой,
Всю Русь обогащает
И рыбой и мукой,
Я пресмыкаюсь ныне,

Угодно так судьбине (42).

Лихая четверня лошадей, дорогая карета, диваны, паркет, бронзы — всё это теперь для сочинителя в прошлом:

Теперь пред целым светом
Могу и я сказать,
Что я живу поэтом:
Рублевая кровать,
Два стула, стол дубовый,
Чернильница, перо —
Вот все мое добро! (43).

После краткого исторического экскурса — рассказа о том, как «Природы бич злодей / Пришел с мечом в столицу», но Бог уничтожил врагов; после хвалы Отечества спасителю князю Кутузову-Смоленскому, увы, опочившему на лаврах, обращаясь к другу, Василий Львович отрекался от службы Амуру «на закате дней», клялся «для дружбы только жить», уверял Д. В. Дашкова в том, что «несчастье не вечно», что они непременно встретятся «за чашей круговой» и будут ликовать.

Писал В. Л. Пушкин в Нижнем Новгороде и другие стихи — басни, эпиграммы, сочинил на заданные слова повесть «Любовь первого возраста». К тому же он с удовольствием читал всем свои сочинения, в том числе и «Опасного соседа». В августе 1813 года в Нижний ненадолго приехал И. М. Долгоруков. «Ко мне заехал Московский знакомый и стихотворец, забавный в своем роде, Василий Львович Пушкин, — писал он в „Журнале путешествий из Москвы в Нижний, 1813 года“. — Я его поймал нечаянно на улице, заманил к себе, и он мне

прочел несколько своих посланий и эпиграмм. Я люблю его слушать: он свое читает особенным манером. Стихи его смешны, замысловаты, плавны; картины в них есть самые натуральные, хотя он натуры ищет не всегда в очаровательных чертогах наших граций, а часто списывает ее в трактирах, на площадных гуляньях и даже в постелях рублевых Венер. Много истины в его описаниях, перо шутливое, слог сообразный предметам. Я с ним два часа провел наиприятнейшим образом» ^[389].

Итак, в Нижнем Новгороде Василий Львович, как всегда, жил литературой. Он не только писал и декламировал свои стихи, он читал басни И. А. Крылова, восхищался «Певцом во стане русских воинов» В. А. Жуковского — по его мнению, «это лучшее произведение на русском языке». Конечно, лучшее. Какие стихи, какие чувства!

Отчизне кубок сей, друзья!
Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет.
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая.
Какое сердце не дрожит,
Тебя благославляя? ^[390]

К. Н. Батюшков в 1813 году тоже написал прекрасные стихи — послание к Д. В. Дашкову, где есть такие проникновенные строки:

Нет, нет! талант погибни мой
И лира, дружбе драгоценна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой^[391].

Для В. Л. Пушкина, несомненно, было важно, что на берегах Волги он нашел близкое ему литературное общество. Н. М. Карамзин продолжал работать над «Историей государства Российского» и в Нижнем, где многое напоминало о подвиге Минина и Пожарского, поднявших народное ополчение 200 лет назад в 1612 году. Из Москвы в Нижний Новгород приехал историк Н. Н. Бантыш-Каменский. Этот 75-летний старик, потеряв свое имущество и библиотеку, вывез московский архив, в котором хранились драгоценные документы. Н. Н. Бантыша-Каменского сопровождал его помощник по архиву, историк и писатель, друг детства Василия Львовича А. Ф. Малиновский. До Нижнего Новгорода добрался без денег и белья С. Н. Глинка — он здесь обсуждал возможность нового патриотического издания. Был здесь и поэт Ю. А. Нелединский-Мелецкий. В. Л. Пушкин часто встречался с московскими литераторами, и, по-видимому, в дружеском общении с ними у него возник замысел напечатать сборник своих стихотворений. Но осуществиться этому замыслу было суждено не скоро. Однако победы русского оружия внушали радужные надежды на возвращение в родную Москву, а там, глядишь, и на новые литературные победы. 7 октября 1812 года Наполеон со старой гвардией покинул опустошенную Москву. Началось отступление Великой армии. В конце января 1813 года русская армия вошла в Варшаву. В октябре русские, прусские и австрийские войска одержали победу в

сражении под Лейпцигом, вошедшем в историю как Битва народов.

18 ноября 1813 года В. Л. Пушкин пишет из Нижнего Новгорода в Москву П. А. Вяземскому:

«В конце октября месяца я возвратился в Нижний (из Болдина. — Н. М.), а в будущем декабре надеюсь в Москве пировать с тобою. Как я тебе обрадуюсь! Много утекло воды с тех пор, как мы с тобою не виделись; много мы потерпели, и потери наши велики, но теперь тужить ни о чем не должно. Полнощный Орел раздавил мерзких коршунов, и французы никогда не дерзнут более вступить в Россию. Военные наши подвиги приводят меня в восхищение, и я надеюсь, что теперь все галломаны должны молчать. — Скажи мне, что ты делаешь и с кем ты чаще проводишь время? Бывают ли у тебя литераторы, и не в Москве ли Бард Жуковский? <...> Надеюсь, что и я скоро буду посреди очень мне любезных» (218).

В декабре 1813 года Василий Львович вернулся в Москву.

3. Возвращение в Москву. Торжества по случаю взятия Парижа

Каково это — вернуться на родное пепелище?

«Москва, 28 октября 1812 года.

Я пишу тебе из Москвы или, лучше сказать, среди развалин ее. Нельзя смотреть без слез, без содрагания сердца на опустошенную, сожженную нашу златоглавую мать. Теперь вижу я, что это не город был, но истинно мать, которая нас покоила, тешила, кормила и защищала. Всякий русский оканчивать здесь хотел жизнь Москвою, как всякий христианин оканчивать хочет после того Царством Небесным. Храмы наши все осквернены были злодеями, кои поделали из них

конюшни, винные погреба и проч. Нельзя представить себе буйства, безбожия, жестокости и наглости французов. <...> ...на всяком шагу находим мы доказательства зверства их. В Богородске обмакнули они одного купца в масло, положили на костер и сожгли его живого, смотрели на его страдания и раскуривали в огне трубки свои; здесь насильничали девчонок 10 и 11 лет на улицах, на престолах церковных. Оставляя Москву, они взорвали Кремль, но этот последний подвиг ярости их был неудачен. Соборы и Иван Великий остались целы, а пострадали: часть Арсенала, две башни, Кремлевская стена к Москве-реке и колокольня около Ивана Великого. Грановитая палата сожжена. Бог показал великое чудо. Образа Сына Божия на Спасских воротах и Николая Чудотворца на Никольских не только невредимы, но стекла в них и фонарь целы, тогда как от кремлевской мины и удара полопались стекла здесь... и под Девичьим, то есть на другом конце города»^[392].

И далее А. Я. Булгаков сообщал брату Константину об их расхищенных домах («книги валяются по полу»), о разбитых беседках, порубленных деревьях в саду, мертвых лошадях...

29 ноября 1812 года М. И. Римская-Корсакова писала из Москвы сыну Григорию:

«Милый друг Гриша, голубчик мой родной, я приехала на неделю в Москву из Нижнего, чтобы видеть Соню (дочь. — Н. М.) и Волкова (А. А. Волков — муж Сони, московский полицмейстер. — Н. М.). Ехала с тем, чтобы прожить два дня, вместо того прожила 8 дней. Завтра непременно еду назад в Нижний, чтобы забрать всех своих, и недели через три приеду на жительство в Москву, несчастную и обгорелую. Дом мой цел, но эдак быть запачкану, загажену — одним словом, хуже всякой блинной. В нем стоял гвардейский капитан и 180 рядовых, стены все в гвоздях, стекла, рамы — все

изломано, перебито. <...> Как я нашла дом, то войти нельзя — да это уж, говорят, вычищено; Волков был тотчас после этих поганцев — на полу верно была четверть грязи, и все шишками, как будто на большой дороге осенью замерзло; окошки, рамы, стекла, все это вылетело вон от подрывов, которые были этими злодеями сделаны в Кремле. Итак, одним словом сказать, они древнюю столицу сделали, что в грош ее не поставили, камня на камне не оставили» ^[393].

В августе 1813 года в Москву из Липецка вернулась с семейством своим Е. П. Янькова:

«По нашем приезде в Москву она уже начинала обстраиваться, но все-таки была еще ужасная картина. Весь город по сию сторону Москвы-реки был точно как черное большое поле со множеством церквей, а кругом обгорелые остатки домов; где стоят только печи, где лежит крыша, обрушившаяся с домом; или дом цел, сгорели флигеля; в ином месте уцелел только один флигель... Увидев Москву в таком разгроме, я горько заплакала: больно было увидеть, что случилось с этою древнею столицей, и не верилось, чтоб она когда-нибудь и могла опять застроиться» ^[394].

«Приезжай сюда сам, и увидишь, что русскому с русским сердцем и душою в обращенной в пепел Москве не так легко говорить о ней, как то нам казалось издали, — писал И. М. Муравьев-Апостол в 1813 году в сочинении „Письма из Москвы в Нижний Новгород“. — Здесь — посреди пустырей, заросших крапивою, где рассеянные развалины печей и труб свидетельствуют, что за год до сего стояли тут мирные кровы наших родственников и сограждан, — здесь, говорю я, ненависть к извергам-французам объемлет сердце, и одно чувство мщения берет верх над всеми прочими.

<...> Москва, по мнению моему, в виде опустошения, в котором она теперь является, должна

быть еще драгоценнее русскому сердцу, нежели как она была во время самого цветущего ее положения. В ней мы должны видеть величественную жертву спасения нашего и, если смею сказать, жертву очистительную. Закланная на алтаре Отечества, она истлела вся; остались одни кости, и кости сии гласят: „Народ Российский, народ доблестный, не унывай! Доколе пребудешь верен церкви, царю и самому себе, дотоле не превозможет тебя никакая сила. <...> Познай себя! а я, подобно фениксу, воспарю из пепла своего и, веселясь о тебе, облекусь во блеск и красоту, сродные матери градов Российских, и снова вознесу главу мою до облаков!“ — Так я слышу глас сей...»^[395]

В письмах знакомых В. Л. Пушкина — бытовые подробности, которые дают нам возможность увидеть страшную картину разорения Москвы. И еще — разрывающая сердце боль за родной город, поруганный неприятелем. И высокая патетика, гордость подвигом Москвы, вера в ее возрождение.

Писем В. Л. Пушкина, в которых он писал о своих горестных впечатлениях от встречи с Москвой в конце 1813 года, не сохранилось. Наверное, и его переживания были сходны с общими чувствованиями. К счастью, до нас дошло письмо Василия Львовича А. И. Тургеневу, написанное в середине апреля 1814 года, когда он, как и другие москвичи, узнал о вступлении русских войск в Париж и был счастлив торжеством России. Это даже не письмо, а приписка к письму П. А. Вяземского, который писал их общему другу:

«Дни чудес невероятных. Мы в Париже. <...>... скорбная Москва отомщена и, сотрясая с главы пепел, облекается в торжественную и радостную одежду. Слава тебе, пророку! Ты мне в двенадцатом году писал, что пожар Москвы нам осветит путь к Парижу. <...>

И я, признаюсь, смеялся... тогда и думал себе: как бы не так! Но теперь приклоняю повинную голову и отныне всему верить стану. Шутки в сторону, дела великия и единственные. Наполеоны бывали, Александра другого нет в веках. Роль его прекрасная и безпримерная. Цель его побед — завоевание свободы и счастья царей и царств: история нам ничего прекраснее, славнее и безкорыстнее не представляет...»^[396]

П. А. Вяземскому восторженно вторит Василий Львович: «Какая радость, любезнейший Александр Иванович! Какая слава для России! Никакие слова не могут изобразить то, что я чувствую в сердце моем. Велик Бог! Велик государь наш, избавитель и возстановитель царств! Москва красуется бедствиями своими, и на нее должны обращаться взоры всей Европы. Поздравляю вас и обнимаю от всего моего сердца. Поздравляю и любезного друга Дашкова, а не пишу к нему: он никогда не отвечает на письма мои. Ура! Виват Александр и русские! Преданный ваш слуга Василий Пушкин»^[397].

Восторгом, радостью, ликованием в апрельские дни 1814 года была переполнена Москва. Известие о взятии Парижа (русские войска с триумфом вступили в Париж 19 марта) привез в Первопрестольную 13 апреля из Петербурга курьер (известие было получено через Берлин). «В миг разнеслась молва, — сообщал сразу вслед за радостными событиями „Вестник Европы“, — вмиг один радостный вопль: Париж взят! загремел из конца в конец обширного города. Но венцом нашей радости был прекрасный день 17 Апреля, когда Граф Васильев, как Гений, летящий с трубою славы, принес Москве торжественную весть победы от имени МОНАРХА. Народ бежал, кареты скакали, — казалось,

что вся Москва летела на встречу Царского посланника внимать из уст его повествованию славы»^[398].

«23 Апреля, в день, освященный лучезарным солнцем, Московские жители стекаются в Кремль, чтобы принести благодарение во Храме Бога Богов и Царя Царей. Звон колоколов, песнь торжественного молебствия, толпы радостного народа, покрывающего Кремлевскую площадь, стечение Чиновников, Дворян и купцов, молящихся во храме и на паперти, живая радость, написанная на всех лицах, из уст в уста перелетающее имя Великого Избавителя Европы — все представляло величественную картину, которая пленяла взоры и трогала сердца. <...>

Три дня сряду торжественный звон не умолкал в Столице; три вечера сряду яркое освещение города удаляло ночную темноту и привлекало толпы народа. Жители гуляли по улицам и веселились ночью как днем. Прозрачные картины аллегорические, эмблемы, девизы, надписи в честь и славу Монарха, гремевшая во многих местах музыка, стихи, петье хорами певчих, тысяча экипажей, обтекающих город, — представляли волшебное зрелище. Никогда радость не была живее и признательность подданных к их государю справедливее!»^[399]

«Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове отечество! Как сладки были слезы свидания! С каким единодушием мы соединяли чувства народной гордости и любви к государю! А для него какая была минута!» (VIII, 83) — так А. С. Пушкин в 1830 году передал саму атмосферу победоносного 1814 года, всё то, о чем в это время говорилось в журнальных и газетных статьях, торжественных речах, проповедях, одах, куплетах, кантатах, стихотворных и прозаических надписях к аллегорическим картинам и эмблемам, а также в

письмах, дневниках и воспоминаниях современников. Конечно, в исторических источниках можно найти много любопытных для нас подробностей. Вот, например, — из письма А. Я. Булгакова брату от 27 апреля 1814 года:

«Во многих местах были пресмешные картины. Известный старик Дризен написал, из немецкого усердия, государя, попирающего Наполеона в виде черта, с надписью: „И с чертом сладил!“ — но народу не понравилось видеть черта возле ангела нашего; мужик подошел и вырезал вон черта Наполеошку, оставив только государя»^[400].

Но вернемся к празднествам в Москве.

24 апреля — великолепный бал, устроенный московским дворянством в доме А. И. Моркова на Большой Никитской. Дом Благородного собрания на углу Большой Дмитровки и Охотного ряда сильно пострадал во время пожара 1812 года, но государь прислал на его восстановление 150 тысяч рублей — и на балу все ликовали и веселились, гремел оркестр, хор певчих исполнял куплеты, сочиненные на случай торжества:

Весть громчайшая несется
На крылах с берегов Невы;
Радость нова в души льется
К оживлению Москвы.
Всемогущего десницей
Бог помог, о Россы! вам:
Враг повержен и с столицей
К АЛЕКСАНДРОВЫМ стопам!^[401]

25 апреля состоялось торжественное собрание в Императорском Московском университете. Профессор Р. Ф. Тимкомский произнес речь «Торжество Московских

Муз, праздновавших громкие победы, и достославное покорение гордой столицы Франции». И в университете звучала музыка, пелись хором куплеты, читалась ода на взятие Парижа.

В тот же день в доме С. С. Апраксина был дан великолепный маскарад для дворянства и купечества. «Как приятно было видеть Русский наряд! — писал „Вестник Европы“. — Все дамы были в богатых сарафанах. Очарованному воображению казалось, что тени древних Бояр Русских воскресли, и что молодые красавицы из уединенных теремов своих перенеслись на театр наших блестящих увеселений» ^[402].

26 апреля «угощал Москву маскарадом» П. А. Поздняков. И там гремела музыка, пел хор, царило веселье. В зале для всеобщего обозрения была выставлена аллегорическая картина: на быстрой колеснице мчится Александр I, Минерва венчает его лаврами, под колесами лежит обезглавленное чудовище; донской казак снимает цепи с прекрасной женщины-Европы на фоне парижских башен, а парижане вместе с детьми бегут к русскому императору, обнимают его колена и осыпают цветами.

После небольшого перерыва торжества возобновились.

10 мая в доме С. С. Апраксина артисты Московского Императорского театра дали концерт. 13 мая П. А. Поздняков представил в своем доме спектакль в пользу русских воинов, раненных под стенами Парижа. 19 мая московские дворяне по подписке устроили необыкновенно пышный праздник в доме Дмитрия Марковича Полторацкого за Калужскими воротами.

14 мая М. И. Римская-Корсакова писала сыну Григорию, рассказывая об уже состоявшихся и предстоящих торжествах:

«Всевышний сжалился над своим творением и наконец этого злодея сверзил. У нас, хотя Москва и обгорела до костей, но мы на радостях не унываем, а торжествуем из последних копеек. В собрании был маскарад, члены давали деньги; купцы давали маскарад, Поздняков дал маскарад-театр. И каково же, что через полтора года мы торжествуем тут, где французы тоже играли комедию, на Поздняковском театре. Эта мысль была всеобщая, и когда государю пели хвалу, клянусь, что мало было людей, которые бы не плакали от удовольствия. А 18 будет славный праздник, где и твои сестрицы будут отличаться (из-за плохой погоды праздник был перенесен на 19 мая. — Н. М.). Дворяне собрались, и каждый дал, что хотел, но не меньше 200 давали; собрали 25 тысяч. Будут играть мелодраму; Россию играет Верочка Вяземская, что была Гагарина, Европу играет Лунина дочь, Славу — Бахметьева Дмитрия Алекс, (т. е. дочь). Мелодрама сочинена Пушкиным Алексеем Михайл. Потом сделан храм, где поставлен бюст его величества государя императора нашего и около стоят народы всех наций; Софья (т. е. Волкова) — Португалия, Наташа (Римская-Корсакова) — Англия, Шаховская — Турция, Шаховская другая — Германия, Полторацкая — Швейцария, Высоцкая одна — Италия, другая Высоцкая — Швеция. Францию и Польшу никто не хотел представлять. Все эти мамзели поют хор — бесподобные слова, — и всякая кладет гирлянду цветов. Для народа — качели, лубочная комедия, фейерверк, иллюминация»^[403].

Пожалуй, праздник у Д. М. Полторацкого был самым грандиозным. Первое место среди восьми его учредителей занимал П. А. Вяземский, пожертвовавший на организацию праздника 700 рублей. Но внести деньги — это еще далеко не всё. П. А. Вяземский редактировал сочиненный для пролога А. М. Пушкиным

текст, названный «Храм бессмертия» (на фоне усыпанного цветами зеленого холма стоял бюст Александра I, сияющий драгоценными камнями, — над бюстом два гения держали масличную и миртовую ветви; перед пьедесталом на двух жертвенниках курился фимиам, начертанная на тумбе огненными буквами надпись призывала Россию гордиться своим царем-победителем). Вяземский же написал слова для «Польского», которым открылся бал, за ужином пели им же написанный «Хор». Вероятно, он вникал во всё, чтобы устроить праздник как нельзя лучше, а потом и описал его: в 26-м номере журнала «Сын Отечества» появилась его статья «Письмо из Москвы». Вяземский не стал описывать блеск и богатство нарядов, изысканность угощения. Он написал о прелестных участницах пролога, которые изъясляли «благодарность своих сердец и благоговение к Герою», то есть Александру I:

«О мой друг! Какое было восхитительное и священное мгновение, когда Слава сказала России:

Восторгом упоенна,
Воззри, куда Его поставила вселенна,
Но более Его дела!

Нет! мой друг, никогда не изгладится из памяти моей воспоминание о сем празднике, данном в Москве, который только в одной Москве и мог быть дан» ^[404].

Деятельное участие в празднике принял В. Л. Пушкин. Он внес деньги — 350 рублей (для него сумма значительная). Главное же — он потрудился как стихотворец. Во время праздника исполнялась и его «Народная песня» (музыку написал композитор Морини):

Пойте, радуйтесь, ребята!
Александр нам верный щит!
Имя русского солдата
Там и за морем гремит.

<...>

Гость незванный к нам явился,
Не во сне, а наяву,
И тем изверг веселился,
Что жег матушку-Москву!

Сердца вздрогнули! — Ребята!
Мы в Париже! — Слава нам!
Уж не стало супостата!
Мир земле! — И мир врагам! (157).

Во время ужина хор пел и куплеты, сочиненные
Василием Львовичем и положенные на музыку
И. И. Рейнгардом:

Хвала тебе, о Царь-Отец!
Десницей сильной ты своею
Свершил всем подвигам конец,
Конец всемирному злодею!

Красуйся, пышная Москва!
Се Александр тебя спасает!
Парижа гордая глава
Пред ним смиренно упадает.

<...>

Цвети, Москва! Средь стен твоих,
Коварством, злобой сокрушенных,
России славу видим в них
И дней начало вожделенных! (158).

В. Л. Пушкин также пожелал описать замечательный праздник. Заметим, что кроме статьи П. А. Вяземского в 1814 году в Москве была издана брошюра одного из учредителей празднества А. П. Вельяшева «Описание праздника, данного в Москве 19 мая 1814 года обществом благородных людей, по случаю взятия российскими войсками Парижа и счастливых происшествий, последовавших за занятием сей столицы». Статья В. Л. Пушкина была напечатана в Петербурге в 45-м номере французской газеты «Le Conservateur impartial» в разделе «Внутренние известия» (статья написана на французском языке). Василий Львович с восхищением описывал блестящий праздник, народное представление, где были качели, потешники, цыгане, балансеры, военную музыку, наипрекраснейший спектакль, «крики ура, заглушаемые рыданиями и слезами радости, это всеобщее единение сердец в восхвалении Александра, благодетеля России и вселенной». Он отметил и «богатство и элегантность костюмов» молодых исполнительниц, не забыл сказать и о фейерверке и иллюминации в саду, о бале, который продолжался до шести часов утра, о залах, украшенных апельсиновыми и лимонными деревьями, гирляндами из роз, сплетенных в виде вензеля императора, об ужине, где фрукты, напитки — «все было великолепно». Особенно интересно то, что Василий Львович счел нужным объяснить, почему его статья написана на французском языке:

«Я прибегнул к иностранному языку не потому, что знаю его лучше своего родного, но потому, что я хочу, чтобы Немцы, Французы, Англичане и др. понимали, что Русские нисколько не варвары, что наши сердца полны любовью к нашему Монарху и к нашему Отечеству» (перевод Ю. А. Матвеевой)^[405].

В апреле 1814 года В. Л. Пушкин сочинил еще и французские куплеты, посвященные вступлению русских войск в Париж (они были напечатаны в «Le Conservateur impartial» в 1814 году, в № 194). Не будет преувеличением сказать, что эти куплеты занимают особое место и в творчестве Василия Львовича, и в истории русской поэзии. Их значение определяется не столько темой или содержанием, сколько самим фактом поэтического сочинения, обращенного к побежденным французам на их языке. Насколько нам известно, это единственное французское стихотворение русского автора, написанное в связи с победой русского оружия над наполеоновской Францией:

Месье! И мы теперь в Париже.
Известна россиянам честь.
У нас вы были. Ныне мы же
С визитом к вам. У вас мы здесь ^[406].

(Перевод Н. Муромской)

Русский стихотворец убеждает парижан в том, что Париж не пострадает от огня, что им не надо бояться русских воинов. В куплетах сказывается его любовь к столице Франции, знание ее достопримечательностей, восхищение парижскими театрами и музеями, французским вином шабли и матлотом, блюдом из рыбы ^[407]: ^[408]

Мы в Гро-Кайю, конечно, будем.
Повеселимся от души.
Шабли испить не позабудем.
Матлот отведать поспешим.
<...>
Бульваров хороши аллеи
И Енисейские поля!

Сумеем оценить музеи.
Искусство любим мы не зря.
Знакома нам Парижа карта.
О сладостный, чудесный миг.
Да будет мир! Вон Бонапарта!
Виват, король ваш Людовик!^[409]

(Перевод Н. Муромской)

Вряд ли нужно рассуждать о гуманистическом пафосе французских куплетов Василия Львовича — они говорят сами за себя.

Куплеты В. Л. Пушкина были известны и в Москве, и в Петербурге, и в Париже. Лицейский товарищ Александра Пушкина Александр Горчаков, несмотря на то, что не оценил их поэтическое достоинство, всё же отметил их искренность.

«...они кажутся написанными в порыве радости, — писал он в одном из писем в начале ноября 1814 года, — кажется, что поэт, восхищенный славой своей страны, набросал на бумагу эти куплеты, первые мысли, пришедшие ему в голову»^[410].

Ранее, 20 апреля 1814 года, А. И. Тургенев сообщал брату Константину из Москвы в Париж:

«Вася Пушкин придумал прелестные стихи, я просил их записать, он мне только что их прислал, вот они, так, как я их от него получил. Я уверен, что в Париже они понравятся»^[411].

17 мая 1814 года К. Я. Булгаков отвечал А. Я. Булгакову из Парижа:

«Мы с добрым Полетикою читали с восхищением твои письма, которые наполнены радостью вашею, причиненною нашим вступлением в Париж, и смеялись стихам Пушкина; видно, что он был в Париже. Эти стихи могли бы служить путеводителем по Парижу»^[412].

В. Л. Пушкин так часто рассказывал друзьям о своем путешествии в Париж, что, когда в 1814 году К. Н. Батюшков в рядах победителей вошел во французскую столицу, то в письме к Е. Г. Пушкиной он отказался Париж описывать: «...я вам ни слова не скажу о Париже. Василий Львович вам это все рассказал и лучше и пространнее моего во время нашей эмиграции или бегства (то есть во время пребывания в Нижнем Новгороде. — Н. М.)»^[413].

Василий Львович незримо сопровождал К. Н. Батюшкова в его прогулках по Парижу. Музеи, театры, спектакли с участием необыкновенного Тальма, обед в ресторации у славного Вери с устрицами и шампанским и даже «нимфы радости, которых бесстыдство превышает всё», — как тут не вспомнить Василия Львовича? Как не процитировать его поэму «Опасный сосед» — «Свет в черепке погас, и близок был сундук»^[414]. Как не воскликнуть: «О, Пушкин, Пушкин!»

Так случилось, что покорение Парижа стало причиной публикации второго (редчайшего!) издания «Опасного соседа». Но это уже другая история.

4. Париж — Мюнхен — Петербург — Москва. Литографированное издание «Опасного соседа»

Выпускник Первого кадетского корпуса барон Павел Львович Шиллинг фон Канштадт в 1802 году по окончании учебы стал подпоручиком свиты Его Императорского величества по квартирмейстерской части, в 1803 году служил в Коллегии иностранных дел, затем был причислен к русскому посольству в Мюнхене. В 1813 году вернулся на военную службу штаб-ротмистром в Сумской гусарский полк и принял участие в Заграничном походе русской армии. В 1814 году

сражался под стенами Парижа, был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом и саблей с надписью «За храбрость». В 1815 году П. Л. Шиллинг состоял на дипломатической службе и находился в Париже. Министерство иностранных дел пригласило его для составления и переписки документов, которых нельзя было доверить иностранцам. Эта работа потребовала много времени. П. Л. Шиллингу же не хотелось долго сидеть за письменным столом, и ему пришла в голову мысль вместо рукописного копирования бумаг использовать литографию — в Мюнхене существовала мастерская изобретателя литографии Алоизия Зенефельдера, и работа этой мастерской была ему знакома. К тому же в 1813 году П. Л. Шиллингу уже доводилось организовывать в Мангейме и Карлсруэ печатание военных карт для нашей армии с помощью литографии. Когда об этом предложении доложили императору Александру, он приказал послать Шиллинга в Мюнхен, с тем чтобы испытать новое изобретение. Спустя много лет, в 1853 году, Н. И. Греч в биографической статье о П. Л. Шиллинге, ставшем впоследствии известным ученым, изобретателем электрического телеграфа, рассказывал об этом так:

«Следовало налитографировать что-нибудь порусски. Шиллинг припоминал себе разные стихотворения, выученные им в первом кадетском корпусе и в свете. И ни одного не мог вспомнить вполне. Вдруг напал он на карикатурную идиллию Василия Пушкина „Опасный сосед“, выгравировал ее и отправился с ней обратно в главную квартиру. Содержание опыта возбудило общий смех, а исполнение оказалось безукоризненным; при Министерстве иностранных дел (в Петербурге) заведена

была литография, первая в России, и Шиллинг назначен ее директором»^[415].

Таким образом, издание «Опасного соседа» стало первым литографированным изданием русского литературного произведения, а его творец оказался впереди в этом «набеге просвещения». Можно сказать и так, что издание поэмы, предпринятое П. Л. Шиллингом без разрешения русской цензуры, оказалось первым в ряду других, более поздних изданий вольной русской печати.

Мюнхенское издание «Опасного соседа» 1815 года — редчайшее, вышедшее всего в нескольких экземплярах. Единственный известный в настоящее время экземпляр хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Петербурге в фонде коллекционера П. Н. Тиханова^[416]. Это четыре больших плотных листа, ставших желто-коричневыми. Если посмотреть их на просвет, то можно увидеть водяной знак — корону и монограмму Александра I. Текст выглядит так, как будто он написан от руки: буквы наносились черным веществом на литографическую форму, и с нее делался оттиск на бумаге. Однако местами текст отпечатан слабее, а местами буквы проступили ярче — видно всё же, что это не рукопись.

В мюнхенском издании «Опасный сосед» имел эпиграф: «*Loripedem rectus derideat Aethiopem albus. — Juvenali. Sat. II*» («Над кривоногим смеется прямой, и над неграми — белый. — Ювенал. Сатира II»; перевод с латинского Д. С. Неведовича). Василий Львович знал латинский язык, мог «потолковать об Ювенале» со знанием избранного предмета обсуждения, оценить в полной мере остроту Ювеналовой сатиры. Во второй сатире Ювенала, из которой взят эпиграф к «Опасному

соседу», римский поэт обличает развратников, лицемерно провозглашающих добродетель:

Лицам доверия нет, — ведь наши полны
переулки
Хмурых распутников... <...>
Хуже их те, что порочность громят словесами
Геракла,
О добродетели речи ведут — и задницей крутят.
«Ты, виляющий Секст, — тебя ли я буду
стыдиться?
Чем же я хуже тебя? — бесчестный Варил его
спросит.
Разве терпимо, когда мятежом возмущаются
Гракхи?»^[417]

(Перевод Д. С. Недовича)

Каков же смысл латинского эпитафия в контексте «Опасного соседа»? Думается, в эпитафии заключена насмешка над ханжеством тех, кто объявит поэму безнравственным сочинением (ведь судьи-то сами не без греха). Так и оказалось: не случайно первое русское издание «Опасного соседа» появилось только в 1917 году — его напечатала в Петрограде «Библиотека вольного слова». Правда, в 1913 году в Москве поэма была издана, но на обложке указывалось: «Печатано 75 экземпляров (не для продажи)». До этого, в 1901 году, текст ее появился в «Обстоятельном библиографическом описании редких и замечательных книг» А. Е. Бурцева. Все предшествующие издания «Опасного соседа» (за исключением, конечно, первого) вышли за границей — в 1855 году в Лейпциге, в 1859, 1871, 1876 годах в Берлине.

Но вернемся к мюнхенскому литографированному изданию 1815 года. В конце текста «Опасного соседа»

— запись, сделанная от руки: «Литографический оттиск барона П. Шиллинга, от него полученный. 1816. Окт. 3». И карандашом сверху вписано — «в Париже».

Кто получил от П. Л. Шиллинга оттиск? Чья это запись? Мы до сих пор не можем ответить на эти вопросы. Пока нам остается только радоваться тому, что у нас есть литографированное второе издание «Опасного соседа», выпущенное в свет в 1815 году в Мюнхене П. Л. Шиллингом, который был не только храбрым участником войны с Наполеоном, известным ученым и изобретателем, коллекционером, путешественником, но и приятелем друзей В. Л. Пушкина — П. А. Вяземского, А. И. Тургенева, К. Н. Батюшкова, знакомым А. С. Пушкина и, по-видимому, самого Василия Львовича. Что за человек он был, издатель «Опасного соседа»? Современники вспоминали о нем как об «умном, всегда веселом и любезном человеке», «необычайно толстом человеке... ученом, весельчаке, отличном говоруне»^[418]. Конечно, приятно, что именно такой человек издал «Опасного соседа», оценил остроумное сочинение московского стихотворца.

Мюнхенское издание было известно творцу «Опасного соседа» и его друзьям.

26 сентября 1816 года А. И. Тургенев писал из Петербурга в Москву А. Я. Булгакову: «Объяви осторожнее Василию Л. Пушкину, но осторожнее, дабы ему от радости дурно не сделалось, что вчера явился ко мне Шиллинг из чужих краев и привез первый опыт литографический — и что же напечатано? Опасный сосед! Сам литограф челом бьет брату Константину (Булгакову. — Н. М.)»^[419].

5 октября 1816 года П. А. Вяземский в письме из Москвы спрашивал А. И. Тургенева: «...„Буянов“ напечатан? Сила крестная с нами! Ради Бога, пришли

„Буянова“: мы станем здесь продавать его в пользу наследников автора»^[420].

27 ноября 1816 года сам В. Л. Пушкин писал из Москвы в Петербург А. И. Тургеневу: «Благодарю искренне... за доставление мне Опасного моего соседа. Жаль только, что находятся в моем сочинении некоторые опечатки»^[421].

Василий Львович, конечно, знал, что литографированное издание его замечательной поэмы было напечатано всего лишь в нескольких экземплярах, и потому, справедливо считая, что «Опасный сосед» известен в России только по рукописным копиям, хлопотал о новом издании по исправленному списку. Но все равно это была победа. Теперь, когда со славой закончилась война с Наполеоном, можно было с новыми силами возобновить литературную войну с шишковистами. Нужен был только повод, и он не замедлил представиться.

Глава восьмая ВОТ Я ВАС

1. «Арзамас» против «Беседы любителей русского слова»

23 сентября 1815 года в Петербурге состоялась премьера стихотворной комедии А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды». Театр был полон. Успех представления — невероятный. После недавней победы над Наполеоном публика с энтузиазмом воспринимала слова о «дне незабвенном», «когда в Париж войти Всевышний нам помог»; негодовала на тех, кто «вывез из Парижа» «свободу всё ругать, не дорожить ничем», «куплеты дерзкие и вольнодумный вздор»^[422]. Всех увлекла комедийная интрига: горничная Саша ловко разрушила планы кокетки графини Лелевой, окруженной поклонниками, и привела к венцу княжну Оленьку и участника Отечественной войны полковника Пронского. Зрители не могли не смеяться, когда на сцену выходили комедийные персонажи — граф Ольгин (это он приехал на Липецкие воды из Парижа лечиться от «нерв расстроенных, мигренья и вертижа»), старый селадон барон Вольмар (автор комедии в насмешку дал ему фамилию добродетельного героя романа Ж. Ж. Руссо «Новая Элоиза»), лихой гусар Угаров (его фамилия говорила сама за себя), сентиментальный поэт Фиалкин. Особую остроту комедии придавали выпады А. А. Шаховского против карамзинистов. Намеки были слишком очевидны, чтобы не узнать в балладнике Фиалкине В. А. Жуковского: приняв в темноте банщика Семена за мертвеца, увлекшего в гроб невесту (об этом В. А. Жуковский написал в балладе «Людмила»), Фиалкин признается в том, что мертвецы вдохновляют его на создание поэтических творений:

В стихах,

В балладах, ими я свой нежный вкус питаю;
И полночь, и петух, и звон костей в гробах,
И чу!.. все страшно в них, но милым все приятно,
Все восхитительно! Хотя невероятно ^[423].

Перечисленные А. А. Шаховским романтические подробности — из баллады «Людмила»:

Чу! Совы пустынной крики.
<...>
Полночь только что пробила.
<...>
Чу! в лесу потрясся лист.
Чу! в глуши раздался свист.
<...>
... кричит петух.
<...>
Кости в кости застучали ^[424].

Но, разумеется, А. А. Шаховской высмеивал не столько балладу «Людмила», сколько вообще балладный стиль В. А. Жуковского.

Задел в своей комедии А. А. Шаховской и молодого знакомого В. А. Жуковского Сергея Семеновича Уварова. В 15 лет причисленный к Коллегии иностранных дел, обучавшийся в Геттингенском университете, С. С. Уваров в 1804 году стал камер-юнкером, с 1807 года служил в Вене в русском посольстве, затем в 1809 году в Париже. Вернувшись в 1810 году в Россию и оказавшись на грани разорения, С. С. Уваров женился по расчету на дочери графа А. К. Разумовского и, когда в 1811 году его тесть стал министром народного

просвещения, получил чин действительного статского советника и место попечителя Санкт-Петербургского учебного округа. Впереди — карьерные взлеты: в 1818 году С. С. Уваров станет президентом Академии наук, в 1834-м — министром народного просвещения, председателем Главного управления цензуры, в 1846-м получит графский титул. Впереди и адресованная ему убийственная ода А. С. Пушкина «На выздоровление Лукулла» (С. С. Уваров поспешил присвоить наследство еще не умершего родственника), и пушкинская же эпиграмма «В Академии Наук / Заседает князь Дундук», недвусмысленно намекающая на то, за какие заслуги князь М. А. Дундуков-Корсаков был назначен С. С. Уваровым вице-президентом Академии. Но это всё впереди. А сейчас, в 1815 году, карьера складывается как нельзя лучше и не мешает литературным занятиям. В 1813 году Уваров напечатал «Письмо к Н. Гнедичу о греческом экзаметре», и мы должны быть благодарны ему за то, что он убедил Гнедича перевести «Илиаду» Гомера гекзаметром — иначе мы не услышали бы в его переводе «умолкнувший звук божественной эллинской речи». Но в этом письме были рассуждения и о том, как надобно писать имя автора «Илиады» — Омер или Омир? К этому рассуждению и привязался А. А. Шаховской.

К. тому же некоторые черты С. С. Уварова — интриганство, карьеризм, преклонение перед иностранными модами — он отдал своему Ольгину.

Досталось в комедии и В. Л. Пушкину. «Угар» значит «удалец», «буян». О гусаре Угарове горничная Саша говорит так:

Прелестник наш другой
И молод и вертляв, поручик отставной,
Сынок откупщика, охотник лошадиный,
Угаров; он своей сам бодрости не рад;

Со всеми без чинов, со всеми ровный брат.
В Москве дом розовый имеет на Неглинной,
И бегунов лихих, и ухарских псарей;
Цыганок табор с ним. Он прежде был гусаром,
А как война пришла, в отставку поскорей;
Но чтобы доказать, что он служил не даром,
В полувоинственный одет всегда наряд,
И в шпорах, и в усах, ну, словом, сущий хват.
Для вальсов мы к нему имеем снисхожденье ^[425].

Чтобы не было сомнения в объекте пародии, А. А. Шаховской заставил графиню Лелеву процитировать стих из «Опасного соседа» — «И пристяжная вмиг свернулася кольцом»:

Нет, для меня, божусь, все хваты слишком ловки;
Стучат, бренчат, кричат, все счастье видят в том,
Чтоб пристяжная их свернулася кольцом,
И здесь мне надоел Угаров ^[426].

А. А. Шаховской пародировал в Угарове не только Буянова, но и его создателя. Он не только напомнил о цыганках и лихих бегунах, которыми так увлекался Буянов, но и намекнул на некоторые факты биографии творца «Опасного соседа»: не случайно Угаров — поручик отставной, как и В. Л. Пушкин. Видно, не забыл А. А. Шаховской крылатый стих из «Опасного соседа», отомстил его создателю.

Василия Львовича во время первого представления комедии не было в Петербурге, он находился в Москве. А вот его друзья были в Северной столице, более того —

в день премьеры спектакля они присутствовали в театре. Ф. Ф. Вигель вспоминал об этом так:

«Нас сидело шестеро в третьем ряду кресел: Дашков, Тургенев, Блудов, Жуковский, Жихарев и я. Теперь, когда я могу судить без тогдашних предубеждений, нахожу я, что новая комедия была произведение примечательное по искусству, с каким автор победил трудность заставить светскую женщину хорошо говорить по-русски, по верности характеров, в ней изображенных, по веселости, заманчивости, затейливости своей и, наконец, по многим хорошим стихам, которые в ней встречаются. Но лукавый дернул его, ни к селу, ни к городу, вклеить в нее одно действующее лицо, которое всё дело перепортило. В поэте Фиалкине, в жалком вздыхателе, всеми пренебрегаемом, перед всеми согнутом, хотел он представить благородную скромность Жуковского; и дабы никто не обманулся насчет его намерения, Фиалкин твердит о своих балладах и произносит несколько известных стихов прозванного нами в шутку балладника. Это всё равно, что намалевать рожу и подписать под нею имя красавца; обман немедленно должен открыться, и я не понимаю, как Шаховской не расчел этого. Можно вообразить себе положение бедного Жуковского, на которого обратилось несколько нескромных взоров! Можно себе представить удивление и гнев вокруг него сидящих друзей его! Перчатка была брошена; еще кипящие молодостию Блудов и Дашков спешили поднять ее»^[427].

После премьеры спектакля в доме петербургского гражданского губернатора Михаила Михайловича Бакунина его супруга Варвара Ивановна (она была сестрой П. И. Голенищева-Кутузова) увенчала А. А. Шаховского лавровым венком. Откликаясь на это

торжество, Д. В. Дашков написал гимн «Венчание Шутовского»:

Вчера, в торжественном венчанье
Творца Затей,
Мы зрели полное собрание
Беседы всей;
И все в один кричали строй;
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Тебе, Герой,
Тебе, Герой!

Он злой Карамзина гонитель,
Гроза Баллад!
В Беседе бодрый усыпитель,
Хлыстову брат.
И враг талантов записной,
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Тебе, Герой,
Тебе, Герой!..^[428]

Гимн Д. В. Дашкова ходил по рукам. Александр Пушкин-лицеист переписал его в свой дневник. Доброжелатели не преминули доставить гимн Шаховскому. Вообразить себе его удовольствие не трудно. В журнале «Сын Отечества» Д. В. Дашков выступил с «Письмом к новейшему Аристофану», в котором под видом похвалы рассказал о зависти и подлости Шаховского ничтожности его комедий, за создание которых он конечно же достоин принять в награду своих заслуг «лавровый венец из рук Красоты и Мудрости»^[429]. Д. Н. Блудов сочинил «Видение в какой-то огаде», где речь шла о том, как в Арзамасе, в трактире, собиралось общество друзей литературы и

однажды его участники слышали за стеной невольную исповедь некого тучного постояльца (А. А. Шаховской на самом деле был очень толст): постоялец во сне говорил о своем видении, в котором явился к нему старец — А. С. Шишков и наставлял его и дальше совершать подвиги на благородном поприще зависти, преследования талантов и самовосхваления.

Так началась литературная война. Именно этим словом называли полемику, развернувшуюся вокруг «Урока кокеткам», В. А. Жуковский и Н. М. Карамзин в своих письмах. «Теперь страшная война на Парнасе, — писал Жуковский. — Около меня дерутся за меня; а я молчу; да лучше было бы, когда бы и все молчали, — город разделился на партии, и французские волнения забыты при шуме парнасской бури»^[430]. «Эпиграммы сыплются на князя Шаховского; даже и московские приятели наших приятелей острят на него перья; Василий Пушкин только что не в конвульсиях, — сообщал А. И. Тургеневу Н. М. Карамзин. — В здешнем свете всё воюет: и Наполеоны, и Шаховские. У нас, как и везде, любят брань. Пусть Жуковский отвечает только новыми прекрасными стихами. Шаховской за ним не угонится»^[431]. В самом деле, на А. А. Шаховского обрушился «липецкий потоп» — это был ливень критических статей и эпиграмм. Чего стоит только сочиненный П. А. Вяземским «Поэтический венок Шутовского, поднесенный ему раз навсегда за многие подвиги» — венок, сплетенный из девяти эпиграмм. Вот одна из них:

В комедиях, сатирах Шутовского
Находим мы веселость словаря,
Затейливость месяцеслова
И соль и едкость букваря^[432].

Премьера комедии «Урок кокеткам, или Липецкие воды» подтолкнула к мысли, что, для того чтобы дать отпор врагу, надо объединиться. Не отдельные набег на стан противника, но сплоченные ряды боевых единомышленников могли его победить. Об этом еще в 1813 году говорил П. А. Вяземский в письме А. И. Тургеневу:

«И отчего дуракам можно быть вместе? Посмотри на членов Беседы: как лошади, всегда все в одной конюшне, и если оставят конюшню, так цугом или четвернею заложены вместе. По чести, мне завидно на них глядя, и я, как осел, завидую этим лошадям. Когда заживем и мы по-братски: и душа в душу и рука в руку? Я вздыхаю и тоскую по будущему»^[433].

Будущее, о котором тосковал П. А. Вяземский, началось 14 октября 1815 года, через 20 дней после премьеры комедии А. А. Шаховского. В петербургском доме С. С. Уварова собрались В. А. Жуковский, Д. Н. Блудов, Д. В. Дашков, С. П. Жихарев, А. И. Тургенев и, разумеется, хозяин дома С. С. Уваров.

«В одно утро несколько человек получили циркулярное приглашение Уварова пожаловать к нему на вечер 14 октября. В ярко освещенной комнате, где помещалась его библиотека, нашли они длинный стол, на котором стояла большая чернильница, лежали перья и бумага; он обставлен был стульями и казался приготовленным для открытия присутствия, — вспоминал Ф. Ф. Вигель. — Хозяин занял место председателя и в краткой речи, хорошо по-русски написанной, осуществляя мысль Блудова, предложил заседающим составить из себя небольшое общество Арзамасских безвестных литераторов. Изобретательный гений Жуковского по части юмористической вмиг пробудился; одним взглядом увидел он длинный ряд веселых вечеров, нескончаемую нить умных и

пристойных проказ. От узаконений, новому обществу им предлагаемых, все помирали со смеху: единогласно избран он секретарем его»^[434].

Так возникло общество «Арзамас», которое позже состояло из двадцати членов. Среди них оказались и поэты — А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, К. Н. Батюшков, А. Ф. Воейков, Д. В. Давыдов, и молодые вольнодумцы — брат А. И. Тургенева Николай, М. Ф. Орлов, Н. М. Муравьев.

Изначально «Арзамас» был создан для борьбы с «Беседой», противостоял «Беседе», пародировал «Беседу».

«Беседа любителей русского слова» под началом А. С. Шишкова собиралась в доме Г. Р. Державина на Фонтанке близ Измайловского моста. В торжественную залу этого дома-дворца съезжались убеленные благородными сединами в орденах и лентах важные сановники. Дамы являлись на заседания в бальных платьях.

«Арзамас» декларативно отказывался от официоза и чинопочитания. Заседания общества безвестных людей могли быть в «чертоге, хижине, колеснице, салазках»: где собирались арзамасцы, там и был «Арзамас». Громким именам, титулам, чиnam беседчиков противостояли прозвища, взятые из осмеянных А. А. Шаховским баллад В. А. Жуковского: С. С. Уваров — Старушка, Д. Н. Блудов — Кассандра, Д. В. Дашков — Чу, Ф. Ф. Вигель — Ивиков Журавль, С. П. Жихарев — Громовой, Д. П. Северин — Резвый Кот, А. И. Тургенев — Эолова Арфа, П. А. Вяземский — Асмодей, К. Н. Батюшков — Ахилл, А. С. Пушкин — Сверчок, Д. В. Давыдов — Армянин, А. Ф. Воейков — Дымная Печурка или Две Огромные Руки, сам В. А. Жуковский — Светлана. Принципиален был дух «арзамасского» равенства. Президент избирался не навсегда, но на

каждое заседание. Разве что секретарь Светлана был бессменным. И еще — президент облачался в красный колпак, напоминающий о Великой французской революции с ее лозунгом «Свобода, равенство, братство». Скуке, царившей среди беседчиков, было не место среди арзамасцев, которых отличали неподдельная веселость и остроумие. В. А. Жуковский, переживший личную трагедию (его разлучили с любимой Машей Протасовой), поэт, во многом трагический, сочинял и веселые стихи, был неистощим на выдумки и шутки. Разочарованный К. Н. Батюшков тоже умел шутить и веселиться (вспомним хотя бы его «Видение на берегах Леты»), Про П. А. Вяземского и говорить нечего — А. С. Пушкин не зря назвал его «язвительным поэтом, остряком замысловатым». Веселый дар А. С. Пушкина дал о себе знать уже в Лицее. Впрочем, о веселых заседаниях «Арзамаса» можно судить по составленным В. А. Жуковским протоколам, к которым мы еще будем обращаться. А как забавен был ритуал отпевания живых покойников — беседчиков. Арзамасцы пародировали традицию Французской академии: избранный академик произносил похвальное слово в честь своего умершего предшественника. Но коль скоро арзамасцы бессмертны, то они брали на прокат членов «Беседы», вроде бы живых, но для литературы давно покойных. Вступающий в «Арзамас» выбирал из писателей «Беседы» героя своего похвального слова, в которое с поистине убийственной иронией включал цитаты и реминисценции из творений литературных противников. Правда, сегодня, чтобы улыбнуться «арзамасским» речам, чтобы посмеяться «арзамасским» шуткам, надо эти творения хорошо знать (большинство из них действительно давно канули в реку забвения Лету).

Разумеется, «Арзамас» не сводится только к шуткам, пародиям. В пародийной форме карамзинисты продолжали утверждать просвещение и вкус, выступать за новый литературный язык, легкий стиль, решать творческие задачи. К тому же на заседаниях «Арзамаса» обсуждались новые произведения самих арзамасцев — а что может быть важнее дружеской критики. Так что, шутки — шутками, а дело — делом. Даже арзамасский гусь не так прост, как это может показаться на первый взгляд. Но о гусе надо сказать особо.

И в Петербурге, и в Москве лакомились на Рождество очень крупными и очень вкусными арзамасскими гусями.

Их пешком гнали из Арзамаса в обе столицы. А чтобы лапы не стирались, обували в маленькие лапти или же обмакивали лапы в деготь, а потом ставили на песок, песчинки прилипали, вот и шли они в дальний путь в сапожках украшать собой рождественское застолье. И арзамасское застолье украшал зажаренный гусь. Пожирание дымящегося гуся стало торжественным ритуалом. Ежели почему-либо гуся за ужином не было, то «желудки их превосходительств были наполнены тоскою по отчизне»^[435]. Но, как правило, ужин, заключающий каждое заседание «Арзамаса», «был освящен присутствием гуся» и собравшиеся принимали «с восхищением своего жареного соотечественника». Провинившийся «арзамасец» за ужином лишался «своего участка гуся». Вновь принятого в «Арзамас» «президент благословляет... лапкою гуся, нарочно очищенного для сего, и дарит его сею лапкою»^[436]. Возрожденный «арзамасец», «поднявши голову, с гордостью гуся... проходит три раза взад и вперед по горнице, а члены между тем восклицают торжественно: экой гусь!»^[437]

Арзамасцы называли себя гусями, а почетных членов — почетными гусями. Славу «Арзамаса» умножали такие «почетные гуси», как Н. М. Карамзин, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, Михаил Александрович Салтыков (его, в будущем тестя А. А. Дельвига, А. С. Пушкин назовет «почтенным, умнейшим Арзамасцем»), граф Иван Антонович Каподистрия, который в 1816–1822 годах возглавлял Коллегию иностранных дел.

Нет, конечно же не зря величественный гусь красовался на печати «Арзамаса». И если гуси спасли Рим, то почему бы арзамасским гусям, пришедшим в Первопрестольную Москву — Третий Рим, не спасти от литературных староверов русскую литературу? И еще: гусь — это эмблема, символическое значение которой раскрыто в книге «Эмблемы и символы», изданной впервые в 1705 году по указу Петра I и много раз переиздававшейся. «Гусь, пасущийся травой» означает «Умру, либо получу желаемое»^[438]. Так, арзамасский гусь символически выражал намерение арзамасцев либо умереть, либо победить беседчиков.

В. Л. Пушкин не мог не стать «арзамасским гусем». Не будем говорить о том, что вкус арзамасских гусей ему был хорошо знаком: родовое Болдино находилось недалеко от Арзамаса. Дело, конечно, не в этом.

«Арзамас» был создан друзьями Василия Львовича, а дружба для него была превыше всего. Задачи арзамасцев в их борьбе с «Беседой» он разделял. Шутку, острое слово он всегда ценил. И без него, автора первых манифестов карамзинской школы, творца «Опасного соседа», опытного полемиста, «Арзамас» не мог обойтись. Когда В. Л. Пушкин был задет А. А. Шаховским в «Расхищенных шубах», в написанном в 1814 году послании «К князю П. А. Вяземскому» он горестно сокрушался:

И я на лире пел, и я стихи любил,
В беседе с Музами блаженство находил,
Свой ум обогащать учением старался,
И, виноват, подчас в посланиях моих
Я над невежеством и глупостью смеялся;
Желанья моего я цели не достиг;
Врали не престают злословить дарованья,
Печатать вздорные свои иносказанья... (48).

П. А. Вяземский и В. А. Жуковский поддержали своего товарища. П. А. Вяземский в «Ответе на послание Василью Львовичу» писал:

Ты прав, любезный Пушкин мой,
С людьми ужиться в свете трудно!
У каждого свой вкус, свой суд и голос свой!
Но пусть ничтожество талантов судьей —
Ты смейся и молчи: роптанье безрассудно! ^[439]

Вяземский предлагал оставить «сих глупцов» и созвать к себе друзей, читать с ними вместе стихи, говорить и смеяться:

И в дружеском кругу своем,
Поверь, людей еще найдем,
С которыми ужиться можно! ^[440]

В этот поэтический диалог включился В. А. Жуковский. В послании «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» он восклицал и вопрошал:

Нет! жалобы твои неправы,
Друг Пушкин; счастлив, кто поэт;

Его блаженство прямо с неба;
Он им не делится с толпой:
Его судьи лишь чада Феба;
Ему ли с пламенной душой
Плоды святого вдохновенья
К ногам холодных повергать
И на коленях ожидать
От недостойных одобренья?^[441]

В. А. Жуковский утешал Василия Львовича тем, что за него Дадут завистникам ответ «необольстимые потомки». Теперь, в 1815 году, настал черед Василию Львовичу поддержать своих Друзей и он мог и должен был это сделать. Недаром на первом же заседании «Арзамаса» его включили в число участников только что созданного общества. В конце октября — начале ноября 1815 года В. А. Жуковский писал из Петербурга в Москву П. А. Вяземскому:

«Обними за меня Пушкина. Скажи, что он напрасно упрекает арзамасцев в забвении своих друзей. Я виноват, что забыл в своем письме поставить его имя; но оно единогласно было выбрано при первом собрании Арзамаса; и ему приготовлено было имя Пустынника; но если ему хочется вот, то мы и на то согласны. Письмо его будет мною, яко секретарем, предложено и прочитано Арзамасу в следующем заседании. Высылай его к нам. Мы примем его с распростертыми объятиями»^[442].

Почему арзамасцы хотели дать Василию Львовичу имя Пустынник? В балладе В. А. Жуковского «Пустынник» рассказана трогательная история двух влюбленных: в келью святого старца приходит в мужской одежде девица (обнаруживается это не сразу для пущей занимательности рассказа). Девица

признается, что некогда не дала понять рыцарю Эдвину о взаимности его любви к ней и опечаленный рыцарь скрылся. И вот теперь она, Мальвина, несчастна. Но, о радость, пустынный и есть тот самый влюбленный Эдвин. Рыцарское служение дамам — безусловно черта влюбчивого В. Л. Пушкина. Однако в балладе есть еще некоторые подробности, которые проецируются на жизнь и личность московского стихотворца. В. А. Жуковский упоминает о «гостеприимной келье». Нужно ли говорить о том, что дом Василия Львовича всегда отличался гостеприимством? Сказано в балладе и о том, что пустынный «беседой скуку озлащает / Медлительных часов». В. Л. Пушкин был прекрасным собеседником, и арзамасцы это ценили. Ну а то, что в келье пустынного «кружится резвый кот» (арзамасское прозвище Д. П. Северина) и «в углу кричит сверчок» (прозвище А. С. Пушкина, принятого в «Арзамас» заочно, еще до окончания Лицея), тоже небезынтересно.

Но почему же Василию Львовичу не понравилось имя «Пустынный»? Почему он выбрал себе другое арзамасское имя «Вот»? Чаше всего указательная частица «вот» встречается в одной из самых известных баллад В. А. Жуковского «Светлана», в которой речь идет о святочном гаданье:

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
<...>
Вот красавица одна
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
<...>

Подпершись локотком,
Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит.

А дальше — явление жениха, полет саней лунной
зимней ночью:

Кони мчатся по буграм;
Топчут снег глубокий...
Вот в сторонке божий храм
Виден одинокий;
<...>
Вот примчались... и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених
Будто не бывали.

А дальше — избушка, в избушке гроб, в гробу
мертвец и «страшное молчанье».

Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,
Тихо вея, прилетел,
К ней на перси тихо сел,
Обнял их крылами.

Дальше голубок спасает Светлану от ожившего
мертвеца, а мертвец-то — ее жених. Но

Ах!.. и пробудилась.

А дальше — по утреннему блестящему на солнце снегу мчатся санки:

Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идет...
Кто?... Жених Светланы.

И заключение, где опять «вот»:

Вот баллады толк моей:
«Лучший друг нам в жизни сей
Вера в провиденье.
Благ зиждителя закон:
Здесь несчастье — лживый сон;
Счастье — пробужденье» ^[443].

Восемь раз встречается указательная частица «вот» в балладе В. А. Жуковского. И не просто встречается. Каждый раз эта частица является своего рода двигателем сюжета. Быть может, и Василий Львович, выбирая себе арзамасское имя, хотел быть активным «двигателем» общества «Арзамас»? Заявив о таком намерении, ему осталось только поехать в Петербург и вступить в ряды арзамасцев.

2. Вступление в «Арзамас». Арзамасский староста

В первой половине марта 1816 года в Петербурге состоялось девятое ординарное заседание «Арзамаса», на котором прибывший в Северную столицу В. Л. Пушкин был торжественно принят в члены этого замечательного общества. Специально для Василия Львовича арзамасцы придумали ритуал, пародирующий

обряд вступления в масонскую ложу. Каждый, кто читал роман Л. Н. Толстого «Война и мир», помнит церемонию посвящения Пьера Безухова в масоны: его водили по комнатам с завязанными глазами, заставили, приставляя ему к груди шпагу, снять фрак, жилет и левый сапог в знак повиновения. Пьер видел гроб с костями, горящую в черепе лампаду, малый и большой свет, слушал поучения. Подобным испытаниям подвергался и Василий Львович. Кроме того, обряд его посвящения в «Арзамас» был наполнен литературными аллегориями, остроумными намеками на литературных противников-беседчиков. Ф. Ф. Вигель в своих «Записках» рассказал об этом так:

«Ему (Василию Львовичу. — Н. М.) возвестили, что непосвященные в таинства нашего общества не иначе в него могут быть приняты, как после довольно трудных испытаний, и он согласился подвергнуть им себя. Вяземский успел уверить его, что они совсем не безделица и что сам он весьма утомился, пройдя через все эти мытарства. Жилище Уварова, просторное и богато убранное, могло одно быть удобным для представления затеваемых комических сцен. Как странствующего в мире сем без цели нарядили его в хитон с раковинами, надели ему на голову шляпу с широкими полями и дали в руку посох пелерина (пилигрима, паломника. — Н. М.). В этом наряде, с завязанными глазами, из парадных комнат по задней, узкой и крутой лестнице свели его в нижний этаж, где ожидали его с руками, полными хлопушек, которые бросали ему под ноги. Церемония, потом начавшаяся, продолжалась около часа: то обращались к нему с вопросами, которые тревожили его самолюбие и принуждали морщиться; то вооружали его луком и стрелой, которую он должен был пустить в чучелу с огромным париком и с безобразною маской, имеющую

посреди груди написанный на бумаге известный стих Тредьяковского:

Чудище обло, озорно, трезовно и лаяй.

Сие чудище, повергнутое после выстрела его на пол и им будто побежденное, должно было изображать дурной вкус или Шишкова. Потом заставили его, поддержанного двумя аколитами (неразлучными спутниками, помощниками. — Н. М.), пронести на блюде огромного замороженного гуся, а после того... всего не припомню. Между всеми этими проделками члены произносили ему речи назидательные, ободрительные или поздравительные. В заключение, из темной комнаты, в которой он находился, в другую длинную, ярко освещенную, отдернулась огненного цвета занавесь, ее скрывавшая, он с торжеством вступил в собрание и сказал речь весьма затейливую и приличную. Когда после я спросил его, не скучал ли он сими продолжительными испытаниями? совсем нет, отвечал, „с'étaient d'aimables altégories“ (это были прелестные аллегории, франц.). Подите же после того: родятся же люди как будто для того, чтоб трунили над ними» ^[444].

Ф. Ф. Вигель забыл о некоторых небезынтересных для нас подробностях — их мы находим в «Старой записной книжке» П. А. Вяземского, в записках М. А. Дмитриева и протоколах «Арзамаса».

Один из моментов шуточного обряда, совершаемого над Василием Львовичем, заключался в том, что его положили на диван и накрыли множеством шуб: это был намек на поэму А. А. Шаховского «Расхищенные шубы».

Василию Львовичу подносили серебряную лохань и рукомоийник умыть лицо и руки, объясняя, что это

«прообразует» комедию А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды».

Речи, обращенные к новому члену «Арзамаса», произносили Светлана — В. Л. Жуковский, Резвый Кот — Д. П. Северин, Чу — Д. В. Дашков, Кассандра — Д. Н. Блудов, Асмодей — П. А. Вяземский. Ораторы так или иначе обращались к выдержкам из сочинений Василия Львовича, направленных против шишковистов. Каждый непременно старался упомянуть или процитировать «Опасного соседа». Так, обращаясь к В. Л. Пушкину, лежавшему «под сугробом шуб прохладительных», В. А. Жуковский восклицал: «И не спасла его священная Муза, девственная мать Буянова!»^[445] Приветствуя нового члена «Арзамаса», выстрелившего в чудовище — дурной вкус, Д. П. Северин наставлял его: «Гряди подобно Данту: повинуйся спутнику твоему: рази без милосердия тени Мешковских и Шутовских и помни, что»

Прямой талант везде защитников найдет^[446].

Эту же строку из «Опасного соседа» процитировал и П. А. Вяземский, произнося речь «по заключении всех испытаний»: «Ты, победивший все испытания, ты, переплывший бурные пучины Липецких Вод на плоту, построенном из деревянных стихов угрюмого певца, с торжественным флагом, развевающим по воздуху бессмертные слова»:

Прямой талант везде защитников найдет^[447].

«Собственная речь члена Вот», по справедливому замечанию Ф. Ф. Вигеля, «весьма затейливая и приличная», несомненно, заслуживает нашего особого

внимания. В. Л. Пушкин, «отпевая» в своей речи «угрюмого певца» С. А. Ширинского-Шихматова, представил слушателям пародийное описание похоронного обряда, сделав беседчиков участниками этого обряда, а их произведения — его атрибутами. В гробу в изголовье покойника лежит «Разсуждение о старом и новом слоге» А. С. Шишкова. У подножия гроба лежат сочинения беседчиков. «Патриарх халдеев (А. С. Шишков. — Н. М.) изрыгает корни слов в ужасной горести своей. Он, уныло преклонив седо-желтую главу, машет над лежащим во гробе „Известиями Академическими“ и кадит в него „Прибавлением к прибавлениям“ („Прибавление к рассуждению о старом и новом слоге русского языка“. — Н. М.). Он не чувствует, как тем лишь умножается печаль, скука и угрюмость друзей, хладный труп окружающих. <...> Толсточревый сочинитель Липецких Вод кропит ими в умершего и тщится согреть его овчинными шубами своими. Но все тщетно! Он лежит бездыханен»^[448]. Однако Василий Львович не был бы Василием Львовичем, если бы не завершил свою речь оптимистическим обращением к арзамасцам:

«Почтеннейшие сограждане Арзамаса, я не буду исчислять подвигов ваших: они всем известны. Я скажу только, что каждый из вас приводит сочлена Беседы в содрогание точно так, как каждый из них производит в собрании нашем смех и забаву. Да вечно сие продолжится!»^[449]

Не только Ф. Ф. Вигель, но все собравшиеся на заседание арзамасцы оценили по достоинству прекрасную речь В. Л. Пушкина, и их высокая оценка нашла отражение в протоколе:

«Такая панихида привлекла все сердца их превосходительств к почтенному Воту, и они готовы

наименовать его Богдыханом Арзамаса и первостатейным Гусаком дружбы»^[450].

На следующем, десятом заседании «Арзамаса» 15 марта 1816 года было решено «его превосходительство Вот произвести в старосты Арзамаса, с приобщением к его титулу двух односложных слов *я* и *вас*, так что он вперед будет именоваться Староста Вот *я Вас!*»^[451]. В протоколе заседания определялись привилегии старосты:

«I-е. Голос его в различных прениях Арзамаса имеет силу трубы и приятность флейты: он убеждает, решит, трогает, наказует осмеивает, пленяет и прочее, и прочее.

II-е. Он первый подписывает протокол и всегда с приличною размашкою.

III-е. Вытребовать у него список известной его проказы с веселою музою, именуемой Опасный Сосед, переписать ее чистым почерком, переплести в бархат и признать ее арзамасскою кормчею книгою.

IV-е. За ужинами арзамасскими жарить для него особенного гуся, оставляя ему на произвол или скушать его всего, или, скушав несколько ломтей, остаток взять с собою на дом. NB. От всех сих гусей отрезаются гуски и остаются при бумагах собрания. Наконец,

V-е. Место его в заседаниях должно быть подле президента, а вне заседания в сердцах у друзей его.

По сему случаю приказано, чтобы секретарь Арзамаса его превосходительство *я* приготовил приличный диплом»^[452].

Ф. Ф. Вигель считал, что избрание В. Л. Пушкина старостой «Арзамаса» было вызвано желанием его друзей (а все они были намного моложе его) «чем-нибудь его отличить, признать какое-нибудь первенство перед собою», то есть оказать ему особый почет и уважение. Это, конечно, так, но здесь есть и

другое. В Василии Львовиче арзамасцы видели «знаменитого Буяна посреди халдеев, героического баснописца и знаменитого стихотворного посланника». Кроме того, он был человеком, способным объединять, сближать людей, был ценителем и любителем шутки, острого слова, литературной игры, пародии. Конечно, лучшего для роли старосты «Арзамаса» просто не найти.

В начале 1816 года в Петербург приехал Н. М. Карамзин хлопотать об издании первых восьми томов «Истории государства Российского». Он остановился в доме Екатерины Федоровны Муравьевой на Фонтанке. Там он встречался с арзамасцами, которых считал людьми умными и талантливыми. Молодой А. С. Пушкин сказал в одном из стихотворений о том, что «ум высокий можно скрыть / Безумной шалости под легким покрывалом». Вероятно, Н. М. Карамзин это понимал и вполне оценил ум арзамасских шалунов. «Сказать правду, — писал он 2 марта 1816 года жене, — здесь не знаю ничего умнее арзамасцев: с ними бы жить и умереть»^[453]. В этом же письме он сообщал Е. А. Карамзиной, что дважды читал им отрывки из своей «Истории». Арзамасцы почтили историографа одиннадцатым ординарным заседанием, которое состоялось между 19 и 23 марта 1816 года. Вручая Н. М. Карамзину диплом, В. А. Жуковский выступил с проникновенной речью. Выражая общие чувства собравшихся, оратор, обращаясь к «счастливному любовнику славы», сказал:

«Кто дает этот диплом? — Арзамасцы, верные его обожатели, арзамасцы, которые, положив руку на сердце, признают его лучшим из людей, признают и здесь, все вместе в священном присутствии Арзамаса, под благодатным веянием крыл отечественного гуся, и каждый порознь в уединении, при сладострастном об

нем воспоминании, признают и признавать всегда будут, ибо такое признание есть для них счастье»^[454].

Протокол одиннадцатого заседания не сохранился, но в тетради арзамасских протоколов остался текст «От арзамасского общества безвестных людей почетному и известному историографу всея России господину кавалеру Анны и славы Карамзину доброжелательный поклон и дружеское рукопожатие». И здесь речь шла о заслугах Н. М. Карамзина перед русской историей и русским словом, перед отечеством, которому он — «честь и слава». Сохранились и стихи на заданные рифмы В. Л. Пушкина «На случай нынешнего Арзамаса». Конечно, он мастер буриме. И все же, казалось бы, как можно написать стихотворение на такие слова, которые предлагалось зарифмовать: незабвенный — бог — стены — рог; предтечей — конец — встречей — сердец; краше — сыны — ваше — страны? А Василий Львович не только сумел это сделать. В связном тексте он рассказал об истории «Арзамаса», борьбе с «Беседой», воспел арзамасскую дружбу. Восторженный поклонник и последователь Н. М. Карамзина, он горячо его приветствовал, сказал о нравственном и общественном значении его творчества:

Для арзамасцев день сей вечно незабвенный,
Привел достойнейших сюда Парнасский бог.
Беседы дряхлые трясутся ныне стены,
Бесстыдству, глупости сломали гуси рог;
Комедия была сословию предтечей,
И комику теперь бесчестье и конец.
Здесь дружба, искренность, усердые были
встречей.
Живите вы для нас и добрых всех сердец.

Хор

Арзамас Беседы краше!
Дружбы нежной мы сыны!
Вечно будет счастье ваше
Счастье наша страна (220).

23 марта 1816 года Н. М. Карамзин вместе с П. А. Вяземским и В. Л. Пушкиным отправился из Петербурга в Москву. Они добрались до Первопрестольной утром 27 марта, то есть ехали по тем временам не так уж и долго — меньше пяти дней. Наверное, Василий Львович был счастлив — он путешествовал с обожаемым учителем Н. М. Карамзиным и самым близким другом П. А. Вяземским, развлекал их дорожными буриме. П. А. Вяземский предлагал рифмы, Василий Львович сочинял стихи, а Н. М. Карамзину оставалось только смеяться. Некоторые стихи сохранились. Это «Разговор в Ижоре», буриме, сочиненные на станциях в Тосне, Подберезье, Бронницах, эпиграмма, написанная в Яжелбицах, еще несколько стихотворений. Прямо скажем, не шедевры. Любопытны приписки к стихам, сделанные рукою П. А. Вяземского. К стихотворению, в котором арзамасский староста умолял не оставлять его в одиночестве, Петр Андреевич дал такое пояснение:

«Тосна, в 8 часов и 20 минут за деревянным столом и при двух сальных свечах и при шуме клокочущего самовара. Примечание: Кибитка Старосты Вот я Васа изволила отстать бесчинно, и Староста был одержим мучительною неизвестностью о жребии своем, подобно Шаховскому перед падением новой собственной комедии» ^[455].

К стихотворению, посвященному «товарищу Светлане», П. А. Вяземский дал такое пояснение:

«Староста написал оные вышепрописанные стихи на станции Подберезье в течении 15-ти минут, в присутствии пьяного капитана, который был с Суворовым в Англии и за сей поход получает пенсию по смерти, как он сам сказывал»^[456].

Врал пьяный капитан — не совершал А. В. Суворов английского похода. Но и его вранье — тоже дорожный быт наряду с сальными свечками и булькающим самоваром на почтовой станции. Впрочем, кого только не встретишь на почтовом тракте Петербург — Москва!

П. А. Вяземский предложил В. Л. Пушкину отправить в Петербург арзамасцам его дорожные вирши, и простодушный Василий Львович сделал это. И напрасно. Что тут началось! 20 апреля 1816 года в Петербурге было созвано чрезвычайное собрание «Арзамаса», на котором присутствовали их Превосходительства Резвый Кот — Д. П. Северин, Старушка — С. С. Уваров, Очарованный Челнок — И. П. Полетика, Эолова Арфа — А. И. Тургенев, Громобой — С. П. Жихарев, Ивиков Журавль — Ф. Ф. Вигель. В отсутствие Светланы — В. А. Жуковского временным секретарем был Кассандра — Д. Н. Блудов. В дорожных стихах Старосты они не нашли ни таланта, ни вкуса: «...в них даже не было смысла; не было правильной прозодии; о горе, не было и хороших рифм, кроме заданных». Более того, петербургские арзамасцы сочли, что «из оных стихов может легко произойти для Арзамаса бесславление великое, а для Беседы и Академии торжество неожиданное»^[457]. Приговор был суров: Василия Львовича лишили звания Старосты и всех его привилегий и переименовали из Вота в Вотрушку.

Когда приговор стал известен В. Л. Пушкину, он поспешил 23 апреля 1816 года отправить из Москвы в Петербург письмо — для «Арзамаса»:

«С ума вы сошли, любезные арзамасцы. Предаете проклятию арзамасского старосту и сами не знаете за что. Яжелбицкие стихи не что иное, как шутка и порождение ухабов и зажор. Они совсем недостойны критики вашей, а к вам посланы единственно от того, что ничто от арзамасцев сокрыто быть не должно. Впрочем, я отдаю их совершенно в вашу волю. Вы можете даже отдать их Павлу Ивановичу Кутузову и сотоварищам его. Я к вам не писал по многим причинам: меня грусть одолела. Простите! Всех вас обнимаю и всем желаю счастья, здоровья и терпения.

Староста Вот я Вас!

Вы, милые мои, ни мало не учтивы,
Вы проклинаете несчастные стихи,
Смотрите! Несмотря на тяжкие грехи,
Шихматов, Шаховской, Шишков, Хвостов — все
живы.

В нашу Арзамасскую отчину
От Старосты Вот я Васа
Поучительная грамота
За неумением грамоте член Арзамаса Ахилл
5 пальцев приложил»^[458].

Московские арзамасцы — Ахилл (К. Н. Батюшков), Асмодей (П. А. Вяземский), Чу (Д. В. Дашков) вступились за Старосту. 6 мая 1816 года член Чу выступил с предложением московскому «Арзамасу» направить петербургскому «Арзамасу» ходатайство о его помиловании, вернуть ему его звание и имя, но «не прежде, как по произнесении им в торжественном собрании Хорошего Послания в стихах к членам Арзамаса и двух хороших басен на обе Беседы»^[459]. Про

басни нам ничего не известно, а вот послание «К Арзамасцам» Василий Львович написал, и написал не просто хорошо, но прекрасно. Эпиграфом он поставил слова из сочинения Цицерона «Лелий, или Беседа о дружбе»: «Что касается до человека, уши которого к истине закрыты, так что не в силах он бывает выслушивать правду от друга, то нужно отложить всякую надежду на вразумление его» (перевод П. Виноградова). Это предостережение адресовано друзьям-арзамасцам. Энергичными стихами Василий Львович говорит о своей вине — да, он действительно написал слабые стихи, но говорит и о вине арзамасцев, которые смогли так его обидеть:

Я грешен. Видно, мне кибитка не Парнас;
Но строг, несправедлив ученый Арзамас,
И бедные стихи, плод шутки и дороги,
По мненью моему, не стоили тревоги.
Просодии в них нет, нет вкуса — виноват!
Но вы передо мной виновные стократ.
Разбор, поверьте мне, столь едкий, не услуга:
Я слух ваш оскорбил — вы оскорбили друга (54).

Всё — по делу, очень точно, афористично. А далее Василий Львович с достоинством напоминает о своих заслугах, забытых почему-то его друзьями-единомышленниками:

Вы вспомните о том, что первый, может быть,
Осмелился глупцам я правду говорить;
Осмелился сказать хорошими стихами.
Что автор без идей, трудясь над словами,
Останется всегда невеждой и глупцом;
Я злого Гашпара убил одним стихом,
И, гнева не боясь Варягов беспокойных,

В восторге я хвалил писателей достойных (54).

«Злой Гашпар» — А. А. Шаховской (он назван именем героя его поэмы «Расхищенные шубы»), А один убийственный стих — это знаменитый стих из «Опасного соседа»: «Прямой талант везде защитников найдет».

Василий Львович сокрушается по поводу незаслуженных издевательств его друзей и говорит о себе, неспособном друзей обижать. Какая прекрасная автохарактеристика в его стихах и какая неподдельная грусть:

Я не обидел вас. В душе моей незлобной,
Лишь к пламенной любви и дружеству
способной,
Не приходила мысль над другом мне шутить!
С прискорбием скажу: что прибыли любить?
Здесь острое словцо приязни всей дороже,
И дружество почти на ненависть похоже (54).

Добрый Василий Львович от души прощает своих обидчиков и напоминает о благородных целях в их борьбе с беседчиками:

Вы все любезны мне, хоть я на вас сердит;
Нам быть в согласии сам Аполлон велит.
Прямая наша цель есть польза, просвещение,
Богатство языка и вкуса очищение (55).

Примечательно, что уже в 1816 году Василий Львович задает отнюдь не риторический вопрос в своем послании «К Арзамасцам»: «Но должно ли шутя о

пользе рассуждать?»(54). В 1818 году «Арзамас» по многим причинам распадется: в 1816 году умрет «Беседа», со смертью Г. Р. Державина прекратятся собрания беседчиков в его доме, попытки Д. И. Хвостова возродить «Беседу» окончатся неудачей, и «Арзамасу» вышучивать будет некого. В 1818 году многие арзамасцы разъедутся из Москвы и Петербурга, так что в обеих столицах не то что шутить будет некому, но шутников останется мало. Впрочем, вернемся в 1816 год.

Получив в Петербурге послание В. Л. Пушкина, С. П. Жихарев восхитился. 22 июля 1816 года сообщал он из Петербурга в Москву П. А. Вяземскому:

«Пушкина послание получено — и право хорошо. Кассандрин протокол послужил к доброму. Жаль, что нельзя его ^[460]напечатать: таких стихов Пушкин давно не писывал...»

Восхитились посланием и другие петербургские арзамасцы. 10 августа 1816 года в коляске, направляющейся из Петербурга в Царское Село, состоялось «приятное, хотя и беспорядочное заседание Арзамасского общества»: «Двадцать две версты неслась колесница, нагруженная ими, двадцать два ^[461]раза повторялось послание Вот я Васа».

Я грешен. Видно мне кибитка не Парнас;
Но строг, несправедлив ученый Арзамас.

При этом стихе самолюбие заиграло в сердцах всех членов: сам президент, волнуемый аппетитом и запахом жареной телятины, имел, однако ж, силу легкой улыбкой изъяснить свое удовольствие.

Я слух ваш оскорбил, вы оскорбили друга? Нет, добрый, милый Староста! Нет, ты нами не оскорблен,

ибо мы не имели намерения оскорбить тебя; мы отказались бы охотно от всех проказ и шуток, даже от новых стихов твоих, если бы могли думать, что огорчим твое сердце, слишком чувствительное.

Что прибыли любить!
Здесь острое словцо приязни всей дорожке,
И дружество почти на ненависть похоже.

Прекрасные стихи, и, к несчастью, справедливые, но только не в Арзамасе, а в свете.

Нет бурных дней моих на пасмурном закате.

Вот еще стих, достойный арзамасца: он говорит и воображению и сердцу. Но можно ли заметить все хорошие стихи нашего Старосты или записать все одобрительные восклицания Арзамасского общества. <...> Наконец все воскликнули: «Очищен наш брат любимый; очищен и достоин снова сиять в Арзамасе: он не Вотрушка; он член: Вот, он Староста: Вот я Вас, пусть он будет... Вот я Вас опять!» <...>

Так судили арзамасцы под ясными небесами царскосельскими и, решив сие важное дело, заключили заседание громким кликом: «Да здравствует Вот я Вас опять! Беседа, трепещи: опять! Опять!» ^[462].

Итак, два арзамасских сюжета — и вступление Василия Львовича в «Арзамас», и история, развернувшаяся вокруг его дорожных стихов, — это именно сюжеты, у которых есть своя драматургия, развитие действия, взаимоотношения персонажей, которые группируются в данном случае вокруг главного действующего лица — Старосты и его исполнителя В. Л. Пушкина, с блеском играющего роль, отданную ему друзьям. Арзамасцы играют с Василием Львовичем как с большим простодушным дитятей, который, впрочем, способен на мгновенные экспромты, на

импровизацию, который просто рожден для арзамасского театра (опыт участия его в домашних спектаклях, конечно, здесь очень пригодился). Особое удовольствие арзамасцев — от самого общения с добрым человеком, отзывчивым другом и стихотворцем, для которого шутки не заслоняют существа литературного дела. Иронизируя подчас над Василием Львовичем, арзамасцы были искренне привязаны к нему, любили его. Любовью и теплом пронизаны адресованные ему дружеские послания К. Н. Батюшкова и П. А. Вяземского. Одно из посланий К. Н. Батюшкова 1817 года мы цитировали в предисловии к нашей книге. Другое, также написанное в 1817 году, просто очаровательно. В нем — поэт и его судьба, остроумно соединенные, казалось бы несоединимые Парнас, музы, розы Эротов и гулянья, завтраки, жирный кофе:

Чутьем поэзию любя,
Стихами лепетал ты, знаю, в колыбели;
Ты был младенцем, и тебя
Лелеял весь Парнас и музы гимны пели,
Качая колыбель усердною рукой:
«Расти, малютка золотой!
Расти, сокровище бесценно!
Ты наш, в тебе запечатлено
Таланта вечное клеймо!
Ничтожных должностей свинцовое ярмо
Твоей не тронет шеи:
Эротов розы и лилеи,
Счастливы Пафоса затеи,
Гулянья, завтраки и праздность без трудов,
Жизнь без раскаянья, без мудрости плодов,
Твои да будут вечно!
Расти, расти, сердечный!
Не будешь в золоте ходить,
Но будешь без труда на рифмах говорить,

Друзей любить
И кофе жирный пить»^[463].

В послании П. А. Вяземского, написанном позже, в 1820 году, когда уже не было «Арзамаса», но оставалось арзамасское братство, — шутливые новогодние пожелания, в которых Василию Львовичу (пусть в это время уже подагрику) сулятся всё, что необходимо поэту, — веселье, любовь, вино и конечно же творчество:

Василий Львович милый! здравствуй!
Я бью челом на новый год!
Веселье, мир с тобою царствуй,
Подагру черт пусть поберет.
Пусть смотрят на тебя красотки,
Как за двадцать смотрели лет,
И говорят — на зов твой ходки, —
Что не стареется поэт.
Пусть цедится рукою Вакха
В бокал твой лучший виноград,
И будешь пить с Толстым без страха,
Что за плечами Гиппократ.
Пусть Феб умножит в двадцать первый
На рифмы у тебя расход,
И кляп наложится Минервой
Всем русским вральманам на рот^[464].

И дальше — в остроумной форме, но более чем серьезные пожелания:

Пусть нашим ценсорам дозволят
Дозволить мысли вход в печать;
Пусть баре варварства не холят

И не невежничает знать.

И пожелания, чтобы исправники были «в судах исправны», «Полковники не палачи, / Министры не самодержавны» и еще:

Пусть белых негров прекратится
Продажа на святой Руси.

Куда уж серьезнее!

Любовь Василия Львовича — в его посланиях и буриме, адресованных его друзьям. Он умел радоваться их радостям, признавать их литературные успехи. Поздравляя С. П. Жихарева — «милого Громобоя» с предстоящей женитьбой, В. Л. Пушкин признавался ему:

Вот я вас, приятель твой
Тебя любит всей душой (58).

А какое дивное буриме посвятил он В. А. Жуковскому:

Им точно славится, гордится Арзамас,
Не трогает его и Шаховского лапа.
Ума его никак не гнется ватерпас,
И он певцов глава, как церкви римской папа.
Я за него готов кричать и караул.
Пусть критики твердят, что вкус его бесовской;
Я гетмана сего вернейший есаул,
Талантом и душой любезен мне Жуковской
(222).

А какие послания и буриме посвящены П. А. Вяземскому!

Конечно, не все арзамасцы были близкими друзьями. Ну, каким другом мог быть Василию Львовичу С. С. Уваров? Разумеется, нет. Ближайший друг, несомненно, — П. А. Вяземский. Близкие друзья — А. И. Тургенев, В. А. Жуковский и К. Н. Батюшков, который, уезжая в Италию, просил И. И. Дмитриева передать Василию Львовичу, что дружбы его он никогда не забудет. Приятели — Д. В. Дашков, Ф. Ф. Вигель и С. П. Жихарев, может быть, и Д. В. Давыдов. Д. Н. Блудов и Д. П. Северин, хотя и упоминаются в письмах В. Л. Пушкина, слишком заняты службой, а потом им уже не до него. Правда, только сам Василий Львович мог бы сказать, насколько справедливы высказанные нами соображения. Но вряд ли он стал бы отрицать, что в сердце его особое место занял племянник Александр, арзамасский Сверчок — ребенок, детство которого проходило на глазах дяди, подросток, которого он в 1811 году отвез из Москвы в Петербург, в Царское Село, юный поэт — лицеист, ставший вдруг его собратом по перу и товарищем по «Арзамасу».

3. Вот я Вас опять и Сверчок

Астрологи, да и не только они, верят в то, что звезда, под которой родился человек, определяет его характер и судьбу, взаимоотношения с другими людьми. Александр Пушкин родился под созвездием Близнецов, воздушным знаком зодиака. И сам он — легкий, неуловимый. Он — импровизатор и в творчестве, и в жизни. Несмотря на то, что В. Л. Пушкину тоже был дан дар импровизации, староста «Арзамаса» — другой. Василий Львович — Телец. И хотя его астрологическая характеристика, на

наш взгляд, не во всем совпадает с реальностью, все же она действительно отражает некоторые его черты.

Телец «любит комфорт... <...> остроумен, может в одну минуту сочинить такую эпиграмму, что умрешь со смеху... <...> добр, чувствителен, сентиментален, обожает слушать и рассказывать о чувствах, своих и чужих...»^[465].

Что же касается взаимоотношений Тельца с Близнецами, то он с радостью берет на себя решение их проблем, «так как... восхищается их интеллектом и талантливостью»^[466], их любит. Этому можно верить или же не верить — как посмотреть. В самом деле, что касается проблем, может быть, даже неосознанных подростком Александром, то дядя во многом помогал их решать. Так, именно он отправился с племянником в 1811 году в Петербург. А ведь это было очень важно — сопровождать юного абитуриента Императорского Царскосельского лицея на вступительные экзамены, разделять с ним его волнение, успокаивать и ободрять его. Прогулки по Петербургу, визиты к знакомым — дядя сумел организовать досуг ребенка. Познакомив Александра с Иваном Пушным, тоже будущим лицеистом, дядя подсказал племяннику выбор «первого друга, друга бесценного», а что может быть в жизни важнее?! Конечно, юный поэт в Лицее сам прозорливо выбрал себе литературных учителей — Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова (их видел он, будучи дитятей, в Москве, в доме своих родителей). Их творчество определяло будущее русской литературы. Но ведь и Карамзин, и Жуковский, и Батюшков, с которыми лицеист Александр Пушкин встречается в Царском Селе, — это ближайший круг В. Л. Пушкина, и дяде оставалось только радоваться тому, что в этот круг вошел его племянник, что уважаемые им прекрасные авторы и прекрасные люди пожелали с его

племянником познакомиться. Когда перед окончанием Лицея Александру пришла мысль идти в гусары, Василий Львович отговорил его, указал на предназначенный ему путь — в поэзию. И, быть может, самое главное: заметив еще в детские его лета поэтический дар, В. Л. Пушкин искренне восхищался его первыми стихотворными опытами. Для юного таланта поощрение необходимо, оно окрыляет и побуждает к дальнейшему творчеству.

8 января 1815 года в Императорском Царскосельском лицее состоялся переводной экзамен лицеистов младшего возраста по русскому языку. В этот день на экзамене в присутствии патриарха русской поэзии Г. Р. Державина, министра просвещения графа А. К. Разумовского, других официальных лиц, родственников и знакомых лицеистов (но главное, конечно, — в присутствии Державина!) Александр Пушкин прочитал свои «Воспоминания в Царском Селе».

«Я прочел мои „Воспоминания в Царском Селе“, стоя в двух шагах от Державина, — вспоминал А. С. Пушкин в 1835 году. — Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом...

Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел обнять... Меня искали, но не нашли...» (XII, 158).

Это был не просто успех, это был первый литературный триумф. Не только Г. Р. Державин, но все собравшиеся были в восхищении. С волнением слушали они стихи юного поэта, посвященные недавним, всем памятным событиям нашествия наполеоновских войск на Россию. Александр Пушкин говорил о героической борьбе русского народа с завоевателями, о славной победе русского оружия, о подвиге родной Москвы:

Края Москвы, края родные.
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горестей и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны!
И вас багрила кровь и пламень пожирал!
И в жертву не принес я мщенья вам и жизни.
Вотще лишь гневом дух пылал!.. (I, 81).

«В этих великолепных стихах затронуто все живое для русского сердца, — вспоминал присутствовавший на экзамене Иван Пущин. — Читал Пушкин с необыкновенным оживлением. Слушая знакомые стихи, мороз по коже пробегает у меня» ^[467].

Свидетелем поэтического триумфа Александра Пушкина был и его отец, С. Л. Пушкин. Его дядя узнал об этом в Москве. Когда В. Л. Пушкин получил из Царского Села рукопись «Воспоминаний в Царском Селе», он поспешил познакомить с ней В. А. Жуковского, который с восхищением прочел стихотворение друзьям. П. А. Вяземский писал из Москвы в Петербург К. Н. Батюшкову:

«Что скажешь о сыне Сергея Львовича? Чудо и все тут. Его „Воспоминания“ вскружили нам голову с Жуковским. Какая сила, точность в выражении, какая твердая и мастерская кисть в картинах. Дай Бог ему здоровья и учения и в нем прок и горе нам. Задавит каналья! Василий Львович, однако же, не поддается и после стихов своего племянника, которые он всегда прочтет со слезами, не забывает никогда прочесть и свои, не чувствуя, что по стихам он племянник перед тем» ^[468].

Нет, конечно же ни о каком соперничестве дяди с племянником речи не было. Дядя радовался успехам

племянника, гордился им. Не раз говаривал он М. Н. Макарову: «Посмотрите, что будет из Александра!»^[469] Скорее всего, именно он, В. Л. Пушкин, передал «Воспоминания в Царском Селе» в московский журнал «Российский музей», в котором в апреле 1815 года стихотворение Александра Пушкина было напечатано с таким примечанием издателя В. В. Измайлова: «За доставление сего подарка благодарим искренно родственников молодого поэта, которого талант так много обещает»^[470].

Лицейские стихотворения Александра Пушкина «Гроб Анакреона», «На возвращение Государя Императора из Парижа в 1815 году» В. Л. Пушкин читал на заседаниях Общества любителей российской словесности в зале Университетского благородного пансиона. «...Публичные заседания, — писал в „Главах из воспоминаний моей жизни“ М. А. Дмитриев, — были тогда блестящее нынешних. Не было ни одного, на котором не присутствовали бы, в числе посетителей, и генерал-губернатор, и сенаторы, и дамы лучшего круга. А сзади их помещались, где сидя, а где и стоя, кто только желал и был приличен, без приглачительных билетов; в том числе толпа студентов и воспитанников университетского пансиона»^[471]. Многие приходили на заседания, чтобы послушать В. Л. Пушкина, дар декламации которого был всеми признан. Так что исполнение дядюшкой стихов племянника способствовало росту популярности поэта-лицеиста в московской публике.

Стремительный рост поэтического гения А. С. Пушкина давал повод к дружеским шуткам: которого из двух Пушкиных считать на Парнасе дядей, а которого племянником? (Вспомним приведенное выше письмо Вяземского Батюшкову.) Но для самого Александра Пушкина Царскосельский лицей был

временем ученичества и в поэзии. Он пробует свои силы в разных поэтических жанрах, в его лирике звучат голоса разных поэтов: Г. Р. Державина и Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского и К. Н. Батюшкова, Д. В. Давыдова... И голос В. Л. Пушкина тоже слышится в его лицейских стихотворениях. Племянник учился у дяди легкости изложения, афористичности поэтической фразы. В дружеских посланиях, мадригалах, эпиграммах Пушкина-лицеиста встречаются мотивы и образы, цитаты и реминисценции из стихотворений дяди. Так, в послании «К другу стихотворцу» Александр Пушкин предупреждает своего друга, вознамерившегося стать поэтом: Аполлон, быть может, «твой гений наградит — спасительной лозою» (I, 25). В эпиграмме В. Л. Пушкина, являющейся вольным переводом из Роберта Понса де Вердена, Феб, выслушав оды «стихотвора» и узнав, что ему «пятнадцать только лет», распоряжается: «Так розгами его» (207).

Лицейское стихотворение «Городок», написанное в жанре послания к «милому другу», перекликается с посланием В. Л. Пушкина «К Д. В. Дашкову» («Мой милый друг, в стране...»). Сравним:

Но, друг мой, есть ли вскоре
Увижусь я с тобой,
То мы уходим горе,
За чашей круговой...

(А. С. Пушкин, I, 106).

Мой милый друг, конечно,
Несчастье не вечно,
Увидимся с тобой!
За чашей круговой,
Рукой ударив в руку,

Печаль забудем, скуку
И будем ликовать;
Не должно унывать...

(В. Л. Пушкин, 45–46).

В «Городке» поэт-племянник так обращается к поэту-дяде:

И ты замысловатый
Буянова певец,
В картинах толь богатый
И вкуса образец... (I, 100).

Это заставляет вспомнить послание «К Д. В. Дашкову»

В. Л. Пушкина, где автор так говорит о К. Н. Батюшкове: «И милых Лар своих / Певец замысловатый»(45). Заметим, кстати, что в опубликованном в 1815 году в «Российском музее» стихотворении «Городок» впервые печатно упоминался герой «Опасного соседа» Буянов. Эта славная поэма дяди была переписана племянником в «потаенну / Сафьянную тетрадь» вместе с другими сочинениями, «презревшими печать», — стихотворными сатирами Д. П. Горчакова, «Видением на берегах Леты» К. Н. Батюшкова, шутливой трагедией И. А. Крылова «Подтипа», стихотворениями И. С. Баркова.

Для А. С. Пушкина-лицеиста дядюшка — «писатель нежный, тонкий, острый» (II, 419), «Нестор Арзамаса, / В боях воспитанный поэт, — / Опасный для певцов сосед / На страшной высоте Парнаса, / Защитник вкуса, грозный Вот!» (I, 384). Юный поэт — единомышленник дяди, его соратник в литературной борьбе с шишковистами.

Венец желаниям! Итак я вижу вас,
О други смелых муз, о дивный Арзамас!

Где славил наш Тиртей кисель и Александра,
Где смерть Захарову пророчила Кассандра,

.....в беспечном колпаке,
С гремушкой, лаврами и с розгами в руке (II,
463).

Это отрывки из речи А. С. Пушкина, произнесенной им при первом посещении заседания «Арзамаса» осенью 1817 года уже после окончания Лицея. Они сохранились в памяти тех, кто эту речь слышал. Тогда-то, осенью 1817 года, и вступил племянник старосты «Арзамаса» в ряды арзамасцев. (Наверное, надо пояснить, что названный в стихах «наш Тиртей» — В. А. Жуковский, автор стихотворений «Овсяный кисель» и «Императору Александру»; Кассандра — Д. Н. Блудов, который, вступая в «Арзамас», «отпел» члена «Беседы» И. С. Захарова, «напророчив» его смерть, — И. С. Захаров вскоре в самом деле умер.)

Как мечтал Александр Пушкин о своем участии в заседаниях «Арзамаса»! «Безбожно молодого человека держать взаперти и не позволять ему участвовать даже в невинном удовольствии погребать покойную Академию и Беседу губителей Российского Слова» (XIII, 3), — писал он 27 марта 1816 года из Царского Села в Москву П. И. Вяземскому. Но, сидя еще на лицейской скамье, он считал себя арзамасцем. Именно такую подпись — Арзамасец — поставил он под посланием к В. А. Жуковскому 1816 года, в котором дал убийственную характеристику беседчикам:

Под грозною Парнасскою скалою
Какое зрелище открылось предо мною?
В ужасной темноте пещерной глубины
Вражды и Зависти угрюмые сыны,
Возвышенных творцов Зоилы записные
Сидят — Бессмыслецы дружины боевые (I, 195).

Эпитет «угрюмые» — из «кормчей книги» «Арзамаса», поэмы «Опасный сосед». В. Л. Пушкин окрестил там С. А. Ширинского-Шихматова «угрюмым певцом». А. С. Пушкин в эпиграмме на беседчиков «угрюмыми певцами» назвал и С. А. Ширинского-Шихматова, и А. А. Шаховского, и А. С. Шишкова:

Угрюмых тройка есть певцов —
Шихматов, Шаховской, Шишков.
Уму есть тройка супостатов —
Шишков наш, Шаховской, Шихматов.
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской (I, 150).

Ф. Ф. Вигель вспоминал о том, что уже в Лицее А. С. Пушкин получил арзамасское прозвище Сверчок:

«Я не спросил тогда, за что его назвали Сверчком, теперь нахожу это весьма кстати: ибо в некотором отдалении от Петербурга, спрятанный в стенах Лицея, прекрасными стихами уже подавал он оттуда свой звонкий голос»^[472].

В апреле 1816 года Сверчок адресовал Старосте «Арзамаса» (В. Л. Пушкин, как мы помним, был избран старостой в марте 1816 года) послание:

Христос воскрес, питомец Феба!
Дай Бог, чтоб милостию неба

Рассудок на Руси воскрес;
Он что-то, кажется, исчез.
Дай Бог, чтобы во всей вселенной
Воскресли мир и тишина,
Чтоб в Академии почтенной
Воскресли члены ото сна... (I, 181).

Хотя и не слушал Александр Пушкин речи арзамасцев, в которых они «отпевали» живых покойников-«беседчиков», но свое стихотворное послание к арзамасскому старосте написал в ключе арзамасской пародии надгробной речи: и он остроумно варьировал мотивы «успения», «воскресения», «забвения», «вечного сна» применительно к творчеству литературных противников:

Но да не будет воскресенья
Усопшей прозы и стихов... (I, 181).

Единственное сохранившееся письмо дяди племяннику было адресовано в Царское Село, в Лицей. Оно было написано в Москве 17 апреля 1816 года и явилось откликом на приведенное выше послание Александра Пушкина (это часть не дошедшего до нас его письма В. Л. Пушкину):

«Москва. 1816. Апреля 17

Благодарю тебя, мой милый, что ты обо мне вспомнил. Письмо твое меня утешило и точно сделало с праздником. Желания твои сходны с моими: я истинно желаю, чтобы непокойные стихотворцы оставили нас в покое. Это случиться может только после дождика в четверг. Я хотел было отвечать на твое письмо стихами, но с некоторых пор Муза моя стала очень ленива, и ее тормошить надобно, чтоб вышло что-нибудь путное.

Вяземский тебя любит и писать к тебе будет. Николай Михайлович (Карамзин. — Н. М.) в начале мая отправляется в Царское Село. Люби его, слушайся и почитай. Советы такого человека послужат к твоему добру и, может быть, к пользе нашей словесности. Мы от тебя многого ожидаем. Скажи Ломоносову (Ломоносов Сергей, лицейский товарищ А. Пушкина. — Н. М.), что не похвально забывать своих приятелей; он написал Вяземскому предлинное письмо, а мне и поклона нет. Скажи, однако, что хотя я и пеняю ему, но люблю его душевно. Что до тебя касается, мне в любви моей тебя уверять не должно. Ты сын Сергея Львовича и брат мне по Аполлону. Этого довольно. Прости, друг сердечный. Будь здоров, благополучен, люби и не забывай меня.

Василий Пушкин.

П: П: Вот эпиграмма, которую я сделал в Яжелбицах». (В Яжелбицах мы нашли почтальона хромого, и Вяземский мне эту задал эпиграмму. — Прим. В. Л. Пушкина.)

Шихматов, почтальон! Как не скорбеть о вас?
Признаться надобно, что участь ваша злая;
У одного нога хромая,
А у другого Хром Пегас. (210-211).

В этом письме — весь Василий Львович: арзамасец-борец с «Беседой», даже в заданной ему эпиграмме, по существу — стихотворении на случай; почитатель Н. М. Карамзина, друг П. А. Вяземского, приятель молодежи (С. Ломоносов — ровесник А. Пушкина), любящий и заботливый дядюшка, чуждый зависти стихотворец, искренне признающий поэтическое дарование племянника, от которого он, как и другие арзамасцы, многого ожидает в будущем.

Единственное сохранившееся письмо племянника дяде было написано в Царском Селе, в Лицее 28 декабря 1816 года как запоздалый ответ, в стихах и прозе, остроумно и непринужденно:

«28(?) декабря 1816 г. Царское Село.

Тебе, о Нестор Арзамаса,
В боях воспитанный поэт,
Опасный для певцов сосед
На страшной высоте Парнаса,
Защитник вкуса, грозный Вот!
Тебе, мой дядя, в новый год
Веселья прежнего желанье
И слабый сердца перевод —
В стихах и прозою посланье.

В письме Вашем Вы назвали меня братом, но я не осмелился назвать Вас этим именем, слишком для меня лестным.

Я не совсем еще рассудок потерял.
От рифм бахических шатаюсь на Пегасе,
Я знаю сам себя, хоть рад, хотя не рад.
Нет, нет, вы мне совсем не брат,
Вы дядя мой и на Парнасе.

Итак, любезнейший из всех дядей-поэтов здешнего мира, можно ли мне надеяться, что Вы простите девятимесячную беременность пера ленивейшего из поэтов-племянников?

Да, каюсь я, конечно, перед вами
Совсем неправ пустынный-рифмоплет;
Он в лениности сравнится лишь с богами,

Он виноват и прозой и стихами,
Но старое забудьте в новый год.

Кажется, что судьбою определены мне только два рода писем — обещательные и извинительные: первые в начале годовой переписки, а последние при последнем ее издыхании. К тому же заметил я, что и вся она состоит из двух посланий, — это мне кажется непростительным.

Но вы, которые умели
Простыми песнями свирели
Красавиц наших воспевать,
И с гневной Музой Ювенала
Глухого варварства начала
Сатирой грозной осмеять,
И мучить бледного Шишкова
Священным Феба языком
И лоб угрюмый Шутовского
Клеймить единственным стихом!
О вы! Которые умели
Любить, обедать и писать,
Скажите искренно, ужели
Вы не умеете прощать?

28 декабря
1816 года

Р. С. Напоминаю себя моим незабвенным. Не имею более времени писать; но — надобно ли еще обещать? Простите, вы все, которых любит мое сердце и которые любите еще меня».

Шапель Андреевич конечно
Меня забыл давным давно,

Но я люблю его сердечно
За то, что любит он беспечно
И пить и есть свое вино
И над всемирными глупцами
Своими резвыми стихами
Смеяться — право пресмешно (XIII, 4-6).

Письмо Пушкина-лицеиста интересно для нас во многих отношениях. Это арзамасское послание, адресованное не только Василию Львовичу, но и другим друзьям, князю П. А. Вяземскому, шутливо именованному Шапелем Андреевичем (Клод-Эммануэль Люиллье Шапель — известный французский поэт конца XVII — начала XVIII века, которому подражали многие русские стихотворцы, не исключая и Вяземского). В письме Сверчка — литературный портрет «грозного Вота», старосты «Арзамаса», комплиментарное исчисление его боевых заслуг в сражениях с «Беседой» (еще бы, он ведь «защитник вкуса»). Но отмечая его заслуги полемиста, мастерство сатирика, вспоминая «Опасного соседа», Александр Пушкин не забывает и о том, что его дядя — еще и поэт прекрасного пола, включает его не только в литературный, но и в бытовой контекст, в конечном счете создает чрезвычайно симпатичный образ доброго стихотворца, который умеет не только писать, но и любить, и обедать, и (что совсем немаловажно) прощать. Существенно и то, что в письме выразился шутливый, но все же пиетет младшего — «ленивейшего из поэтов-племянников» перед старшим — «любезнейшим из всех дядей-поэтов здешнего мира». Ироническое отношение к дяде, не исключаящее, разумеется, постоянной родственной любви, придет позже. А в пору Лицея дядя-поэт — один из литературных учителей поэта-племянника. Он — «дядя и на Парнасе», «Парнасский отец» (так назвал

его Александр Пушкин в еще одном лицейском послании).

В 1817 году после окончания Лицея А. С. Пушкин был зачислен на службу в Коллегию иностранных дел с чином коллежского секретаря. Он спешит вознаградить себя за годы лицейского затворничества. Балы, театры, дружеские собрания и пирушки — вот жизнь Александра Пушкина в Петербурге. Увлечения светскими дамами и актрисами, невинные шалости и шалости политические (еще бы: расхаживая по рядам кресел, показывать литографированный портрет Лувеля, заколовшего 13 февраля 1820 года в Париже герцога Беррийского, сына наследника французского престола, да к тому же со своей надписью «Урок царям»!). И все же в шумной и суетной петербургской жизни поэта-племянника есть и творческий труд, поэзия. Ему некогда писать дяде; правда, в посланиях к друзьям он не забывает передать ему поклон и просит обнять его «за ветреного племянника». Василий Львович, напротив, живо интересуется всем, что с ним связано, — его здоровьем, проказами, знакомствами, его стихами, сетует на его молчание. Обратимся к письмам В. Л. Пушкина, адресованным П. А. Вяземскому:

«Сегодня я получил неприятное письмо: наш поэт Александр был отчаянно болен, но благодаря Бога, ему легче.

Москва, 30 января 1818 года»^[473].

«Тургенев здесь пробудет несколько недель. Он мне сказывал, что мой племянник пишет прекрасную поэму („Руслан и Людмила“. — Я. М.), и читал из нее отрывки в последнем Арзамасе...

17 апреля. Москва. 1818» (225-226).

«Племянник мой совершенный урод. Он теперь пишет новую поэму, от которой Тургенев в восхищении.

Москва. 1818. Мая 16» (228).

«Милая наша княгиня Serge Голицына (Е. И. Голицына. — Я. М.) возвратилась также в Москву белокаменную. <...> Племянник мой Александр у нее бывал всякий день, и она меня порадовала, сказав, что он малый предобрый и преумный.

Москва, 8 июня 1818» (229).

«Брат Сергей Львович живет в Опочке на границе Белорусских губерний. Он приехал в свою деревню 27 июня, а 28-го, то есть на другой день, умерла его теща (М. А. Ганнибал. — Я. М.). <...> Александр остался в Петербурге; теперь, узнав о кончине бабушки своей, он, может быть, поедет к отцу. Я о нем знаю только по слуху. Около года я от нашего поэта не получал ни строчки.

С. Березичи Козельского уезда, 2 августа 1818 года»
[\[474\]](#).

«... о племяннике своем я слышу, что он страшно проказничает.

Москва, 1 ноября [1818 года]»
[\[475\]](#).

«Жду от тебя письма нетерпеливо. Скажи мне что-нибудь о племяннике моем, о его поэме („Руслан и Людмила“. — Я. М.) и о похождениях его. Я уверен, что ты с ним бывал нередко.

Февраля 14 дня [1819 года]» (243).

«Я восхищаюсь дарованиями моего племянника, но сердечно сожалею, что он посещает таких вандалов, как воспетый мною Шаховской. Не мудрено с волками завывать волком.

Москва. 26 марта 1819 года» (245).

«Шаховской все еще в Москве. Он мне сказал, что племянник мой у него бывает почти ежедневно. Я не отвечал ни слова, а тихонько вздохнул.

Москва, 23 апреля [1819 года]» (254).

«Пожалей о нашем поэте Пушкине. Он болен злою горячкою. Брат мой в отчаяньи, и я чрезвычайно

огорчен такую печальной вестью. Тургенев пишет вчера, что ему намного лучше, но что опасность еще не миновалась.

Москва. 25 июня [1819 года]» (259).

В начале июля болезнь Александра Пушкина, судя по всему, прошла. Во всяком случае, 9 июля И. И. Дмитриев сообщал в письме А. И. Тургеневу о том, что его порадовали хорошие вести о молодом поэте и что на следующий день, то есть 10 июля, он будет обедать у В. Л. Пушкина и праздновать выздоровление племянника.

Другая опасность нависла над Александром Пушкиным в 1820 году — его вольнодумные стихи, эпиграммы, во множестве списков распространявшиеся по России, дошли до правительства. Александр был вызван к петербургскому генерал-губернатору М. А. Милорадовичу для объяснений. Сам такой вызов — тревожное событие. А если учесть, что во время этой встречи речь шла о пушкинских либеральных стихах... Узнав об этом, московские друзья, как мы помним, стали подшучивать над законопослушным Василием Львовичем, сказали, что М. А. Милорадовичу будто бы стало известно — стихи-то принадлежат перу не племянника, а дяди. В. Л. Пушкин перепугался — и всё же, думается, не столько за себя, сколько за Александра. Между тем петербургские друзья хлопотали как только могли: за А. С. Пушкина просили и В. А. Жуковский, и Н. М. Карамзин. Общие усилия друзей спасли молодого поэта от сурового наказания. Вместо предполагаемой ссылки в Сибирь или на Соловки было решено перевести его в южные губернии под начальство генерала И. Н. Инзова. 6 мая 1820 года коллежский секретарь А. С. Пушкин выехал из Петербурга в Екатеринослав. На следующий день, 7 мая К. Я. Булгаков поспешил сообщить об этом брату

А. Я. Булгакову в письме, отправленном из Петербурга в Москву:

«Пушкин-поэт, поэтов племянник вчера уехал в Крым. Скажи об этом поэту-дяде»^[476].

Для Александра Пушкина начиналась другая жизнь, полная новых встреч и впечатлений, новых творческих замыслов.

Дядя же оставался по-прежнему в Москве, жил привычной московской жизнью...

Глава девятая «В МОСКВЕ НОВОСТЕЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ МНОЖЕСТВО» (ПЕРВОПРЕСТОЛЬНАЯ В ПИСЬМАХ В. Л. ПУШКИНА)

1. Московские события и происшествия

«По мне в предметах чтения нет ничего более занимательного, более умильного чтения писем, сохранившихся после людей, имеющих право на уважение и сочувствие наше. Самые полные, самые искренние записки не имеют в себе того выражения истинной жизни, какими дышут и трепещут письма, написанные беглою, часто торопливою и рассеянною, но всегда, по крайней мере на ту минуту, проговаривающеюся рукою. Письма — это самая жизнь, которую захватываешь по горячим следам ее. Как семейный и домашний быт древнего мира, внезапно остывшего в лаве, отыскивается целиком под развалинами Помпеи, так и здесь жизнь нетронутая и нетленная, так сказать, еще теплится в остывших чернилах»^[477].

Приведенное суждение П. А. Вяземского в полной мере можно отнести к адресованным ему письмам его друга В. Л. Пушкина. В них — не просто хроника московской жизни. В них — сама жизнь, запечатленная мастером эпистолярного жанра (недаром современники называли письма Василия Львовича литературной драгоценностью). Особенно интересны письма, отправленные П. А. Вяземскому в Варшаву в 1818–1821 годах, когда князь находился на службе в канцелярии императорского комиссара в Королевстве Польском, изредка приезжая в Россию. Именно они изобилуют

множеством подробностей, для нас весьма любопытных: Василий Львович пишет о государственных событиях, частных происшествиях — веселых, грустных, а иногда и трагических, сообщает другу о свадьбах, похоронах и служебных назначениях, рассказывает о балах, маскарадах, гуляньях, театральных и домашних спектаклях, о заседаниях Английского клуба и Общества любителей российской словесности. И это не только жизнь Москвы, это и жизнь Василия Львовича. Нам безусловно предстоит занимательное чтение. Но прежде чем мы обратимся к некоторым страницам, исписанным его торопливой рукой, еще несколько предварительных замечаний. Конечно, письма В. Л. Пушкина говорят сами за себя. Но все же в отдельных случаях мы позволим себе дать к ним краткие пояснения, привести в какой-то мере комментирующие и дополняющие их газетные и журнальные публикации того времени, литературные тексты, эпистолярные, дневниковые и мемуарные свидетельства современников. А теперь — к делу.

Начнем, пожалуй, с событий государственной важности.

«Сию минуту пушечные выстрелы возвестили нам рождение великого князя Александра Николаевича. Великая княгиня Александра Федоровна разрешилась от бремени в 12 часу и во время военного парада при звуках труб, литавр и барабанов» (227).

Василий Львович сообщил о рождении будущего царя Александра II в самый день его рождения 17 апреля 1818 года — он родился в Архиерейском доме Чудова монастыря в Кремле, куда императорская семья приехала в начале апреля, где говела и ожидала Пасху. 20 апреля «Московские ведомости» сообщали об этом событии так:

«Бог услышал теплые молитвы верноподданных, и праздник Светлого Христова Воскресенья восхотел

ознаменовать щастливейшим событием для России. В 11 часов утра 17-го числа сего месяца, то есть в среду, выстрел из пушки возвестил нам благополучное разрешение от бремени Ея Императорского Высочества Государыни Великой Княгини Александры Федоровны и обрадовал как Императорский благословенный Дом, так и всех жителей древней Столицы Москвы новорожденным Великим Князем Александром. Сие щастливое событие пребудет навеки незабвенным в летописях Москвы, а паче в сердцах жителей ея, издревле приверженных к Царям и Отечеству»^[478].

Когда Василий Львович слушал пушечные выстрелы (по некоторым сведениям, в Москве был дан салют в 201 пушечный залп), вряд ли он мог предположить, что родился наследник престола, наставником которого будет его друг В. А. Жуковский, император, который осуществит мечту его племянника увидеть «народ неугнетенный / И рабство падшее по манию царя» (Александр II в 1861 году отменит крепостное право).

«В Москве теперь большая суматоха. Вчера граф Торماسов угощал царей. Съезд был чрезвычайный. Сегодня поутру государь император и король прусской осматривали архив Иностранных дел. После обеда все поедут в Архангельское к князю Юсупову, который приготовляет *goûter délicat*^[479]. Завтра бал в Благородном собрании. Король прусской помолодел и похорошел и, кажется, Москвою чрезвычайно доволен» (228).

Прусский король Фридрих Вильгельм III приехал в Россию 29 мая 1818 года и пробыл в Москве и Петербурге до 10 июля. Когда 8 июня 1818 года В. Л. Пушкин сообщал П. А. Вяземскому о его пребывании в Первопрестольной, он был хорошо осведомлен о «культурной программе», организованной

для высокого гостя. Мы же можем подробнее узнать о ней, читая «Московские ведомости».

Действительно, 7 июня граф А. П. Тормасов, заступивший после Ф. В. Ростопчина на должность военного генерал-губернатора Москвы, «угощал царей». «В пятницу, 7 числа, — сообщалось в номере за 12 июня 1818 года, — в семь часов по полудни Военный Генерал-Губернатор Граф Александр Петрович Тормасов давал для Их Величеств великолепный бал, к которому приглашено было до пяти сот знатнейших обоего пола Особ. <...> Граф Тормасов, приняв высоких гостей с надлежащею почестию, препроводил Их Величества в огромную залу, прекрасно освещенную, при входе в которую загремела огромная музыка»^[480]. «Московские ведомости» сообщали также, что «приготовленный стол» «отличался как изящным убранством, так и вкусом», а «дом, вся площадь и напротив главнокомандующаго дому выстроенная каланча были иллюминированы»^[481].

15 июня «Московские ведомости» писали о том, что «при обозрении разных достопримечательностей, находящихся в сей первопрестольной Столице, удостоено Высочайшего внимания двух Великих МОНАРХОВ и хранилище древних отечественных Хартий, Московский Государственной Коллегии Генеральных дел Архив»: изволив прибыть туда 8 июня в девять часов утра, венценосные посетители «в продолжение целого часа раз-сматривали прежде любопытнейшие Акты Российского Государства, а потом занимались и внешними сношениями оногo с некоторыми Европейскими и Азиатскими Державами»^[482].

Как сообщал П. А. Вяземскому В. Л. Пушкин, после обеда 8 июня монархи «с Государынями Императрицами и со всею Царскою Фамилиею» действительно

«отправились в Архангельское к Князю Николаю Борисовичу Юсупову, где для Их Величеств был приготовлен бал и ужин»^[483]. Разумеется, все это было «в прекрасно убранных покоях, где ожидало Государей и Государынь многочисленное собрание знатных Особ»^[484].

Был ли Василий Львович среди приглашенных? Или же он с чьих-то слов писал П. А. Вяземскому о том, что «король прусской помолодел и похорошел»? Доподлинно известно из его же писем, что на балу в Благородном собрании Василий Львович присутствовал. Об этом бале, который состоялся 9 июня, господа старшины Российского Благородного собрания дали объявление в 46-м номере «Московских ведомостей» за 1818 год: дамам предписывалось быть «в круглых платьях без шлейфов», а кавалерам — «в мундирах и башмаках». Василий Львович, который, по его собственному признанию, пудриться не любил, да и мундир был ему «не по сердцу» (230), отправился в Благородное собрание на хоры. На следующий день, 10 июня он писал П. А. Вяземскому:

«Вчера в Благородном клубе собрание было многолюдное и бал великолепный. Императорская фамилия, король прусский, кронпринц — все тут находились и пробыли до 11 часов. — Я был на хорах вместе с кн. Мар. Никол. Гагариной и чуть было не умер от духоты и жара. Никол. Евг. Кашкин прогуливался в милиционном мундире, в башмаках и с зеленым пером. Новый действительный статский советник Н. А. Дурасов точно в таком же костюме подбегал с поклонами ко всем Андреевским кавалерам. Князь Голицын, который жарит и ест мосек, танцевал польский. Ты видишь, что лиц знакомых было довольно. Я пошел из Благородного собрания в Аглинский клуб. Нашел Батюшкова, Гнедича и Жихарева сидящих за столом. Батарей шампанского

вина стояли перед ними; я подсел к нашим приятелям, и мы стали вместе пить и прохладиться»^[485].

Конечно, после духоты и жара в Благородном собрании здесь было особенно приятно.

«Сегодня открывается монумент Пожарского и Минина, — писал В. Л. Пушкин П. А. Вяземскому 20 февраля 1818 года. — Я, боясь простуды, вместо того чтоб смотреть на парад и на всю эту церемонию, беседую с тобою. Сегодня же вечером дают в Благородном собрании большую ораторию. Славные артисты Соколов и Зубов будут восхищать нас своим пением» (220).

У памятника Минину и Пожарскому своя предыстория. Мысль об увековечении их подвига возникла очень давно. К 1808 году скульптор И. П. Мартос выполнил модель памятника, для сооружения которого в Нижегородской губернии была объявлена подписка на сбор средств. К 1811 году нижегородцам удалось собрать 18 тысяч рублей. Однако в феврале того же года Комитет министров принял решение установить памятник в Москве, а в Нижнем Новгороде воздвигнуть обелиск, на медных досках пьедестала которого дать описание славных дел знаменитых мужей. Отечественная война 1812 года заставила отложить это прекрасное намерение: в Москве памятник К. Минину и Д. Пожарскому был установлен на Красной площади в 1818 году, обелиск в Нижнем Новгороде на территории кремля — в 1828-м.

Торжественная церемония открытия памятника подробно описана в «Московских ведомостях», вышедших в субботу 23 февраля:

«Древняя Столица Москва, разграбленная и сожженная кровожадным неприятелем, час от часу более и более приходит в первобытное цветущее состояние попечениями и деятельностью

Всеавгустейшего МОНАРХА, вознамерившагося, к изящному украшению ея, а более для поощрения любезных чад своих к великим подвигам и любви к Отечеству, почтить безсмертных Мужей в летописях Российских Минина и Князя Пожарского, прославившихся избавлением Отечества от ига иноплеменного, великолепным памятником, который и был сооружен, по приказанию ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, славным Художником Мартосом и доставлен сюда прошедшею осенью; ныне же Февраля 20-го воспоследовало торжественное открытие онаго...»^[486]

И далее — рассказ о том, как на Красной площади колоннами расположились кавалерия, пехота и артиллерия, как государь выехал верхом из Никольских ворот, а карета с государынями императрицами — из Спасских ворот; затем строение, скрывавшее памятник, разрушилось, открывшийся монумент вызвал всеобщий восторг, и мимо монумента «все войско при звуке огромной музыки проходило скорым маршем»^[487].

«Во время сего торжественного обряда стечение жителей было неимоверное, — писали „Московские ведомости“, — все лавки, крыши Гостиного двора, лавки, устроенные нарочно для Дворянства около Кремлевской стены, стены и самая башни Кремля были усыпаны народом, жаждущим насладиться сим новым и необыкновенным зрелищем»^[488].

Василий Львович по нездоровью своему этим зрелищем не наслаждался. Вряд ли он посетил вечером и Благородное собрание, где в пользу инвалидов Отечественной войны 1812 года исполнялась упомянутая им в письме оратория «Пожарский и Минин» (слова Н. Д. Горчакова, музыка Дехтярева). В оратории участвовали хор придворных певчих, оркестр Императорского Московского театра лейб-гвардии, музыканты из лучших московских оркестров,

исполнялась турецкая и роговая музыка^[489]. Но в два часа пополудни Василий Львович все же отправился на Красную площадь:

«Я не выдержал и поехал посмотреть на монумент. — Сие произведение искусства достойно славных времен Греции и Рима. Я ничего не видел подобного. Стечение народа было многочисленное. Когда я приехал на площадь, церемония кончилась. Я вышел из саней и с час смотрел на знаменитых Пожарского и Минина. Я слышал много любопытного. Один толстый мужик с рыжею бородою говорил своему соседу: Смотри, какие в старину были великаны! Нынче народ омелел. Другой: В старину ходили по Руси босиком, а на нас немецкие сапоги надели. Третий: Прославляется Матушка-Москва каменная! Таких чудес еще и не бывало! Час от часу все у нас краше! И точно правда! Через десять лет Москва будет украшением нашего отечества» (221-222).

Что нового покажет мне Москва?

Вчера был бал, а завтра будет два.

Тот сватался — успел, а тот дал промах.

Все тот же толк и те ж стихи в альбомах^[490].

С этими словами Чацкого, вернувшегося в Москву из чужих краев, мог бы обратиться к В. Л. Пушкину П. А. Вяземский, уехавший из Москвы в чужие края. (К сожалению, его письма Василию Львовичу, как и весь архив Василия Львовича, не сохранились.)

Московские балы — сквозная тема писем В. Л. Пушкина:

«Богач Потемкин переходит в новый свой дом и в будущую пятницу, т. е. в день гуляния на Пречистенке,

дает огромный бал, на котором, я думаю, только птичьего молока не будет» (17 апреля 1818 года) (225).

«Накануне нового года князь Барятинский дает маскарад. Все наши красавицы в тревоге, и на Кузнецком мосту проезда нет. Я уверен, что мадам Ле-Бур получит теперь барыши сто на сто. Корсаковы готовят какую-то славную кадрили, в которой будет танцевать Андрей Павлович Афросимов. У кн. Андрея Гагарина балы по средам, у Апраксина по четвергам. — У Белосельской вечеринки по понедельникам» (21 декабря 1819 года)^[491].

«Здесь в Москве бал за балом, маскарад за маскарадом...» (13 февраля 1820 года)^[492].

«Здесь балы, маскарады и спектакли всем вскружили голову. Завтра бал у Пашковых, 30-го числа маскарад у Бобринских, третьего февраля спектакль у Полторацких» (19 января 1821 года) (271).

Василий Львович бывал на балах, участвовал в маскарадах. И. И. Дмитриев писал 12 января 1820 года из Москвы в Петербург А. И. Тургеневу о «добром Пушкине»:

«Накануне нового года он было разбодрился в маскараде князя Барятинского — одет был Сатурном и всюду метал французские стихи, а теперь опять в подагре и лежит»^[493].

О свадьбах, о московских невестах В. Л. Пушкин пишет особенно часто — «в Москве ведь нет невестам перевода». Это предмет московских разговоров, московского толка: «Тот сватался — успел, а тот дал промах». Обсуждаются и приданое невесты, и состояние и чин жениха.

«Приятная и, верно, тебе известная новость есть та, что кн. Софья Федоровна идет замуж за Лодомирского. Он умен и богат» (11 июля 1818 года) (233).

«Денис Давыдов женится на Чирковой. Она мила — и у нее 1000 душ» (14 февраля 1819 года) (244).

«Сегодня — свадьба Корсаковой. Приданое, сказывают, чрезвычайное: две кровати, нарядная и простая, — нарядная голубая с серебром, простая из батиста д'Екос, шитая бумагою, двадцать семь шлафроков, шитых с кружевами, тридцать шляп разного рода, куча шалей, часов, чулок и пр. и пр. В прошедшее воскресенье все это было разложено, и гостей любопытных было множество, но я в том числе не был» (23 апреля 1819 года) (254).

«Вчера вечером Акинфьев женился на Корсаковой. Их венчали в церкви Вознесения на Никитской. Любопытных была бездна, и в том числе И. И. Дмитриев. Ваши Полуэктовы были провожатыми, кажется, с жениховой стороны. Невеста и все дамы были в бриллиантах. Все московские фрейлины невесту одевали к венцу. — Тверская площадь была заставлена каретами, и давно такой пышной свадьбы я не видел. Денис Давыдов тебе кланяется. Он был в церкви с молодою своею женою» (24 апреля 1819 года) (255).

«Константин Полторацкий женится на милой кн. Софье Голицыной. На прошлой неделе он угощал невесту и новую свою родню на даче в Сокольниках. Мы обедали в палатке, украшенной розами и лилеями, играла прекрасная духовная музыка, пели песельники и пр. После обеда гр. Потемкина, Голицыны и Ланская ездили верхами. В девятом часу вечера нас привели в комнату, где был приготовлен великолепный полдник. На столе стояла большая серебряная чаша с лимонадом. Офицеры поднесли ее Полторацкому в день его именин прошедшего 21 мая. Одним словом, мы провели день чрезвычайно приятно» (21 июня 1818 года) (231-232).

«В Москве, говорят, две свадьбы. Молодая графиня Мамонова идет замуж за Анрепа, флигель-адъютанта Государя Императора. Старая Свиньина за графа

Ланжерона. Ей нужен полный генерал, а Ланжерону нужен полный сундук» (22 мая 1818 года)^[494].

«Дарья Николаевна Лопухина, племянница или внучка кн. Потемкина, вышла замуж за учителя детей своих Опермана и принесла ему в приданое 1400 душ. Доктора Лодер и Шминц принуждены были Оперману уступить место, которое они довольно времени занимали. Оперману лет за 50, а Лопухиной под 50. Теперь можно вспомнить о пословице: седина в бороду, а бес в ребро» (23 сентября 1820 года) (269).

Двум последним историям можно и улыбнуться. А вот та история, о которой Василий Львович рассказал в письме от 8 мая 1819 года, вызывает сочувствие:

«На этих днях Александра Сергеевна Щукина, сестра оставленной Ивановой и племянница кн. Мосальского, бежала из дому дяди своего, Дмитрия Федоровича Щукина, с холопом генерала Лаптева и, сказывают, вышла за него замуж. По сие время беглецов не отыскиали. Я думаю, что ты знаком был с нею. Она мне всегда казалась умною и любезною девушкою. Нынче на холопей честь, и им жить раздолье! Эта безумная оставила родным письмо, в котором просит, чтоб они почитали ее мертвою, что она бежала с человеком низкой породы, но души благородной и высокой и пр. и пр.» (257).

Ну просто сюжет для романтического повествования, небольшого рассказа, да и не только рассказа: в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» умная и любезная девушка Софья видит в человеке низкой породы Молчалине (ее отец Фамусов «безродного пригрел и ввел в свое семейство») душу высокую и благородную.

Свадебные сюжеты в письмах В. Л. Пушкина соседствуют с другими: Василий Львович рассказывает

о свадьбах и похоронах, об отставках и назначениях в должности, о производствах в чины...

«Обер-полицмейстер Шульгин идет в отставку. Сказывают, что на его месте будет князь Хилков, генерал-майор, который женится на Елизавете Семеновне Обресковой. У Алексея Пушкина меньшей сын умирает. Елена Григорьевна в отчаянии; а Наталья Абрамовна при последнем конце. Весна у нас прекрасная и так тепло, как в июне» (10 апреля 1819 года) (251).

«Молодой Апраксин женится на Фофке Толстой. Свадьба будет в Ольгове, нынешним летом в июне или июле месяце. Архиерей Августин скончался и погребен. Сонцов выздоровел, играет в карты и проигрывает. Не все коту масленица, бывает и великий пост. Анна Николаевна в восхищении ожидает варшавских башмаков и земно тебе кланяется. Соседки Пушкины здоровы, и сегодня я у них обедаю» (16 марта 1819 года) (246).

Всё как в монологе Фамусова: погребение и обед соседствуют — «одно уж к одному». Письма Василия Львовича дают представление о главных жизненных интересах московского барства, о своеобразной жизненной философии, о круговороте московской жизни.

«В Москве новостей и приключений множество. Кирияков, богатейший из здешних купцов, зарезал за обедом сестру свою. Это случилось 7 числа в присутствии многих родных и гостей. Несчастливая жила около суток, исповедовалась, причащалась св. тайн и простила своего убийцу. Все утверждают, что он без ума и что бешенство всему причиной; однако в допросах он ничего безумного не говорил. Старуха мать в совершенном отчаянии. Дом Кириякова запечатан. Он объявил более трех миллионов капитала, а наличных денег нашли только шестьсот тысяч рублей. Старший

брат его недавно с ним разделился и получил также на свою часть несколько миллионов. Эти Кирияковы — двоюродные братья тому, который купил прежде бывший твой дом у Тутолмина. Убийца содержится теперь в тюрьме и производится следствие.

На прошедшей же неделе, 9 числа, наши московские гаеры играли „Семирамиду“. Надобно тебе сказать, что Семенова здесь и приехала сюда на месяц. Кондаков, представлявший роль Ассура, лишь только появился на сцену, забыв свою роль, залепетал, упал и — умер. Занавес опустили. Директор предложил взять деньги обратно, но публика собранную сумму отдала жене умершего. Киселевы в этот день звали меня в свою ложу, но я по какому-то предчувствию не поехал. Зрителей в театре было множество, и все в одну минуту разъехались по домам» (19 сентября 1819 года) (264).

Что касается купца Кириякова и его преступления, то мы пока не можем ничего добавить к рассказу В. Л. Пушкина. А вот ужасная театральная история может быть дополнена некоторыми сведениями. Сначала — несколько слов о ее участниках.

Екатерина Семеновна Семенова — великая трагическая актриса, ученица Н. И. Гнедича. Дочь крепостной, в замужестве она стала княгиней Гагариной и покинула сцену. Игрой «великой Семеновой» восхищался А. С. Пушкин, видевший спектакли с ее участием в Петербургском театре. В 1820 году в статье «Мои замечания об русском театре» он дал восторженную характеристику и ей, и ее игре:

«Говоря о русской трагедии, говоришь о Семеновой и, может быть, только об ней. Одаренная талантом, красотою, чувством живым и верным, она образовалась сама собою. <...> Игра всегда свободная, всегда ясная, благородство одушевленных движений, орган чистый, ровный, приятный и часто порывы истинного

вдохновения, все сие принадлежит ей и ни от кого не заимствовано» (XI, 10).

Игрой Е. С. Семеновой восхищался и дядя А. С. Пушкина:

«Актриса Семенова в Москве, но тебя здесь нет, следственно она уедет в Петербург без кружевного платья. Я ее видел, играющую Клитемнестру в „Ифигении“. Прекрасно! Но прочих должно со сцены гнать помелом. Это не актеры, а разбойники» (14 октября 1818 года) (239-240).

Партнер Е. С. Семеновой в спектакле «Семирамида» (трагедия Вольтера) — Михаил Кондратьевич Кондаков, актер русской драматической труппы в Москве. По отзыву театрала С. П. Жихарева, он «играет, что велят, а по настоящему резонер и порядочный Тарас Скотинин»^[495]. Благодаря дневнику С. П. Жихарева сохранилась и оценка игры М. К. Кондакова, данная известным актером и драматургом П. А. Плавильщиковым в 1805 году:

«Вот хоть бы взять нашего Кондакова: он из семинаристов и, по-настоящему, плохой актер, но публика его терпит, потому что он читает внятно, слова нижезет как жемчуг, ни одного не проронишь. Такой человек если не оттенит своей роли, то и не проглотит ее, но передаст публике верно, что хотел сказать автор. Если имеешь орган и чистое произношение, то есть и возможность заставить слушать себя»^[496].

Смерть М. К. Кондакова на сцене нашла отражение в «Записках» актера П. А. Каратыгина. В его рассказе есть подробности, которые свидетельствуют о трагизме произошедшего, бездушии театральных чиновников, черствости некоторой части театральной публики. И хотя, вероятнее всего, В. Л. Пушкин ничего не знал об этом, позволим себе привести достаточно пространный отрывок из «Записок» П. А. Каратыгина:

«Здесь мне пришло на память одно грустное происшествие, случившееся с Семеновой в Москве, которую она не раз посещала.

В один из этих приездов назначена была, для первого выхода Катерины Семеновны, трагедия „Семирамида“. Разумеется, за несколько дней до представления все билеты были разобраны нарасхват; но накануне этого спектакля московский актер Кондаков, который занимал в этой трагедии роль Ассура, сильно захворал. Через великую силу он кое-как пришел, однако, поутру на репетицию и предупреждал режиссера, чтобы он на всякий случай принял какие-нибудь меры, потому что он играть, кажется, не в состоянии. Режиссер бросился к директору с этим неприятным известием. Директором московского театра был тогда Майков; он немедленно приехал в театр взбешенный и не хотел слышать никаких отговорок; отменить такой интересный спектакль, которого ждет половина Москвы, он ни за что не соглашался. Позвали доктора. Театральный эскулап пощупал пульс у больного, прописал ему что-то и сказал, что он ничего особенно важного не предвидит и полагает, что к вечеру больной поправится; Майков, со своей стороны, ругнул беднягу и дал ему заметить, что если из-за его ничтожной болезни спектакль не состоится, то за это не поздоровится ему во всю его жизнь; даже грозился отставить его от службы. Нечего делать! Бедный Кондаков был человек пожилой, семьянин, запуганный, скромный по природе, хотя и изображал классических злодеев; он покорился необходимости; кое-как окончил репетицию, вечером явился в театр, облачился в мишурную хламиду и, как гладиатор, пошел на смертную арену по приказанию начальства.

Первый акт прошел благополучно, но во втором акте, в сцене с Семирамидой, он должен был стать перед нею на колени, он стал — и упал мертвый к ее

ногам! Завесу опустили; публика поднялась, из-за кулис все бросились к нему — но он уже покончил свою жизненную драму! — апоплексический удар был следствием его болезни. Можно себе представить, какой потрясающий эффект произвела в театре эта роковая катастрофа.

Мертвеца отнесли в уборную и совлекли с него мишурное облачение. Тот же эскулап, который поутру не предвидел ничего опасного в болезни, пустил ему кровь, но никакие медицинские меры не могли вернуть жизни бедному труженику.

Публика более четверти часа оставалась в недоумении, наконец пришли ей известить, что спектакль, по внезапной болезни актера Кондакова, не может быть окончен. Начался, конечно, шум, говор, суматоха; кто требовал назад деньги; кто спрашивал капельдинеров: можно ли оставить билеты до будущего представления „Семирамиды“; нашлись, может быть, и такие господа, которые думали, что покойный был просто пьян»^[497].

П. А. Каратыгин рассказал и о продолжении этой жуткой истории: уже после того, как публика разошлась и огни в театре были потушены, на представление дивертисмента, который должен был последовать за трагедией «Семирамида», явился танцовщик. В темноте он вошел в уборную и наткнулся на мертвеца — ужас, да и только!

Другая история тоже театральная, но вовсе не страшная, а скорее забавная. Это своего рода водевиль с переодеванием, разыгранный не на сцене, а в зрительном зале. И об этом В. Л. Пушкин тоже сообщил в письме П. А. Вяземскому 16 ноября 1818 года:

«На этих днях вывели из театра известную берейторшу Шульц. Она приехала в ложу с мужчиною, переодетым в женское платье, и сама была одета

странным образом, в бакенбардах, и голова окутана в какую-то салфетку. Ее было отправили в контору, но Берхман вступился: у него с нею большие, говорят, лады» (242).

Действующие лица этого водевиля — жена колымажного берейтора Шульца Марья Ивановна, урожденная Козлова, московский дворянин, театрал Евграф Иванович Сибилев (это он переоделся в женское платье) и Степан Федорович Берхман, служащий в экспедиции кремлевского строения в Москве, женатый на княжне Елизавете Григорьевне Щербатовой.

Муж мадам Шульц был, как уже сказано, берейтором. На Волхонке между переулками Колымажным и Малым Знаменским находился колымажный двор, где стояли колымаги, кареты, другие экипажи. Там же были и конюшни, и колымажный манеж. Там собирались любители верховой езды, кавалеры и дамы, которым Шульц давал уроки. В 1805 году среди его учеников был С. П. Жихарев, записавший 25 марта 1805 года в своем дневнике: «...берейтор Шульц, красивый мужчина средних лет и отличный ездок»^[498]. 1 января 1806 года, рассказывая о том, как он со знакомыми повесами прогулял всю ночь в маскараде с разными дамами двусмысленного поведения, С. П. Жихарев упомянул об одной из них — М. И. Козловой, которая сообщила ему, что выходит замуж за берейтора Шульца. «Поздравляю ее, — писал С. П. Жихарев, — супружество блистательное. Но, правду сказать, она женщина чудесная, собою красавица и стоит такого мужа. О прежнем говорить нечего: кто старое помянет, тому глаз вон»^[499]. Ошибся С. П. Жихарев: спустя 12 лет красавица, по-видимому, взялась за старое, раз уж стала участницей сомнительного приключения в театре.

Е. И. Сибилеву участие в этом приключении, вероятно, было в удовольствие. П. А. Вяземский вспоминал о нем:

«Дамский угодник, он находился в свите то одной, то другой московской красавицы. <...> Вообще он был нрава веселого и большой хохотун. У него были кошачьи ухватки. Он часто лицо свое словно облизывал носовыми платками, которых носил в карманах по три и по четыре. Князь Юсупов говорил про него: он не только московский ловелас, но и московский ложелаз. Так прозвал он его потому, что, бывая во всех спектаклях, он никогда ничего не платил за вход, а таскался по ложам знакомых своих барынь»^[500].

Театральное приключение имело неожиданное продолжение.

«Берхман увез мадам Шульц, — писал В. Л. Пушкин П. А. Вяземскому 10 апреля 1819 года. — Это совершенная правда. Он нанял своей красавице небольшую квартиру близ Запасного Дворца, а между тем отделяет ей дом на Поварской. Эта шалость станет ему в копейку, и надобно думать, что жена знает все его проказы. Шульц показывает какие-то письма, в которых Берхман, уверяя берейторшу в любви своей, подписывается и любовником, и мужем. Каково тебе это покажется?

Сибилев с Шульцем в большом ладу, а с похищенной женою в ссоре. Кажется, что в другой раз он не поедет с нею в театр, переодетый в женское платье» (249).

Театр представлен в письмах Василия Львовича многочисленными названиями спектаклей и именами актеров, сведениями самыми разными. Его, завязатого театрала, интересует всё, что связано с театром, в том числе и ремонтные работы, и назначение новых начальников.

«Главный директор Российских театров кн. Тюфякин находится здесь, и камергер Майков у него днюет и

ночует. По приезде в Москву Тюфякин приказал обить ложу директорскую шелковой материей; вот единственная перемена, которая в нашем театре воспоследовала. Вчера играли „Князя-Невидимку“. Старик Петр Михайлович Лунин восхищался музыкою, декорациями, балетом и кричал „C'est comme a'Paris! Bravo! Mr. Maikoff! Bravo!“^[501]. Я хохотал от чистого сердца. Танцовщица Новкова умерла. О ней не грех потужить и поплакать. Французская труппа, которую ожидают в Петербурге, начнет в сентябре свои представления, и я думаю, что многие варшавские актеры туда переедут. Тюфякин мне сказывал, что все ложи взяты и что это дело пойдет хорошо» (18 августа 1819 года) (262).

Василий Львович — постоянный зритель драматических и оперных спектаклей. Он наслаждается итальянской оперой в доме С. С. Апраксина, бывает на концертах заезжих знаменитостей. Когда в 1820 году в Москве в зале Благородного собрания поет «чудесная Каталани, восхищая и изумляя своим „магическим пением“» (выражение И. И. Дмитриева), то В. Л. Пушкин конечно же занимает свое место в первых рядах ее восторженных поклонников. 25 июля 1820 года на концерте итальянской певицы он подносит ей французский катрен:

Подчас богам для нас бывает
Творить угодно чудеса.
Царица пения пленяет
Сердца нам, уши и глаза.

(Перевод Н. Муромской)

П. И. Шаликов тоже посвящает Каталани свои стихи и еще прозу: в 60-м номере «Московских ведомостей» за 1820 год напечатано его восторженное описание

концерта Каталани. И. И. Дмитриев сообщал П. А. Вяземскому:

«Не знаю, дошли ли до вас их катрены. Вот третий»:

Что Шаликов сказал в газетах Каталани?

Что у него язык присох к гортани.

А Пушкин что примолвил ей?

Что у него глаза и пара есть ушей ^[502].

Театральные новости в письмах В. Л. Пушкина — это и новости о постановках на сценах домашних театров. Без его участия домашние спектакли конечно же многое теряли. Не случайно 4 февраля 1821 года А. И. Тургенев шутливо писал И. И. Дмитриеву: «Желаю слышать о блистательных подвигах Василия Львовича на сцене мира и домашних театров». Правда, сообщая П. А. Вяземскому названия пьес, В. Л. Пушкин, как правило (вероятно, из скромности), не рассказывал о своей игре, но этот досадный для нас пробел в какой-то мере восполняют письма А. Я. Булгакова брату за 1822 год — в это время П. А. Вяземский уже вернулся в Россию и сам мог насладиться игрой своего друга.

14 июля 1822 года А. Я. Булгаков сообщал К. Я. Булгакову о празднике в Остафьеве по случаю дня рождения П. А. Вяземского: большой съезд гостей, пальба из пушек, праздничный обед, катание на лодках по пруду, народный праздник на лугу — качели, хороводы. И театральное представление. В пьесе «Портной Руссо» играли Василий Львович и Алексей Михайлович Пушкины:

«Оба Пушкина были очаровательны. Василий Львович играл роль богача, помешанного на почестях, титулах и праздниках. А. М. Пушкин играл портного и весьма нас позабавил! Его роль состояла в том, чтобы обманывать богача; теперь он только это и делает в

гостях всякий раз, когда встречает в гостях доброго доверчивого Василия Львовича» (оригинал по-французски)^[503].

24 июля А. Я. Булгаков описывал праздник в имении Мусиных-Пушкиных Валуево, куда отправился вместе с В. Л. Пушкиным. Дождь помешал фейерверку, иллюминации и прогулкам. Но обед был очень хорош, шампанское всех развеселило, начались танцы и игры. Василий Львович отличился в шарадах. Нужно было представить слово «ворона». И Василий Львович изобразил в этом представлении известной басни И. А. Крылова лисицу: он появился на четырех лапах из-за ширм в обыкновенном своем костюме, толстый, изнемогающий от неудобной позы и к тому же опасаящийся приступа подагры. Это было уморительное зрелище. К тому же сказали, «что роль лисицы подходит Вас. Львовичу как самому тонкому, самому остроумному в обществе. В. Л. был очень польщен и согласился...» (оригинал по-французски)^[504]. Смех, да и только.

Но обратимся вновь к письмам В. Л. Пушкина. Литературная тема не менее значима в них, чем театральная. Свои и чужие сочинения, журнальные статьи, суждения о литературных новинках, рассказы о чтениях в частных домах, о заседаниях Общества любителей российской словесности. И здесь — тоже не только новости, но и происшествия.

«Новостей у нас не много, — писал Василий Львович П. А. Вяземскому 27 марта 1819 года. — Шаховской в Москве, ездит по домам и читает какого-то Пустодома, новую комедию плодовой своей Музы. Третьего дня он читал ее в доме Андрея Семеновича Кологривова; креслы под огромною тушею Гашпара подломились, он упал вверх ногами, панталоны лопнули, и он показал присутствующим

ce e qui servit au premier homme
a'procreer le gentre huimain.
La Fontaine^[505].

Я на этот случай написал следующую эпиграмму»:

Читая Пустодома,
Несчастный жребий свой наш Гашпер
предузнал,
Партера грозного он не дождавшись грома,
Осмеянный — упал. (246–247).

Андрей Семенович Кологривов, в доме которого А. А. Шаховской читал свою комедию, — генерал, который, по словам С. П. Жихарева, в молодости был гулякой, а в 1819 году, как мы видим из письма В. Л. Пушкина, интересовался и литературными новинками. Когда комедиограф представлял «Пустодомов» (не «Пустодом», как писал Василий Львович, а «Пустодомы») у А. С. Кологривова, комедия не была еще ни поставлена, ни напечатана. Ее премьера состоялась в Петербурге, в Большом театре, 10 декабря 1819 года, впервые вышла в свет отдельным изданием также в Петербурге в 1820 году. 20 октября 1820 года пьеса была поставлена в Москве. Написана же она была много раньше — вероятно, в 1817–1818 годах. Путь произведения А. А. Шаховского на сцену был достаточно долгим, потому как драматург 12 июля 1818 года был уволен из театра. Причиной тому послужила его ссора с директором театра князем П. И. Тюфякиным, который оскорбился репликой в комедии «Своя семья» — «Он до обеда глуп, после обеда пьян», приняв ее на свой счет. К тому же свидетелями ссоры стали актеры — так что из театра

А. А. Шаховскому пришлось уйти. Впрочем, с комедией «Пустодомы» многие познакомились до ее постановки на сцене. Так, А. С. Грибоедову пьеса не понравилась. После премьеры высказывались различные суждения. А. С. Пушкин счел «Пустодомов» дурной комедией, а С. Т. Аксаков — комедией оригинальной, отличающейся прекрасными стихами и прелестными сценами. В. Л. Пушкин в своей эпиграмме на так неловко упавшего А. А. Шаховского пророчил ему провал комедии, грозный гром партера, смех не только над комедией, но и над ее сочинителем.

22 февраля 1818 года Василий Львович был на 33-м заседании Общества любителей российской словесности, читал стихотворение В. С. Чюрикова «Песнь старца», свои стихотворения «Подражание XXXI оде Горация» и «Кабуд-путешественник». Но в письме П. А. Вяземскому от 27 марта 1818 года (то есть спустя более месяца после заседания) он ничего не пишет о своих успехах декламатора и стихотворца:

«Не знаю, дошла ли до тебя весть о том, что происходило в последнем собрании нашего ученого общества? Мерзляков читал письмо какого-то Анонима, возмущавшегося против экзаметров, баллад, одним словом, ругал нашу Светлану сколько душе его хотелось. Вот до чего доводит зависть! Господин профессор, забыв, что Жуковский сам присутствует в собрании, вздумал давать ему уроки, и министр просвещения, попечитель университета, И. И. Дмитриев и многие другие были слушателями. На другой день он явился к приятелю нашему с извинением, и тот, по доброте души своей, простил его. — Я страшно был сердит на нового Зоила, и с тех пор еще с ним и не встречался» (223).

Алексей Федорович Мерзляков, профессор Императорского Московского университета по кафедре красноречия и поэзии, был еще и поэтом, переводчиком,

критиком. «Письмо какого-то Анонима», которое он читал, — это «Письмо о гекзаметрах, балладах и баснях, присланное от неизвестного». «Неизвестным» был сам А. Ф. Мерзляков. Объект его критики — романтическая поэзия, баллады и, разумеется, баллады В. А. Жуковского.

«Стихотворец развязан в чувствах и мыслях, — возмущался профессор. — <...> Скажите, Милостивые господа, баллада имеет ли какие-нибудь для себя правила? <...> Теперь, Бог знает что: ни вероятия в содержании, ни начала, ни конца, ни цели, ни худой, ни доброй: все достоинство в слоге. Слог хорош; но что остается у меня в голове или в сердце?»^[506]

Василий Львович не обратил внимания на то, что А. Ф. Мерзляков нарушил устав общества: ведь на предварительном заседании он не прочитал свое сочинение, которое собирался огласить в присутствии публики. А среди тех, кто пришел его слушать, оказались знатные чиновные особы: министр просвещения князь Александр Николаевич Голицын, попечитель Московского учебного округа князь Андрей Петрович Оболенский (он был двоюродным дядей П. А. Вяземского). Присутствовал на заседании и И. И. Дмитриев, поэт и человек весьма почтенный и всеми уважаемый.

Литературные страсти кипели в Москве. В 1818 году вышли в свет первые восемь томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Это было событие не только литературного, но и огромного общественного значения. «История...» имела небывалый ранее успех в читающей публике. Восемь лет спустя А. С. Пушкин вспоминал:

«Болезнь остановила на время образ жизни, избранный мною. <...> Это было в феврале 1818 года. Первые восемь томов Русской истории Карамзина

вышли в свет. Я прочел их в моей постеле с жадностью и со вниманием. Появление сей книги (так и быть надлежало) наделало много шума и произвело сильное впечатление, 3000 экземпляров разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) — пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать Историю своего Отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия казалось найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили. Когда, по моему выздоровлению, я снова явился в свете, толки были во всей силе» (XII, 305).

Толки о карамзинской истории — в письмах В. Л. Пушкина, восторженного почитателя историографа. Но прежде, чем мы к ним обратимся, несколько слов о суждениях близких к Н. М. Карамзину людей.

П. А. Вяземский считал Н. М. Карамзина М. И. Кутузовым 1812 года: историк спас Россию от нашествия забвения собственной истории. Сказано точно: после победы России в Отечественной войне 1812 года в обществе остро ощущалась потребность исторического самосознания. Труд Н. М. Карамзина — «нашего Ливия», «нашего Тацита» — отвечал на этот, как сказали бы сегодня, вызов времени. Недаром участник войны 1812 года Ф. И. Толстой-Американец признавался в том, что, только прочитав «Историю государства Российского», он узнал, что у него есть Отечество.

В. А. Жуковский увидел в «Истории...» источник вдохновения и славы, и он оказался прав: вспомним хотя бы трагедию А. С. Пушкина «Борис Годунов», источником которой было сочинение Н. М. Карамзина.

Огромный интерес и восхищение вызвала «История...» у И. И. Дмитриева и К. Н. Батюшкова. В

послании В. А. Жуковскому 1818 года А. С. Пушкин писал о Батюшкове-читателе карамзинского труда:

Смотри, как пламенный поэт,
Вниманьем сладким упоенный,
На свиток гения склоненный,
Читает повесть древних лет! (II, 535).

Сочинение Н. М. Карамзина, основанное на тщательном изучении многочисленных исторических источников, было не только трудом историка, но и произведением выдающегося писателя. Кроме того, — и это очень важно, — Н. М. Карамзин писал об исторических событиях, соединяя свое описание с нравственной оценкой этих событий. Любовь к Отечеству, желание добра любезным соотечественникам, вера и надежда на лучшее будущее для России — всё это есть в «Истории государства Российского». Позволим себе заявить, что не только давняя, искренняя и глубокая любовь к Н. М. Карамзину, но и понимание того литературного подвига, который он совершил, стоят за восторгами В. Л. Пушкина.

«История Российская вся уже раскуплена в Петербурге, и здесь ее продают дорогой ценою. Я читаю ее с восхищением и просиживаю за нею целые ночи, — писал Василий Львович П. А. Вяземскому 20 февраля 1818 года. — Каченовский отдает справедливость трудам Николая Михайловича и преклонил, так сказать, перед ним колена; я за это начинаю любить его. Вигель (Ивиков Журавль) пишет к Блудову, что многие в Петербурге называют „Историю Российского государства“ славнейшим произведением нынешнего века (что согласно с мнением моим и в чем, кажется, и сомнения нет), а что некоторые критикуют предисловие, утверждая, что он в нем предсказывает

падение нашей империи, что Автор мало говорил похвального о предках наших и что в новой истории слишком много ссылок и примечаний. Разумеется, что сии критики — сущие невежды и глупцы и что они помрачить славы нашего Ливия не могут. Графиня Катерина Алексеевна Мусина-Пушкина удивляется, что Николай Михайлович не прислал ей ни одного экземпляра своей истории, и признаться надобно, что и для меня это удивительно. Он пользовался многими рукописями, находящимися у гр. Алексея Ивановича, и, кажется, нельзя было ему о том запомнить, тем более, что он прислал два экземпляра, один Булгакову, а другой Малиновскому» (219–220).

Профессор Императорского Московского университета по русской истории, статистике, географии, русской словесности, издатель «Вестника Европы» Михаил Трофимович Каченовский недолго оставался коленопреклоненным. Он выступил с критикой Н. М. Карамзина, которая возмутила И. И. Дмитриева, П. А. Вяземского (написавшего на Каченовского четыре убийственные эпиграммы) и, разумеется, В. Л. Пушкина. Василий Львович тоже «вооружался» против Зоила эпиграммами, призывал П. А. Вяземского «втоптать его в г...» (чрезвычайно редкий случай использования в его письмах ненормативной лексики), начал сочинять, но так и не сочинил «Разговор с журналистом». Перипетии борьбы с М. Т. Каченовским и другими противниками историографа — в его письмах.

«Почтенный наш Николай Михайлович остается в Петербурге еще на зиму, — писал В. Л. Пушкин 2 августа 1818 года П. А. Вяземскому, — а мне сдается, что он и воочию там жить будет. История Российская печатается вторым тиснением и, кажется, с некоторыми прибавлениями. Каченовский беснуется, Мерзляков

пьянствует с досады, Кутузов (П. И. Голенищев-Кутузов. — Н. М.) в исступлении. Ура!» (236).

А как негодовал Василий Львович на брань А. М. Пушкина! Правда, нет правил без исключений. К критическим замечаниям княгини Е. И. Голицыной, красавицы, которой был увлечен его племянник, В. Л. Пушкин просто не мог не отнестись снисходительно:

«Вчера я представил Батюшкова любезной Княгине. Он от нее без ума. Она восхищается Москвою, Кремлем, древностью Храмов и говорила о чувствованиях своих с таким жаром, так складно и так хорошо, что я чуть было от радости не заплакал. Потом стала рассуждать о „Истории“ Карамзина и уверяла нас, что в ней нет поэзии, что нет в ней хорошо описанного характера, и говорила сущий вздор, но таким прелестным голосом, что мы ей простили искренно ее заблуждение. Батюшков признался, что если он с ней просидит еще один вечер, то она вскружит ему голову и сердце. Мы от нее поехали в два часа за полночь; и думаю, что Парни спал нынешнюю ночь очень худо» (230).

Итак, «История государства Российского» Н. М. Карамзина — событие в жизни Москвы, даже если судить об этом только по письмам В. Л. Пушкина. Дорогая цена издания (в Петербурге за восемь томов надо было заплатить 50 рублей, в Москве — 80 рублей) не остановила заинтересованных читателей. Заметим, что, рассказывая об этом событии, как и о других московских событиях, В. Л. Пушкин бегло очертил портреты участвующих в этих событиях москвичей, в отдельных случаях добавил некоторые штрихи к уже известным нам портретам современников (увлеченная памятниками древней Москвы княгиня Е. И. Голицына, влюбчивый поэт К. Н. Батюшков и др.). Портреты москвичей в письмах В. Л. Пушкина представляют для

нас особую ценность. Потому нужно сказать о них особо.

2. Москвичи и гости столицы. Штрихи к портретам

На листочках пожелтевшей бумаги, исписанных орешковыми чернилами, — литераторы и помещики, чиновники и офицеры, барыни и барышни, старики, старухи, юные красавицы, волокиты, чудаки, безумцы... Есть в письмах В. Л. Пушкина и купцы, и лица духовного звания, да и мужички тоже иногда появляются... Силуэты, абрисы тех, чьи имена нам хорошо знакомы, и тех, о ком мы, быть может, никогда не узнаем, объединяясь друг с другом, образуют грандиозный групповой портрет. Своего рода подготовительные этюды к нему — беглые зарисовки москвичей на фоне бальных залов, театральных лож, московских улиц и площадей, подмосковных усадеб. Мы уже могли убедиться в этом, читая те страницы писем Василия Львовича, на которых речь шла о московских событиях и происшествиях. Вряд ли имеет смысл в данном случае сопоставлять портретные зарисовки В. Л. Пушкина с живописными портретами или же портретами литературными. Не будем забывать о том, что у Василия Львовича портреты «вмонтированы» в письма, одна из главных целей которых — информация. И всё же — информация, ценная и для того, чтобы составить представление о том или ином упомянутом в письмах человеке. Сообщенные Василием Львовичем сведения, характеристические детали и подробности можно считать штрихами к портретам москвичей и гостей Первопрестольной.

Прежде чем обратиться к некоторым персонажам московской жизни, запечатленным в эпистолярной

прозе В. Л. Пушкина, предлагаем взглянуть на многофигурную картину, которую мы находим в его письме от 8 мая 1819 года. Письмо это тем более интересно, что в нем представлены живые картины — одно из театрализованных развлечений московского дворянства. К тому же то, что рассказал о живых картинах и их участниках Василий Львович, открывает простор для воображения читателя, позволяет в какой-то мере воссоздать некогда увиденное В. Л. Пушкиным.

«Я тебя уведомляю, любезнейший мой, о всех наших происшествиях, зная, что все московское для тебя интересно. Соседки мои Пушкины дали прошедшего 1 мая прекраснейший вечер. У них были картины так называемые движущие, и всем этим управлял Тончи. Первая картина изображала Корнелию, мать Гракхов, указывающую жене Кампанейской на детей своих. — Кн. Волконская с детьми своими была Корнелия, а сестра двоюродная ее мужа, кн. Волконская — Кампанейская жена. Во второй картине гр. Варвара Алексеевна представляла святую Сецилию, играющую на арфе и окруженную поющими ангелами (сыновьями Веневитиновой). Эта картина была прелестна! Третья картина показала нам Антигону, ведущую слепца Эдипа: Антигона была гр. Софья Алексеевна, а Эдип — Тончи. Зрелище, можно сказать, — очаровательное. В антрактах кн. Маргарита Ивановна Ухтомская играла на фортепиано, Пудиков на арфе, славный волторнист Кугель на волторне. Все это было прекрасно; и гости забыли, что в этот день шел проливной дождь, что гулянье в Сокольниках было самое несчастное!» (256–257).

Пушкины, в доме которых были устроены живые картины, — это Мусины-Пушкины. В. Л. Пушкин знал и покойного Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, известного историка, археолога, собирателя рукописей, которому принадлежит честь открытия «Слова о полку

Игоре» (он умер в 1817 году), его вдову Екатерину Андреевну, урожденную Волконскую, их детей.

О доме Мусиных-Пушкиных вспоминала внучка Алексея Ивановича и Екатерины Андреевны, дочь Екатерины Алексеевны Мусиной-Пушкиной и Василия Петровича Оболенского Софья Васильевна Мещерская:

«Дом стоял особняком на маленькой площади (Разгуляй), в конце двух Басманных, и был огромный трехэтажный; в нижнем этаже, где мы жили, стены имели два аршина толщины. К нему примыкал большой сад, в котором протекала быстрая речка Чончера, посреди сада был довольно большой и чистый пруд с островом. Далее лежали огороды с парниками, а вообще под усадьбой считалось 7 десятин.

Дом этот сгорел в 12-м году, потом был опять отстроен» ^[507].

В отстроенный заново дом 8 мая 1819 года и съехались гости.

Сальватор Тончи, который, как выразился В. Л. Пушкин, «управлял» у Пушкиных живыми картинами, — человек, во многих отношениях замечательный. С 1815 года он служил в экспедиции кремлевского строения, содействовал основанию архитектурной школы. Главное же — он был философом, поэтом, певцом, музыкантом и живописцем. Его кисти принадлежат портреты И. И. Дмитриева, Г. Р. Державина, Е. Р. Дашковой, Павла I, А. В. Суворова. Кому же как не ему было организовать постановку живых картин!

Первая картина чрезвычайно живописна. По преданию, матрона из Кампании, тщеславная и знатная, хвалилась перед Корнелией, матерью будущих героев Древнего Рима, своими драгоценностями. Корнелия же подвела гостью к колыбели, где лежали ее сыновья — Тиберий и Гай, откинула полог и сказала: «Вот мои

драгоценности». Корнелию изображала Наталья Алексеевна Волконская, урожденная Мусина-Пушкина, дочь Алексея Ивановича и Екатерины Андреевны, жена Д. М. Волконского. В спектакле приняли участие ее сыновья Алексей и Михаил. Знатную матрону представляла княжна Мария Николаевна Волконская — она в 1822 году выйдет замуж за Н. И. Толстого и станет матерью Л. Н. Толстого. Будущему писателю не было и двух лет, когда умерла его мать. Портреты ее, кроме силуэта, запечатлевшего ее в детские годы, не сохранились. Л. Н. Толстой расспрашивал о ней родных, знал, что она была нехороша собой, отличалась тяжелой походкой, но была человеком высокой души. Когда в романе «Война и мир» Л. Н. Толстой писал о княжне Марье Болконской, о ее духовном облике, о ее лучистых глазах, он вспоминал свою мать, которую всю жизнь нежно любил. Письмо В. Л. Пушкина с упоминанием о том, что М. Н. Волконская участвовала в живых картинах, очень важно. Ведь о матери Л. Н. Толстого известно мало. А здесь мы видим ее в лучшем московском обществе, занятою игрою в живые картины. Вероятно, она была одета в римское платье с ниспадающими складками, украшена драгоценным убором, сверкала бриллиантами. И никто, даже она сама, не мог знать тогда, что она подарит миру великого писателя, лучшую из всех возможных драгоценностей.

Святую Сецилию (Цецилию), покровительницу духовной музыки, изображала графиня Варвара Алексеевна Мусина-Пушкина. Возле нее пели ангелы — братья Веневитиновы — тринадцатилетний Алексей и четырнадцатилетний Дмитрий, будущий поэт.

Антигону представляла Софья Алексеевна Мусина-Пушкина — ей посвящали свои стихи П. А. Вяземский и В. Л. Пушкин. Рядом с ней, в роли слепого царя Эдипа, Сальватор Тончи, по-видимому, был очень хорош.

«Стройная и величаявая наружность: лицо еще свежее, волосы густые и несколько кудрявые, осеребренные преждевременною и красивою сединою»^[508], — писал о нем П. А. Вяземский.

Продолжим читать письма В. Л. Пушкина.

«Александр Львович Нарышкин в Москве, — сообщал он П. А. Вяземскому 20 февраля 1818 года. — На сих днях я провел у него целый вечер; в доме его раздолье — чего хочешь, того просишь. — Песельники, духовая музыка — Лобанова и Медведева пляшут по-русски, Новикова и Баркова — по-цыгански. Шампанское льется рекою — стерлядей ешь как пискарей. Апельсины вместо кедровых орехов, одним словом — разливанное море, и хозяин — настоящий боярин русской. Я полагаю, что так жывал в старину Матвеев, родитель Натальи Боярской дочери» (220-221).

Отчего бы и в самом деле не вспомнить В. Л. Пушкину повесть Н. М. Карамзина «Наталья боярская дочь», герой которой боярин Матвеев зазывал к себе в праздники гостей:

«Тут в одну минуту являлись на столах чаши и блюда, и ароматический пар горячего кушанья, как белое тонкое облако, вился над головами обедающих. Между тем хозяин ласково беседовал с гостями, узнавал их нужды, подавал им хорошие советы, предлагал свои услуги и, наконец, веселился с ними, как с друзьями»^[509].

Гастрономический натюрморт, на фоне которого изображен В. Л. Пушкиным «первый Gastronom своего времени» (определение С. П. Жихарева), не менее выразителен, чем описание трапезы в карамзинской повести. Отсылка к герою этой повести заменяет характеристику А. Л. Нарышкина. С. П. Жихарев так писал об Александре Львовиче (любопытно, что его

слова перекликаются с приведенными выше текстами и В. Л. Пушкина, и Н. М. Карамзина):

«Это настоящий русский барин. Он не думает унижить своего достоинства, протягивая дружелюбно руку незначительному чиновнику и предлагая ему прибор за столом своим. Говорят, что он легкомысленен; а какое кому до того дело? Он не путается в дела государственные, не берет на себя тяжелой обязанности быть решителем судьбы людей и довольствуется своим жребием быть счастливым и по возможности счастливить других»^[510].

Князь Николай Борисович Юсупов, вельможа екатерининского времени, главноуправляющий Московской экспедицией кремлевского строения и мастерской Оружейной палаты, член Государственного совета, сенатор, владелец подмосковной усадьбы Архангельское, где были собраны ценнейшие коллекции скульптур, картин и книг, фарфора, где усадебный театр украшали декорации Пьетро Гонзаго, не раз упоминается в письмах В. Л. Пушкина. В уже цитированном нами письме от 8 мая 1819 года мы находим всего один, но весьма характерный штрих к его портрету:

«Мирза Юсупов взял к себе какую-то русскую красавицу и никому ее не кажет» (258).

И в молодости, и в глубокой старости Н. Б. Юсупов был страстным поклонником женской красоты, о чем сохранилось немало свидетельств современников.

«Так как Юсупов был восточного происхождения, — вспоминала Е. П. Янькова, — то немудрено, что он был великий женолюбец: у него в деревенском его доме была одна комната, где находилось, говорят, собрание трехсот портретов всех тех красавиц, благорасположением которых он пользовался»^[511].

Мемуаристка не преминула заметить, что князь был «черезчур женолюбив», и хотя все в Москве его уважали, а за его обходительность и любили, «эта слабость ему много вредила во всеобщем мнении»^[512].

Д. Н. Бантыш-Каменский в «Словаре достопамятных людей русской земли», характеризуя Н. Б. Юсупова, говорил о его просвещенном уме, утонченном вкусе, обходительности и веселости нрава, обширной памяти, но обратил внимание и на то, что он «даже в старости маститой приносил дань удивления прекрасному полу»^[513].

Рассказы о Н. Б. Юсупове — Дон Жуане сохранились и в семейных преданиях. Феликс Юсупов писал в своих мемуарах: «Вся Москва обсуждала скандальную жизнь старика князя. Давно живя раздельно с женой, он держал при себе любовниц во множестве, актеров и пейзажистов. Театрал — завсегдатай Архангельского рассказывал, что во время балета стоило старику махнуть тростью, танцовки тотчас заголялись. Прима была его фавориткой, осыпал он ее царскими подарками. Самой сильной страстью его была француженка, красotka, но горькая пьяница. <...> Самой последней его пассии было восемнадцать лет, ему — восемьдесят!»^[514]

Был ли Василий Львович свидетелем подобных сцен в архангельском театре — история умалчивает. В Архангельском же он, скорее всего, бывал. Когда зимой 1820 года там случился пожар, В. Л. Пушкин писал П. А. Вяземскому:

«Князь Юсупов в большом горе; славный его дворец в Архангельском сгорел до основания. Группы Кановы, изображающей Амура и Психею, более не существует; лучшие картины сделались жертвою пламени; библиотека спасена. Всем любителям художеств и

изящного должно жалеть о такой величайшей потере; иного и с деньгами купить нельзя»^[515].

«Юсупов повесил нос, — сообщал брату А. Я. Булгаков 28 января 1820 года. — Славное Архангельское сгорело от неосторожности людей, а другие говорят — от скупости, потому что для убережения картин, а более дров, велено было топить галерею стружками, а от стружек до пепла долго ли? Картины и библиотека только частью спасены; первые вырезывали из рамок, кидали из окон, а книги будут депареллированы. У славной группы Кановы „Амур и Психея“ разбиты ноги и руки. Вот тебе и производство в антики»^[516].

К. Я. Булгаков писал брату 3 февраля 1820 года из Петербурга в Москву:

«Бедный Юсупов! Бедное Архангельское! Зачем он эдакое имя оставил? Архангелы ему, я думаю, не очень покровительствуют, ибо он, верно, часто возит туда своих мамзелей. Жаль мне его»^[517]. Как видим, даже и в связи с пожаром в Архангельском Н. Б. Юсупову припомнили женолюбие.

С своей пылающей душой,
С своими бурными страстями,
О жены Севера, меж вами
Она является порой
И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил
Как беззаконная комета
В кругу расчисленном светил (III, 112).

Так в 1828 году в стихотворении «Портрет» А. С. Пушкин представил Аграфену Федоровну Закревскую, урожденную Толстую. Она была дочерью

известного собирателя рукописей графа Федора Андреевича Толстого и Степаниды Алексеевны Толстой, урожденной Дурасовой, приходилась двоюродной сестрой художнику и медальеру Федору Петровичу Толстому. Ею был увлечен А. С. Пушкин, посвящавший ей свои стихи. Ею увлекались и Е. А. Баратынский, и П. А. Вяземский. Имя Аграфены Толстой названо в письме от 8 июня 1818 года в связи с ее предстоящим замужеством — она собиралась выйти замуж за генерал-адъютанта Арсения Андреевича Закревского.

Об их будущей свадьбе 17 августа 1818 года А. Я. Булгаков писал брату из Петербурга в Москву:

«Закревский целый день работает, как собака. <...> В Москве попляшем на его свадьбе. У него куча фрукт в углу, и он то одного, то другого поест, а все ему присылает это невеста из Москвы»^[518].

Ни В. Л. Пушкин, ни А. Я. Булгаков в своей эпистолярной прозе портрета А. Ф. Толстой не создали — разве что Александр Яковлевич сообщил о ее заботливости по отношению к жениху. А вот говоря о А. А. Закревском, В. Л. Пушкин оставил в своем письме выразительный штрих к его портрету:

«Толстая, дочь Толстой Степаниды, сговорена за генерал-адъютанта Закревского и на этих днях получила вензель. Батюшка ее назначил будущим новобрачным сто тысяч годового дохода. Закревский по-французски не говорит, и Федор Андреевич утверждает, что такой зять был ему и надобен» (229).

Незнание французского языка не помешало А. А. Закревскому сделать впоследствии блестящую карьеру, стать министром внутренних дел, московским военным генерал-губернатором. И все же когда его назначили финляндским генерал-губернатором, Настасья Дмитриевна Офросимова, известная московская барыня, прототип Хлестовой в «Горе от ума»

и Марьи Дмитриевны Ахросимовой в «Войне и мире», по свидетельству П. А. Вяземского, изумлялась: «Да как же будет он там управлять и объясняться? Ведь он ни на каком языке, кроме русского, не в состоянии даже попросить у кого бы то ни было табачку понюхать!»^[519] Тесть А. А. Закревского Ф. А. Толстой, которому, как писал В. Л. Пушкин, «такой зять был... и надобен», на это мог бы воскликнуть как Фамусов: «Дались нам эти языки!»

В письме от 7 марта 1818 года — штрих к портрету еще одного жениха:

«Нелединский в Москве, Софья Юрьевна идет замуж за приятеля твоего Самарина, и свадьба будет скоро. Я был у Юрия Александровича и у невесты и поздравлял их всех. Жених в восхищении. Он в деревнях своих велел раздать несколько тысяч бедным, петь благодарственные молебны, и в день свадьбы несколько бедных девушек будут обвенчаны, и каждая из них получит тысячу рублей в приданое» (223–224).

Речь идет о свадьбе дочери поэта Юрия Александровича Нелединского-Мелецкого Софьи Юрьевны и участника Наполеоновских войн, Отечественной войны 1812 года, камергера, с 1818 года статского советника и гофмейстера Федора Васильевича Самарина. Их сын Юрий Федорович Самарин, родившийся в 1819 году, станет известным публицистом, философом и общественным деятелем, славянофилом. Он будет знаком с М. Ю. Лермонтовым и Н. В. Гоголем, многими другими интересными для нас людьми. Да и с Василием Львовичем в свои детские и отроческие годы он мог познакомиться. В приведенном письме добрый Василий Львович счел своим долгом сообщить приятелю Ф. В. Самарина П. А. Вяземскому о движении сердца Федора Васильевича, о его благотворительности: счастливый богатый жених

пожелал, чтобы и бедные были счастливы, бесприданницы получили приданое.

«Сумасшедший Саковнин живет у родных своих, связан и в самом горестном положении, — писал В. Л. Пушкин П. А. Вяземскому 11 сентября 1818 года. — Александр Булгаков у него был, и он его разругал всячески. Что до меня касается, я видеть его вовсе не любопытен» (237).

Сергей Михайлович Саковнин, переводчик Коллегии иностранных дел, приятель П. А. Вяземского, имел несчастье влюбиться в его жену Веру Федоровну и имел дерзость отправить ей письмо, в котором признавался в своей любви. В. Ф. Вяземская показала письмо мужу. С. М. Саковнину было отказано от дома. 17 апреля 1817 года, встретившись с Верой Федоровной на Никитском бульваре, несчастный влюбленный бросился перед ней на колени и стал просить прощения за то, что оскорбил ее своим письмом. 19 апреля эта душераздирающая сцена повторилась. С. М. Саковнин был арестован и отвезен к родителям. Вся Москва обсуждала эту историю. На Никитский бульвар несколько дней съезжалось более пятисот экипажей; толпы народа собирались поглазеть на любопытное зрелище, так как стало известно о том, что Саковнин дал клятву каждый раз при встрече с Верой Федоровной падать перед ней на колени. Саковнина называли не иначе как безумцем, сумасшедшим. Портрет бедного безумца и набросал бегло В. Л. Пушкин в своем письме.

Мы уже говорили о том, что Федор Иванович Толстой-Американец в письмах В. Л. Пушкина представлен не только карточным игроком, гостеприимным хозяином, любителем цыганского пения, но и читателем Гиббона и Геродота (весьма серьезное чтение), несчастным отцом, оплакивающим смерть своих детей:

«Толстой Американец в большом горе; у него умерли три дочери, и самая большая его фаворитка Верочка. Я уже поеду навестить его» (20 июня 1819 года) (259–260).

«Я был вчера у Толстого. Его видеть нельзя без сожаленья; он плачет горькими слезами» (26 июня 1819 года) (260).

«У Американца Толстого последняя дочь умерла, и он очень жалок» (19 сентября 1819 года) (265).

Ф. И. Толстой считал, что так расплачивается он за свои тяжкие грехи: за каждого убитого им на дуэли платит жизнью своего ребенка. Сломленный горем отец — как не похож он на кутилу, картежника, дуэлянта. Здесь уместно, как нам кажется, вспомнить Долохова (прототипом которого был Ф. И. Толстой) в романе «Война и мир». Когда Николай Ростов поехал к матери Долохова, раненного на дуэли с Пьером Безуховым, предупредить ее о несчастье, то он «к великому удивлению своему узнал, что Долохов, этот буян, бретёр — Долохов, жил в Москве с старушкой-матерью и горбатой сестрой, и был самый нежный сын и брат»^[520].

Конечно, нам интересно, читая письма В. Л. Пушкина, увидеть рассуждающую о древностях московских княгиню Евдокию Ивановну Голицыну, влюбчивого К. Н. Батюшкова, П. И. Катенина, готового подраться из-за литературного спора, А. М. Пушкина, разъезжающего по Москве с молодой переодетой в мужской костюм красавицей, почтенного М. М. Сонцова, играющего в карты. Но не менее интересны и очерки о тех, о ком мы ничего не знаем.

«Я почту приятною обязанностью исполнить твою просьбу и присматривать за Аленушкой в пансионе, — писал В. Л. Пушкин П. А. Вяземскому 21 апреля 1819 года, — все хвалят ее поведение, но она немного

ленива, и, может быть, от того успехи ее не так велики. Уверяю, однако ж, тебя, что она очень изрядно говорит по-французски и танцует; по-немецки, сказывают, она говорит очень хорошо. <...> Оставь Аленушку в пансионе, истинно там лучше и надежнее, а я часто об ней и обо всем до нее касающемся тебя уведомлять буду, и с сердечным удовольствием. Во всяком случае повелевай мною» (252-253).

Чуть более полугода до того, как было написано приведенное выше письмо, 14 сентября 1818 года в 74-м номере «Московских ведомостей» появилось объявление:

«Елизавета Перне, заступив место пансиона содержательницы Гибаль, честь имеет известить Почтеннейшую Публику, что означенный пансион переведен в дом Макара Жилети, состоящий Мясницкой Ч. 3 кварт, под № 199. Воспитание юношества производится в нем точно на том же основании, на каком оно было и при Г-же Гибаль»^[521].

По-видимому, именно туда, в дом на Мясницкой, в пансион госпожи Перне, и поместили Аленушку, за которой обязался П. А. Вяземскому присматривать Василий Львович. Кем она была, что ее связывало с П. А. Вяземским, мы не знаем. Не исключено, что она могла быть его побочной дочерью. Так или иначе, Василий Львович свое обещание выполнил. 24 апреля 1819 года он сообщал другу:

«Посылаю тебе письмо от Аленушки. Она пишет очень дурно, но говорит по-французски изрядно. Мадам Перне довольна ее благонравием, но жалуется на ее лень. Я Аленушке помыл голову и увещевал, чтоб она училась прилежнее. Может быть, со временем и придет охота к учению» (256).

Заметим, что в пансион мадам Перне Василий Львович «посадил» и свою дочь Маргариточку, еще и

«потому, что Мадам Перне гораздо рачительнее смотрит за своими ученицами, нежели Мадам д'Оррер», где до того воспитывалась Маргарита.

Маленький штрих к портрету жены В. Л. Пушкина Анны Николаевны (Аннушка — так называет он ее в письмах). Ей очень хотелось варшавских башмаков. Оно и понятно — женщине всегда приятно покрасоваться в заграничной обновке (хотя Польша и входила тогда в состав Российской империи, но все равно ведь: Варшава — не Москва). Оно и извинительно — ведь просил же Василий Львович у своего друга прислать ему из Варшавы полосатого бархату на жилет. Но именно о башмаках между В. Л. Пушкиным и П. А. Вяземским шла оживленная переписка. Надо было прислать мерку с ноги Анны Николаевны, и мерку в Варшаву отправили. Аннушка с восхищением ожидала варшавских башмаков, но оказалось, что мерку сняли плохо, надо было послать П. А. Вяземскому ее башмак. 20 мая 1818 года Василий Львович писал Петру Андреевичу:

«Аннушка моя тебя чувствительно благодарит за твою милость. Ей совестно посылать башмак, а мерки лучше здесь не снимают. Пришли ей, вместо башмаков, что-нибудь и что тебе угодно будет. Она и безделицу примет у тебя за великое. — Что до меня касается, я не знаю и слов не нахожу, как мне благодарить тебя за твою дружбу»^[522].

И еще один портрет, о котором хотелось бы сказать особо. Это автопортрет Василия Львовича, который вырисовывается в его письмах. Стихотворец, карамзинист, участник литературной борьбы, библиофил, театрал, поклонник женской красоты — обо всех его ипостасях можно судить по его письмам. Он и москвич, которого живо интересуется всё происходящее в родном городе, и верный друг своих друзей, заботливый отец и муж, и человек, наслаждающийся всеми

радостями бытия, добрый и отзывчивый. Вот как заканчивает он свои письма:

«Княгине свидетельствую мое почтение и целую у нее ручки, малюточек и тебя от искреннего сердца обнимаю. Дай Боже, чтоб вы были здоровы и благополучны и чтобы мы поскорее увиделись. <...> Прости, любезнейший мой, — не забывай и люби искренно тебе преданного В. Пушкина» (258).

Кто бы не желал такие письма получать?! Вздохнув тихонько, обратимся теперь к стихам Василия Львовича, в которых заключен другой — поэтический его автопортрет.

Глава десятая «СТИХОТВОРЕНИЯ ВАСИЛИЯ ПУШКИНА»

1. Как издавали «Стихотворения Василия Пушкина»

Пора, пора... В 1812 году В. Л. Пушкин решил, что пора ему издать сборник своих стихотворений. К такому решению пришел он в Нижнем Новгороде, где встречался с Н. М. Карамзиным. У Карамзина-то уже был вышедший двумя изданиями сборник «Мои безделки», а у него нет. Правда, у К. Н. Батюшкова, который тоже оказался тогда в Нижнем, сборника еще не было. Но ведь К. Н. Батюшков много его моложе. А Василию Львовичу и вправду пора. (Справедливости ради заметим, что и у Ю. А. Нелединского-Мелецкого, тоже спасавшегося от нашествия французов на берегах Волги, своего поэтического сборника не было, хотя он и старше Василия Львовича. Но, конечно, Ю. А. Нелединский-Мелецкий нам не указ.)

Дебютировав в 1793 году в журнале «Санкт-Петербургский Меркурий», где только не печатал В. Л. Пушкин потом свои стихи?! И в «Аонидах», и в «Приятном и полезном препровождении времени», и в «Вестнике Европы», и в «Патриоте», и в «Московском зрителе», и в «Аглае».

Но одно дело публикация отдельных стихотворений, другое — издание поэтического сборника.

«Василий Львович так забавен, готовясь в печать, что страх, — писал П. А. Вяземский А. И. Тургеневу 27 октября 1821 года. — Он точно как старая —, которая, перебранная всеми руками и на всех перекрестках, краснеет и робеет, выходя под венец. И он,

перечитанный, перепечатанный и особенно же пересказанный всем и каждому, подделывается к обстоятельству и глядит.»^[523]

Да, письмо П. А. Вяземского написано в 1821 году. Но и в этом году сборнику стихотворений В. Л. Пушкина не суждено было выйти в свет.

Понять медлительность Василия Львовича можно. Он был вообще не скор на дела; к тому же после событий 1812 года нужно было из Нижнего Новгорода вернуться в Москву, устроить свой дом; еще были всегдашняя занятость в круговороте московской жизни, наезды в Петербург, литературные битвы, «Арзамас»...

Только в 1818 году Василий Львович подготовил к печати свои стихотворения. 1 ноября 1818 года он сообщал об этом П. А. Вяземскому:

«Нынешнею зимою я печатаю непременно мои стихотворения — все почти собрано и готово»^[524].

Москвич В. Л. Пушкин с помощью друзей решил печатать сборник своих стихотворений в Петербурге. Переговоры, денежные дела (а денег у Василия Львовича не было) заняли еще около трех лет.

В 1821 году изданием занимался в Петербурге А. И. Тургенев. Но так как он не торопился начинать эту работу, П. А. Вяземский — сначала по просьбе Василия Львовича, а потом и по собственному дружескому побуждению — стал настойчиво напоминать ему об этом, укорять его, предлагать организовать подписку на готовящееся издание. В письмах, которые следовали из Москвы в Петербург одно за другим, П. А. Вяземский советовал, как устроить дело, рассказывал о том, что удалось сделать ему самому:

«Книга В. Л. у Сленина для предания Цензуре. Справься! 21 июля 1821 года. Москва»^[525].

«Позаботься о сочинениях Пушкина: право, грешно! Тебе же они им и поручены. 2 августа 1821 года.

Москва»^[526].

«Я уже Карамзиным жалуюсь о твоём бездействии в разсуждении манускриптов изгнанника на скалу святого забвения — В. Л. Пушкина! <...> Вели напечатать тысячу билетов для подписки по десяти рублей; пришли несколько сотен сюда. Решись, где печатать; лучше всего в вашей новой Дидотовской типографии; вызови молодых авторов своих... <...> на богоугодное занятие — издавать ближнего. 18 августа 1821 года. Москва»^[527].

«Я приготовил короткое донесение публике о издании в свет Василия Львовича: пришлю в четверг. А ты, между тем, приготовь все нужное и решишь, где печатать, по чем отдавать экземпляр и прочее. Стыдно нам не вынести его на руках к бессмертию. 22 августа 1821 года. Москва»^[528].

В статье «Об издании стихотворений В. Л. Пушкина», о которой упомянул П. А. Вяземский в последнем из приведенных выше писем, говорилось, что стихотворения московского поэта «давно уже известны любителям Русской поэзии». Отмечая связь В. Л. Пушкина с поэтической школой Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева, П. А. Вяземский обратил внимание на такие его достоинства, как тонкий вкус и чистота слога, которые «должны почестся истинными заслугами, им оказанными Русской словесности». Поставив В. Л. Пушкина в «избранное число тех поклонников муз, которых стихотворные занятия сделались вместе и лучшим наслаждением их жизни и неоспоримым правом на благосклонность и уважение просвещенных соотечественников»^[529], автор статьи предлагал его сочинения вниманию читателей.

Статья П. А. Вяземского, однако, не сразу увидела свет. Она была напечатана только в ноябре 1821 года в 46-м номере журнала «Сын Отечества». 7 сентября 1821

года П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу из Остафьева:

«Разве я не прислал тебе объявления о „Стихотворениях“ Василия Львовича? Не откладывая дела в длинный ящик, а сунь его в приспешную. Он от радости, нетерпения, смятения и так уже

Краснеет и бледнеет
Как месяц в облаках» ^[530].

И еще одно письмо, отправленное из Остафьева во второй половине сентября 1821 года:

«Что не говоришь ты мне, получил ли ты мое известие о „Стихотворениях“ Василия Львовича; а если получил, то отчего не печатаешь его в „Сыне“? Если тебе некогда печатать и нет у вас человека на примете, коему доверить можно заботы о печатании, то отошли манускрипт сюда. Мы здесь у Семена напечатаем не хуже и скорее вашего. Ты — странный человек; все откладываешь дело, которое отлагательства не терпит. У Василия Львовича воды давно уже прошли и так и прет его издание: что мучить его долгими родами?» ^[531]

Недовольный проволочками А. И. Тургенева, П. А. Вяземский даже высказал мысль поручить издание В. К. Кюхельбекеру, который в это время нуждался в деньгах, с тем чтобы ему поступал десятый процент от выручки. Но В. К. Кюхельбекер определился на службу к генералу А. П. Ермолову. Тогда П. А. Вяземский стал снова писать А. И. Тургеневу, просить его не откладывать дела, выражать недовольство его бездеятельностью. Даже В. Л. Пушкин решился деликатно напомнить А. И. Тургеневу о себе и своих стихотворениях. 9 октября 1821 года он писал ему из Остафьева:

«Надеясь на дружбу вашу, почтеннейший Александр Иванович, и осмеливаюсь напомнить вам о моих стихотворениях. Сделайте одолжение, уведомьте меня, что с ними делается? Начинается ли подписка, и скоро ли начнется тиснение? Я полагаю, что цензура их печатать дозволила, и прошу вас убедительно не оставить меня в таком случае. Братцам вашим: Николаю Ивановичу и Сергею Ивановичу свидетельствую усерднейший мой поклон. Я очень рад, что вы теперь все имеете. Обнимаю вас душевно и остаюсь с искренним почтением моим покорный ваш слуга Василий Пушкин.

9-го октября, Остафьево, где я, к сердечному удовольствию моему, бываю не редко» ^[532].

Хлопоты и напоминания заставили А. И. Тургенева «сдвинуться с места». Он нашел, наконец, издателя стихотворений — Петра Александровича Плетнева, поэта и критика, того самого П. А. Плетнева, который был другом А. С. Пушкина, а потом стал издателем его романа «Евгений Онегин». Но коль скоро А. И. Тургенев по-прежнему принимал участие в издании, П. А. Вяземский не оставлял его своими письмами, по-прежнему бранил и требовал установить непосредственную связь свою с П. А. Плетневым. В уже цитированном нами письме от 27 октября он писал:

«Не с начала начинаешь: начало в том, чтобы собрать деньги с подписчиков, а там уже решить, на какой бумаге печатать Василия Львовича. 600 и 1000 рублей сейчас можно слупить с дураков, а там и приниматься за тиснение. У Пушкина ни гроша. Вели напечатать несколько билетов, да в журналах мое объявление, и на особенных листах. Только дай прежде его пересмотреть и переправить Блудову: вы так мою голову загоняли, что я в нее верить перестаю. Пришлите мне сюда билетов: я здесь подписку заведу; а

лучше всего, введи меня в сношение с Плетневым; тут мы и запоем:

Заплетися, плетень, заплетися!

А с тобою только петь: „Расплетися!“ С ним в два мига все устроим» ^[533].

Раздраженный А. И. Тургенев, соглашаясь передать эту просьбу новому издателю, сердито заметил, что из-за всего этого ему, «право, некогда садить цветы в нашей литературе». Но П. А. Вяземский был невозмутим и снова писал А. И. Тургеневу. Из Москвы в Петербург на почтовых доставлялись письма с вопросами о ходе издания, с призывом не оставлять его:

«Похлопочите, добрые люди! Василий Львович все-таки наш: на трубах наших повит и нашими мечами вскормлен» ^[534].

Отправился в Петербург и портрет сочинителя, который должен был украсить книгу — гравюра С. Ф. Галактионова, выполненная с физионоотраса Э. Кенеди. 2 января 1822 года П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу:

«Вот вам его лик; отдай его Оленину, если он возьмется печатать. Пускай его вылитографируют и придадут к сочинениям. Только смотри, не потеряй» ^[535].

Изданием стихотворений В. Л. Пушкина живо интересовались И. И. Дмитриев и Н. М. Карамзин. 17 мая 1821 года И. И. Дмитриев писал А. И. Тургеневу:

«Поздравляю вас с приездом князя Вяземского, который привез к вам и Василия Львовича в своем портфеле. Я очень рад, что дядя сдержал свое слово и выдал свои творения прежде племянника» ^[536].

5 апреля 1822 года Н. М. Карамзин справлялся в письме П. А. Вяземскому:

«Что же о сочинениях Василия Львовича? Прошу нежно поцеловать его за меня»^[537].

Об издании стихотворений дяди спрашивал в письме П. А. Вяземскому от 2 января 1822 года А. С. Пушкин, находившийся в то время в Кишиневе:

«...скоро ли выйдут его творения? все они вместе не стоят Буянова» (XIII, 35).

К сожалению, о том, чтобы включить в сборник стихотворений «Опасного соседа» и речи быть не могло. Но стихотворения всё равно надо было издать.

П. А. Плетнев с усердием взялся за дело. О том, насколько он вошел в подробности издания, свидетельствует его письмо П. А. Вяземскому:

«Осмеливаюсь у вашего превосходительства испрашивать разрешения на следующие пункты в разсуждении издания Стихотворений В. Л. Пушкина:

I

По расчету Сленина печатных листов выйдет около 13. Ежели напечатать 1200 экз., то надобно употребить бумаги 30 слишком стоп. Когда купить простой бумаги, то надобно за всю заплатить около 450 рублей: если же взять веленовой, то около 600 рублей. Прошу вас назначить которую предпочесть бумагу для такого щеголя, каков Василий Львович.

II

В типографии у Греча за набор за лист берут по 35 рублей. Можно ли переменить сию типографию на другую, если уже известно, что все гораздо хуже его, хотя и дешевле. У Греча весь набор будет стоить 455 рублей.

Итак выходит издание книги: на простой бумаге на веленовой

		450
бум.	600	
		455
набор	455	
		500
редактору	500	
		всего
1405	всего 1555	

Как прикажете поступать и от кого получить деньги, чтобы рассчитываться с купцами и типографщиками?

Если вашему превосходительству угодно будет доставить мне разрешение, хотя через Сленина, то я приступаю к печатанию.

Редактор Стихотворений В. Л. П. Плетнев»^[538].

П. А. Плетневу удалось намного продвинуть ход издания вперед, но тут вновь возникли денежные затруднения. В письме П. А. Вяземскому от 6 января 1822 года он с присущей ему добросовестностью и обстоятельностью и вместе с тем с чувством юмора отчитывался:

«Я обязан писать вам о деле занимательном; я должен дать вам отчет о ходе издания Стихотворений того,

Кто нам Опасного Соседа
Искусным описал пером;
Кого завидным мне венком

И Арзамасская беседа
Не отказалась наградить;
Кто дружество умел ценить
Дороже славы стихотворной —
И кто теперь, судьбе покорный,
Не покидая свой диван,
Глядит с подагрой выписною,
Как подают ему стакан
Или с лекарством, иль с водою.

Издание очень скоро кончится, если только начнется. Я с своей стороны все сделал. Объявление напечатано (хотя и с ошибками: но есть ли у нас без ошибок книги?); типография приискана; бумага выбрана; билетов роздано очень много, а именно: Сергею Львовичу Пушкину 20, Александру Федоровичу Воейкову 15, Александру Ивановичу Тургеневу 9, барону А. А. Дельвигу 5; сверх того в Варшаву послано к И. М. Фовицкому (Иван Михайлович Фовицкий, член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. — Н. М.) 25 и в Москву Е. С. Князю Петру Андреевичу Вяземскому 200. Все дело остановилось за безделицей:

Никто ни за один билет
Не шлет монеты мне ходячей:
А где наличных денег нет —
Удача будет неудачей
И дело не пойдет на лад.
Печатать я душевно рад
И часто завожу умильно
О том приятельскую речь,
Когда встречается мне Греч;
Но красноречие не сильно
Против стоической души.

„Успеешь, братец, не спеши!“
Он мне по дружбе отвечает.
А верно уж по духу знает,
Что на вопрос: есть деньги? „Нет!“
Я скромно вымолвлю в ответ.

Надежда на здешних Комиссионеров плохая. Кто занят службою, кто задавлен бездельем: все — люди должностные! Вы только, любезнейший Князь, можете привести к концу это дело, удовлетворить желание литераторов и поднести дружеский венок Василью Львовичу. А. И. Тургенев то же самое мне сказал, что вы свободны, имеете большой круг знакомства и верно скоро успеете роздать в Москве все билеты. Для напечатания со всеми издержками довольно будет, кажется, 2000 рублей. При появлении книги найдется много охотников иметь ее — и тогда к славе автора пойдут и деньги»^[539].

Денежный вопрос можно было уладить только благодаря общим усилиям друзей В. Л. Пушкина и в Москве, и в Петербурге. Еще 2 августа 1821 года Н. М. Карамзин писал из Царского Села И. И. Дмитриеву:
«Скажи, любезнейший, Василию Львовичу, что Императрица Елизавета подписывается на его стихотворения; верно подпишется и Мария Феод. (Мария Федоровна, вдовствующая императрица, супруга Павла I. — *Н.М.*)»^[540].

Н. М. Карамзин организовал подписку среди петербургских литераторов. 11 января 1822 года Н. И. Гнедич в письме просил П. А. Вяземского:

«Пролейте бальзам в сердце Василия Львовича: подписка на издание стихотворений его — в ходу. Вчера и я у Николая Михайловича умножил число его субскрибентоф (подписчиков. — *Н.М.*)»^[541].

21 января 1822 года в шестом номере «Московских ведомостей» было напечатано объявление:

«У Комиссионера ИМПЕРАТОРСКАГО Московского университета Александра Сергеева Ширяева, в книжных его лавках: в 1-й Университетской, состоящей в доме Университетской Типографии, между Дмитровкою и Петровкою, на валу и в 2-й на Ильинке, в доме Троицкого подворья, на углу, против Гости-наго двора, принимается подписка на следующую книгу:

Стихотворения В. Пушкина, в Трех Частях. Цена ассигн. 10 р.; за пересылку в города за 3 фунта»^[542].

Конечно, собрать необходимую для издания сумму удалось не так скоро, как хотелось бы. 20 апреля 1822 года П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу из Москвы в Петербург:

«Посылаю тебе, мой милейший, 820 рублей для передачи Плетневу. К нему поступят также деньги от Николая Михайловича, и с этим может он приступить к печатанию. Вскорости пришлю еще малую толику. Получил ли он из Варшавы что-нибудь от Фовицкого по поводу подписки Пушкина?»^[543]

Плетнев, наконец, мог приступить к печатанию. Но тут возникло новое затруднение. 17 июня 1822 года он писал Вяземскому из Петербурга в Москву:

«Имею честь известить вас, любезнейший и почтеннейший князь Петр Андреевич, что в издании В. Л. Пушкина встретилось непредвиденное препятствие. Впрочем, это все не помешает скоро окончить издание, если вы постараетесь немедленно разрешить меня в следующем затруднении.

Хотя Иван Осипович Тимковский и позволил все печатать в собрании Стихотворений Василья Львовича; однако новый Цензурный Комитет не соглашается на пропуск целых двух пьес: 1) Послания к Дашкову, в котором Василий Львович про себя говорит, что он с

восхищением читает Кандида, и 2) Эпиграммы, начинающейся: Лишился я жены, любовницы, коня. Сверх того Цензурный Комитет просит переменить несколько слов, на что, я думаю, Василий Львович не будет очень гневаться, когда уж сему подвергал себя и Жуковский.

Но что касается до выпуска из издания означенных двух пьес, я не смею на это посягнуть без вашего согласия. Впрочем, смею вас уверить, что Цензурный Комитет преклонить уже ничем нельзя — и следственно, если вы узнаете, что Василий Львович без сих пьес издать своих стихотворений не захочет, то издание не состоится.

Его портрет давно уже готов, и я один экземпляр имел честь препроводить Н. М. Карамзину.

Ожидая разрешения вашего, имею честь быть, любезный князь, вашим покорным слугою» ^[544].

27 июня 1822 года П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу из Москвы в Петербург:

«Вот письмо Плетневу. Я уговаривал Пушкина побороться с цензурою, но пот его прошиб, и он дал тягу. Неужели нельзя тебе шепнуть слово князю Голицыну (Александр Николаевич Голицын в 1816–1824 годах был министром просвещения. — *Н. М.*) о неистовой нелепости его подчиненных. Ты ему же сделал бы одолжение. Положим, что у них нет совести, но пускай вспомнят они, что есть история, поздняя совесть правителей и народов» ^[545].

Заметим, что цензор И. О. Тимковский был известен своей строгостью и мелочными придирками. Это он не пропустил пушкинскую «Русалку». И это о нем писал А. С. Пушкин:

Тимковский царствовал — и все твердили вслух,
Что в свете не найдешь ослов подобных двух (II,

370).

Так вот, даже И. О. Тимковский дал разрешение на печатание стихотворений В. Л. Пушкина, а новый Цензурный комитет этому воспротивился. Понять, почему П. А. Вяземского взбесила глупость цензурных требований, можно. Но можно понять и Василия Львовича, который даже не помышлял о единоборстве с цензурой. Он был отважным литературным бойцом, когда вступался за друзей. А за себя постоять не мог. «Я писал к Плетневу несколько раз и доставил ему требуемые госп. цензором поправки, — признавался В. Л. Пушкин и тут же с тревогой спрашивал: — Ничего в ответ не имею и не знаю, что делается с моими стихотворениями?»^[546] 25 сентября 1822 года Н. М. Карамзин писал из Царского Села в Москву И. И. Дмитриеву:

«Я жаловался на излишнюю строгость цензоров князю А. Н. Голицыну и сказывал ему о немилости их к невинным творениям нашего любезного Василия Львовича. Между тем слышу, что манускрипт уже в типографии: авось напечатают к удовольствию автора и читателей»^[547].

Забегая вперед скажем, что в издании стихотворений В. Л. Пушкина нет запрещенного цензурой послания «К Д. В. Дашкову», в котором сочинитель признавался в своем восхищении повестью Вольтера «Кандид». А ведь это сочинение чрезвычайно значимое в творческом наследии Василия Львовича. Будучи одним из первых манифестов карамзинской школы, оно занимало заметное место в литературной борьбе начала 1810-х годов. Слава богу, что Василию Львовичу удалось напечатать его в брошюре «Два послания», изданной в 1811 году, и оно не пропало для

потомства. А вот эпиграмма, которая начиналась словами «Лишился я жены, любовницы, коня» и также была исключена из издания стихотворений, до сих пор нам неизвестна.

Наконец книга стихотворений В. Л. Пушкина все же вышла в свет. Это радостное для него и его друзей событие произошло в ноябре 1822 года. Рассказанная нами история ее издания, отраженная в переписке В. Л. Пушкина и его друзей, примечательна во многих отношениях. В ней есть и любопытные для нас подробности, связанные с издательским делом пушкинского времени, и цензурные требования, свидетельствующие о служебном рвении и бдительности Цензурного комитета, и взаимоотношения литераторов, объединенных дружбой с московским стихотворцем, и литературный портрет В. Л. Пушкина, запечатленный в дружеской переписке и остроумных стихах П. А. Плетнева. Вышедшая в свет книга знакомит нас с поэтическим автопортретом Василия Львовича. Нам остается только раскрыть ее, прочитать заключенные в ней стихи и услышать в них живой голос автора.

2. «Вот плоды моего воображения»

На авантитуле книги — ее название, повторенное и на титульном листе:

«Стихотворения Василия Пушкина».

Затем эпиграф:

«Ce sont icy mes fantasies, par les quelles je ne tasche point à donner à connoistre les choses, mais moy. Montaigne».

(«Вот плоды моего воображения. Я совсем не хотел с их помощью дать понять о вещах, а только о себе самом. Монтень».)

Далее — типографская марка, и внизу листа — выходные данные:

«Санктпетербург
В типографии Департамента Народного
Просвещения.1822».

На обороте титульного листа:

«Печатать позволяется с тем, чтобы по напечатании, до выпуска из Типографии, представлены были в Цензурный Комитет семь экземпляров сей книги для препровождения куда следует, на основании узаконений. Санктпетербург, Сентября 30 дня, 1821 года. Цензор Статс. Совет, и Кавал. Иван Тимковский».

На фронтисписе — портрет стихотворца, автора книги: тонкий профиль, устремленный вдаль взгляд, нарядное белое жабо. Как уже говорилось, С. Ф. Галактионов создал свою гравюру по физионоtrasу, который привез В. Л. Пушкин из Парижа, то есть воспроизвел его портрет почти двадцатилетней давности.

Пусть так — «Тот вечно молод, кто поет / Любовь, вино, Эрота...».

А теперь перевернем страницу.

Когда В. Л. Пушкин готовил сборник к печати, он должен был решить сложную задачу. Представляя читателю свой творческий отчет чуть ли за 30 лет, ему надо было отобрать лучшие из своих стихотворений — они-то и должны были «дать понятие» о нем самом — человеке и стихотворце. Отобранные стихотворения следовало выстроить в определенной последовательности, сгруппировать их наилучшим образом, одним словом — разработать своего рода стратегию и тактику завоевания читательского внимания и успеха.

Как весело стихи свои вести
Под цифрами, в порядке, строй за строем,

Не позволять им в сторону брести,
Как войску, в пух рассыпанному боем!

Тут каждый слог замечен и в чести,
Тут каждый стих глядит себе героем.
А стихотворец... с кем же равен он?
Он Тамерлан иль сам Наполеон (V, 84), —

напишет много позже А. С. Пушкин.

Василий Львович разделил сборник на три части. В первой — послания. Это было верное, продуманное решение. Отряды стихов Василия Львовича двинулись стройными рядами, одушевленные любовью к Отечеству и родному языку, под развевающимся знаменем, на котором сияли слова «Просвещение» и «Вкус». Послание «К В. А. Жуковскому» по праву заняло первое место в сборнике — ведь именно оно было первым манифестом карамзинской школы, первым ударом по литературным противникам-шишковистам. Мы уже говорили об этом послании, но многие высказанные в нем суждения столь справедливы и сегодня, сама форма высказываний столь афористична, что трудно отказать себе в удовольствии и не повторить хотя бы некоторые из них:

Кто мыслит правильно, кто мыслит благородно,
Тот изъясняется приятно и свободно.

<...>

Талант нам Феб дает, а вкус дает ученье.
Что просвещает ум? питает душу? — чтение.

<...>

Слов много затвердить не есть еще ученье;

Нам нужны не слова, нам нужно просвещение (36–38).

В первом разделе В. Л. Пушкин поместил также послания к П. А. Вяземскому и к арзамасцам. И вот что интересно. В сборнике послание к арзамасцам напечатано под названием «К^{xxx}». Вероятно, Василий Львович пошел навстречу цензуре. Когда сборник вышел в свет, Д. В. Дашков писал П. А. Вяземскому: «... жаль и того, что ученый Арзамас превращен Ценсурою в карающий ваш глас»^[548]. Но все равно, то, что В. Л. Пушкин сказал в этом послании друзьям-арзамасцам о своих заслугах в литературной борьбе, он, по-видимому, хотел заявить всем читателям. Конечно, упомянутый здесь «один стих» из «Опасного соседа», которым он «убил» «злого Гашпара» — А. А. Шаховского, был у всех на памяти — но ведь и напомнить его иногда не мешает. Жаль, конечно, что цензура не пропустила послания «К Д. В. Дашкову». Но что делать? Хорошо, что второе послание «К Д. В. Дашкову», написанное в 1813 году в Нижнем Новгороде, можно было в сборнике поместить: в стихотворении очень симпатичен образ терпящего лишения стихотворца, который «забытый в мире», поет «теперь на лире / Блаженство прежних дней», утешается дружбою и живет надеждою на радостную встречу с друзьями. Поэзия, дружба — неизменные ценности для стареющего поэта, который «Амуру... служить / Отрекся поневоле». Об этом речь идет и в послании к С. Л. Пушкину — «К брату и другу», и в «Ответе имянинника на поздравление друзей». Стихи Василия Львовича как нельзя лучше сохранили атмосферу непринужденного дружеского общения, веселья, шутки:

Граф Толстой и князь Гагарин,
Наш Астафьевский боярин,
Ржевский, Батюшков-Парни,
Расцветают ваши дни!
Вам все шутки — мне ж все горе,
И моя подагра вскоре
Ушибет меня, друзья!
Жалкий имянинник я.

<...>

Но хоть старость угнетает,
Сердце Вера утешает,
И печать ее со мной!
Час не страшен роковой,
Никому, кто дышит Верой
И все прочее химерой
Чтит, любезные друзья!
Славный имянинник я (51–52).

Приведенные стихи были впервые напечатаны в сборнике «Стихотворения Василия Пушкина». К стиху «Наш Астафьевский боярин» Василий Львович сделал примечание: «Астафьево — село, принадлежащее князю Петру Андреевичу Вяземскому» (51); к стиху «И печать ее со мной» — «Княгиня Вера Федоровна Вяземская подарила мне печать» (52).

В послании «К графу Ф. И. Толстому», также впервые напечатанному в сборнике, Василий Львович выражает сожаление о том, что подагра не позволяет принять ему приглашение на обед к приятелю, что он не сможет пировать вместе с ним и с друзьями, о каждом из которых он говорит добрые слова:

Почтенный Лафонтен, наш образец, учитель,
Любезный Вяземский, достойный Феба сын,
И Пушкин, балагур, стихов моих хулителъ —

Которому Вольтер лишь нравится один,
И пола женского усердный почитатель,
Приятный и в стихах, и в прозе наш писатель.
Князь Шаликов, с тобой все будут пировать;
Как мне не горевать? (53).

Вряд ли нужно пояснять, что «почтенный Лафонтен» — это И. И. Дмитриев, а Пушкин — А. М. Пушкин (заметим кстати, что здесь упоминание Вольтера цензура пропустила). Хотелось бы обратить внимание на то, что подагра и в этом послании стала поэтической темой. Неслучайно друзья писали о поэте-подагрике. Любопытно и то, что Василий Львович включил в свой текст монолог врача:

Проклятый эскулап кричит, что быть беде,
Советов если я его не буду слушать,
И говорит: «Извольте кушать
В Немецкой слободе!
С больными пухлыми ногами
Вам непристойно быть в гостях!
Смотрите: за плечами
Стоит курносая с косою на часах —
Махнет — прощайтесь с стерлядями.
С вином шампанским и стихами!
Не лучше ль грозную на время удалить
И с нами, хоть годок, пожить?» (52-53).

Умеет-таки Василий Львович быт превращать в поэзию! В этом отношении совершенно очаровательно послание к «любезному родственнику, поэту и камергеру» Павлу Николаевичу Приклонскому. В нем речь идет о том, что у Василия Львовича убежал его крепостной, его поймали, отдали в рекруты и вот

теперь ему, то есть Василию Львовичу, надобно получить квитанцию за этого рекрута. Казалось бы, какая тут может быть поэзия? Оказывается, очень даже может быть.

Башмашник мой, повеса,
Картежник, пьяница, в больницу отдан был,
И что ж? От доктора он лыжи наострил!
В Тверской губернии пойман среди леса,
В июне месяце, под стражу тотчас взят,
И скоро по делам он в рекруты назначен;
Я очень рад,
Что он солдат:
Он молод, силен, взрачен,
И строгий капитан исправит вмиг его,
Но мне квитанцию взять должно за него.
Башмашника зовут Кузьмою,
Отец его был Фрол, прозванием Карпушов.
Итак, без лишних слов,
Скажу, что юному герою
Желаю лавров я, квитанции себе.
В селении моем, благодаря судьбе,
Хотя крестьяне пьют, зато трудятся, пахут;
Пусть с радости поют и пляшут,
Узнав, что отдали в солдаты беглеца
И что остался сын у бедного отца (41).

Лавры и квитанция — смелое соединение высокого, поэтического и низкого, прозаического. Завершается послание просьбою к П. Н. Приклонскому ответствовать «скорей иль прозой, иль стихами», пожеланием здоровья, уверением в дружбе, надеждой оказаться у друга в Твери, и вот тогда-то

Воссяду с лирой золотою
На волжских берегах крутых,
И тамо с пламенной душою
Блаженство воспою я жителей
тверских (42).

Замечательно! Послание начиналось так прозаически, а закончилось так поэтически: поэт «с пламенной душою» на «лире золотой» будет воспевать блаженство тверских жителей.

Завершается первый раздел посланием «К графине С. А. Мусиной-Пушкиной при доставлении стихов»:

В стихах Баллады любишь ты;
Желанье исполняю:
Жуковского тебе мечты —
Дев спящих — посылаю (55).

Галантный кавалер Василий Львович отправил С. А. Мусиной-Пушкиной поэму В. А. Жуковского «Двенадцать спящих дев», присовокупив к ней галантные стихи: ведь это она, Софья Алексеевна, своим искусным чтением поэмы в кругу родных и друзей будет украшать «поэта дарованье», будет своим нежным голосом вселять «в сердца очарованье». Завершается послание обращением к красавицам, ради которых и берут поэты «златые лиры в руки», обращением к С. А. Мусиной-Пушкиной:

Для вас Жуковский стал поэт;
Он пел любовь и славу:
И я теперь, под старость лет,
Пою тебе в забаву! (56).

Тема для Василия Львовича важная. Важно и то, что он заявил ее в первой части своего сборника.

Во второй части сборника — басни, излюбленный В. Л. Пушкиным жанр, который, как он считал, лучше всего ему удавался; недаром эта часть вместила больше всего стихотворений и в свою очередь подразделяется на две книги (в каждой — по 12 басен).

В баснях (многие из них — переводы Лафонтена, Флориана и других французских авторов) Василий Львович следует за русским Лафонтеном — И. И. Дмитриевым. Это изящные сценки, легко и непринужденно написанные. Вот одна из них — «Кузнечик» (из Флориана):

Кузнечик, в мураве густой
Скрываясь, мотыльком прещался,
Который с одного цветочка на другой
Порхал, резвился, любовался
И майским утром, и собой.
Лазурь и золото блистали
На крыльях мотылька и взоры привлекали (99).

Кузнечик завидует мотыльку, сетуя на свою безвестность и некрасивость. Но вдруг

Толпа веселая детей,
На луг зеленый прибегая,
Пустилась вслед за мотыльком.
На воздух и платки, и шляпы полетели!
Мальчишки резвые красавцем овладели,
И он пойман под платком.
Один ему крыло, другой теребит ногу,
А третий и совсем бедняжку раздавил (99–100).

Бедняжка-мотылек раздавлен, и кузнечик вынужден признать:

Я, право, мотыльку завидовал напрасно
И вижу, что блистать на свете сем опасно! (109).

Сочинитель заключает басню сентенцией:

Всего полезнее, чтоб счастливо прожить,
Скрывать свой уголок и неизвестным быть (100).

Другие басни В. Л. Пушкина завершаются подобными же поучениями. Читатель сборника его стихотворений узнает, что «счастлив кто живет на свете осторожно» («Лев больной и лисица»); что «веселость денег нам дороже во сто крат» («Сапожник и его сват»); что «в старости не ум, а сердце нужно нам» («Старый лев и звери»). Конечно, А. М. Пушкин, подтрунивая над Василием Львовичем, говорил, что его басни так пусты содержанием, что можно печатать только одни их названия. Но так ли это? Ведь с высказанными в баснях суждениями трудно спорить. В них — житейская мудрость, которая приобретается, как правило, с годами. И этой житейской мудростью Василий Львович делится с читателями.

Впрочем, иногда читатели «Стихотворений Василия Пушкина» встречали в его баснях и нечто иное:

От старика и до ребенка
Все заняты умы в столичных городах:
Тот проживается, тот копит, богатится
И в страшных откупках;
Другой над картами трудится;
Заботы, происки о лентах, о чинах;

Никто не думает о ближних, о друзьях;
Жена пред мужем лицемерит,
А муж перед женой — и до того дошло,
Что брату брат не верит.

(«Сурок и щегленок») (78).

В басне «Японец» за «Японией благословенной», конечно, виделась Россия. Слепой, глухой, немой житель этой благословенной страны полагал, что его соотечественники «добры, чтут правду и закон». Но когда «какой-то славный врач, в Японии известный, / Не худо бы и нам таких врачей иметь!», вылечил беднягу, то

... что ж Японец наш узнал?
Товарищи его не стоили похвал;
Друг друга грабили они бесчеловечно;
Везде бессильный был попоран;
В судах коварство обитало,
На торжищах обман,
И словом — зло торжествовало.
«О ужас! — юноша вскричал
С прискорбием души, с сердечными слезами, —
Таких ли гнусных дел от вас я ожидал?
Что сделалось, японцы, с вами?
Куда не оглянусь: в стране несчастной сей
Или безумец, иль злодей!» (72).

На героя басни донесли, и он был навек изгнан из отечества. Грустная история!

В свой сборник Василий Львович включил басни, посвященные всегда животрепещущей теме зависти, — стихотворец с жаром выступал против завистников талантов. «Завистники соловья», «Овсянка и пеночка»,

«Сычи» — авторская позиция В. Л. Пушкина в этих баснях не может не вызывать уважения:

Как солнца светлого лучи,
Сияют дар, ученье:
Невежество — умов затмение;
Невежды-авторы — сычи (83).

Как тут не вспомнить стихи племянника:

Подыдем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма! (II,
420).

В раздел «Басни» В. Л. Пушкин поместил и свои стихотворные сказки. Они в самом деле близки к басенному жанру. Так, в сказке «Кабуд-путешественник» история путешествия осла в Мекку (хозяин отдал его дервишу, с тем чтобы осел вернулся оттуда ученым, заговорил на многих языках) рассказана для того, чтобы прийти к заключению:

...кто поехал в путь ослом,
Ослом и возвратится (112).

Не удержался Василий Львович и от того, чтобы включить в забавное повествование выпад против давнего литературного врага — А. А. Шаховского:

На правой стороне брюхастый стиходей
Достойнейших писателей злословил
И пасквили писал на сочиненья их,
А помнил сам в душе один известный стих,
Которым он воспет в поэме был шутливой (109).

В сказке «Красавица в шестьдесят лет» очерчен
карикатурный портрет старой кокетки, которая

...в зеркале себя увидев невзначай,
Сказала, прослезясь: «Веселие, прощай!
Как зеркала переменились!» (115).

То же можно сказать и о сказках «Быль» и
«Догадливая жена», где легким пером набросаны
портреты молодых жен и их доверчивых старых мужей.
Диалоги просто великолепны:

«Все ты сидишь в углу; не слышу я ни слова;
А если молвишь что, то вечно вы да вы.
Дружочек, любушка! Скажи мне нежно ты —
И шаль турецкая готова».
При слове *шаль* жена переменила тон:
«Как *ты* догадлив стал! Поди ж скорее вон!»
(105).

Что же касается сказки «Людмила и Услад», то в ней
есть и мораль (собака дает урок верности неверной
красавице), и свободный тон дружеского послания —
В. Л. Пушкин начинает свою сказку обращением к
К. Н. Батюшкову (которому эта сказка посвящена):

Аполлоном вдохновенный.
Друг любезный и поэт!

Ты, прощаясь, дал совет,
Чтоб, на скуку осужденный.
Коротал я длинный час, —
И свободными стихами
Я беседовал с друзьями,
Но, ах, милые, без вас
Как стихами заниматься?
Как веселым мне казаться?
Так и быть. Вот мой рассказ (112).

И балладные мотивы также здесь присутствуют. Можно даже, как нам кажется, говорить о некоторой перекличке текстов В. А. Жуковского и В. Л. Пушкина.

У В. А. Жуковского в балладе «Светлана»:

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу ^[549].

У В. Л. Пушкина в сказке «Людмила и Улад»:

Обожаемый сердцами,
Пол прекрасный! Не сердись!
Я невинен. Улыбнись!
Ведь не грех шутить стихами!
Лжец и сказочник — все то ж,
Знают все, что сказка — ложь (115).

Завершает сборник раздел «Смесь». Вот здесь отряды стихотворений В. Л. Пушкина «рассыпаны боем». Он включил сюда и патриотическое послание «К жителям Нижнего Новгорода», и сатиру «Вечер», и

стихотворение «Суйда», в котором воспеваются прелести сельского уединения. Здесь элегии, песни, романсы, эпиграммы, мадригалы, стихи в альбом, подражания, буриме. Угодно ли прочесть подражание Парни, читайте стихотворение «Скромность»:

Сокроемся, мой друг, от солнечных
лучей,
От шума светского, от зависти людей,
Чтоб не могли коварны очи
Восторгов наших отравить!
Не скажем дню мы тайны ночи —
Счастливую любовь не мудрено открыть...(152).

Хотите ли познакомиться с многочисленными подражаниями Василия Львовича Горацию, которого он очень любил, пожалуйста:

В несчастьи будь тверд и в счастье не гордись!
О Делий, смертные — судьбины лютой жертвы:
Сегодня живы, завтра мертвы;
Мы чада смерти все. Не бойся, веселись! (153).

Нравятся эпиграммы? Ну что же:

Змея ужалила Маркела.
Он умер? — Нет, змея, напротив, околела (208).

Возможно ли, скажи, чтоб нежная Людмила
Невинность сохранила?
Как ей избавиться от козней Сатаны?
Против нее любовь, и деньги, и чины (209).

О как болтаньем докучает

Глупец ученый Клит!
Он говорит все то, что знает,
Не зная сам, что говорит (211).

Больше по душе мадригалы? И мадригалы есть:

Когда приходит час с тобою расставаться,
Друг другу говорим: люблю, люблю тебя!
Не уверять в любви хотим мы тем себя,
Но только для того, чтоб больше наслаждаться
(146).

Злословит кто любовь, зовет ее бедой,
О Хлоя, пусть хоть раз увидится с тобой (171).

А стихи в альбом? Как точно сумел Василий Львович
дать поэтическое определение альбома:

Альбом есть памятник души:
Но скромность многого сказать не позволяет.
Пусть прозорливый ум всю тайну отгадает —
И, что я чувствую, сама ты напиши (170).

В поэтических мелочах, стихотворениях «на случай»
сказался дар В. Л. Пушкина — салонного стихотворца. В
них отразились и его добродушный характер, и его
жизненная философия. В стихотворении «На случай
шутки А. М. Пушкина, который утверждал, что я умер»
Василий Львович писал, что он действительно умер для
шума и утех, для амура и карточной игры, но для
друзей и для муз остался жить:

Но я живу еще для искренних друзей.
Душе и сердцу милых;

Живу еще для Муз и в хижине моей
Не знаю скуки я, не вижу дней унылых.
С спокойной совестью быть можно одному!
Молчу по суткам — и мечтаю,
Я счастья всякому желаю,
А зла, Бог видит, никому.
К чему мне пышные обеды,
Где в винах дорогих купают стерлядей?
Живу для мирных, приятных беседы
И добрых, ласковых людей (160).

Очень похожий автопортрет создал В. Л. Пушкин в стихотворении «Люблю и не люблю»:

Люблю я многое, конечно.
Люблю с друзьями я шутить.
Люблю любить я их сердечно,
Люблю шампанское я пить,
Люблю читать мои посланья,
Люблю я слушать и других,
Люблю веселые собранья,
Люблю красавиц молодых.

Над ближним не люблю смеяться,
Невежд я не люблю хвалить,
Славянофилам удивляться,
К вельможам на поклон ходить.
Я не люблю людей коварных
И гордых не люблю глупцов,
Похвальных слов высокопарных
И плоских скаредных стихов (160–161).

С детским простодушием Василий Львович рассказывает о своих привычках и пристрастиях. Он

любит по моде одеваться, любит приятные общества, любит декламировать Расина, читать Г. Р. Державина и И. И. Дмитриева, «для сердца утешенья» хвалить Н. М. Карамзина, любит «петь граций хоровод», изливать друзьям свою душу, со слезами вспоминать в стихах свою резвую юность. Он не любит нахалов, не любит страдать подагрой, не любит глупых журналов и злых суждений, не любит играть в карты, не любит строптивых сердец и дурных актеров. В стихотворении «Люблю и не люблю» — весь Василий Львович. Может быть, потому и не включил он это стихотворение в свой сборник.

Завершает сборник «Стихотворений Василия Пушкина» буриме — стихи на заданные рифмы — «Рассуждение о жизни, смерти и любви». Некогда, будучи молодым автором, он читал эти стихи в доме М. М. Хераскова, который не понял его литературной игры. Но ее вполне оценил В. А. Жуковский, включив буриме В. Л. Пушкина в изданное им в 1810–1811 годах «Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских...» (части 1–5). А ведь «Рассуждение о жизни, смерти и любви» — на философскую тему. Но оказывается, что и о чрезвычайно важных и серьезных предметах можно говорить шутливо и весело:

...Француз и молдаван

Твердят, что смерти путь и труден и *песчан*.

А в жизни мило все: крапива и *тюльпан*.

Живу, люблю, горю; Амуров мне *капкан*

Не страшен никогда... (218).

Наверное, завершая именно так свой сборник, Василий Львович хотел, чтобы его читатель, прежде чем он закроет книгу, задумался и улыбнулся.

3. Что сказали первые читатели и критики «Стихотворений Василия Пушкина»

Какому сочинителю не приятны похвалы, высказанные критиками в адрес его сочинений? Василий Львович мог радоваться тому, что критические отзывы о сборнике его стихотворений носили исключительно комплиментарный характер. Все говорили о заслугах В. Л. Пушкина перед русским языком и отечественной словесностью, о его безупречном вкусе и приятном слоге. Все признавали его талант, снискавший ему известность еще до выхода в свет его книги.

«Извещая читателей о выходе в свет собрания стихотворений В. Л. Пушкина, мы считаем излишним знакомить их с талантом автора. Есть писатели, которые и по издании трудов своих часто остаются неизвестными публике; напротив того, другие, прежде формального своего выхода в свет, большей части любителей дарований совершенно знакомы. Ко второму разряду принадлежит и В. Л. Пушкин»^[550].

Так начиналась статья «О стихотворениях В. Л. Пушкина», напечатанная без подписи в 11-м номере петербургского журнала «Соревнователь просвещения и благотворения» за 1822 год (начиная с 4-го номера за 1818 год, журнал получил название «Труды Высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности»). Не исключено, что статью написал П. А. Плетнев, который с 1821 года был редактором этого издания. Критик привел выдержки из статьи «остроумнейшего из наших новейших поэтов», напечатанной в 1821 году в «Сыне Отечества» (то есть процитировал П. А. Вяземского), и из «Опыта краткой истории русской литературы» Н. И. Греча (книга вышла в свет в 1822 году), где

отмечались не только «легкость, правильность и приятность слога» стихотворений В. Л. Пушкина, но и заключенные в них «благородные мысли и чувствования». Завершалась статья указанием на несомненные типографические достоинства вышедшей в свет книги:

«Издание Стихотворений В. Л. Пушкина чрезвычайно удачно как по исправности текста, так и по типографической красоте. Оно все напечатано на самой лучшей любской бумаге. Издатели украсили оное портретом, снятым с автора в Париже во время его там пребывания, и гравированным здесь в С. Петербурге известным художником Г. Галактионовым. Книга сия продается у Казанского моста в книжном магазине И. В. Сленина по 10 р. экземпляр. Иногородные могут получить ее, не прилагая особенно за пересылку»^[551].

На выход в свет «Стихотворений Василия Пушкина» откликнулись «Московские ведомости». В 102-м номере газеты от 23 декабря 1822 года была напечатана статья П. И. Шаликова. Она была помещена в разделе «Ученые известия» вслед за статьей «О делании кирпичей посредством гнета». (Не будем смущаться таким странным соседством: хорошие кирпичи нужны точно так же, как хорошие книги.) Всегда восторженный П. И. Шаликов в начале своей рецензии попытался заявить о своей беспристрастности и объективности:

«Критика, самая благонамеренная, может без сомнения найти в Стихотворениях, о которых извещаем публику, некоторые легкие погрешности против трудных условий искусства и строгих правил языка»^[552].

Однако рецензент на эти легкие погрешности не указал.

«Но сии стихотворения, — писал он далее, — показывают Автора Европейского, напитанного чтением классических творений во всех тех родах, которым поэт

наш посвятил лиру свою. Слог его выработан, вкус верен, тон — важный или шуточный всегда благороден, плавность, гармония и механизм стихов достойны подражания»^[553].

Затем следуют одни восторги. Заметим, что восторженные оценки П. И. Шаликова раскрывают перед читателем грани дарования В. Л. Пушкина: речь идет и о веселости, и о чувствительности, и об остроумии, и о занимательности его стихов: «Есть пиэсы, исполненные равной силы от начала до конца; другие пленяют веселостью, или трогают чувствительностью: таковы все Послания. Рассказ Басен и их нравоучение, или эпиграмма — прекрасны, остроумны. Сказки весьма занимательны»^[554].

Особо отметил П. И. Шаликов в своем приятеле дар салонного стихотворца:

«Пиэсы, под заглавием Смесь, показывают еще в Авторе нашем человека светского, коротко знакомого с лучшим обществом, где талант авторской получает, можно сказать, последнюю грань, придающую ему особенный блеск, не обретаемый в кабинете, происходящей единственно от навыка сочинять по вызову людьми с дарованием, а особливо прекрасным полом. Доказательством сего замечания служат Стихи на заданные рифмы, которыми заключается книжка нашего Поэта»^[555].

Представляя книгу читателю, П. И. Шаликов рекламировал ее так: «Она не толста, но без сомнения прочнее многих тяжелых томов; напечатана как нельзя лучше, на самой хорошей бумаге, с портретом автора»^[556]. А в примечании не преминул дать информацию: «Продается в книжных лавках при Университетской типографии и у Готье — по 10 руб. ассигнац. за экземпляр»^[557].

Завершая же свою статью, издатель «Московских ведомостей» писал:

«Для славы литературы нашей должно желать, чтобы гораздо чаще выходили у нас такие книжки, которые оцениваются знатоками не по числу листов, но по другому достоинству и которые заслуживают известное преимущество быть в руках у каждого человека со вкусом и просвещением»^[558].

Просвещение — не пустой для сердца Василия Львовича звук. Знал П. И. Шаликов, как наилучшим образом закончить похвалы своему другу-стихотворцу.

16 февраля 1823 года в петербургской газете «Русский инвалид» появилась статья о сборнике В. Л. Пушкина за подписью «К». Ее автором был москвич Василий Иванович Козлов, поэт и критик. В начале 1814 года он переехал в Петербург, стал сотрудничать с «Русским инвалидом», печатая там свои стихи, литературные и театральные рецензии, хроникальные заметки. С 1822 года В. И. Козлов стал фактическим редактором газеты. В Москве он входил в круг карамзинистов, приятельствовал с П. И. Шаликовым. В 1824 году он писал П. И. Шаликову:

«Вы увидите в Москве добрых истинных друзей моих:

С. Л. Пушкина и все его семейство. Поклонитесь им от меня и скажите, что я живо чувствую потерю приятного их общества»^[559].

Скорее всего, В. И. Козлов был знаком и с В. Л. Пушкиным.

В «Русском инвалиде» печатались рецензии В. И. Козлова на сочинения В. А. Жуковского и К. Н. Батюшкова, высоко оценил он поэму А. С. Пушкина «Кавказский пленник». Объявляя себя сторонником новой романтической литературы, В. И. Козлов оставался убежденным приверженцем

сентиментализма. Кому же как не ему было откликнуться на книгу В. Л. Пушкина! Его статья, во многом повторяющая вышедшие ранее критические отзывы, на наш взгляд, наиболее содержательна. Потому мы позволим себе привести ее полностью:

«Собрание Стихотворений В. Л. Пушкина — Писателя, равно любезного Музам, Грациям и многочисленным друзьям своим, — есть конечно приятный подарок отечественной Публике. Как современник Карамзина и Дмитриева, давно уже подвизался он на поле Словесности; как ревностный сотрудник знаменитых друзей своих, содействовал он к очищению вкуса, доказал новыми опытами способность Русского языка к легкой Поэзии, и знакомил светских людей и прекрасный пол с изящными ее произведениями. Давно уже повременные наши издания украшались трудами сего почтенного Литератора; давно уже лучшие, образованнейшие круги обеих столиц восхищались чтением оных. Но Поэзия была для него потребностью души, живейшим наслаждением жизни, неразлучною спутницей тех радостей, кои любовь к добру, родство и дружба доставляют сердцам чувствительным. Посему-то не спешил он собирать свои Стихотворения; не искал (подобно многим) наполнить оными большие томы и никогда не был в печальном заблуждении, что числом печатных листов можно купить себе бессмертную славу. Наконец, уступая желанию друзей своих и Публики, решился он собрать и напечатать свои стихотворные произведения, дотоле рассеянные в Журналах, а частью и совсем еще не изданные. Но и к сему приступил он с приметною, может быть с излишнею строгостию; и в сем собрании поместил только избранные свои Стихотворения и исключил из оного множество других, кои, в каком-либо отношении, не удовлетворяли требованиям его, проницательной Критики. —

Повторяем, что строгость сия показалась нам излишнею, ибо и между сими Стихотворениями находятся многие, кои могли бы сделать славу *другого Писателя*. Некоторые замечательны также и по своему предмету, как напр. *Послание к И. И. Дмитриеву*, напечатанное в 1-й книжке Аонид и, неизвестно почему, не помещенное в сем собрании. Здесь Автор вооружился первый против излишней слезливости, в коей, лет за 20 пред сим, не без причины упрекали наших Стихотворцев. Признаюсь, что я душевно пожалел, не найдя сего Послания и еще некоторых *старых знакомых* между приятными произведениями почтенного Ветерана нашей Литературы.

Почитаю за излишнее распространяться о достоинстве сих Стихотворений, все оные, более или менее, известны в кругу любителей отечественной Поэзии. В. Л. Пушкин писал во многих родах, и без всякого пристрастия можно сказать, что каждая Муза, коей приносил он свои жертвы, принимала оные с благосклонною улыбкою. Басни его, Сказки, Послания и мелкие сочинения — все ознаменованы печатаю таланта и изящного вкуса; язык его чист и правилен, стихосложение легко и приятно Любовь к отечеству; усердие к успехам языка и Литературы; искренное, нелицемерное добродушие; живые, чистые наслаждения ума и сердца — изображаются повсюду в произведениях нашего Стихотворца и делают оные столь же драгоценными для всех Читателей, как и для многочисленного круга его друзей и ближних.

Остается заметить, что Типографическая часть издания в полной мере соответствует достоинству книги. Она украшена также портретом Автора, искусно выгравированным и довольно сходным. — Любители отечественной Словесности, кои не имеют еще сих

Стихотворений, конечно поспешат украсить оными свои библиотеки»^[560].

В. И. Козлов так же, как и другие критики, сообщал, где сии Стихотворения можно купить: «Стихотворения В. Л. Пушкина продаются в книжном магазине И. В. Сленина, что у Казанского моста. Цена в бумажке 10 руб.»^[561].

Поэзия действительно была для Василия Львовича потребностью души, наслаждением жизни. Отметим еще одно, как нам представляется, важное суждение критика: в стихотворениях В. Л. Пушкина дают о себе знать любовь к Отечеству, желание способствовать успехам русского языка и литературы, добродушный характер автора, его ум и сердце. И еще — В. И. Козлов назвал стихотворца почтенным ветераном нашей литературы. Вот оно — найденное критиком слово. Всё так — В. Л. Пушкин действительно признанный ветеран литературы. Критики оценили его несомненный вклад в развитие родного языка и поэзии, воздали ему справедливую хвалу. Достоинства его стихотворений не оспаривались теми, кто были некогда его литературными противниками. Правда, долгожданное и наконец вышедшее в свет издание не принесло ему «славы дань, / Кривые толки, шум и брань». В это время шумные споры шли вокруг сочинений племянника Василия Львовича. Их новизна, новаторство остро ощущались. В 1820 году уже была напечатана поэма «Руслан и Людмила», в 1822-м — поэма «Кавказский пленник». А. С. Пушкин становился русским Байроном, кумиром молодых читателей. Теперь именно его стихи читали и переписывали, выучивали наизусть. Всех занимала полемика о романтизме, ставшем настоящей революцией в литературе. Тут было не до Василия Львовича. Впрочем, бранью его наградил, как это уж давно повелось, А. М. Пушкин.

24 декабря 1822 года А. Я. Булгаков писал брату из Москвы в Петербург:

«Вчера был я зван на вечер к Сонцову; были тут: Тургенев, Вяземский, Жихарев, молодой Юсупов, Вас. Львович и Алекс. Мих. Пушкины; этот того, по обыкновению, дурачил и ругал. „Кто тебя просил написать ко мне глупое послание, да и напечатать еще его в твоих сочинениях, которые на всех навязываешь, и никто их не берет? Это делает другой, такой же дрянной поэт, как ты, Хвостов; но этот, по крайней мере, сенатор, годится при случае, а ты ни к черту не годишься“. Смешнее всего, что Вас. Львович серьезно все принимает и оправдывается» ^[562].

Нет, Василий Львович конечно же никому не навязывал своей книги. Он ее дарил и, по-видимому, подарил очень многим. П. И. Шаликов получил ее с такой дарственной надписью:

Поэту милому, товарищу и другу,
Счастливому отцу, счастливому супругу,
Вот от души подарок мой!
В час скуки и отдохновенья
Читай мои стихотворенья
И помни, что люблю любимым быть тобой (171).

В Музее книги Российской государственной библиотеки хранится том «Стихотворений Василия Пушкина» с дарственной надписью П. А. Вяземскому:

Его сиятельству
кн. Петру Андреевичу Вяземскому
Чем мне дарить тебя, друг милый и собрат,
В день твоего рожденья?
Прими сей слабый дар, мои Стихотворенья;
И будь счастливее их автора стократ.

12 Июля
1823 года (171).

9 апреля 1824 года К. Я. Булгаков писал А. Я. Булгакову из Петербурга в Москву:

«У меня есть сочинения Василия Львовича Пушкина. Попроси его, чтобы он мне прислал письмо своей руки, которое бы я мог переплести вместе с книгою — так, как Карамзина и Жуковского. Со временем этот экземпляр, в коем будет и почерк сочинителя, сделается еще интереснее»^[563].

Василий Львович незамедлительно откликнулся на такую лестную для него просьбу, не только написал желаемое К. Я. Булгаковым письмо, но и передал ему в дар экземпляр своей книги (хотя, как мы понимаем, книга у Константина Яковлевича была). 24 апреля Александр Яковлевич отправил все в Петербург:

«Вот тебе сочинения Василия Львовича и письмо, которое ты желал иметь»^[564].

Вскоре после выхода книги в свет В. Л. Пушкин отправил ее в Кишинев племяннику, который, как мы помним, интересовался ее изданием. (Хочется верить, что книга эта сохранилась, но местонахождение ее пока неизвестно.) Как оценил «Стихотворения Василия Пушкина» Александр Пушкин? На этот вопрос мы ответим в следующей главе, где речь пойдет о взаимоотношениях дяди и племянника в годы ссылки А. С. Пушкина.

Глава одиннадцатая ДЯДЯ НА ПАРНАСЕ И ПОЭТ-ПЛЕМЯННИК

1. Племянник в письмах дяди

«Племянник мой уехал в Екатеринослав; жалею, что ты не застал его в Петербурге. Читал ли ты некоторые отрывки из его поэмы, напечатанные в петербургских журналах? и что ты о них думаешь?»^[565] — писал В. Л. Пушкин П. А. Вяземскому из Москвы в Петербург 3 июня 1820 года.

Вряд ли нужно комментировать письмо Василия Львовича. Разве что пояснить: в письме речь идет об отрывках из первой и третьей песен поэмы «Руслан и Людмила», увидевших свет в апреле 1820 года в журналах «Невский зритель» и «Сын Отечества». В данном случае просто хотелось бы еще раз обратить внимание на постоянный интерес Василия Львовича к творчеству племянника, на всегдашнее желание ему добра: ведь как было бы хорошо, если бы Александр, покидая Петербург, встретился с другом...

То же — в письме П. А. Вяземскому от 21 июня 1820 года из Москвы в Варшаву:

«Каченовский в последнем нумере своего журнала грянул на моего племянника, но критика московского Фрерона не умалит дарований нашего молодого поэта. Я надеюсь, что пребывание его в Екатеринославе будет для него полезно, и радуюсь сердечно, что г. Капо-Дистрия к нему хорошо расположен»^[566].

Василия Львовича возмутило «Письмо жителя Бутырской слободы», напечатанное в 11-м номере «Вестника Европы» за 1820 год. Да и как было не

возмутиться этим первым критическим откликом на поэму «Руслан и Людмила».

«Возможно ли просвещенному или хоть немного сведующему человеку терпеть, когда ему предлагают новую поэму, писанную в подражание Еруслану Лазаревичу? — писал критик. — <...> Но увольте меня от подробностей и позвольте спросить: если бы в Московское благородное собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бородою, в армяке, в лаптях и закричал бы зычным голосом: *здорово, ребята!* Неужели бы стали таким проказником любоваться?»^[567]

Автором «Письма..» был А. Г. Глаголев, но В. Л. Пушкин этого не знал и считал, что «Письмо...» написал редактор «Вестника Европы» В. Т. Каченовский. Его-то и назвал Василий Львович московским Фрероном — по имени французского публициста и критика, известного своей враждой к Вольтеру.

Откуда Василий Львович узнал, что Каподистрия хорошо расположен к его племяннику? Но кто бы ни сообщил ему об этом, он сердечно порадовался. Умея даже в плохом находить хорошее, добрый дядюшка надеялся, что пребывание молодого поэта в Екатеринославе пойдет ему на пользу.

И еще одно письмо П. А. Вяземскому от 23 сентября 1820 года в Варшаву:

«Третьего дня я был у И. И. Дмитриева, и читали вместе рецензию Воейкова, который чрезвычайно нападает на племянника моего. Я знаю новую поэму только по отрывкам, но кажется мне, что в них гораздо больше вкуса, нежели во всех стихотворениях господина Воейкова. <...> Племянник мой ездил на Кавказские воды и написал там какие-то стихи, которые я еще не читал и не имею. Генерал Инзов его любит, и я надеюсь, что в нашем поэте прок будет. Необузданная

ветреность пройдет, а талант и доброе сердце останутся при нем навсегда»^[568].

В. Л. Пушкин вместе с И. И. Дмитриевым читал «Разбор поэмы „Руслан и Людмила“, сочин. Александра Пушкина», напечатанный в «Сыне Отечества» в 1820 году. Член «Арзамаса», друг В. А. Жуковского и А. И. Тургенева, автор «Разбора...» А. Ф. Воейков счел возможным выступить с оскорбительной критикой в адрес Александра Пушкина. Похвалы, высказанные в начале его статьи, утонули в ливне мелочных придирок, касающихся поэтического языка пушкинской поэмы:

«Трепеща, хладною рукою
Он вопрошает мрак немой».

Вопрошать немой мрак — смело до непонятности, и если допустить сие выражение, то можно будет написать: говорящий мрак, болтающий мрак, болтун мрак; мрак, делающий неблагопристойные вопросы и не краснея на них отвечающий; жалкий, пагубный мрак!

С ужасным, пламенным челом.

То есть с красным, вишневым лбом. <...>

Светлеет мир его очам.

По-русски говорится: светлеет мир в его очах. <...>

Как милый цвет уединенья.

Цвет пустыни можно сказать, но уединение включает понятие отвлеченное и цветов не

произрастает»^[569].

И так далее и так далее. Язвительная насмешливость и назидательность тона А. Ф. Воейкова чего только стоят!

Известно, что И. И. Дмитриев, который вместе с В. Л. Пушкиным читал «Разбор...», неодобрительно отзывался о пушкинской поэме, во многом был согласен с критикой Воейкова. Арзамасцев же она возмутила.

«Кто сушит и анатомит Пушкина? — писал П. А. Вяземский А. И. Тургеневу 9 сентября 1820 года. — Обрывают розу, чтобы листок за листком доказать ее красоту. Две, три странички свежие — вот чего требовал цветок такой, как его поэма. Смешно хрипеть с кафедры два часа битых о беглом порыве соловьиного голоса»^[570].

Александр Пушкин, больно задетый критикой А. Ф. Воейкова, писал 4 декабря 1820 года Н. И. Гнедичу из Каменки в Петербург:

«Кто такой этот В., который хвалит мое целомудрие, укоряет меня в бесстыдстве, говорит мне: красней, несчастный? (что, между прочим, очень неучтиво)? <...> Согласен со мнением неизвестного эпиграмматиста — критика его для меня ужасно как тяжка» (XIII, 21).

Неизвестный эпиграмматист — И. А. Крылов, эпиграмма которого появилась в 38-м номере «Сына Отечества» в 1820 году вслед за «Разбором...» А. Ф. Воейкова:

Напрасно говорят, что критика легка.
Я критику читал «Руслана и Людмилы»,
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно как тяжка^[571].

В этом же номере «Сына Отечества» была напечатана и эпиграмма лицейского товарища Александра Пушкина Антона Дельвига:

Хоть над поэмою и долго ты корпишь,
Красот ей не придашь и не умалишь!
Браня — всем кажется, ее ты хвалишь;
Хваля — ее бранишь ^[572].

Отклик Василия Львовича на критику А. Ф. Воейкова основан на чрезвычайно значимом для него критерии вкуса: в отрывках из поэмы «Руслан и Людмила» «гораздо больше вкуса, нежели во всех стихотворениях господина Воейкова».

Когда В. Л. Пушкин пишет о поездке племянника на Кавказские воды, речь идет о том, что Александр Пушкин в конце мая 1820 года выехал с семейством прославленного героя Отечественной войны, генерала Николая Николаевича Раевского из Екатеринослава на Кавказские Минеральные Воды. «Какие-то стихи», написанные там Александром, дядя, вероятно, надеется получить. Опять-таки он уверен, что «генерал Инзов его любит», и это правда: Иван Никитич Инзов, генерал-лейтенант, с 15 июня 1820 года по 7 мая 1823 года исполнявший обязанности наместника Бессарабской области (к его канцелярии был прикомандирован Александр Пушкин), благожелательно, даже, можно сказать, по-отечески отнесся к молодому ссыльному поэту. А какую славную характеристику дает дядя любимому племяннику: «Необузданная ветреность пройдет, а талант и доброе сердце останутся при нем навсегда». Кому как не парнасскому отцу Александра Пушкина оценить по достоинству его талант, возможность дальнейшего развития этого необыкновенного дарования, предвидеть расцвет его

гения. Кому как не любящему дядюшке сказать о добром сердце племянника, которого он знал с самого рождения и ребенком, и отроком.

В приведенном выше письме П. А. Вяземскому — еще и тревога за Александра, надежда на то, что всё как-то образуется. На самом деле дядя был перепуган ссылкой племянника не на шутку. В день, когда было написано это письмо, то есть 23 сентября 1820 года, Василий Львович посетил Английский клуб. Там с ним встретился А. Я. Булгаков, который в тот день сообщал брату в Петербург:

«Вчера видел я в клубе Вас. Льв. Пушкина. Его перетрусил так племянник его (что у Инзова на покаянии), что он от него отнекивается и отвечал: „я ничего не знаю о нем, и мы даже не переписываемся“» (последняя фраза на французском языке)^[573].

Нет, знал Василий Львович о своем племяннике, и об этом свидетельствуют, в частности, процитированные нами его письма. И переписка всё же была. Во всяком случае, когда Александр Пушкин находился уже в Одессе, 4 ноября 1823 года он писал П. А. Вяземскому:

«Василию Львовичу дяде кланяюсь и пишу на днях» (XIII, 74).

Когда летом 1824 года в Одессу приехала Вера Федоровна Вяземская вместе с детьми, А. С. Пушкин 7 июня сообщал об этом другу:

«Жена твоя приехала сегодня, привезла мне твои письма и мадригал Василия Львовича, в котором он мне говорит: *ты будешь жить с княгинею прелестной*; не верь ему, душа моя, и не ревнуй» (XIII, 96).

Правда, ранее, 2 января 1822 года, А. С. Пушкин писал П. А. Вяземскому в Москву из Кишинева:

«...желаю счастья дяде — я не пишу к нему; потому что опасаюсь журнальных почестей...» (XIII, 35).

Под журнальными почестями имелась в виду публикация в «Сыне Отечества» в 11-м номере за 1821 год (номер вышел в марте): там без ведома А. С. Пушкина за его подписью было напечатано его «Письмо к В. Л. Пушкину» («Тебе, о Нестор Арзамаса»). Эта публикация рассердила А. С. Пушкина. Не исключено, что письмо в журнал мог передать сам Василий Львович. 21 марта 1821 года он заезжал к А. Я. Булгакову. По свидетельству последнего, «он в восхищении, что письмо к нему племянника напечатано в „Сыне Отечества“». Когда же А. Я. Булгаков, подшучивая над своим гостем, сказал ему, что по письму этому видно, что дядя с племянником очень близки, но вдруг подумают, что он, Василий Львович, разделяет убеждения племянника-ультралиберала, тогда В. Л. Пушкин перепугался: «Большой трусишка!»^[574]

Наверное, и это было, но были и неизменная любовь к племяннику, желание ему добра. Дядя никогда не переставал интересоваться тем, что происходит в жизни Александра, радоваться и печалиться за него.

31 июля 1824 года он писал Николаю Ивановичу Кривцову, их общему с Александром другу:

«...я получил вчера известие, которое меня очень огорчило, и я должен сообщить его Вам, ибо я знаю, кем Вы для всех нас являетесь. Александр, мой племянник, впав в немилость графа Воронцова, только что отстранен от службы. Это внезапный удар для его родителей и истинное огорчение для меня. Мой брат, который находится теперь в Опочке, еще не знает об этом происшествии. Я узнал о нем от Александра Булгакова, до которого эта новость только что дошла» (оригинал по-французски)^[575].

В тот же день, 31 июля А. Я. Булгаков сообщал К. Я. Булгакову в Петербург:

«О Пушкине, несмотря на прекрасные его стихотворения, никто не пожалеет. Кажется, Воронцов и добр, и снисходителен, а и с ним не ужился этот повеса. Будет, живучи в деревне, вспоминать Одессу; да нельзя уж будет пособить. Вас. Львов, утверждает, что это убьет отца» (последние пять слов по-французски)^[576].

А. С. Пушкин уже был на пути в Михайловское, когда П. А. Вяземский 4 августа писал из Москвы в Одессу жене:

«О Пушкине пишут из Петерб., что он оставлен и что велено ему жить в деревне у отца. Василий Львович залился слезами и потом об этой горестной вести и сказал: саранча заставила его скакать!» (последние четыре слова по-французски)^[577].

Знал, значит, Василий Львович о том, что М. С. Воронцов отправил племянника в командировку собирать сведения о саранче, — Александр Пушкин счел для себя такое поручение оскорбительным.

Известно, что в конце сентября 1824 года А. С. Пушкин в Михайловском получил письмо от дяди, в котором тот сообщал о возвращении Веры Федоровны в Москву (к сожалению, письмо не сохранилось)^[578].

В декабре 1824 года к Василию Львовичу приехал лицейский товарищ Александра Иван Пущин, которого старый поэт помнил подростком. И. И. Пущин служил тогда в Москве. Узнав о ссылке Александра в Михайловское и собираясь на Рождество в Петербург для свидания с родными, он решил навестить сестру свою в Пскове, а затем поехать и в Михайловское. Василий Львович предостерегал его — ведь Александр был под двойным надзором — и полицейским, и духовным. Но коль скоро лицейский друг не оставил своего намерения, то, как позже вспоминал

И. И. Пущин, «со слезами на глазах дядя просил расцеловать его»^[579].

И о ссоре Александра с отцом было дяде известно. Не исключено, что Василий Львович принимал участие в хлопотах по возвращению племянника из Михайловской ссылки.

Конечно же дядя все время следил за публикациями произведений племянника, за выходящими в свет критическими отзывами о них, радовался его успехам, негодовал на его обидчиков.

7 октября 1820 года В. Л. Пушкин писал А. И. Тургеневу в Петербург:

«Эпилог племянника моего прелесть. Поэму его вседневно ожидаю. И. И. Дмитриев ее уже имеет, и он многое в ней очень хвалит и многое критикует. Мы вместе с ним ее читали. Журналисты петербургские взбесились. В рецензии, напечатанной в „Сыне Отечества“, я заметил, что критик говорит о мрачных картинах Корреджия! Какое невежество! Грации водили кистью Корреджия, и все картины его прелестны. Le gracieux n'est par le lugubre^[580]. Критик сочетал Орловского с славным питомцем Италии. Какое сочетание! Что он нашел сходного между ними? В одном месте, говоря о стихах моего племянника, рецензент восклицает: мужицкие рифмы! Сохрани Боже, судить так криво и изъясняться так грубо!»^[581]

Поэма «Руслан и Людмила», первая книга Александра Пушкина, вышла в свет в июле — августе 1820 года в Петербурге. Ее автор в это время находился на Кавказе. По его поручению в сентябре на одном из экземпляров была сделана дарственная надпись:

«Его Высоко-Превосходительству
Милостивому Государю
Ивану Ивановичу

Дмитриеву
От Сочинителя»^[582].

В начале октября И. И. Дмитриев уже получил этот подарок, о чем не без скрытой зависти писал в приведенном письме Василий Львович. По его словам, Иван Иванович «многое критикует» и «многое хвалит». Об этом можно судить по письму Дмитриева П. А. Вяземскому от 18 октября 1820 года:

«Мне кажется, это недоносок пригожего отца и прекрасной матери (музы). Я нахожу в нем очень много блестящей поэзии, легкости в рассказе, но жаль, что часто впадает в бурлеск»^[583].

И. И. Дмитриев, полагая, что замечания А. Ф. Воейкова «почти все справедливы», считал, однако, что «наши журналисты все еще не научатся критиковать учтиво»^[584].

Василий Львович, ранее уже отказавший А. Ф. Воейкову в художественном вкусе, по существу аргументировал свое суждение, полагая, что оценка итальянского художника Корреджо, сравнение его с Александром Орловским крайне неудачны. Небезынтересно, что на это обратил внимание и племянник Василия Львовича. В цитированном выше письме Н. И. Гнедичу от 4 декабря 1820 года из Каменки в Петербург А. С. Пушкин с иронией писал, что «этот В.» «говорит, что характеры моей поэмы писаны мрачными красками этого нежного, чувствительного Корреджио и смелою кистью Орловского, который кисти в руки не берет, а рисует только почтовые тройки да киргизских лошадей» (XIII, 21).

Восклицание А. Ф. Воейкова «мужицкие рифмы!» совсем рассердило В. Л. Пушкина: «Сохрани Боже, судить так криво и изъясняться так грубо!»

Эпилог же поэмы «Руслан и Людмила» привел Василия Львовича в восторг:

Я погибал... Святой хранитель
Первоначальных бурных дней,
О дружба, нежный утешитель
Болезненной души моей!
Ты умолила непогоду;
Ты сердцу возвратила мир;
Ты сохранила мне свободу,
Кипящей младости кумир!
Забытый светом и молвою,
Далече от берегов Невы,
Теперь я вижу пред собою
Кавказа гордые главы.
Над их вершинами крутыми,
На скате каменных стремнин,
Питаюсь чувствами немыми
И чудной прелестью картин
Природы дикой и угрюмой;
Душа, как прежде, каждый час
Полна томительною думой —
Но огонь поэзии погас.
Ищу напрасно впечатлений;
Она прошла, пора стихов,
Пора любви, веселых снов,
Пора сердечных вдохновений!
Восторгов краткий день протек —
И скрылась от меня навек
Богиня тихих песнопений... (IV, 86–87).

Быть может, читая эти стихи племянника, дядя вспоминал свои элегические строки:

Где вы, дни радости, восторгов, упоенья?
Сокрылись... и мечты вы унесли с собой,
В блестящих обществах, в тиши уединенья,
Ничто не действует над мрачною душой.

Поэзия, и ты забыта мною ныне!
Кого мне петь? Пред кем мне чувства изливать?
Живу я без надежд — и, в горестной судьбине,
Любить еще могу, но должен я молчать.

О Дружба, будь моим шитом и наслажденьем!
Ты счастье даришь и не сулишь оков.
Бесценный дар небес, ты служишь утешеньем,
Когда от нас летит крылатая любовь! (164–165).

8 ноября 1820 года А. Я. Булгаков писал из Москвы в Петербург брату:

«Благодарю очень за „Руслана и Людмилу“. Это редкость здесь, и Василий Львович так и кинулся вчера на нее, а ты успел не только ее отыскать, но и переплести»^[585].

Можно не сомневаться в том, что В. Л. Пушкин «кидался» на все сочинения своего племянника. 14 августа 1822 года в Петербурге вышла в свет поэма Александра Пушкина «Кавказский пленник». 4 сентября Василий Львович уже сетовал в письме П. А. Вяземскому в Остафьево:

«Новая поэма племянника моего напечатана — я ее не имею. Одним словом, я забыт всеми»^[586].

А как радовался дядя той высокой оценке, которую дал новой поэме И. И. Дмитриев. 19 сентября 1822 года он сообщал об этом П. А. Вяземскому в Варшаву:

«Вот что пишет наш Лафонтен (И. И. Дмитриев. — Н. М.) нашему Ливию (Н. М. Карамзину): „Вчера я прочитал

одним духом Кавказского пленника и от всего сердца пожелал молодому поэту долгие лета! Какая надежда! при самом начале уже две собственные поэмы, и какая сладость стихов! Все живопись, чувство и остроумие!“ Признаюсь, что прочитав это письмо, я прослезился от радости»^[587].

7 апреля 1824 года П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу из Москвы в Петербург:

«Меня Василий Львович мучит именем Сергея Львовича, будто не получившего экземпляра „Фонтана“ („Бахчисарайского фонтана“. — *Н. М.*). Что за вздор!»^[588]

Пройдет время, и в 1829 году поэт-дядя выразит в стихах свое восхищение талантом поэта-племянника, творения которого он читает «с живым восторгом»:

Латоны сына ты любимец,
Тебя он вкусом одарил;
Очарователь и счастливец,
Сердца ты наши полонил
Своим талантом превосходным,
Все мысли выражать способным.
«Руслан», «Кавказский пленник» твой,
«Фонтан», «Цыганы» и «Евгений»
Прекрасных полны вдохновений!
Они всегда передо мной,
И не для критики пустой.
Я их твержу для наслажденья (62).

16 декабря 1821 года в Москве в театре на Моховой состоялась премьера балета «Руслан и Людмила, или Низвержение Черномора, злого волшебника». Это было событие уже потому, что впервые ставился балет по произведению современного автора. Правда, в афише имя Александра Пушкина не указывалось, но все,

конечно, знали, что балет создан на основе его поэмы. Мы не располагаем сведениями о том, что Василий Львович был на представлении этого спектакля, который долго оставался в театральном репертуаре. Но вполне возможно, что старый театрал не преминул полюбопытствовать, как же поставили на сцене поэму его племянника. Это было необыкновенное зрелище: чудесные превращения, когда безобразный карлик становился розовым кустом, огнедышащая голова богатыря Полкана, полеты на облаках и воздушной колеснице, амуры и злые духи, поединки, русские, польские и татарские пляски. Балет поставил ученик прославленного Шарля Дидло Адам Павлович Глушковский. Он же был автором либретто и исполнителем партии Руслана. Партию Людмилы исполнила его жена Татьяна Ивановна Иванова-Глушковская, которую очень любила московская театральная публика. Музыку к балету сочинил Ф. Е. Шольц. Спектакль имел грандиозный успех. К сюжету пушкинской поэмы в 1824 году обратился и А. А. Шаховской. Сочиненная им волшебная трилогия в трех частях с прологом и интермедией «Финн» с музыкой К. А. Кавоса была поставлена впервые на московской сцене 23 апреля 1825 года. С 13 января 1827 года в Москве шла романтическая трилогия А. А. Шаховского в пяти действиях в стихах «Керим-Гирей, крымский хан» (музыка К. А. Кавоса). 2 октября 1827 года в Москве состоялась премьера «большого пантомимного балета» в четырех действиях «Кавказский пленник, или Тень невесты», либретто к которому написал Ш. Дидло (он поставил этот балет в Петербурге), а музыку — К. А. Кавос. Постановщиком же московского спектакля явился А. П. Глушковский, который так вспоминал о сценических находках своего учителя: «Местность, нравы, дикость и воинственность народа, все схвачено в этом балете. Есть много групп

истинно поэтических. Так, вы видите парящего орла с похищенным ребенком. Все в ужасе... орел с дитятею спускается на высокую скалу и кладет ребенка в свое гнездо. Отчаянная мать, как змея, вползает на вершину скалы и крадется, чтобы взять дитя. Испуганный орел бросает добычу. — Мать в восторге; все бросаются к ней на скалу и, сплетя из древесных сучьев носилку, несут ее на сцену. В то же время видите вы разостланную на земле бурку и на ней черкеса, который с диким видом точит свое оружие об скалу; подле скалы, под древесною тенью, сидит женщина, укачивая ребенка. — Какую бы придумать качалку для черкешенки в бедной сакле? Дидло дает группе характер дикий и воинственный, приличный изображаемому народу: в дерево воткнута гибкая шашка, с рукоятки висит конская сбруя, в нее вложено широкое седло, в котором спит малютка, прикрытый вместо покрывала мехом шакала. Игры, борьба, стрельба — все верно и естественно списано им с натуры, но все прикрыто колоритом грации и поэзии. Балет сделался в руках Дидло великолепной иллюстрацией поэмы» ^[589].

И еще об одном театральном спектакле на пушкинский сюжет надо сказать. Это театральная инсценировка стихотворения «Черная шаль». А. С. Пушкин написал его в Кишиневе в октябре 1820 года. Еще до публикации оно стало необыкновенно популярным, распространялось в списках. Александр Ефимович Измайлов подарил пушкинский автограф «Черной шали» хозяйке блистательного петербургского салона Софье Дмитриевне Пономаревой. 30 марта 1821 года А. И. Тургенев писал из Петербурга П. А. Вяземскому в Варшаву:

«Вот тебе „Шаль“ шалуна Пушкина. Ты бы угадал автора и без меня» ^[590].

Конечно, «Черную шаль» можно воспринимать и как шалость молодого поэта. Какая восточная экзотика: младая гречанка, еврей, армянин! Какие страсти: любовь, ревность, исступление! Какой сюжет: измена, кровавое убийство, тайна, скрытая в пучине вод! И каков романтический герой, способный к безумству от любви, с хладной душою, терзаемой печалью! Но все это и пленяло замиравшие от восторга сердца читателей и читательниц. В 1821 году «Черная шаль» была напечатана в петербургских журналах — сначала в «Сыне Отечества», а потом в «Благономеренном», что только способствовало популярности пушкинского стихотворения. В 1823 году музыку на текст «Черной шали» написали А. Н. Верстовский и И. И. Геништа, а в 1829 году — и М. Ю. Виельгорский. Всем особенно полюбился романс А. Н. Верстовского, который пели в обеих столицах и в провинции. А. С. Грибоедов посоветовал композитору назвать музыку кантатой и сделать ее театральную инсценировку.

Первое представление кантаты на московской сцене состоялось 10 января 1824 года. Исполнил ее П. А. Булахов. 12 января 1824 года А. Я. Булгаков писал брату в Петербург:

«Ты, верно, читал роман или песню молдавскую „Черную шаль“ молодого Пушкина; некто молодой аматер Верстовский сочинил на слова сии музыку, не одну и ту же на все куплеты, но разную, в виде арии. Занавес поднимается, представляется комната, убранная по-молдавски, Булахов, одетый по-молдавски, сидит на диване и смотрит на лежащую перед ним черную шаль, ритурнель печальную играют, он поет: „Гляжу, как безумный, на черную шаль“, — и проч. Музыка прелестна, тем же словом оканчивается; он опять садится, смотрит на шаль и поет: „Смотрю, как безумный, на черную шаль, и нежную душу терзает печаль!“ Занавес опускается, весь театр закричал

„фора“, пел другой раз еще лучше. Вызывали автора музыки, и Верстовский, молодой человек лет восемнадцати, пришел в ложу к Кокошкину, кланяется и благодарит публику. Чудесная мысль! Не знаю, кому она явилась; говорят, Вяземскому. <...> Молодой Пушкин и не подозревает в Бессарабии, где он должен находиться, что его чествуют здесь в Москве и таким новым образом» (слова о П. А. Вяземском и А. С. Пушкине — по-французски)^[591].

Жаль, конечно, что А. Я. Булгаков не сообщил в этом письме, был ли на представлении «Черной шали» В. Л. Пушкин и кричал ли он «фора». Но, может быть, и был, как мог быть и на бенефисе П. С. Мочалова в Малом театре 29 октября 1824 года — актер также исполнил кантату А. Н. Верстовского.

Так или иначе, Василий Львович, как и многие, был восхищен стихотворением племянника. В 1822 году он перевел «Черную шаль» на французский язык. В мае 1822 года П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу из Москвы в Петербург:

«Посылаю тебе французскую „Черную шаль“. Василий Львович измучил от нее свою четверню, разъезжая по всему городу для прочтения, и теперь ездит на извозчике: c'est unfait^[592]»^[593].

25 мая А. И. Тургенев, в свою очередь, писал П. А. Вяземскому из Петербурга в Москву:

«Посылаю перевод Шиллера „An Emma“, слепого Козлова, который утверждает, что ничего хуже перевода на французский „Черной шали“ не читывал, почему я и не читал его. Но это должно быть тайною для переводчика»^[594].

30 мая П. А. Вяземский в письме А. И. Тургеневу сообщал об Александре Пушкине:

«Кишиневский Пушкин ударил в рожу одного боярина и дрался на пистолетах с одним полковником,

но без кровопролития. В последнем случае вел он себя, сказывают, хорошо. Написал кучу прелестей. Денег у него ни гроша. Кто в Петербурге заботился о печатании его „Людмилы“? Вся ли она распродана, и нельзя ли подумать о втором издании? Он, сказывают, пропадает от тоски, скуки и нищеты»^[595].

Запечатывая письмо, П. А. Вяземский вспомнил и про перевод «Черной шали», написав на обороте:

«Не пугайся черному сургучу: другого не попалось под руки, да и Пушкин так натвердил „Черную шаль“»^[596].

Перевод Василия Львовича не понравился Сергею Львовичу. «Я очень рад, что ты прочел письмо брата Сергея Львовича; он несправедлив; ближе к подлиннику перевести было нельзя, и мне кажется, что в переводе моем я сохранил, так сказать, колорит (*la couleur*) оригинала»^[597], — писал В. Л. Пушкин П. А. Вяземскому 6 июня 1822 года.

Василий Львович, позволим себе это заметить, даже усилил восточный колорит оригинала: он дал имя гречанке — Атенаис, армянина почему-то заменил презренным персиянином. В переводе появились такие пронзительные подробности, как слезы, которыми омыта черная шаль, разбитое сердце, в котором молчит жалость, слепая ярость любви, окровавленная голова соперника, темная жуткая ночь, пособница злодейства. Впрочем, ведь подзаголовок перевода Василия Львовича — «вольный перевод с русского». В 1828 году его перевод был напечатан в первом номере «Bulletin du Nord». Читал ли это творение дядюшки его племянник — остается неизвестным.

2. Дядя в письмах и сочинениях племянника

Когда Александр Пушкин выехал из Петербурга в Екатеринослав, коляска увозила его не только от гранитных берегов Невы, дворцов, площадей и улиц великого города. Дорога оставляла позади сослуживцев по Коллегии иностранных дел, приятелей по обществу «Зеленая лампа», друзей-арзамасцев, петербургских литераторов, светских красавиц и актрис. Царскосельский лицей, московское детство становились совсем далеким прошлым. Новые впечатления завораживали. Екатеринослав, Кавказ и Крым, Кишинев, Одесса... Южная роскошь пейзажей: пирамидальные тополя и кипарисы, горы, море, «блеск, и шум, и говор волн». Пестрая разноязычная толпа на пристани. Разговоры о вечном мире и революции. Дружеские пирушки и дуэли. И мимолетные увлечения, и любовь, горячая потребность быть любимым.

А потом — затерянное в глуши северного уезда Михайловское, шум леса, ветра и дождя...

За шесть лет ссылки (целая жизнь) многое написано, многое издано. И многое изменилось — не только в мире, но и в литературе. Он, Александр Пушкин, автор южных романтических поэм, стихотворений, широко известных читателям и по публикациям, и по спискам, становился первым русским поэтом. Уже начат роман «Евгений Онегин», написана трагедия «Борис Годунов»...

А как же Василий Львович, оставшийся там, в родной Москве? Добрый дядюшка из его детства и юности, его парнасский отец, староста «Арзамаса», творец «Опасного соседа»? Как бы ни была богата людьми и событиями биография А. С. Пушкина, представить себе его жизнь и творчество без Василия Львовича невозможно. В годы южной и михайловской ссылок поэт-дядя присутствует в мире его племянника. И дело не только в их несохранившейся переписке. Воспоминания современников, письма Александра

Пушкина друзьям, а главное — его произведения свидетельствуют об этом.

2 января 1822 года в письме, отправленном из Кишинева П. А. Вяземскому, А. С. Пушкин спрашивал о готовящемся издании стихотворений дяди:

«...Скоро ли выйдут его творенья? Все они вместе не стоят Буянова; а что-то с ним будет в потомстве? Крайне опасаясь, чтобы двоюродный брат мой не почелся моим сыном — а долго ли до греха» (XIII, 35).

В феврале 1823 года (а может быть, и ранее) племянник уже держал в руках книгу дяди, вышедшую в свет в ноябре 1822 года. 6 февраля он писал П. А. Вяземскому:

«...Дядя прислал мне свои стихотворения — я было хотел написать об них, кое-что, более для того, чтоб ущипнуть Дмитриева, нежели чтоб порадовать нашего старосту; да не возможно; он так глуп, что язык не повернется похвалить его и не сравнивая с экс-министром Доратом» (имеется в виду И. И. Дмитриев. — *Н. М.*) (XIII, 58).

Какая резкая оценка! Ее можно объяснить разве что молодой горячностью племянника В. Л. Пушкина: в письме Александр писал о романтической поэзии, о необходимости литературной критики, о будущем литературы. Стихи же дяди, при всех достоинствах — уже прошлое, и он это осознавал. Буянов — совсем другое дело. Опасения племянника в том, что его сочтут автором поэмы дяди, были небезосновательны. Недаром И. И. Дмитриев, когда говорил Василию Львовичу, что лучшее его произведение — «Опасный сосед», прибавлял: «...да и тот приписывают не тебе, а твоему племяннику»^[598], и это было правдой.

В декабре 1821 года А. С. Пушкин вместе с подполковником Иваном Петровичем Липранди был в Аккермане у полковника Андрея Гавриловича Непенина.

Когда поэта представили полковнику, тот спросил у И. П. Липранди: «Что, это тот Пушкин, который написал Буянова?» И. П. Липранди в своих воспоминаниях описал ребяческое огорчение по этому поводу поэта-племянника:

«Когда мы пришли после ужина в назначенную нам комнату, Пушкин возобновил опять о том же речь, называя Непенина необтесанным, невежей и т. п., присовокупив, что Непенин не сообразил даже и лет его с появлением помянутого рассказа и пр. На вопрос мой, что разве пьеса эта так плоха, что он может за нее краснеть? — „Совсем не плоха, отвечал он, она оригинальна и лучшая из всего того, что дядя написал“. — „Так что же; пускай Непенин и думает, что она ваша“. Пушкин показался мне как бы успокоившимся; он сказал только: „Как же, полковник и еще Георгиевский кавалер, не мог сообразить моих лет с появлением рассказа!“ <...> Он после некоторого молчания возобновил опять разговор о Непенине и присовокупил, что ему говорили и в Петербурге, что лет через пятьдесят никто не поверит, что Василий Львович мог быть автором „Опасного соседа“, и стихотворение это припишется ему. Я заметил, что поэтому нечего сердиться и на Непенина, который прежде пятидесяти лет усвоил это мнение. Пушкин проговорил несколько мест из этого стихотворения, и мы заснули. Поутру он встал очень веселым и сердился на Непенина только за то, что он не сообразил его лет. Дорогой как-то зашла речь о том, и Александр Сергеевич повторил, что пьеса дяди так хороша и так отделяется от всего, что он написал, что никто не отнесет к нему сочинение оной и пр.»^[599].

Когда в Михайловском А. С. Пушкин писал пятую главу «Евгения Онегина», он привел главного героя

«Опасного соседа» на именины Татьяны Лариной и представил его так:

Мой брат двоюродный, Буянов
В пуху, в картузе с козырьком
(Как вам, конечно, он знаком)... (VI, 109).

Таким образом, называя Буянова своим двоюродным братом (ведь «отцом» Буянова был его дядя), А. С. Пушкин печатно отводил от себя авторство «Опасного соседа», которое ему приписывали.

Стих «В пуху, в картузе с козырьком» — прямая цитата из поэмы В. Л. Пушкина. В тридцать пятом примечании к своему роману А. С. Пушкин привел текст из «Опасного соседа»:

.....Буянов мой сосед,
.....
Пришел ко мне вчера с небритыми усами,
Растрепанный, в пуху, в картузе с козырьком...

(«Опасный сосед»)

Если мы обратимся к черновым рукописям «Евгения Онегина», то увидим, что А. С. Пушкин искал наиболее удачные слова для того, чтобы представить Буянова читателям:

Мой брат двоюродный Буянов
В ермолке, в бронзовых цепях,
В узорной куртке и в усах...(VI, 397).

Другой вариант:

Мой брат двоюродный Буянов
В ермолке, в шпорах и в усах (VI, 397).

В конце концов племянник дословно процитировал поэму дяди, сославшись в примечании на ее текст, приведенный, впрочем, с купюрами. Но многие читатели знали «Опасного соседа» и без купюр. Когда А. С. Пушкин, рекомендуя Буянова читателям, писал «Как вам, конечно, он знаком», то, как всегда, был точен. Поставив Буянова среди гостей на именинах Татьяны в один ряд со Скотининым, героем комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль», племянник тем самым комплиментарно подчеркнул достоинства дядиного сочинения.

В отличие от многих литературных героев других авторов, упомянутых на страницах пушкинского романа, герой В. Л. Пушкина Буянов не просто упомянут, он является действующим лицом. Приехав в гости к Лариным, он ведет себя сообразно со своим кипучим характером.

Умчал Буянов Пустякову,
И в залу высыпали все,
И бал блеснит во всей красе (VI, 114).

В черновиках романа:

.....Буянова каблук
Так и ломает пол вокруг (VI, 610).

Начинается мазурка:

Буянов, братец мой задорный,
К герою нашему подвел

Татьяну с Ольгою... (VI, 115-116).

В поэме В. Л. Пушкина Буянов затевает драку в борделе, а в романе А. С. Пушкина именно он служит первопричиной трагедии: это он подвел Татьяну с Ольгой к Онегину, Онегин выбрал для танца Ольгу и вызвал тем самым ревность Ленского, Ленский покинул бал с намерением вызвать друга на дуэль, далее поединок состоялся, Ленский погиб^[600].

Забавно, что в последующем Буянов — своеобразный соперник Онегина. Он хочет жениться на Татьяне: «Буянов сватался: отказ».

Образ Буянова был настолько жизненным, что А. С. Пушкин решил дать еще одну его разработку. Нельзя не заметить, что Зарецкий в «Евгении Онегине» — тот же Буянов:

Зарецкий, некогда буян.

Картежной шайки атаман.

Глава повес, трибун трактирный... (VI, 118).

Когда А. С. Пушкин называет Зарецкого «соседом велеречивым», он цитирует поэму дяди: «Ни с места, — продолжал сосед велеречивый». А. С. Пушкин мастерски углубил начертанный Василием Львовичем образ, придал ему новые комические черты. Он стал биографом Буянова, показал созданный дядей характер в развитии, оставшись, как и творец «Опасного соседа», на иронической точке зрения по отношению к своему герою. Его Зарецкий, «некогда буян», картежник и пьяница, в свое время отличился в сражении с французами тем, что, «как зюзя пьяный», свалился с коня, побывал в плену в Париже, где у модного ресторатора Вери осушал по три бутылки в день (как же

обойтись без Парижа, если «отец» Буянова — литературного прототипа Зарецкого — Василий Львович с восторгом вспоминал о своем пребывании в столице Франции, где, верно, осушил не одну бутылку своего любимого шампанского). Но все это в прошлом.

Теперь же добрый и простой
Отец семейства холостой,
Надежный друг, помещик мирный
И даже честный человек:
Так исправляется наш век! (VI, 118-119).

Нет необходимости говорить о том, что Зарецкий остается верным себе, прежнему буяну: именно он, секундант Ленского, сделал все, чтобы привести дуэль к трагическому исходу, к гибели «младого певца».

Итак, Буянов обрел новую жизнь в романе «Евгений Онегин», был увековечен в главном и любимом произведении А. С. Пушкина, которому суждено было стать одним из центральных произведений русской культуры.

Но «Опасный сосед» дает о себе знать и в других сочинениях А. С. Пушкина, написанных в годы южной и михайловской ссылок.

Когда в 1821 году в Кишиневе А. С. Пушкин сочинял озорную богохульную поэму «Гаврилиада», он вспомнил героиню «Опасного соседа» Варюшку. Сравним:

Шестнадцать только лет, бровь черная дугой...

(«Опасный сосед»)

Шестнадцать лет, невинное смирение,
Бровь темная, двух девственных холмов

Под полотном упругое движенье,
Нога любви, жемчужный ряд зубов...
Зачем же ты, еврейка, улыбнулась,
И по лицу румянец пробежал?
Нет, милая, ты, право, обманулась:
Я не тебя, — Марию описал.

(«Гаврилиада». IV, 121)

Кошунственная шутка строится на двойном эффекте обманутого ожидания. Обманулась не только еврейка (есть предположение, что это дочь содержательницы кишиневского трактира, которой А. С. Пушкин посвятил фривольное стихотворение «Христос воскрес, моя Ревекка!»), обманулись и читатели, знакомые с поэмой В. Л. Пушкина и «узнавшие» цитату из этого сочинения поэта-дяди — поэт-племянник описал не Варюшку, не еврейку, но Марию.

В 1822 году в «Послании к цензору» А. С. Пушкин писал:

И Пушкина стихи в печати не бывали;
Что нужды? их и так иные прочитали (II, 269).

Возможно, он имел в виду свои вольнолюбивые стихи, а возможно — стихи дяди, его «Опасного соседа».

Для А. С. Пушкина «Опасный сосед» — живое явление культуры, востребованное в литературном быту современной ему жизни. Потому и вспоминает он героев дядюшкиной поэмы в письме П. А. Вяземскому из Кишинева от 6 февраля 1823 года, где благодарит адресата за его статью о «Кавказском пленнике» и пишет о других критиках:

«Ты не можешь себе представить, как приятно читать о себе суждение умного человека. До сих пор, читая рецензии Воейкова, Каченовского и проч. — мне казалось, что я подслушиваю у калитки литературные толки приятельниц Варюшки и Буянова» (XIII, 57).

Когда А. С. Пушкин поручил П. А. Плетневу издание первой главы «Евгения Онегина», он писал ему, издателю «Стихотворений Василия Пушкина», в конце октября 1824 года из Михайловского:

Ты издал дядю моего:
Творец опасного соседа
Достоин очень был того... (II, 337).

В 1825 году в Петербурге первая глава «Евгения Онегина» увидела свет. Но конечно же не все читатели, а только близкий круг друзей мог понять, что она начиналась шуткой:

«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог...» (VI, 5).

Первый стих романа перекликается с четвертым стихом из басни И. А. Крылова «Осёл и мужик», которую А. С. Пушкин не только читал, но и слышал в исполнении самого баснописца в Петербурге в 1819 году на вечере у А. Н. Оленина: «Осёл был самых честных правил». Поставленные в первой строфе «Евгения Онегина» кавычки свидетельствуют о прямой речи. И все же окончательно убедиться, что это эпатирующее высказывание принадлежит герою, а не автору романа читатели могут только после начала второй строфы: «Так думал молодой повеса...» И это дядя Онегина «не в шутку занемог». Дядя автора, хотя

и не раз жаловался в своих стихах и письмах на одолевавшие его болезни, в это время занемог в шутку, и, вероятно, А. С. Пушкин об этой шутке знал. В 1815 году А. М. Пушкин распространил слух о том, что Василий Львович умер. В. Л. Пушкин ответил ему стихами «На случай шутки А. М. Пушкина, который утверждал, что я умер». Стихи были напечатаны в 1815 году в «Российском музеуме» и уже тогда могли быть известны А. С. Пушкину.

В 1816 году друзья В. Л. Пушкина вновь подшутили над ним. Это была шутка в традиции «Арзамаса» — отпевать живых покойников. 5 октября П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу:

«Да, бедный Пушкин умер в Козельске. Несчастный стих засел у него в горле. <...> Сообщи печальное известие Карамзиным, арзамасцам и всем чувствительным сердцам. О ты, Эолова Арфа, достойная соперница трубы согласной молвы, скажи, что Пушкин мертв, восплачь и отдохни»^[601].

Н. М. Карамзин в письме П. А. Вяземскому от 2 октября 1816 года признавался:

«Я чуть было не поверил смерти дяди-поэта. Хорошо, что вы скоро оживили его, и притом забавными стихами. Пусть живет в Козельске: лишь бы жил!»^[602]

12 октября 1816 года П. А. Вяземский сообщал А. И. Тургеневу:

«Наконец Василий Пушкин возвратился из царства смерти и чуть не умер от страха, когда узнал, что здесь считали его мертвецом»^[603].

В. Л. Пушкин сделал к этому письму П. А. Вяземского стихотворную приписку:

Я жив

И этот слух не лжив^[604].

В 1821 году слух о смерти В. Л. Пушкина вновь стал курсировать между Москвой, Петербургом и Варшавой в переписке П. А. Вяземского, А. И. Тургенева и братьев Булгаковых. 15 марта 1821 года К. Я. Булгаков писал из Петербурга в Москву А. Я. Булгакову:

«Рад я, что Василия Львовича удар шутка, но тот Пушкин (А. М. Пушкин. — Н. М.) его уходит своими шутками. Он труслив и мнителен, так долго ли его уморить»^[605].

Таким образом, шутка о смерти В. Л. Пушкина стала фактом литературного быта, который мог отразиться в стихотворном романе А. С. Пушкина, включившегося в эту своеобразную арзамасскую игру. Напомним, что стихи В. Л. Пушкина «На случай шутки А. М. Пушкина...» были включены им в сборник его стихотворений, вышедший в свет в 1822 году. А. С. Пушкин получил его в подарок от дяди — об этом он писал П. А. Вяземскому 6 февраля 1823 года из Кишинева. Первая строфа «Евгения Онегина» была написана в мае 1823 года, само название стихотворения дяди могло скрытой цитатой отозваться во втором стихе первой строфы. Заметим, что «уморив» дядю Онегина, А. С. Пушкин затем во второй и седьмой главах своего романа создает портрет этого «деревенского старожилы», во всем противоположного В. Л. Пушкину. У дяди Онегина — «нигде ни пятнышка чернил», читает он только тетрадь расхода, играет в карты, пьет исключительно наливки.

Еще одна шутка племянника уже во время михайловской ссылки тоже связана со смертью, но уже не мнимой, а настоящей. 14 октября 1824 года в Москве после долгой болезни умерла тетка А. С. Пушкина, любимая сестра Василия Львовича Анна Львовна. Василий Львович был безутешен в своем горе. Друзья поспешили высказать ему свое сочувствие.

П. И. Шаликов напечатал в «Дамском журнале» свое послание «К Василию Львовичу Пушкину. На кончину сестры его, Анны Львовны Пушкиной»:

Брат лучший, лучшую утративший сестру!
Я знаю: слез, тобой струимых, не отру!
Но кто же из твоих друзей нелицемерных
Не вменит в ревностный, в священный долг себе
Принять живейшее участие в тебе, —
И в дружбе, и в любви ко кровной, столь
примерных...^[606]

П. И. Шаликов снабдил публикацию своего стихотворения примечаниями, в которых, отмечая добродетели покойной, сообщал, в частности, что она просила, чтобы адресованные ей письма В. Л. Пушкина положили в ее гроб.

В том же «Дамском журнале», но уже в 1825 году П. И. Шаликов напечатал послание «К В. Л. Пушкину», принадлежащее перу поэта и переводчика Александра Абрамовича Волкова, члена Общества любителей российской словесности при Московском университете, скорее всего — знакомого Василия Львовича:

И ты, как я, познал сердечные страданья!
И ты, как я, гоним коварною судьбой!
Что ж делать? ни тоска, ни слезы, ни стенанья
—
Ничто не возвратит, что взято смертью злой!^[607]

«Незабвенному праху» скончавшейся «страдалицы земной» посвятил свои стихи И. И. Дмитриев, но при его жизни они так и не были напечатаны^[608].

Безутешный Василий Львович написал стихотворение «К ней», в котором выразил горечь утраты любимой сестры — «Ангела добротой», призывал ее взглянуть «с небесной высоты» на «брата и друга»:

Где ты, мой друг, моя родная,
В какой теперь живешь стране?
Блаженство райское вкушая,
Несешься ль мыслию ко мне?
Ты слышишь ли мои рыдания?
Ты знаешь ли, что в жизни сей
Мне без тебя нет ясных дней
И нет на счастье упования? (175-176).

Мы берем на себя смелость в связи со стихотворением В. Л. Пушкина напомнить о шедевре русской лирики — стихотворении Ф. И. Тютчева, написанном в 1864 году в канун первой годовщины со дня смерти любимой женщины Е. А. Денисьевой:

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?.. ^[609]

Конечно, нам могут сказать, что стихи В. Л. Пушкина и Ф. И. Тютчева не сопоставимы. Но ведь по глубине искреннего чувства — почему бы и нет?

К тому же поэзия В. Л. Пушкина неотделима от той поэтической культуры, которая воспитала поэтический гений не только А. С. Пушкина, но и его младшего современника.

Стихотворение В. Л. Пушкина было напечатано в альманахе К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева «Полярная звезда» на 1825 год. А. С. Пушкин не оценил стихов дяди. Узнав о смерти Анны Львовны, он спрашивал у П. А. Вяземского, не внушила ли смерть его тетки Василию Львовичу какого-нибудь перевода или хоть эпитафии. Когда же к нему в Михайловское в апреле 1825 года приезжает А. А. Дельвиг, они вместе пишут пародию на слезное творение Василия Львовича:

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ АННЫ ЛЬВОВНЫ

Ох, тетенька! Ох, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Была ты к маминьке любовна,
Была ты к папиньке добра,
Была ты Лизаветой Львовной
Любима больше серебра;
Матвей Михайлович, как кровный,
Тебя встречал среди двора.
Давно ли с Ольгою Сергевной,
Со Львом Сергеичем давно ль,
Как бы на смех судьбины гневной,
Ты разделяла хлеб да соль.
Увы! зачем Василий Львович
Твой гроб стихами обмочил,
Или зачем подлец попович
Его Красовский пропустил (II, 482).

А. С. Пушкин в письме брату Льву и сестре Ольге от 4 декабря 1824 года писал: «Если то, что ты сообщаешь о завещании А. Л., верно, то это очень мило с ее стороны. В сущности, я всегда любил тетку, и мне неприятно, что Шаликов обмочил ее могилу» (оригинал по-французски, XIII, 533). Анна Львовна завещала свои 200 душ и дом на углу Старой Басманной и Токмакова

переулка Василию Львовичу, по 15 тысяч — Ольге Сергеевне и дочерям своей сестры Елизаветы Львовны. Стихи П. И. Шаликова, которыми он «обмочил могилу» покойницы (мы приводили их выше), А. С. Пушкину не понравились, как, впрочем, и стихи дяди. Вот в «Элегии» дяде и досталось, как и цензору Александру Ивановичу Красовскому, пропустившему их в печать.

А. С. Пушкин послал «Элегию» П. А. Вяземскому. Она стала распространяться в списках. Родня была возмущена, дядюшка огорчен. И А. С. Пушкину ничего не оставалось, как хлопотать, чтобы его приятель П. А. Вяземский убедил дядю, что это произведение не его, а «какого-нибудь другого беззаконника».

А. С. Пушкин не прочь подшутить над любимым дядюшкой. В июле 1825 года он подстрекает П. А. Вяземского мистифицировать доверчивого Василия Львовича:

«Какую песню из *Beranger* перевел дядя Василий Львович? уж не *le bon Dieu* ли? Объяви ему за тайну, что его в том подозревают в Петербурге, и что готовится уже следственная комиссия, составленная из графа Хвостова, Магницкого и г-жи Хвостовой (автора *Камина*, и следств. соперницы Василия Львовича). Не худо уведомить его, что уже давно был бы он сослан, если не чрезвычайная известность его Опасного соседа. Опасаются шума!» (XIII, 185–186).

И еще одна шутка. 15 августа 1825 года А. С. Пушкин поручает П. А. Вяземскому получить у В. Л. Пушкина 100 рублей, взятых дядею у него в займы в 1811 году во время путешествия из Москвы в Петербург, — эти деньги были даны мальчику двоюродной бабкой Варварой Васильевной Чичериной и теткой Анной Львовной на орехи: «Свидетелем одного займа был известный Игнатий; но и сам Василий Львович по благородству сердца своего, от одного не откажется» (XIII, 211).

Тон упоминаний о Василии Львовиче в михайловских письмах всегда шутливый, насмешливый. А. С. Пушкин веселил себя в деревенской глуши.

В Михайловском А. С. Пушкин пишет поэму «Граф Нулин», и здесь он вспоминает дядю, его вкусы, его модные привычки.

Сказать ли вам, кто он таков?
Граф Нулин, из чужих краев.
Где промотал он в вихре моды
Свои грядущие доходы.
Себя казать как чудный зверь,
В Петрополь едет он теперь
С запасом фраков и жилетов,
Шляп, вееров, плащей, корсетов,
Булавок, запанок, лорнетов,
Цветных платков, чулков *a jour*... (V, 5-6).

Невольно вспоминаются стихи И. И. Дмитриева «Путешествие NN в Париж и Лондон»:

Какие фраки! Панталоны!
Всему новейшие фасоны.

По-видимому, упомянутые А. С. Пушкиным в «Графе Нулине» чулки *a jour* были особенно любимым предметом дядиного туалета. Во всяком случае, когда В. Л. Пушкину из-за болезни пришлось изменить модным привычкам, он выразил сожаление прежде всего об ажурных чулках:

Стар и дряхл я становлюсь
И сквозных чулок боюсь.

«Подагрику не до щегольства, и кажется, скоро я вовсе с модою распрощаюсь» (235–236).

А. С. Пушкин, во многом следуя за И. И. Дмитриевым, продолжил характеристику графа Нулина его книжкой Гизо, романом Вальтера Скотта, остротами парижского двора, мотивами Пера и Россини, песней Беранже, которого особенно любил Василий Львович. В беседе с Натальей Павловной граф сожалеет о Париже, говорит о новых модах и литературе, упоминает Тальма и актрису мадемуазель Марс, поет новый водевиль — и во всем этом угадывается дядя сочинителя, сведущий и в модных, и в литературных новинках, поклонник итальянской оперы, участник домашних спектаклей, театрал, знакомый с Тальма, у которого брал уроки декламации.

Любовное приключение графа Нулина должно было позабавить Василия Львовича, который, по его собственному признанию, и в седирах своих смотрел на красавиц с удовольствием.

Граф Нулин, воплотивший забавный литературный лик Василия Львовича, включен А. С. Пушкиным в сюжет, построенный по принципу «Опасного соседа». Это также рассказ о том, что могло случиться, но не случилось — поэтому так озорно упоминается 23-летний сосед Натальи Павловны Лидин, который больше всех смеялся несостоявшемуся любовному подвигу графа Нулина. Так же, как и в поэме «Опасный сосед», за персонажами «Графа Нулина» пародийно вырисовываются герои древней истории: граф Нулин объявлен Тарквинием, Наталья Павловна — Лукрецией, но пощечина — сюжетный поворот вмешавшегося в историю А. С. Пушкина — дает другой ход событиям, не позволяет Тарквинию овладеть Лукрецией, а Лукреции покончить с собой, переводит трагедию в комический план. Как и в «Опасном соседе», главное в «Графе Нулине» не сюжет, не житейская сентенция о верных

женах, с комической важностью произнесенная в конце поэмы, а мастерски описанный быт, колоритные типы — модный граф, лукавая барыня, ее муж, провинциальный медведь, бойкая служанка — и конечно же легкость и изящество изложения, свободное обращение к читателю.

Позднее в заметке о «Графе Нулине» А. С. Пушкин напишет:

«Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. Гр. Нулин писан 13 и 14 декабря. — Бывают странные сближения» (XI, 188).

14 декабря 1825 года. Михайловское. «Граф Нулин».

14 декабря 1825 года. Петербург. Восстание на Сенатской площади.

3. Разговор дяди и племянника

Декабрьским вечером 1825 года А. С. Пушкин был в гостях у соседей по Михайловскому — в Тригорском. Пили чай, беседовали. А. С. Пушкин грелся у печки. Вдруг хозяйке Прасковье Александровне Осиповой доложили, что приехал Арсений, повар. Его каждую зиму посылали в Петербург продать яблоки, деревенскую провизию и на вырученные деньги купить сахар, чай, вино. Оказалось, что Арсений яблоки-то продал и деньги привез, но вернулся без покупок, и вернулся не на своих, а на почтовых лошадях. Когда стали его расспрашивать, то перепуганный Арсений рассказал, что в Петербурге бунт, повсюду разъезды и караулы, но ему удалось все же добраться до заставы, там нанять почтовых и добраться наконец до дома.

Маша, младшая дочь Прасковьи Александровны, сохранила в памяти некоторые важные для нас подробности. «Пушкин, услыша рассказ Арсения, страшно побледнел, — вспоминала она. — В этот вечер

он был очень скучен, говорил кое-что о существовании тайного сообщества, но что именно — не помню»^[610].

Так в жизнь А. С. Пушкина вошли трагические события 14 декабря 1825 года. В Петербурге, а потом и в Москве сразу же начались аресты. Под следствием оказались многие. Зиму, весну и лето 1826 года А. С. Пушкин провел в тревожном ожидании. 24 июля в Михайловском он узнал о казни руководителей восстания: 13 июля в Петербурге на кронверке Петропавловской крепости были повешены П. И. Пестель, К. Ф. Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол, П. И. Бестужев-Рюмин, П. Г. Каховский. Пушкин знал каждого из них. В Михайловском ему стало известно и о суровых наказаниях, о сибирской каторге для тех, кого он близко знал и любил, кого называл «друзьями, братьями, товарищами». Среди них — «лицейской жизни милый брат» Вильгельм Кюхельбекер — Кюхля, «первый друг», «друг бесценный» Иван Пущин — Большой Жанно. Поэт осознавал свою причастность к заговору: в бумагах заговорщиков были найдены его вольнолюбивые стихи, его имя не раз произносилось на заседаниях Следственной комиссии. Об этом его извещал В. А. Жуковский 12 апреля 1826 года: «Ты ни в чем не замешан — это правда. Но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои» (XIII, 271).

«Еще таки я все надеюсь на коронацию» (XIII, 291), — писал А. С. Пушкин П. А. Вяземскому 14 августа 1826 года. Он надеялся на царские милости, которые восшедший на российский престол Николай I мог оказать и его друзьям, заточенным в крепости, сосланным в Сибирь на каторгу, и ему, ссыльному поэту, вот уже два года пребывающему в деревенской глуши. Пушкин все-таки надеялся на это, хотя отправленное им 11 мая прошение с всеподданнейшей просьбой и

упованием на великодушие его императорского величества осталось без ответа.

Известие о коронации Николая I, состоявшейся 22 августа в Москве, дошло до А. С. Пушкина в Михайловское 1 сентября. Он не знал о том, что 31 августа в Комиссию прошений на высочайшее имя поступило составленное П. А. Вяземским прошение его матери с просьбой даровать прощение сыну. В тот же день 31 августа начальник Главного штаба И. И. Дибич направил из Москвы в Псков псковскому губернатору Б. А. Адеркасу секретное предписание по высочайшему государя императора повелению позволить А. С. Пушкину отправиться в Первопрестольную вместе с посланным для сего нарочным фельдъегерем. 3 сентября Б. А. Адеркас, в свою очередь, направил в Михайловское письмо о высочайшем разрешении А. С. Пушкину вернуться в Москву. Ночью с 3 на 4 сентября, успев уничтожить некоторые рукописи, Пушкин уехал в Псков, оставив в Михайловском плачущую няню Арину Родионовну.

4 сентября А. С. Пушкин выехал из Пскова в Москву...

8 сентября 1826 года, в день Рождества Богородицы, А. С. Пушкин по высочайшему повелению Николая I «свободно, не в виде арестанта, но в сопровождении только фельдъегеря» прибыл в Москву. Он был доставлен в канцелярию Главного штаба, а затем в Чудов дворец Кремля. Аудиенция у императора длилась около часа. Затем, заехав в гостиницу «Европа», оставив там свои вещи, Александр Сергеевич поспешил на Старую Басманную к дяде Василию Львовичу. Последний раз он виделся с ним десять лет назад в Царском Селе, когда дядюшка посетил Лицей вместе с С. Л. Пушкиным, Н. М. Карамзиным, В. А. Жуковским, П. А. Вяземским и А. И. Тургеневым. Сколько воды с тех пор утекло. Сколько перемен. И

Карамзина уже нет... Каково-то найдет он дядю? Вот уже и Старая Басманная. Вот уже и дом с девятью окнами по фасаду. Незнакомое крыльцо. Был ли Василий Львович первым, кого увидел племянник? Или сначала его встретил старый его знакомый, знаменитый камердинер Игнатий? Прибежали ли домашние на шум и восклицания радостной встречи? Кто знает...

В. Л. Пушкин узнал о восстании 14 декабря, находясь в Москве. Уже 16 декабря до Первопрестольной дошло известие о подавлении бунта. С 21 декабря в Москве начались аресты. Можно себе представить, как был встревожен Василий Львович. Он всегда боялся революции. Но когда друзья, подшучивая над ним, говорили, что революция может приплыть из Испании в Кронштадт, он отвечал шуткой, на наш взгляд, не такой уж простодушной, как им казалось: «... ну, любезный мой, революцию не складывают в ящики, как апельсины!»^[611] Но вот и до своей, непривозной революции пришлось дожить. Подробности ужасали. В кругах, близких к Василию Львовичу, оценки произошедшего не были едиными.

«Хорошо очень сделало правительство, что напечатало все, как было: этим затыкается горло всем вральманам, — писал А. Я. Булгаков из Москвы брату 22 декабря 1825 года. — Новосильцев тоже подтвердил мне, что поведение Николая Павловича превыше всех похвал. Слава Богу, что все утихло; но, право, пора приняться за строгость, и я спорил очень против Жихарева: надобно казнить убийц и бунтовщиков. Как, братец, проливать кровь русскую! Да разве из Милорадовича текло французское вино? Надобно сделать пример: никто не будет жалеть о бездельниках, искавших вовлечь Россию в не-счастье, подобное Французской революции»^[612].

Бедный Михаил Андреевич Милорадович! Товарищ Василия Львовича по Измайловскому полку, участник Отечественной войны 1812 года, петербургский военный генерал-губернатор, он был убит 14 декабря 1825 года на Сенатской площади П. Г. Каховским. Вероятно, Василий Львович пожалел все же и о несчастных бунтовщиках. Мы не знаем его откликов на трагические события; письма его, датированные 1825 годом, не сохранились. Между тем он был знаком с «декабристом без декабря» Петром Яковлевичем Чаадаевым, декабристами Иваном Дмитриевичем Якушкиным и Александром Александровичем Бестужевым, Иваном Матвеевичем Муравьевым-Апостолом, отцом декабристов Муравьевых-Апостолов — Сергея Ивановича и Матвея Ивановича. Никита Михайлович Муравьев, Михаил Федорович Орлов, Николай Иванович Тургенев были товарищами В. Л. Пушкина по «Арзамасу». С Николаем Ивановичем, братом своего близкого друга А. И. Тургенева, Василий Львович не раз встречался, пророчил ему будущее государственного человека, читал его книгу «Опыт теории налогов» и сумел по достоинству ее оценить. В. Л. Пушкин знал Вильгельма Кюхельбекера и Ивана Пущина. Совсем недавно Иван Пущин навестил его перед своей поездкой в Михайловское к опальному Александру...

В альманахе К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева «Полярная звезда» были напечатаны два стихотворения В. Л. Пушкина — «К ней», посвященное скончавшейся сестре Анне Львовне, и «Экспромт на прощание с друзьями А. И. и С. И. Тургеневыми»:

Прощайте, милые друзья!
Подагрик расстаётся с вами;
Но с вами сердцем буду я —
Пока еще храним богами.

Час близок, может быть, увы,
Меня не будет — будьте вы (216).

Так что Василий Львович по-своему переживал трагедию 14 декабря 1825 года. Можно предположить, что он, не участвовавший в политической жизни и уж тем более чуждый революционных идей, будучи человеком бесконечно добрым и отзывчивым, не мог не пожалеть бунтовщиков, остаться равнодушным к их трагической участи. Это было бедствие сродни стихийному, что поразило Северную столицу 7 ноября 1824 года. Тогда наводнение унесло тысячи жизней, были разрушены здания, смыты мосты, уничтожены запасы продовольствия. Ну и помогали пострадавшим кто как мог. Василий Львович пожертвовал 100 рублей — об этом напечатали «Московские ведомости». Сумма для него немалая. Но то наводнение, а то бунт — и деньгами тут пострадавшим от бедствия не поможешь.

Очевидцами событий 14 декабря в Петербурге были очень близкие к Василию Львовичу люди.

В этот день на Сенатской площади оказался племянник Левушка — Лев Сергеевич Пушкин, брат Александра. Рассказ о том, как это случилось, со слов Ольги Сергеевны Пушкиной записал ее сын Л. Н. Павлицев.

Лев Сергеевич утром 14 декабря ушел из дома. Когда стало известно о вооруженном мятеже, мнительный Сергей Львович до смерти перепугался. К тому же к нему в кабинет явился его камердинер Никита Тимофеевич Козлов, доложил, что на Сенатской площади убитых видимо-невидимо, и стал причитать, где-то пропадает его ненаглядный барчук Левон Сергеевич.

«Сергей Львович от такого причитания испугался еще больше и рассудил тут же попотчевать, во-первых,

причитальщика здоровеннейшей тукманкой, во-вторых, побежать к жене и закричать: Леон убит! и, наконец, в третьих, оказаться без верхней одежды и шляпы на улице. Ольга Сергеевна бросилась за ним следом и насилу убедила его воротиться домой, а сама распорядилась заложить сани и поехала на поиски. Надежда Осиповна при всем своем хладнокровии смутилась, а дворня собралась в лакейскую внимать дальнейшим причитываньям оскорбленного Тимофеевича. Сумбур вышел полнейший; все, исключая моей матери, потеряли голову, а Сергея Львовича трясла лихорадка от страха и простуды.

В девять часов вечера является Лев Сергеевич, здоровый, невредимый и веселый. — Где пропадал? что? как? — накинулась на него Ольга Сергеевна. — Рассказывай, что с тобой было!

Оказалось, что Лев Сергеевич, любопытства ради, простоял на углу Адмиралтейской площади и Вознесенского проспекта, наблюдая за ходом дела, и, дождавшись конца, завернул к одному из своих приятелей поделиться свежими впечатлениями» ^[613].

Не все рассказал Левушка. Доподлинно известно, что он был на Сенатской площади; В. К. Кюхельбекер вручил ему палаш, отнятый чернью у жандарма. Слава богу, палашом Лев Сергеевич не воспользовался и к следствию затем не привлекался. Знал ли об этой истории Василий Львович? Возможно, и знал. А узнав ее, возможно, мог сказать: слава богу, что Александра в тот день не было в Петербурге.

Свидетелями восстания были Н. М. Карамзин и В. А. Жуковский. То, что они увидели, их ужаснуло. Для Карамзина это было началом конца. Он вышел из Зимнего дворца без верхней одежды, простудился, заболел воспалением легких. Это было не только физическое, но и нравственное потрясение. Его мир с

культом дружбы и поэзии, внутренней свободы частного человека был расстрелян картечью на Сенатской площади. Трагическая история России совершалась на его глазах: о каких нравственных критериях в оценке исторических событий тут можно было говорить?

«Душевная лихорадка моя еще не совсем прошла, то есть экзальтация, произведенная чрезвычайными обстоятельствами, — писал Н. М. Карамзин П. А. Вяземскому 31 декабря 1825 года из Петербурга в Москву. — <...> Сколько горести и беспокойства в семействах. Еще не имею точного ясного понятия об этом и злом, и безумном заговоре. Верно то, что общество тайное существовало, и что целью его было ниспровержение правительства. От важного к неважному: многие из членов удостоивали меня своей ненавистью, или по крайней мере не любили; а я, кажется, не враг ни отечеству, ни человечеству. Слышно, что раскаяние некоторых искренно и полно. Бедные матери, жены, дети, младенцы! Не имея никакого политического влияния, молюся за Россию. Бог спас нас 14 декабря от великой беды. Это стоило нашествия французов, в обоих случаях вижу блеск луча как бы неземного»^[614].

Не исключено, что П. А. Вяземский показал это письмо В. Л. Пушкину.

22 мая 1826 года Н. М. Карамзина не стало. Это была огромная потеря для России и лично для В. Л. Пушкина. Потрясенный Василий Львович спустя неделю писал П. А. Вяземскому:

«Утешать тебя, мой любезнейший, я не в состоянии, но готов разделять с тобою твою горесть. Ты знаешь, как много я любил и почитал Николая Михайловича; я умел ценить и превосходный его талант и благородную его душу. Никто заменить его не может, и мы все

сделали потерю невозвратимую. Да укрепит Бог Катерину Андреевну и ее детей! Сердце мое о них страдает и слезы текут ручьями, когда я представляю себе их положение. Прости. Не могу писать более. Вчера я видел Н. И. Кривцова и говорил о тебе. Будь здоров. Верь нежнейшей моей к тебе дружбе. Обнимаю тебя и любезного А. И. Тургенева от всего сердца.

Преданный тебе
Василий Пушкин.

30 мая. Москва»^[615].

После того как 13 июля 1826 года в Петербурге казнили руководителей восстания, Москва стала готовиться к коронации.

22 августа под звон колоколов, пение духовенства, музыку и артиллерийский салют при огромном стечении народа состоялась торжественная церемония. Успенский собор Кремля был заполнен сановниками, предводителями дворянства всех губерний Российской империи, старшинами купеческих гильдий, посланниками иностранных государств. Увенчанные коронами император и императрица в коронационных нарядах с горностаевыми мантиями, митрополит Серафим в облачении, сверкающем золотом и драгоценными камнями... От трона к алтарю вел ковер из золотой парчи...

23, 24 и (после отдыха 25-го) 26 и 27 августа коронационные празднества следовали одно за другим: после военных смотров и маневров в окрестностях Москвы — балы, пышные собрания в Первопрестольной. Весь город был иллюминирован. Сияли вывески на домах, огненные гирлянды завораживали взоры. Кремль сверкал огнями. Толпы народа любовались великолепным зрелищем.

27 августа в Грановитой палате был многолюдный бал. 1 сентября в Большом театре состоялся

грандиозный маскарад. Зала была убрана богато и изысканно. Тысячи свечей отражались в золотой и серебряной парче. Дамы, как им было предписано, явились в национальных костюмах. Сияли бриллианты, сапфиры и изумруды. В соседних залах гостей ожидали столы, украшенные цветами, уставленные фруктами, разнообразными лакомствами, бутылками с тонкими французскими винами и ликерами.

3 сентября, отдохнув, участники коронационных торжеств прибыли на роскошный обед, который давало государю купечество. И. И. Дмитриев был приглашен в Грановитую палату.

В. Л. Пушкин, по-видимому, в праздниках не участвовал. Его одолевали болезни, тревоги и печали...

И вот 8 сентября — нечаянная радость: Александр, родной племянник, в его доме! Мы можем вообразить родственные объятия, слезы, восклицания. Дядя вглядывался в родные черты: вместо юноши перед ним стоял молодой мужчина; кудрявые волосы ниспадали до плеч; смуглое лицо, побледневшее от усталости и волнения, обрамляли густые бакенбарды. Но голубые глаза были те же, и та же белозубая улыбка, и тот же заразительный смех. И племянник не мог не заметить, как изменился дядя со времени их последней встречи. Двигался Василий Львович с трудом — подагра одолевала. Он сильно постарел — настолько, что это поразило Александра Сергеевича. Несколько раз он зарисовал потом знакомый профиль уже старого человека, с запавшей верхней губой, с редкими, едва прикрывающими лысину волосами. Но глаза его по-прежнему лучились добротой и любовью.

А. С. Пушкин приехал к дяде, вероятно, около шести часов вечера, к ужину. По московской традиции — прежде всего, накормить гостя. И Василий Львович дал необходимые распоряжения повару, да и Анна Николаевна, верно, расстаралась. Можно не

сомневаться, ужин удался. Но главное все-таки разговор.

О чем они говорили? Прежде всего, конечно, об аудиенции у императора. В жизни любой дворянской семьи такая встреча — огромное событие, рассказ о котором передают из поколения в поколение. Вероятно, Василия Львовича интересовало всё: как выглядел государь? ласково ли встретил племянника? о чем спрашивал и что ему племянник отвечал? Из воспоминаний современников мы знаем, что на вопрос царя: «Пушкин, принял бы ты участие в 14-м декабря, если б был в Петербурге?» — поэт ответил: «Непременно, государь, все друзья мои были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем».

Наверное, дядя мог только ужаснуться смелости такого ответа и умилиться милосердию царя. Но, вероятно, еще и понять, что хотя в это время его племянник не разделял уже политических убеждений своих друзей-заговорщиков, чувство чести не позволяло ему ни ответить, ни поступить иначе.

С какой радостью Василий Львович встретил известие о том, что Александр прощен, освобожден царем от михайловской ссылки, освобожден от цензуры (царь сам стал его цензором). Кто же мог знать тогда, что царская милость обернется для А. С. Пушкина двойным цензурным гнетом, что полицейский надзор за ним будет сохранен до конца его жизни?!

Можно с уверенностью утверждать, что дядя и племянник говорили о литературе, о поэзии. А. С. Пушкин привез из Михайловского трагедию «Борис Годунов» — о русской истории, о народе и власти, о совести... Это была литературная новость. Ну а то, что в декабре 1825 года в Петербурге вышел в свет сборник его стихотворений, новостью не являлось. Наверное, сборник у дядюшки уже имелся. Помянули ли они в разговоре Байрона, его смерть под небом Греции? Рок

отнял многих... А незабвенный Николай Михайлович Карамзин? В самом деле, потеря невозвратная.

Вероятно, В. Л. Пушкин вспомнил и о семейственных потерях, о сестре Анне Львовне, о кончине единокровных братьев своих Петра Львовича и Николая Львовича Пушкиных. И еще — о смерти Алексея Михайловича Пушкина, вечного своего антагониста и насмешника: дворовые его говорили, что в доме что-то странное творилось недели за две до его кончины: в кабинете слышна была перебранка двух голосов. Но Василий Львович по своему христианскому долгу и добрым чувствам все же навешал больного, старался его утешить.

Вечером, в то время, когда дядя и племянник беседовали в доме на Старой Басманной, неподалеку, на Покровке, в доме князя А. Б. Куракина французский маршал Мармон, герцог Рагузский, давал пышный бал по случаю коронации Николая I. На балу присутствовали русский император, высокие гости.

Беседа с Д. Н. Блудовым, Николай I сказал ему, что он нынче долго говорил с умнейшим человеком в России, и пояснил: с Пушкиным. Многие гости уже знали о том, что Александр Сергеевич милостиво возвращен императором из ссылки. Присутствовавший на балу Сергей Александрович Соболевский узнал от тетки А. С. Пушкина Елизаветы Львовны Сонцовой, что ее племянник сейчас у дядюшки Василия Львовича. (Как Е. Л. Сонцова была об этом осведомлена? В. Л. Пушкин сообщил ей об этом сразу же по приезде племянника? Или же она с мужем Матвеем Михайловичем заезжала к Василию Львовичу до бала — благо близко?) Так или иначе, получив это известие, С. А. Соболевский тотчас же поспешил к В. Л. Пушкину — обнять друга. Он отправился туда в бальном облачении — скорее, скорее. Но пока он не переступил еще порог дома на Старой

Басманной — несколько слов о нем и о его дружбе и с А. С. Пушкиным, и с В. Л. Пушкиным.

Побочный сын Александра Николаевича Сойманова, С. А. Соболевский был однокашником Льва Сергеевича Пушкина по Благородному пансиону при главном педагогическом институте в Петербурге. Там-то он и познакомился с А. С. Пушкиным в 1818 году. С В. Л. Пушкиным он познакомился еще раньше, в Москве, в детские свои годы. Вот как он вспоминал об этом:

«Возвратившийся в Москву Василий Львович Пушкин, очень знакомый с моим семейством, стал часто к нам ездить. Про него говорили: „с'est un Poete!!!“, с каким благоговением я стал смотреть на него!!! Это было первое впечатление; впоследствии меня привлекли к нему рассказы о Париже, Наполеоне, других знаменитостях, с которыми меня знакомили книги; сверх того, он стал обращать внимание на меня, учил меня громко читать, как читывал Тальма, и сцены из французских трагиков, и „Певца“ Жуковского, и оду Карамзина „Конец победам, богу слава“ и даже слушал и направлял мои вопросы! Как же мне было не любить этого доброго Василья Львовича?»^[616]

В 1821 году С. А. Соболевский был выпущен из пансиона и поступил на службу в Московский архив иностранных дел. Остролов и библиофил, он конечно же пришелся по душе В. Л. Пушкину, ценившему острое слово и до конца дней своих собиравшему библиотеку. В 1822 году Василий Львович подарил Сергею Александровичу сборник своих стихотворений.

Когда С. А. Соболевский появился в доме на Старой Басманной, он застал Пушкиных за ужином. И снова — радостные восклицания и дружеские объятия. И снова — разговоры и прежде всего об аудиенции у императора. Не исключено, что уже в доме дяди прозвучал рассказ А. С. Пушкина о том, как он задумал

побег из Михайловского и чуть было не попал 14 декабря на Сенатскую площадь. С. А. Соболевский, которому не раз приходилось слышать этот рассказ при посторонних, сохранил его в памяти таким образом:

«Известие о кончине императора Александра Павловича и о происходивших вследствие оной колебаниях по вопросу о престолонаследии дошло до Михайловского около 10 декабря. Пушкину давно хотелось увидаться с его петербургскими друзьями. Рассчитывая, что при таких важных обстоятельствах не обратят строгого внимания на его непослушание, он решился отправиться туда; но как быть? В гостинице остановиться нельзя — потребуют паспорта; у великосветских друзей тоже опасно — огласится тайный приезд ссыльного. Он положил заехать сперва на квартиру к Рылееву, который вел жизнь не светскую, и от него записать сведениями. Итак, Пушкин приказывает готовить повозку, а слуге собираться с ним в Питер; сам же едет проститься с тригорскими соседками. Но вот, на пути в Тригорское, заяц перебегает через дорогу; на возвратном пути из Тригорского в Михайловское — еще заяц! Пушкин в досаде приезжает домой; ему докладывают, что слуга, назначенный с ним ехать, заболел вдруг белою горячкой. Распоряжение поручается другому. Наконец повозка заложена, трогаются от подъезда. Глядь — в воротах встречается священник, который шел проститься с отъезжающим баринком. Всех этих встреч — не под силу суеверному Пушкину; он возвращается от ворот домой и остается у себя в деревне. „А вот каковы бы были последствия этой поездки, — прибавлял Пушкин. — Я рассчитывал приехать в Петербург поздно вечером, чтоб не огласился слишком скоро мой приезд, и, следовательно, попал бы к Рылееву прямо на совещание 13 декабря. Меня приняли бы с восторгом;

вероятно, я... попал бы с прочими на Сенатскую площадь и не сидел бы теперь с вами, мои милые“»^[617].

С. А. Соболевский сохранил для нас и самую интонацию пушкинского рассказа. Вот так он, наверное, и говорил Сергею Александровичу и Василию Львовичу вечером 8 сентября — «не сидел бы теперь с вами, мои милые».

Вполне возможно, что в присутствии дяди А. С. Пушкин поручил С. А. Соболевскому следующим утром съездить к Ф. И. Толстому-Американцу с вызовом на поединок: не забыл он про сплетню, пущенную Ф. И. Толстым в Петербурге. К счастью, обидчика в это время в Москве не было, а потом их помирили. Быть может, и Василий Львович тут постарался, ведь Федор Иванович был его добрым приятелем.

Скорее всего, этим же вечером С. А. Соболевский увез А. С. Пушкина к себе в дом на Собачьей площадке.

Василию Львовичу оставалось жить четыре года.

Глава двенадцатая ЖИЗНЬ ДЛЯ ДРУЗЕЙ И МУЗ

1. Проза

Лета к суровой прозе клонят.
Лета шалунью рифму гонят,
И я — со вздохом признаюсь —
За ней ленивей волочусь.
Перу старинной нет охоты
Марать летучие листы;
Другие, хладные мечты,
Другие, строгие заботы
И в шуме света и в тиши
Тревожат сон моей души (VI, 135).

Так писал племянник В. Л. Пушкина в шестой главе романа «Евгений Онегин» в преддверии своего тридцатилетия. «Ужель мне скоро тридцать лет?» — вопрошал он в Михайловском в 1826 году, хотя до тридцатилетия оставалось еще целых три года.

В 1826 году, когда А. С. Пушкин встретился в Москве с дядей, В. Л. Пушкину уже исполнилось шестьдесят лет. Весна его дней промчалась безвозвратно, его цветущий венок увял, и об этом каждый день напоминала подагра, «проклятая дочь Сатанаила». Об этом он писал друзьям в письмах, жаловался в стихах. Невозможно читать без сострадания его горестные строки.

«Я не писал к тебе по сие время, — пишет он П. А. Вяземскому, — оттого, что у меня была хирагра, и я не владел правой рукой. В Москве много балов, по обыкновению сижу дома. На этих днях играли комедию

Загоскина Благородный театр, и она публике понравилась. Я жалею, что недуги мои мне в театре быть не дозволили» (2 января 1828 года) (271).

«Здоровье мое несколько поправляется, но у нас стоит погода холодная и сырая, и это для меня никуда не годится» (11 апреля 1829 года) (279–280).

«Маргариточка тебе пишет вместо меня, у меня сильная подагра, я рукою не владею, а что хуже всего, страдаю и не сплю ни днем, ни ночью» (11 июня 1829 года) (281).

«Завидую тебе, мой любезнейший друг! Ты в Петербурге и, без сомнения, часто видишься с общими нашими друзьями, Дашковым, Жуковским, Блудовым и пр. А я сижу всё взаперти и только тех вижу, которые обо мне вспоминают. Страданиям моим нет конца, и хотя мой эскулап уверяет, что весною будет лучше, но признаюсь, что я словам его не очень верю» (9 марта 1830 года) (284).

«Я давно не писал к тебе. Тяжкая болезнь тому причиною. Более трех недель я лежал недвижим в постеле, и по сие время еще ходить не могу. <...>

Сегодня у нас в Благородном собрании дают спектакль в пользу бедных. <...> Я жалею, что не увижу кн. Гагариной, бывшей Семеновой, в роли Эвлалии. Я простился со всеми удовольствиями, даже с Английским клубом» (27 апреля 1830 года) (286–287).

«Я всё ожидал, что ты приедешь в Москву, хотя на время, но по письмам брата Сергея Львовича вижу, что ты остаешься в Петербурге. — Я очень давно не виделся с твоею княгинею; она в Астафьеве, а я сижу калекой в Москве. Что делать? Болезнь разлучает меня со всеми любезными моему сердцу» (28 июня 1830 года) (288).

Как и в письмах П. А. Вяземскому, сетования на одолевающие болезни — лейтмотив в стихотворных записочках, адресованных П. И. Шаликову:

Любезный князь, недели две,
Как чувствую я боль в спине и голове:
Сижу все дома и страдаю;
К тому ж и «Дамского журнала» не читаю.
Любимец Вакха, твой солдат,
На водку денег просит,
А сам приятного журнала мне не носит.
Я, право, тароват
И гривин дать за труд ни мало не жалею:
Потешить бедного курьера я умею.
Пришлите книжку мне скорей,
Болящего утешьте!
Он любит вас душою всей,
И вы словам его, собрат любезный, верьте! (232–
233).

Наместо Сонцевых тебя прошу я в среду
Пожаловать к обеду;
А завтра, милый кум, глотаю я ревень.
Я болен, изнываю,
Пишу в страданиях дребедень.
Но от души тебя и сердца обнимаю (244).

Таких признаний у Василия Львовича много, к сожалению — слишком много. Он пишет о том, что ногами двигает едва, «то грудь болит, то голова», сообщает о том, что ему «грозный врач микстуру предписал», что минеральные глотать он начал воды, что он «муху шпанскую поставить принужден», потому что «в плечо стреляет, в шею».

Болезнь усугублялась сознанием, что в случае его кончины жена его, с которой он прожил почти четверть века, может остаться в нищете, а дети оказаться на улице. Ведь он, не обвенчанный с Анной Николаевной, не мог оставить им ни своей фамилии, ни дворянского

звания, ни состояния. Что касается этих сложных, жизненно важных проблем в отношении внебрачных детей, то каждый решал их по-своему, законным или, прямо скажем, не совсем законным путем, кто как мог. Отец А. Я. и К. Я. Булгаковых известный дипломат, действительный тайный советник Яков Иванович Булгаков (сыновья его родились в Константинополе, где он был тогда чрезвычайным посланником, от француженки Екатерины Любимовны Эмлер) выхлопотал для детей свою фамилию и герб Булгаковых у самой императрицы Екатерины II за заслуги на дипломатической службе. Отец В. А. Жуковского Афанасий Иванович Бунин (его сын родился от пленной турчанки Сальхи) решил эту проблему по-другому: будущего поэта усыновил, дав ему свою фамилию и отчество, живший в доме Буниных приятель Афанасия Ивановича бедный дворянин Андрей Григорьевич Жуковский. Но этого было недостаточно для того, чтобы Василий Андреевич Жуковский стал дворянином. Поэтому сразу же после его усыновления было заведено «Дело тульского дворянского депутатского собрания по внесению в дворянскую родословную книгу Тульской губернии рода Жуковского Василия Андреевича». В деле оказалась копия формулярного списка, из которого следовало, что в год своего рождения В. А. Жуковский поступил на военную службу, участвовал в походах и был уволен со службы в 1789 году, то есть в возрасте шести лет. Без взятки, по-видимому, такой документ получить было невозможно — но ведь он и открывал В. А. Жуковскому путь к дворянскому званию. С. А. Соболевский был внебрачным сыном екатерининского вельможи Александра Николаевича Соймонова и Анны Ивановны Лобковой, внучки обер-коменданта Петербурга С. Л. Игнатьева. Сергею Александровичу выбрали польский герб вымершего рода Соболевских *Slepowron* (слепой ворон)

и купили дворянское звание. Но это не избавило С. А. Соболевского от мучительных переживаний: известно, что однажды он упал в обморок, когда при нем заговорили о побочных детях. С девочками, рожденными вне брака, дело обстояло и сложнее, и проще: их надо было удачно выдать замуж. Так, побочная дочь князя Андрея Ивановича Вяземского, сестра П. А. Вяземского Екатерина Андреевна Колыванова, вышла замуж за Н. М. Карамзина.

Василий Львович заботился о судьбе своих детей — Маргариты и Льва. С просьбой похлопотать о них он обратился к П. А. Вяземскому, когда тот служил в Варшаве.

«Всего более меня обрадовало то, что ты не забыл покорнейшей просьбы о детях моих, — писал В. Л. Пушкин П. А. Вяземскому 27 марта 1818 года из Москвы в Варшаву. — Граф Потоцкий меня любит и благорасположение его ко всякому добру мне известно. Попроси его, чтобы он не оставил меня своим покровительством, и будьте оба истинными моими благодетелями. Если присутствие мое будет нужно в Варшаве или в другом каком-нибудь месте Польского царства, я явлюсь там немедленно. За этим делом я готов поехать не только туда, но и за тридевять земель» (222-223).

Мы не знаем, кто такой граф Потоцкий, который пожелал помочь В. Л. Пушкину. Знаем лишь, что П. А. Вяземский взялся за это трудное дело и уведомлял о ходе его Василия Львовича. Об этом свидетельствуют письма В. Л. Пушкина Вяземскому:

«Еще чувствительно тебя благодарю за попечение твое о детях моих, но, к крайнему моему сожалению, присланная тобою бумага недостаточна. Знающие в таких делах люди мне именно сказали, что это ни к чему не послужит. Теперь мне здесь обещают сделать для них выгодное положение, но неизвестно, успею ли я

в своем намерении? Это меня сокрушает» (16 ноября 1818 года) (241).

Не повезло В. Л. Пушкину.хлопоты П. А. Вяземского не увенчались успехом. Вот А. М. Пушкину повезло больше. Он тоже хлопотал о своих внебрачных детях (кто без греха?) и получил из Польши документы, но для дочери его они не понадобились.

«Девуца Миллер, или Меллер, дочь Алексея Михайловича Пушкина, идет замуж за какого-то дворянина. В сентябре будет свадьба, — сообщал В. Л. Пушкин П. А. Вяземскому 24 июля 1819 года. — Печать, которую Пушкин получил, теперь почти и не нужна» (261).

Не получилось у Василия Львовича. Но нужно было каким-то образом оставить жене и детям наследство. Как?

В Центральном историческом архиве Москвы хранятся конверт, в котором находилось завещание В. Л. Пушкина, переданное им в сохранную казну московского опекунского совета Императорского Воспитательного дома, и само завещание:

«Москва, тысяча восемьсот двадцать седьмого года, Мая в семнадцатый день, я нижеподписавшийся Коллежский Ассессор Василий Львович сын Пушкин, учинил сие завещание при духовном моем отце и упрощенных мною свидетелях, в том, что взял я, Пушкин, у Московской Купецкой дочери Анны Николаевны Ворожейкиной под сохранение денег Государственными ассигнациями десять тысяч рублей, без процентов и без всякого документа, с тем, чтобы ей, Ворожейкиной, в продолжении моей жизни вместо процентов с оного капитала пользоваться собственным моим благоприобретенным движимым имуществом, как то: Библиотекою в книгах на разных диалектах в шкафах находящихся, серебром в ложках и других разных вещах состоящим, посудю всякого рода и

качества, разным платьем и всяким бельем, равно также шестью лошадьми с принадлежащей к ним збруею и всяким экипажем, словом: всем тем, что при мне имеется, не изключая ничего; и когда Богу угодно будет прекратить мою жизнь, тогда все то благоприобретенное мною движимое имущество имеет поступить ей, Ворожейкиной, в собственное владение без возврата, и она вышеописанных денег, взятых мною под сохранение, не должна уже требовать ни от кого; наследникам же моим ни до чего из движимости моей дела не иметь и ни под каким предлогом не вступаться. <...>

К сему Завещанию Коллежский Асессор Василий Львович сын Пушкин руку и печать приложил»^[618].

Всё правильно. По законам того времени, наследственное свое имение В. Л. Пушкин завещать невенчанной жене не мог, только благоприобретенное. Был еще один способ обеспечить состояние Анны Николаевны и детей после своей смерти — это заемные письма.

В Рукописном отделе Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинском Доме) хранится долговая книга В. Л. Пушкина с описью его заемных обязательств. В 1834–1835 годах она была прошнурована, скреплена печатью и заверена ротмистром Петром Романовичем Безобразовым (он уже после смерти Василия Львовича женился на его дочери Маргарите и деятельно участвовал в решении вопросов, связанных с наследством покойного тестя). В тетради — 21 лист. В графах указано: «Когда и кому даны заемные обязательства, в какой срок и в какую сумму от г-на Пушкина, где и когда явлены при написании и по срок, куда и когда представлены ко взысканию»; «Сумма» (в рублях); «Когда и откуда произведен платеж и сколько или почему остановлена выдача»^[619]. В общей

сложности на руках Анны Николаевны Ворожейкиной и Маргариты Васильевской, по мужу Безобразовой, оказались заемные письма на общую сумму 110 тысяч рублей. Они были показаны к взысканию в Лукояновскую дворянскую опеку (как мы помним, Василий Львович владел частью Болдинского имения Лукояновского уезда Нижегородской губернии). Взыскиваемые деньги были выплачены с процентами. Заметим, что в книге записаны и другие долги В. Л. Пушкина. У кого только он не занимал денег — у П. И. Шаликова (кстати, в стихотворных записочках к нему он всё обещал выплатить проценты), у подпоручика Сергея Герасимовича Савина, майорши Елизаветы Семеновны Поповой и ее служительницы Хлоповой, купца Кузьмы Ефремовича Соколова, купца Василия Шеметова, офицерской дочери Дарьи Горбовой, тайного советника и кавалера Михаила Александровича Салтыкова (это отец жены А. А. Дельвига Софьи, он приятельствовал с Василием Львовичем, бывал в его доме), купца Семена Алешунина, князя Андрея Петровича Оболенского, Федора Жукова, мещанки Матрены Третьяковой, ротмистра Михайлы Глебова. Брал в долг В. Л. Пушкин в 1823, 1824, 1825, 1826, 1827, 1828, 1830 годах. Общая сумма — 78 862 рубля. И она была выплачена с процентами (благо долги были записаны в маклерские книги, то есть документально подтверждены). А вот заимодавцам по распискам на простой бумаге в иске было отказано. Не получил свои три тысячи подпоручик Николай Васильевич Левашев; не выплатили 1361 рубль купцу Ивану Ивановичу Готье и 306 рублей купцу Карлу Урбену, 222 рубля 45 копеек и по другому счету 118 рублей иностранцу Николаю Гроссно. Лишился своих 240 рублей 77 копеек аптекарь Иван Маршал. Любопытно, что в долговой книге упомянут Лев Васильевич Васильевский, сын В. Л. Пушкина. Он назван то коллежским регистратором

(это чин 14-го класса, низший в Табели о рангах; чиновниками 14-го класса были станционные смотрители), то коллежским секретарем (это уже чин 10-го класса, более высокий). Грустно это, читать про долги Василия Львовича.

Еще одна возможность обеспечить будущее жены и детей — продать свое имение. В. Л. Пушкин попытался это сделать. В «Московских ведомостях» 19 января 1829 года появилось объявление:

«Продается имение, Нижегородской Губернии, Лукояновского уезда, село Болдино, Васильевское тож, с переводом долга в Опекунский Совет на 24 года; в оном имении находится по 7-й ревизии 540 душ, на лицо более 600 душ, земля самая хлебородная, чернозем, большая часть крестьян на пашне, 70 тягол на оброке, который платят без недоимок; доход с вотчины значительный; план видеть и обо всех подробностях узнать можно от самого помещика, живущего в старой Басманной, в приходе Никиты Мученика, в доме под № 128»^[620].

Что и говорить, толково составлено объявление: хоть и заложено имение в Опекунский совет, но долги, которые должен будет выплатить новый владелец, рассрочены на целых 24 года; и душ много, и земля хлебородная, и крестьяне усердно пашут, и оброк без недоимок платят, одним словом — доход хороший. Объявление было напечатано и в следующем, 7-м номере «Московских ведомостей». Но продажа Болдина не удалась. 14 февраля 1829 года Василий Львович писал П. А. Вяземскому:

«Твои советы благие; будь уверен, что я их с любовью принимаю, я всей душой желаю устроить дела мои продажей моего имения, как Нижегородского, так и Калужского (имение в Калужской губернии досталось В. Л. Пушкину в наследство от тетки его — Варвары

Васильевны Чичериной. — *Н. М.*). К беде моей, несмотря на то, что я публикую в ведомостях о продаже очень хорошего имения, покупщики не являются, и ни в чем никакой удачи нет. Мудрено ли, что я болен, что у меня разливается желчь и что лекарства мне не помогают? Если б желание мое исполнилось, то есть если б я продал мое имение, то я уверен, что здоровье мое было лучше, а может быть, и совсем бы поправилось! Надобно знать, каковы для меня ночи и что в бессоннице мне приходит в голову? всякой бы пожалел меня, а ты верно более другого. Прошлого года некто пензенский помещик барон Николай Антонович Шлиппенбах предлагал мне за мое Болдино, в котором находится налицо более шести сот душ, заемные свои письма, но я продаю деревню для заплаты долгов и для того, чтобы устроить состояние детей моих. Я им хочу оставить деньги, а не заемные письма господина Шлиппенбаха. Я уверен, что ты скажешь, что на такие предложения согласиться нельзя» (275–276).

И в письме П. А. Вяземскому от 11 июня 1829 года речь снова шла о продаже так и непроданного Болдина, в чем Петр Андреевич, видимо, принимал посильное участие:

«Дружеское твое письмо от 31-го мая я получил, мой любезнейший друг. Благодарю тебя покорно за любовь твою и все попечения о моих делах. Бог тебе воздаст за меня!

Имению моему последняя самая цена 230 тысяч рублей, дешевле этого я продать не могу, тем более, что несмотря на дешевизну хлеба, я и нынешний год получил с того имения более 20 тысяч дохода. Сибирские деревни дешевле Лукояновских, и моя вотчина не так малоземельна, потому что на ревизскую душу находится в ней около семи десятин лучшего чернозема. Мне уже здесь предлагали 230 тысяч руб., но я на это не согласился, а за 250 тысяч отдам с

охотою. Я знаю, что от продажи сего имения зависит совершенно мое спокойствие, но также и за бесценок отдать нельзя. Доходы дают цену моему имению, и хотя хлеб дешев, но у нас он все дороже, нежели в Пензе и в Симбирске. Из Пензы и Симбирска к нам прошедшею зимою в Арзамас и Лукоянов привозили продавать хлеб. Похлопочи обо мне, друг милый, и о делах моих» (281).

Из этого письма мы видим, что нужда заставила Василия Львовича проявить несвойственную ему осведомленность в хозяйственных делах. И еще одно письмо П. А. Вяземскому от 18 июня 1829 года, в котором появляется еще один возможный покупатель Болдина — некий господин Бестужев:

«Касательно продажи имения моего, известного во всем округе по хорошим угодьям и земле, я согласен из суммы назначенной, 250 тысяч рублей, еще уступить пять тысяч рублей, и это будет с крайним для меня убытком и невыгодою, но что делать? Обстоятельства того требуют. Земля одна, за исключением крестьян, стоит этих денег, и, воля госп. Бестужева, наших деревень ни с пензенскими, ни с симбирскими равнять нельзя. Во-первых, они ближе, во-вторых, хлеб у нас продается гораздо дороже и доходы наши значительнее.

Сделай одолжение, любезнейший друг, похлопочи обо мне сколько можешь. Ты опекаешь детей моих, и я буду за тебя молить Богу!» (283-284).

Вот уж в самом деле — «хладные мечты» и «строгие заботы». Бедный, больной Василий Львович, так и не продавший свое Болдино, мог бы сказать, как Обломов: трогает жизнь, везде достает. С другой стороны, житейские заботы, житейская проза заставляли задуматься о себе и о людях, о смысле существования, от временного обратиться к вечному, от цен — к духовным ценностям.

В «Литературном музее на 1827 год» было напечатано прозаическое произведение В. Л. Пушкина «Замечания о людях и обществе». Здесь беглые очерки персонажей светской жизни.

Если ты в отставке и одет просто, то модная дама, которую интересуют только богатый мундир и знаки отличия, тебя и не приметит.

Кутила занят песельниками, барышами и цыганами. Его жизнь — веселый праздник, где шампанское льется рекою. Но — «ты всегда возвратишься от него с шумом в голове и с пустотою в сердце» (194). Есть над чем подумать.

Нужен ли тебе собеседник, который думает не о тебе, а об обеде и игре, которому ты «лишь только докучаешь своими вопросами и рассуждениями»? «Говори с людьми умными, вежливыми; их беседа всегда приятна, и ты им не в тягость» (192).

А как убоги представления многих светских людей об искусстве и литературе:

«Что вы думаете о новой поэме Козлова? — Ничего, я стихов не читаю. — А о сочинениях в прозе Жуковского? — Я прозы не люблю» (192).

Заметим, кстати, что и в этом сочинении В. Л. Пушкин не преминул заявить о своих литературных пристрастиях:

«Не опасаясь гнева модных романтиков и несмотря на строгую критику Шлегеля, скажу искренно, что я предпочитаю Мольера — Гёте и Расина — Шиллеру» (192).

Истинные, непреходящие ценности для Василия Львовича — в любви и дружбе, в вере во Всевышнего, в доброте, без которой он не мыслил своей жизни:

«Какая выгода быть добрым? Злые благоденствуют, добрые угнетены судьбою. — Ты забыл, что сии последние наслаждаются первейшим благом своей жизни — чистою совестью. <...>

Вот прекрасная молитва одного мусульманина: „Господи, яви милость свою над злыми, ибо ты все сделал для добрых, сделав их добрыми!“» (193–194).

Погруженный в насущные заботы о близких, измученный болезнью, лишенный возможности выезжать в свет, Василий Львович не озлобился, не замкнулся в себе. 25 мая 1829 года А. Я. Булгаков, побывав в его гостеприимном доме на славном обеде, писал брату:

«Старым стал В. Л., ходит, опираясь все на чью-нибудь руку, говорит еще неслышнее, зубов мало, а все весел, любезен и добр, разумеется, по прежнему»^[621].

В 1829 году в доме Василия Львовича появился литератор Александр Акинфиевич Кононов. Впоследствии он так вспоминал о старом поэте:

«Старик, чуть движущийся от подагры, его мучившей, небольшой ростом, с открытой физиономией, с седыми, немногими оставшимися еще на голове волосами, очень веселый балагур — вот что я видел в нем при первом свидании. При дальнейшем знакомстве я нашел в нем любезного, доброго, откровенного и почтенного человека, не гения, каким был его племянник, даже не без предрассудков, но человека, каких немного, человека, о котором всегда буду вспоминать с уважением и признательностью»^[622].

На закате своих дней Василий Львович по-прежнему жил дружбой и поэзией.

2. Поэзия

Надежды и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сии листы
Всю жизнь мою хранят (И, 399).

Лучше А. С. Пушкина, наверное, и не скажешь об отражении или, скорее, даже воплощении жизни и личности поэта в его творениях.

Читая стихи В. Л. Пушкина последних лет, хотелось бы проникнуться его мыслями и чувствами, попытаться услышать его живой голос.

Что мне экспромтом написать
Дней быстрых на закате?
Мне суждено терпеть и горевать
И в пестром щеголять халате.
Экспромты я тогда писал,
Когда надеялся, влюблялся;
Теперь от радостей отстал
И от надежды отказался.
Итак, молчу, любезные друзья,
С стихами милыми прощаюсь:
Я тем лишь только утешаюсь,
Что в старости нескучен я.

1827 7-го января (217).

В элегические строки о «днях быстрых на закате», об утрате радостей и надежд некогда влюбчивого поэта «врывается» бытовая деталь — «пестрый халат», деталь, невозможная в чувствительной элегии. Впрочем, это же не элегия, а экспромт, остроумно завершающийся мотивом утешения, которое состоит в том, что в старости можно (и должно) не скучать, быть нескучным для окружающих. И в других стихотворениях элегическая грусть о милом прежде — это и ностальгия по стерлядям, по винам Клико и Шампертен, вместо которых теперь приходится пить зельтерскую воду. Правда, в мыслях о былых радостях и нынешних печалях Василий Львович не теряет способности улыбаться, не оставляет свойственную ему и столь

ценимую его друзьями веселость. П. И. Шаликов сохранил сочиненное поэтом французское двустишие, написанное им, как считал его приятель, совсем незадолго до смерти:

Веселость встретила его у колыбели.
Веселость провела до смертных постели.

(Перевод Н. Муромской)

Конечно, В. Л. Пушкин становился серьезным, когда размышлял о стремительном беге времени, о неизбежности смерти. Эпиграфом к посланию «К Постумию» он поставил строки Горация:

*Увы, о Постум, Постум! Летучие
Года уходят...*

(Перевод с лат. Ф. Е. Корша)^[623]

Летят, летят, Постумий — друг!
Дни, месяцы и годы!
Неизбежим закон природы!
Наступят старость и недуг,
Потом и смерть. Хотя б Плутону
Ты в жертву сто волов принес:
Все тщетно, и в челнок к Харону
Ты все пойдешь! Бедняк и Крез,
Царь и пастух — все смерти чада,
И всем врата отверсты ада! (182).

Нельзя укрыться от рока, даже не служа богу войны Марсу, страшись грозного моря, живя в скромном уединении. Всё, что радовало в сем мире, мечты,

ожидания — всё исчезнет, когда придется проститься с милою подругой и навек переселиться в иной мир. И всё же Василий Львович завершает свое размышление о мгновенности бытия и неотвратимости смерти на оптимистической ноте:

Наследник твой благоразумной
Отыщет славное вино,
И в дружеской беседе шумной
Польется, закипит оно! (183).

Вот она, «младая жизнь», которая будет играть «у гробового входа»: вино, дружеская беседа — жизнь продолжается! А над смертью можно и пошутить. В стихотворении «Бабушка и внучка» «старушка, добрая Ненила», сетуя на «старость и недуг», ожидая свою близкую смерть, спрашивает свою внучку Лукерьюшку:

«Ну, как случится это горе,
Заплачешь ли, скажи, о бабке, ты своей?»
— «А как же, бабушка? Ей-ей,
Я плачу обо всяком вздоре» (212).

Умея и в плохом находить хорошее, Василий Львович с улыбкой указывает на то, что смерть освобождает от забот и дарует покой:

УМИРАЮЩИЙ ЛЕНИВЕЦ

Ленивец Клит, к Харону отправляясь,
«Как счастлив я! — сказал своей жене. —
Приходит смерть! С заботами прощаясь,
В земле лежать не трудно будет мне!» (213).

Пока же смерть не встала на пороге, Василий Львович с прежним интересом относится к окружающей его жизни, к людям с их пороками и слабостями. В эпиграммах последних лет — «брюшистый Ермолай», который слышит прекрасно только слово «возьми» и глух, когда ему говорят «подавай»; Злослова, взявшаяся за ум, начав белиться:

Не лучше ль во сто раз себе лицо белить,
Чем славу добрую других людей чернить? (213).

Увидев из окна своего дома, как полицейский арестовывает пьяную бабу, Василий Львович тотчас пишет маленькое стихотворение в духе «Опасного соседа»:

Что вижу? Страж ночной, могучею рукою
Схватив дочь Вакхову, на съезжую помчал.
Ни перси нежные, ни щек ее коралл.
Ни черные власы — над хладною душою
Ничто не действует! Он скачет на коне
И высечет ее, как мнится мне (217).

Над душою (отнюдь не хладною) постаревшего поэта по-прежнему властвуют милые дамы. Они всё так же вызывают его сердечный трепет, который сказывается в мадригалах, в галантных альбомных стихах.

МАДРИГАЛ

Ты хочешь тайну знать мою?
Смотри, не осердись! Я все тебе открою
И ничего не утаю:

Любовь и я узнал, увидевшись с тобою (181).

Когда в руках В. Л. Пушкина оказался альбом знаменитой польской пианистки Марии Шимановской (этот драгоценный альбом-музей с автографами известных русских и европейских поэтов и писателей хранится в Польской библиотеке в Париже), он написал адресованные ей французские стихи. Мы не можем не восхищаться его виртуозной игрой словами в изящном комплименте, который не теряет своей прелести даже в переводе:

Когда вдали от Вас я нахожусь — увы!
То тысячью себя терзаньями терзаю.
И я совсем что делать мне не знаю.
Когда не ведаю, что делаете Вы.

(Перевод Н. Муромской)^[624]

В альбоме Марии Шимановской дядя оказался под одной обложкой с племянником. Будучи в Петербурге, А. С. Пушкин 1 марта 1828 года записал в альбом строки, включенные им позже, болдинской осенью 1830 года, в трагедию «Каменный гость»:

Из наслаждений жизни
Одной любви Музыка уступает,
Но и любовь мелодия.... (VII, 145).

В последние годы Василий Львович сетовал на то, что его дело теперь — «мелочьми перебирать». Но ведь такими альбомными мелочами украшалась жизнь. Это признавали современники поэта. Это признавал П. И. Шаликов, который после смерти В. Л. Пушкина

напечатал в «Дамском журнале» его стихи «В альбом даме, которой имя Вера». Василий Львович писал о любви, надежде, вере, без которых «жизнь не жизнь чувствительным сердцам», сетовал:

Младенец лишь родится в свет,
И открывает вежды —
Уж любит, верует, надежда в нем живет.
А я теперь, увы! достигнув поздних лет,
Хоть Веру и люблю, но жаль, что без надежды
(184).

П. И. Шаликов счел нужным сопроводить эту публикацию своим стихотворным текстом:

Поэта нет уже на свете!
Но свет забудет ли об истинном Поэте,
Который для любви и дружбы только жил
И общества душою был?^[625]

Это правда. Василий Львович жил для любви и дружбы, писал о любви и дружбе, был счастлив в дружбе. В альбом к соседям Екатерине Гавриловне и Николаю Васильевичу Левашевым (они жили на Новой Басманной) он записал:

Болезнью тяжелой удрученный,
Живу для дружбы я одной!
Я вас узнал — и полюбил душой!
Под бременем и лет, и горестей согбенный,
Еще блаженствую я в участи моей:
Имею я друзей!

Москва, 1830 года, июня 16 дня (183).

Василий Львович с горечью осознал, что судьба разлучила его со многими старыми друзьями, с любезными его сердцу арзамасцами, но и в разлуке с ними у него оставались дорогие его сердцу воспоминания, сознание того, что друзья у него еще есть. В послании «К В. А. Жуковскому», написанном 9 января 1830 года, он выразил свои чувства настолько искренне и трогательно, что это послание нельзя не привести полностью:

Товарищ — друг! ты помнишь ли, что я
Еще живу в сем мире?
Что были в старину с тобою мы друзья,
Что я на скромной лире,
Бывало, воспевал талант изящный твой?
Бывало, часто я, беседуя с тобой,
Читал твои баллады и посланья;
Приятные, увы, для сердца воспоминанья!
Теперь мне некому души передавать:
С тобою, Вяземским, со всеми я в разлуке;
Мне суждено томиться, горевать
И дни влачить в страданиях и скуке.
Где Блудов? Где Дашков? Жизнь долгу
посвятив.
Они заботятся, трудятся;
Но и в трудах своих нередко, может статься,
Приходит им на мысль, что друг их старый жив.
Я жив, чтоб вас любить, чтоб помнить всякий
час,
Что вас еще имею;
Благодаря судьбу, я в чувствах не хладею.
Молю, чтоб небеса соединили нас! (62–63).

Дружеские послания к А. С. Пушкину 1829 и 1830 годов затрагивали вопросы литературной полемики этого времени. Обращаясь к племяннику в 1829 году, дядя заявлял о своей литературной позиции:

Поэт-племянник, справедливо
Я назван классиком тобой!
Все, что умно, красноречиво,
Все, что написано с душой,
Мне нравится, меня пленяет.
Твои стихи, поверь, читает
С живым восторгом дядя твой (61-62).

Вероятно, послание «К А. С. Пушкину» В. Л. Пушкин написал, познакомившись с «Отрывками из писем, мыслей и замечаний» племянника, напечатанными в «Северных цветах на 1828 год». В публикацию не было включено предисловие, в котором А. С. Пушкин иронизировал над дядюшкой и его «Замечаниями о людях и обществе». Очевидно, Василию Львовичу был известен текст этого предисловия:

«Дядя мой однажды занемог. Приятель посетил его. „Мне скучно, — сказал дядя, — хотел бы я писать, но не знаю о чем“. „Пиши все, что ни попало, — отвечал приятель, — мысли, замечания литературные и политические, сатирические портреты и т. под. Это очень легко: так писывал Сенека и Монтань“. Приятель ушел, и дядя последовал его совету. Поутру сварили ему дурно кофе, и это его рассердило, теперь он философически рассудил, что его огорчила безделица, и написал: нас огорчают иногда сущие безделицы. В эту минуту принесли ему журнал, он в него заглянул и увидел статью о драматическом искусстве, написанную рыцарем романтизма. Дядя, коренной классик, подумал и написал: я предпочитаю Расина и Мольера Шекспиру

и Кальдерону — несмотря на крики новейших критиков. Дядя написал еще дюжины две подобных мыслей и лег в постелю. На другой день послал он их журналисту, который учтиво его благодарил, и дядя мой имел удовольствие перечитывать свои мысли напечатанные» (XI, 59).

К чести племянника, он не стал печатать приведенный текст: ведь дядя мог и обидеться. К чести дяди, он не обиделся. Более того, Василий Львович согласился с тем, что классиком его Александр назвал справедливо. Но заявив о своей литературной позиции, старый поэт, не принимающий романтизма, сказал о том, что ему нравится «все, что умно, красноречиво, / Все, что написано с душой», выразил свой восторг от чтения сочинений племянника. В «Отрывках из писем, мыслей и замечаний» А. С. Пушкин писал об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, «сочинении великого писателя... <...> и подвиге честного человека», о несправедливой критике этого труда. В. Л. Пушкин, который до конца своих дней был ревностным защитником Н. М. Карамзина, затронул в своем послании и эту тему:

Тацита нашего творенья
Читает журналист иной,
Чтоб славу очернить хулой.
Зоил достоин сожаленья;
Он позабыл, что не вредна
Граниту бурная волна (62).

О послании «А. С. Пушкину» 1830 года мы еще будем говорить. Сейчас же заметим, что ветеран нашей поэзии многие поэтические мелочи, относящиеся к литературному быту, — экспромты, альбомные стихи, стихотворные записочки — не печатал. Но многие

другие его стихотворения, в частности послание «К А. С. Пушкину», появлялись в печати — в «Московском телеграфе», «Дамском журнале», «Московском вестнике», «Литературной газете» и других изданиях. Было напечатано и самое значительное его произведение последних лет — поэма «Капитан Храброе». (Василий Львович назвал ее повестью в стихах; почему бы и нет: у племянника роман в стихах, а у него повесть.) Первая глава «Капитана Храброва» была опубликована в 1829 году в альманахе «Подснежник», вторая — в «Северных цветах на 1829 год», третья и четвертая появились в 1830 году в альманахах «Радуга» и «Денница». В поэме сказался и дар Василия Львовича — прекрасного рассказчика, его искусство бытописания, мастерство сатирика и опыт полемиста: на сей раз он спорил с модным романтизмом и даже соревновался с племянником, автором «Евгения Онегина». Но прежде, чем говорить об этом, познакомимся с содержанием поэмы.

Сюжет первой главы был, на наш взгляд, очень удачно и к тому же кратко пересказан в «Северных цветах», где была напечатана вторая глава:

«В первой главе капитан Храбров рассказывает, как он, на пути в деревню, попался было к разбойникам и выстрелил в одного из них; как встретился с другом своим Валентином, который известил его, что разбойники переловлены; как наконец, приехав к матери своей, увидел там воспитанницу ея Наташу и влюбился в нее»^[626].

Во второй главе представлена идиллическая жизнь Храброва у матушки в деревне, его вседневные занятия с Наташей. Храбров получает письмо от Валентина — тот сообщает, что с раненым плененным стариком-разбойником едет в Саратов и увидится со своим другом Храбровым. В гости к семейству Храбровых

приезжает капитан-исправник Петр Фомич с женой Аксиньей Павловной.

В третьей главе Храбров, его мать и Наташа приезжают на маскарад, который дает в Саратове предводитель дворянства Хватов, встречаются в маскараде Валентина и затем возвращаются в деревню.

В четвертой главе в гости к Храбровым приезжают князь Пустельгин и Валентин. Валентин рассказывает о признании разбойника Маркела: 15 лет назад он ограбил и убил барина с женой, их слугу, няню их младенца, но младенца пощадил. Ребенка нашел священник. Старушка Храброва указывает на Наташу, которую передал ей священник на воспитание. Наташа падает в обморок.

Лихо закручен сюжет. Всё в нем есть, чтобы привлечь читательское внимание: и разбойники, и любовь, и несчастный младенец, превратившийся со временем в прекрасную девушку. Жаль, что поэма не окончена и мы так и не узнаем, что было дальше. Влюбился ли Валентин в Наташу? Стали ли друзья Парфен Храбров и Валентин соперниками? И к чему соперничество их привело? Или, быть может, Валентин оказался братом Наташи и поэма счастливо завершилась свадьбой Наташи и капитана Храброва? По свидетельству приятеля В. Л. Пушкина М. Н. Макарова, Василий Львович предполагал написать еще две главы и тем завершить свою повесть.

В. Л. Пушкин владеет тайной занимательности: он не сразу сообщает существенные для сюжета подробности, интригует читателя, заставляя его с напряженным интересом следить за развитием действия. Но при всех достоинствах сюжетосложения поэма «Капитан Храбров» привлекает еще и легкостью непринужденного повествования, пейзажами и картинами быта провинциальной России, портретами,

мастерски начертанными сатирическим пером старого поэта.

Утихла буря; стадо в поле
Шагами тихими идет,
Пастух играет; дождь не льет.
Хоть птичек хор не слышен боле,
Хоть лист желтеет и летит.
Но божий мир всегда прекрасен.
Свод неба чист, и все сулит,
Что будет день хорош и ясен.

И вот село! Прелестный вид;
Там на горе крутой, высокой
Великолепный храм стоит.
Внизу река. По ней широкой
И длинный мост ведет в посад.
Народ колышется... (190).

А как прелестно описаны приезд Храброва в родную деревню, его встреча с матушкой и дворовыми:

Верст десять ехать нам осталось.
От нетерпения казалось,
Что время медленно текло.
Вот наша роща и село,
Вот церковь, пруд, сад плодovitый,
Дом, черепицею покрытый.
Вот конопли и огород;
Мы подъезжаем — я вбегаю
И мать-старушку обнимаю
И целый девок хоровод.
Терентий Карпов, дядька мой,
Служитель пьяный и глухой,
С почтеньем руку лобызает;

Федора ключница бежит
И нам обед приготовляет (192).

Василий Львович сообщает нам «вкусные» подробности усадебного быта, описывает обед у Храбровых с рубцами и пряженцами, «бараньим боком с горячей кашей», с «жарким гусем и пирогом», вечерний «чай ароматный», «кофе с сухарями, / Ватрушками и кренделями».

Хороши портреты провинциалов: любителя пунша и карточной игры капитан-исправника Петра Фомича, «не исправившего» мосты в округе; его жены Аксины Павловны, жеманницы и франтихи в московском щегольском берете, щебечущей о романтизме; предводителя дворянства Неофита Ивановича Хватова, который на маскараде в польском жмет руку княгине Миловой:

Он самым модным человеком
У нас в губернии слывет
И, душ две тысячи имея,
Жать руки может не робея (199).

В маскарадной зале мелькает губернский стряпчий Батраков (он явился «в усах гусаром»), князь Пустельгин:

У предводителя на бале
С Наташей князь вальсировал
И даже ей на опахале
Экспромт какой-то написал,
Чувствительный и кудреватый,
Из Антологии им взятый (201).

Сообщив о приезде в гости к Храбровым князя Пустельгин, В. Л. Пушкин дает ему развернутую характеристику, рассказывает его биографию, типичную для многих дворян пушкинской эпохи:

Князь Пустельгин, плясун лихой,
Охотник псовый, добрый малой,
Хотя немного и болтлив.
Гусаром будучи, военной
Он как-то службы не взлюбив,
В Московский перешел архив.
Богатый дядя и почтенной
Каким-то случаем ему
Чин камер-юнкера доставил;
В прибавок старичок к тому,
Скончавшись, молодцу оставил,
Так сказать, pour la bonne bouche,
В Саратове пять тысяч душ (201).

Сатирические портреты провинциалов, наделенных В. Л. Пушкиным «говорящими» фамилиями, заставляют вспомнить сатирические портреты гостей на балу у Лариных в романе «Евгений Онегин» — уездного франтика Петушкова, отставного советника Флянова (Флянов — от французского слова «фланэ», что означает прогуливаться, бездельничать), Панфила Харликова (харлить — значит жилить, отнимать неправдой чужое добро), Скотининых, Буянова. Если А. С. Пушкин приводит героя «Опасного соседа» Буянова в гости к Лариным, то В. Л. Пушкин заставляет жену капитан-исправника упомянуть Татьяну Ларину.

На общем фоне провинциальной жизни вырисовываются портреты главных героев — капитана Храброва, Наташи, Валентина. Портрет Наташи начертан автором поэмы с лирическим чувством. Но,

при всей ее идеальности, и она вписана в провинциальный быт:

Наташа многое уж знала:
Умела колпаки вязать,
На гусях песенки бренчать
И полотенца вышивала.
Прошло еще пять иль шесть лет —
Другим Наташа занималась,
И в длинный талию корсет
Она затягивать старалась;
Носила кисею, перкаль,
Большие букли завивала,
«Светлану» наизусть читала.
Лишь одного ей было жаль:
Она не знала по-французски.
Тиранка мода губит нас:
И даже в деревнях подчас
Никто не говорит по-русски (193).

Особую роль в поэме играет капитан Храбров. Он не только главный герой, от чьего лица ведется повествование. Он поэт, и в нем много автобиографического. Так, князь Пустельгин расспрашивает его о Париже:

Вы были, слышал я, в Париже, —
Промолвил он, — скажите нам.
Чем боле занимались там?
Каков Тальма в игре Ореста?
Приятна ли Менвель-Фодор?
Вы всех их знали... (202).

Ну как же Василию Львовичу на старости лет не вспомнить о Париже, о знаменитом Тальма, который давал ему уроки декламации? Думается, что походы и сражения, в которых принимал участие Храбров, его чин капитана и ордена, которыми он «украшался», появились в поэме не случайно. Это тоже своего рода воспоминания В. Л. Пушкина о молодости, о службе в армии, службе, в которой, впрочем, не было ни походов, ни сражений, ни орденов, а был лишь чин поручика, до которого дослужился Василий Львович.

В. Л. Пушкин виртуозно владеет четырехстопным ямбом, которым, как и стихотворный роман «Евгений Онегин», написана его повесть в стихах, использует разнообразные способы рифмовки. Подобно племяннику, он ведет свое повествование, свободно отступая от сюжета, включая в текст цитаты и реминисценции из произведений других поэтов — И. И. Козлова, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, обращения к благосклонному читателю, рассуждения о модном, неприемлемом для него романтизме. С прежним полемическим задором он пишет об одном из приемов романтической поэмы (его использовал и А. С. Пушкин):

Читатель! новые картины.
Дошед рассказа половины,
Я смелой напишу рукой
Ряд целый точек!

.....

И от правил
Романтиков не отступлю,
Лорд Байрон тысячи их ставил,
И подражатели его:
Гиро, Сумет, Виктор Гюго
Лишь точками известны стали

И славу за вихор поймали (194).

Прав был Н. А. Полевой, когда в рецензии на альманах «Подснежник», напечатанной в «Московском телеграфе», заметил, что «талант автора поюнел в сей остроумной поэтической шутке»^[627].

В. Л. Пушкин начал работать над поэмой «Капитан Храбров» в начале 1828 года. В феврале Е. А. Баратынский сообщал А. С. Пушкину:

«Василий Львович пишет романтическую поэму. Спроси о ней Вяземского. Это совершенно балладическое произведение. Василий Львович представляется мне Парнасским Громобоем, отдавшим душу свою романтическому бесу» (XIV, 6).

А. С. Пушкин, по-видимому, последовал совету, спросил у П. А. Вяземского о новой поэме дяди, и П. А. Вяземский писал ему:

«Василия Львовича я еще не видал и потому ничего не могу сказать тебе о твоём новом двоюродном брате, капитане Храброве. Надобно теперь тебе и этого двоюродного братца официально признать, как и Буянова» (XIV, 28).

В дружеской встрече с собратьями по перу В. Л. Пушкин читал им свое творение. Когда была завершена первая глава поэмы, он познакомил с ней И. И. Дмитриева и В. В. Измайлова. В апреле 1828 года И. И. Дмитриев рассказывал в письме П. А. Вяземскому, что они сделали доброе дело — уговорили Василия Львовича воскресить мать Храброва, которую он безо всякой надобности уморил. Василий Львович по доброте своей прислушался к их совету. Правда, критика друзей не всегда была приятна старому поэту. М. А. Дмитриев вспоминал:

«Под конец своего литературного поприща, когда молодой Пушкин прославился поэмами, Василий Львович, в подражание своему племяннику, начал писать тоже поэму: Капитан Храбров. Он не успел ее кончить, но всем читал ее; он был страстный охотник читать свои сочинения, я помню, что старушка Храброва, мать капитана Храброва, представлена очень робкою и верящую снам и предчувствиям. Я спросил автора после чтения: „а этой старушки фамилия тоже Храброва?“ Василий Львович почувствовал намек на несообразность ее характера с именем и отвечал нехотя: „тоже Храброва!“ — Я, в свою очередь, почувствовал неуместность моего вопроса» ^[628].

Есть основания полагать, что В. Л. Пушкин читал поэму «Капитан Храбров» у себя в доме на Старой Басманной друзьям и многочисленным гостям, которые его навещали.

3. Гости в доме на Старой Басманной

Как хорошо, что старые друзья Василия Львовича И. И. Дмитриев и П. И. Шаликов почти безвыездно жили в Москве! Конечно, они постарели. Иван Иванович превратился в важного старца с совершенно белой головой. Еще бы: он, отставной министр юстиции, давно признанный патриарх в поэзии, своего рода достопримечательность Москвы. Когда И. И. Дмитриев ездил с визитами, то облачался в синий фрак, украшенный орденами, орденские ленты нескольких крестов на шее окаймляли накрахмаленный белый батистовый галстук. Старость не обошла стороной и Петра Ивановича. Его большой хохол уже был не черным, а черным с заметной проседью. Но он всё так же живо вертелся на высоких каблуках лакированных сапожек. Его костюм по-прежнему был чрезвычайно

пестрым: фрак светло-бирюзового цвета с золотой искрой, оранжевый жилет, шелковый бирюзовый галстук с огромным бантом; рука в лайковой перчатке держала двойной лорнет в золотой оправе. И всё же, думается, что приезжая на Старую Басманную к Василию Львовичу (а приезжали они к нему часто), друзья были одеты не столь парадно — давняя дружба давала право на большую свободу от стесненных условий света. Дружеская беседа по-прежнему была увлекательной и интересной. И обеды и ужины в доме Василия Львовича по-прежнему были хороши. П. И. Шаликов сохранил множество стихотворных записочек, адресованных ему Василием Львовичем. Читая их, мы можем составить представление о том, чем иногда потчевал гостей старого стихотворца его знаменитый повар Влас: «суп с жирной курицей, с полдюжины котлет, / Жаркое, каша», «чаёк». Но гостям, верно, и шампанское подавали. А. Я. Булгаков в письмах брату называл обеды у В. Л. Пушкина славными. И он часто приходил в дом к старому стихотворцу. Кто еще? Конечно, П. А. Вяземский, ближайший друг — тогда, когда он не уезжал в Петербург, а жил в Москве. То же можно сказать и про Ф. И. Толстого-Американца. По-видимому, у В. Л. Пушкина появлялся С. А. Соболевский. А вот С. П. Жихарев если и появлялся, то очень редко, почти что и не бывал.

В конце октября 1826 года к Василию Львовичу явился молодой поэт Дмитрий Веневитинов (Пушкины с Веневитиновыми были в родстве). Он собирался ехать в Петербург, и Василий Львович вручил ему рекомендательное письмо к поэту Н. И. Гнедичу, переводчику «Илиады» Гомера:

«Почтеннейший и любезнейший Николай Иванович. Родственник мой, Дмитрий Владимирович Веневитинов отправляется в С. Петербург, и я его рекомендую в

дружбу вашу. Он того достоин и по воспитанию своему и по своим склонностям. Он читает Гомера или Омира на греческом языке и желает познакомиться с тем, который так хорошо передает величайшего из поэтов на языке отечественном. Увидев его, вы вспомните и обо мне. Я всегда вам предан душевно и счастливым себя почту, если судьба опять меня соединит с вами.

Желая вам совершенного здоровья и благополучия, остаюсь с искренним почтением моим, покорнейший ваш слуга Василий Пушкин.

Москва 1826 года Октября 30 дня» (212-213).

Кто бы мог подумать, что не пройдет и года и Дмитрия Веневитинова 15 марта 1827 года не станет. Поэт не доживет до двадцати двух лет, и старец И. И. Дмитриев, в доме которого, как и в доме В. Л. Пушкина, Д. В. Веневитинов бывал, напишет стихи на его кончину:

Природа вновь цветет, и роза негой дышит!
Где юный наш певец? Увы, под сей доской!
А старость дряхлая дрожащею рукой
Ему надгробье пишет!^[629]

Вот уж действительно «дни наши сочтены не нами».

В конце января — начале февраля 1828 года А. А. Дельвиг по пути в Харьков заехал в Москву. Около 18 февраля он писал А. С. Пушкину уже из Харькова:

«Проезжая первопрестольный град Москву, ходил я на поклонение к поклоняемому и славимому Ивану Ивановичу Дмитриеву и приложился к мощам преподобного дядюшки вашего» (XIV, 4).

А. А. Дельвиг поехал в Харьков вместе с женой Софьей Михайловной. Они навестили отца А. А. Дельвига, тоже Антона Антоновича, в его имении под Харьковом. Там, во время пребывания сына и

невестки, 8 июля 1828 года Дельви́г-старший неожиданно умер. Об этом несчастье В. Л. Пушкин был осведомлен. 8 августа 1828 года он писал П. А. Вяземскому:

«Барон Дельви́г еще из Харькова не возвратился. Он лишился отца своего; и чрезвычайно, говорят, огорчен» (274).

Возвращаясь с женой из Харькова в Петербург, А. А. Дельви́г был в Москве во второй половине сентября и, разумеется, снова навестил Василия Львовича. П. А. Вяземский сообщал А. С. Пушкину:

«Дельви́г здесь; мы были с ним у дяди, который по доброте сердца своего и дружбе к нам читал кое-что из капитана Храброва, с которым ты познакомишься и породнишься в Цветах (в „Северных цветах на 1829 год“ были напечатаны и вторая глава „Капитана Храброва“, и стихотворения А. С. Пушкина. — Н. М.)» (XIV, 28).

Среди записочек, полученных в это время от В. Л. Пушкина П. И. Шаликовым, была и такая:

Сегодня у меня литературный ужин;
К обеду не зову, а вечером ты нужен.
С тобой знакомым быть желает наш барон,
И Вяземский готов всем сердцем примириться:
 Не знает злобы он.
 А ежели случится.
 Что будет Полевой,
Не убегай его, о кум любезный мой!
В моем дому все будет ладно.
Откажешь — будет мне прискорбно и досадно!
(235-236).

Понятно, что «наш барон» — это А. А. Дельви́г. П. А. Вяземский «готов всем сердцем примириться» с

П. И. Шаликовым, потому что между ними существовала неприязнь, вызванная насмешками Петра Андреевича, который еще в 1814 году написал эпиграмму на Петра Ивановича, очень для него обидную:

С собачкой, с посохом, с лорнеткой
И с миртовой от мошек веткой
На шее с розовым платком,
В кармане с парой мадригалов
И чуть звенящим кошельком
Пустился бедный наш Вдыхалов
По свету странствовать пешком ^[630].

Такое не забывается. Понятно, что для того, чтобы встретиться с П. А. Вяземским, П. И. Шаликову нужны были уверения их общего друга В. Л. Пушкина в том, что его гонитель «не знает злобы». Что же касается Н. А. Полевого, от которого может, как предполагал Василий Львович, убежать его «любезный кум», то в данном случае нужно вспомнить о конкуренции и взаимных нападках издателя «Московского телеграфа» Н. А. Полевого и издателя «Дамского журнала» П. И. Шаликова. При этом заметим, что В. Л. Пушкин принимает в своем доме критика Н. М. Карамзина — разность литературных позиций с Полевым не мешала общему застолью. Гостеприимный хозяин готов был всех примирить. Он уверен в том, что это осуществимо: «В моем доме все будет ладно».

Среди гостей В. Л. Пушкина — адъютант главнокомандующего 2-й армией П. Х. Витгенштейна Александр Алексеевич Муханов, семейство Ушаковых — Николай Васильевич, чиновник комиссии для строений, статский советник, его жена Софья Андреевна, их дочери Екатерина и Елизавета, князь Александр

Иванович Долгоруков, сын писателя И. М. Долгорукова, сам писатель, поэт Михаил Николаевич Макаров...

Когда Василий Львович долго не виделся с друзьями, он тосковал, и друзья старались его утешить. В 1828 году он получил коллективное послание в стихах от друзей из Петербурга:

Любезнейший наш друг, о ты, Василий Львович!
Буянов в старину, а нынешний Храбров,
Меж проповедников Парнаса — Прокопович!
Любезнейший толмач и фаций и скотов,
Что делаешь в Москве, первопрестольном
граде?
А мы печемся здесь о вечном винограде
И соком лоз его пьем здоровье твое (III, 485).

Первый стих принадлежал П. И. Вяземскому, второй, четвертый и седьмой — В. А. Жуковскому, третий — А. С. Пушкину, пятый — С. П. Жихареву. Не исключено, что последний, восьмой стих написал А. С. Грибоедов^[631]. Имя А. С. Грибоедова встречается в письмах В. Л. Пушкина. Пройдет около года, и 21 марта 1829 года Василий Львович сообщит П. А. Вяземскому:

«В Тегеране случилось ужасное происшествие. Люди нашего посланника А. С. Грибоедова поссорились с персиянами, сии азиятцы так ожесточились, что ворвались в дом и умертвили Грибоедова, Аделунга и всю свиту. Один молодой человек Мальцов, брат Нечаевой, скрывшись во дворце у хана, избежал от смерти. Персидское правительство не имело участия в сем деле. Хан надел траур по Грибоедове, но от этого не легче.

Его нет и заменить его будет трудно. Полученное о сем известие, к сожалению, достоверно»^[632].

4 апреля 1829 года В. Л. Пушкин писал П. А. Вяземскому:

«На этих днях был у меня Мицкевич, мы говорили о тебе и сожалели, что ты не с нами. Он отправляется в Дрезден, а оттуда в Италию или, может статься, в Париж, смотря по обстоятельствам» (276).

Да, и великий польский поэт Адам Мицкевич бывал в доме на Старой Басманной. Да и как же не бывать ему у Василия Львовича, если он, высланный из Польши в Россию, оказавшись в Москве, подружился с племянником В. Л. Пушкина А. С. Пушкиным и П. А. Вяземским. П. А. Вяземский и И. И. Дмитриев переводили его «Крымские сонеты», изданные в Москве. Судя по приведенному письму, знакомство А. Мицкевича и В. Л. Пушкина было довольно близким: польский поэт делился с Василием Львовичем своими планами незадолго до отъезда 15 мая 1829 года за границу.

Накануне отъезда за границу побывал у В. Л. Пушкина и Сергей Дмитриевич Полторацкий. Четверть века спустя он вспоминал об этом так:

«В мае месяце 1830 года, перед выездом моим из Москвы в путешествие за границу, виделся я в последний раз с Василием Львовичем Пушкиным в доме его на Басманной... На этом вечере были оба брата Полевые, издатели „Московского телеграфа“ (1825–1834), и многие другие русские литераторы. Находясь в обыкновенном своем веселом расположении духа, Пушкин рассмешил нас всех следующей просьбою, с которою обратился ко мне: „Милый мой, ты, вероятно, будешь в Берлине, Лейпциге, Париже; там есть русские типографии; потешь меня, пожалуйста; напечатай моего ‘Опасного соседа’, лучшее и удачнейшее из моих стихотворений. Оно известно в России только в рукописи, и жаль, если пропадет и не дойдет до

потомства. Вот тебе исправный список; тисни его и тем порадуя меня“.

Мы все захохотали, услышав такое поручение. Я не дал обещания выполнить желание автора, потому что не полагал этого возможным»^[633].

Вероятно, навещала Василия Львовича его сестра Елизавета Львовна Сонцова с мужем своим Матвеем Михайловичем и дочерьми Екатериной и Ольгой. Встреч же с любимым братом и другом Сергеем Львовичем и его семейством Василий Львович был лишен. С. Л. Пушкин с женой и дочерью жил в Петербурге, лето проводил в Михайловском. Оставалась переписка, но... опять-таки вспомним суждение А. С. Пушкина. Когда 24 января 1828 года племянница Василия Львовича Ольга Сергеевна убежала из дома и тайно обвенчалась с Н. И. Павлищевым в церкви Святой Троицы Измайловского полка, любящий дядя 2 февраля 1828 года отправил из Москвы в Петербург письмо к молодым, поздравив их «от искреннего сердца» и пожелав, чтоб они «были счастливы совершенно»^[634]. Но и молодые оставались в Петербурге, а Василий Львович — в Москве. Виделся ли он в последние годы с племянником Львом? Если и виделся, то очень редко. В марте 1827 года Л. С. Пушкин определился юнкером в Нижегородский драгунский полк, участвовал в персидско-турецкой кампании 1827–1829 годов. Разве что они могли встречаться после того, как Лев взял отпуск. Но сведениями об этом мы пока не располагаем. Вот Александр Пушкин — другое дело. Вернувшись в 1826 году из михайловской ссылки, он часто навещал дядю в его доме на Старой Басманной.

4. Александр Пушкин в гостях у дяди

«Однажды мы сидели в кабинете Василия Львовича: он, Михайло Александрович Салтыков, Шаликов и я; отворилась дверь, вошел новый гость, черты лица которого два года тому назад (при встрече в театре) так врезались мне в память и еще более утвердились в ней портретом Кипренского: это был А. С. Пушкин. Поэт обнял дядю, подал руку Салтыкову и Шаликову: Василий Львович назвал ему меня, мы раскланялись. Все сели; начался разговор. Александр Сергеевич рассказывал всё, что я после читал в статье его: „Поездка в Арзрум“. Между тем князь Шаликов присел к столу и писал; „Недавно был день вашего рождения, Александр Сергеевич, — сказал он поэту. — Я подумал, как никто не воспел такого знаменательного дня и написал вот что“. Он подал бумагу Пушкину; тот прочитал, пожал руку автору и положил записку в карман, не делая нас участниками в высказанных ему похвалах»^[635].

Так начинающий поэт Александр Акинфиевич Кононов описал впоследствии свою встречу с А. С. Пушкиным в доме В. Л. Пушкина на Старой Басманной. Это было в двадцатых числах сентября 1829 года. А. С. Пушкин встретил в доме дядюшки своих знакомых.

Михаил Александрович Салтыков был знаком ему еще по «Арзамасу», состоял его почетным членом. Князь Петр Иванович Шаликов был связан давней дружбой с семейством отца А. С. Пушкина, был и оставался одним из близких приятелей Василия Львовича. А. С. Пушкин иронически отзывался о чувствительной поэзии П. И. Шаликова, в 1827 году вместе с Е. А. Баратынским написал эпиграмму «Князь Шаликов, газетчик наш печальный», но это не мешало ему с симпатией относиться к Петру Ивановичу. 19 февраля 1825 года он писал из Михайловского в Москву

П. А. Вяземскому: «Он милый поэт, человек, достойный уважения. <...> Он имянно поэт прекрасного пола» (XIII, 144). П. И. Шаликов с неизменным восторгом относился к творчеству А. С. Пушкина, печатал в своих изданиях всегда восторженные отзывы и в прозе, и в стихах на его произведения. Так, в апреле 1829 года, то есть за полгода до их встречи у В. Л. Пушкина, в 16-м номере «Дамского журнала» появилось стихотворение П. И. Шаликова «„Полтава“, поэма А. С. Пушкина»:

Цари с поэтами всегда делились славой!
Царь русский возблистал триумфом под
Полтавой
Над силой грозною: и русский же поэт
Вьет лавры в свой венок с полей его побед!^[636]

Заметим, что в начале апреля 1829 года Василий Львович получил от племянника в подарок экземпляр поэмы «Полтава», и дядюшка пришел от нее в восхищение. 4 апреля он писал Вяземскому:

«Новая поэма А. Пушкина показалась в свет; но под названием Полтавы, а не Мазепы. Я нахожу, что А. Пушкин напрасно переменил ее название, но как бы то ни было, поэма его есть превосходное творение. Характер Мазепы, описание казни Кочубея, Полтавское сражение, все написано мастерски. Он употребил новое слово: дрема долит вместо одолевает, он говорит, что сие слово находится в старинных русских песнях, равномерно и топ вместо топот, но я много читал песен старинных и иные переводил на французский язык; признаюсь, однако, что сих слов нигде не заметил. Впрочем, что значит одно слово пред множеством красот, коими наполнена поэма? Еще повторяю, она есть превосходное творение, и я несколько раз ее перечитывал сряду» (277–278).

Одним словом, в сентябре 1829 года А. С. Пушкин пришел в дом, где с любовью следили за его творчеством, где радовались его успехам, в дом, где были симпатичные ему люди, доброжелательные и искренние по отношению к нему. Он только что 20 сентября вернулся из своего путешествия в Арзрум. В ночь с 1 на 2 мая он уехал из Москвы, чтобы отправиться на Кавказ, на театр военных действий. Разумеется, он не знал, что в Тифлисе уже было получено распоряжение о секретном надзоре за ним. Сколько впечатлений — и тифлисские бани, и горные перевалы, и ощущение смертельной опасности: его — в бурке и цилиндре с пикой в руке в передовой цепи атакующих казаков — видели изумленные солдаты. И встречи — с братом Львом, с младшим сыном генерала Н. И. Раевского Николаем, другими друзьями. А поход к Арзруму, турецкие крепости, взятие Арзрума — его узкие, кривые улицы, минареты... Многие мог рассказать (и рассказал) А. С. Пушкин в кабинете Василия Львовича ему и его гостям. Нам остается только читать «Путешествие в Арзрум» и гадать, что именно слышали тогда хозяин дома на Старой Басманной и его гости. А вот с поэтическим подарком, который А. С. Пушкин получил от П. И. Шаликова, мы можем познакомиться. Это Пушкин не пожелал сделать собравшихся «участниками в высказанных ему похвалах», спрятав листочек с адресованными ему стихами в карман. А вот П. И. Шаликов пожелал: в октябре 1829 года он напечатал свое послание в «Дамском журнале», и мы можем его прочесть:

К А. С. Пушкину
В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Когда рождался ты, хор в Олимпийском мире
Средь небожителей пророчески воспел:
Младенца славный ждет удел —

Пленять сердца игрой на лире!^[637]

Пожалуй, это всё, что нам известно о той сентябрьской встрече племянника с дядей.

«Есть у меня больной дядя, которого почти никогда не вижу. Заеду к нему — он очень рад; нет — так он извиняет мне: повеса мой молод, ему не до меня!» — писал А. С. Пушкин в отрывке 1830 года «Участь моя решена. Я женюсь», который во многом носит автобиографический характер.

В. Л. Пушкин действительно был снисходителен к племяннику и всегда радовался его приходу. Однако А. С. Пушкин, вопреки своему же признанию, часто бывал у дяди. Об этом можно заключить хотя бы потому, что Василию Львовичу адресовали письма к Александру.

Вернувшись в 1826 году из михайловской ссылки в Москву, А. С. Пушкин вступил в один из ярчайших периодов своей жизни. В Москве он был признан первым поэтом России. Чтения «Бориса Годунова» в домах московских друзей и знакомых стали его литературным триумфом. Где бы он ни появлялся — в театре, на балу, на гулянье — всё внимание было обращено к нему. Сразу же после беседы с Николаем I для него началось время надежд — на лучшее будущее для России, на милость к сосланным в Сибирь друзьям, на возможность свободного творчества. Правда, время надежд быстро закончилось. 1826–1830-е годы — это время мучительных поисков смысла жизни, своего общественного и литературного положения в новых исторических условиях, поисков дома, семьи, счастья. Творчество А. С. Пушкина этих лет отмечено философскими мотивами в лирике, подступами к прозе. Это годы странствий — Москва, Петербург,

Михайловское, Арзрум... А. С. Пушкин возобновляет старые дружеские и литературные связи, заводит новые знакомства. На одном из московских балов он встречает свою будущую жену Наталью Николаевну Гончарову...

Казалось бы — в калейдоскопе событий, многочисленных встреч, в потоке разнообразных впечатлений, чувств и мыслей, творческих замыслов дяде можно было бы отвести весьма скромное место. Но племянник часто навещает его, больного, старого человека, поэта, творения которого, скажем откровенно, принадлежат уже прошлому русской поэзии. И, как нам представляется, навещает не по родственной обязанности, а по велению сердца. Позволим себе высказать по этому поводу некоторые соображения.

А. С. Пушкин стремился к семейному теплу, которого был по воле обстоятельств лишен многие годы. Приходя в дом к Василию Львовичу, он оказывался в родном ему семействе, где любили друг друга, любили его, любили друзей, всегда были рады гостям. Семейное тепло согревало душу.

Александр был внимателен к добро. Он с благодарностью вспоминал свое московское детство, доброго дядю-поэта, свои лицейские годы, дядюшкину заботу о нем — юном поэте, вспоминал о том, как дядя познакомил его с Н. М. Карамзиным, как передал его «Воспоминания в Царском Селе» в «Российский музей», как всегда, ободрял его в поэтических занятиях, гордился его литературной славой.

Дядя, милый и добрый дядя, к которому в детские годы он относился с должным пиететом (еще бы: дядя — признанный поэт), который в годы лицейской юности был его литературным наставником, а потом вызывал улыбку своей наивностью, простодушием и щегольством, теперь, кроме неизменной любви,

пробуждал щемящее чувство жалости к его недугам и неустанным заботам о жене и детях.

«Вчера он у меня был, и сидел долго, я его ласкою доволен», — писал Василий Львович 26 марта 1829 года П. А. Вяземскому^[638]. Ему, дяде, перед поездкой на Кавказ племянник жаловался на свое здоровье, говорил, что стареет. А как радовался Василий Львович, узнав о предстоящей женитьбе Александра. «Александр женится, — сообщал он П. А. Вяземскому в день своего рождения 27 апреля 1830 года. — Он околдован, очарован и огончарован (очарован и огончарован — это шутка Льва Сергеевича, другого племянника, и эта шутка дяде была известна. — Н. М.). Невеста его, сказывают, милая и прекрасная. Эта свадьба меня радует и должна утешить брата моего и невестку» (286).

В мае 1830 года П. А. Вяземский получил из Москвы и другое письмо — от А. С. Пушкина:

«Дядя Василий Львович также плакал, узнав о моей помолвке. Он собирается на свадьбу подарить нам стихи». Однако этот стихотворный подарок племянник получил раньше, чем ожидал. Он был обязан этим одному из эпизодов журнальной полемики, в которой дядя, старый полемист, решил принять участие.

26 мая 1830 года в 30-м номере «Литературной газеты» было напечатано послание А. С. Пушкина «К вельможе» под названием «Послание к К. Н. Б. Ю***». К. Н. Б. Ю*** — это князь Николай Борисович Юсупов. Дядя и племянник не раз бывали в его знаменитом подмосковном имении Архангельское.

Ступив за твой порог,
Я вдруг переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры и картины,
И стройные сады свидетельствуют мне,

Что благосклонствуешь ты музам в тишине... (III, 219).

В. Г. Белинский не случайно считал послание «К вельможе» одним из лучших созданий пушкинского гения. В его герое — собеседнике Вольтера и Дидро, ценителе литературы и искусства, всех радостей бытия — критик увидел «изображение целой эпохи» «через контраст» с современностью. Но современники этот замысел не поняли. В мае 1830 года в 10-м номере «Нового живописца» — сатирического приложения к «Московскому телеграфу» — появился написанный Н. А. Полевым фельетон «Утро в кабинете знатного барина». Секретарь Подлецов вручает князю Беззубову (в нем тотчас же все узнали князя Н. Б. Юсупова) печатный листок со стихами:

«Князь (взглянув). Как! Стихи мне? А! это того стихотворца. Что он врет там?

Подлецов. Да, что-то много. Стихотворец хвалит вас; говорит, что вы мудрец: умеете наслаждаться жизнью, покровительствуете искусствам, ездили в какую-то землю только за тем, чтобы взглянуть на хорошеньких женщин; что вы пили кофе с Вольтером и играли в шашки с каким-то Бомарше...

Князь. Нет? Так он недаром у меня обедал» ^[639].

Князь Беззубов приказывает перевести стихотворение на французский, а стихотворца приглашать обедать еще, только обходиться с ним не слишком вежливо: «ведь эти люди забывчивы, их надобно держать в черном теле».

Фельетон наделал много шума. Князь Н. Б. Юсупов жаловался генерал-губернатору Москвы князю Д. В. Голицыну. Н. А. Полевому сделали выговор. Цензора С. Н. Глинку, пропустившего фельетон,

отстранили от должности. Перепечатку фельетона запретили. По Москве между тем поползли слухи: говорили, что князь Н. Б. Юсупов велел побить Н. А. Полевого палками. Пушкина же обвиняли в низкопоклонстве.

Василий Львович был полон возмущения. «От Полевого житья нет, — писал он 28 июня 1830 года П. А. Вяземскому. — Читал ли ты Утро в кабинете Знатного Барина? Князь Юсупов обруган, да и племяннику моему достается от злого и бранчливого журналиста. Его проучить должно не эпиграммами, а чем-нибудь другим. Он обещается выдать нам несколько томов своей истории в непродолжительном времени. Это будет пожива для Литературной газеты, которую я читаю с большим удовольствием» (288).

Василий Львович не стал дожидаться критики на Н. А. Полевого в «Литературной газете». Он написал послание «А. С. Пушкину», в котором сам защищал племянника от нападок «злого и бранчливого журналиста»:

Послание твое к вельможе есть пример.
Что не забыт тобой затейливый Вольтер.
Ты остроумие и вкус его имеешь
И нравиться во всем читателю умеешь.
<...>
Пустые критики достоинств не умалят;
Жуковский, Дмитриев тебя и чтут, и хвалят;
Крылов и Вяземский в числе твоих друзей;
Пиши и утешай их музою своей,
Наказывай глупцов, не говоря ни слова,
Печатай им назло скорее Годунова (63).

Старый поэт подвергал осмеянию притязания Н. А. Полевого, «журналиста сухого», на роли великого

историка Нибура и великого романиста Вальтера Скотта. А затем он прерывал свою критику:

Но полно! Что тебе парнасские пигмеи,
Нелепая их брань, придирки и затеи!
Счастливицу некогда смеяться даже им.
Благодаря судьбу, ты любишь и любим (63–64).

Дядя сулил счастье племяннику в предстоящем браке и заканчивал послание наставлением:

Блаженствуй! Но в часы свободы, вдохновенья
Беседуй с музами, пиши стихотворенья,
Словесность русскую, язык обогащай
И вечно с миртами ты лавры съединяй! (64).

Племянник получил от дяди этот поэтический подарок с трогательной припиской: «Шлю тебе мое послание с только что внесенными исправлениями. Скажи мне, дорогой Александр, доволен ли ты им? Я хочу, чтобы это послание было достойно посвящения такому прекрасному поэту, как ты, — на зло дуракам и завистникам» (оригинал по-французски) (XIV, 102,413).

Послание «А. С. Пушкину» было последним стихотворением Василия Львовича. 20 августа 1830 года его не стало.

ЭПИЛОГ

Река времен в своем теченьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей;
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы.
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы...

1830 Болдино ноября 26 [\[640\]](#).

Последние стихи Г. Р. Державина А. С. Пушкин записал в альбом нижегородского помещика Д. А. Остафьева чуть больше трех месяцев спустя после похорон дяди. В альбоме он нашел много автографов Василия Львовича: «Послание к Д. В. Дашкову», французские куплеты на взятие Парижа, басни, стихотворение «Завещание Киприды»... Река времен уносила дядю-поэта в вечность, но как же забыть его? Болдинские рукописи и рисунки А. С. Пушкина сохранили воспоминания о нем.

В «Евгении Онегине» в великосветской гостиной Татьяны-княгини появляется:

.... в душистых сединах
Старик, по старому шутивший:
Отменно тонко и умно,
Что нынче несколько смешно (VI, 176).

Уж не Василий ли Львович? Среди рисунков к «Гробовщику» — знакомый профиль: это он, дядюшка,

теперь уже покойный дядя. В «Истории села Горюхина» Белкин переписывает «Опасного соседа», чтобы приобрести некоторый навык к стихам... А. С. Пушкин сообщал из Болдина П. А. Плетневу:

«Около меня Колера Морбус. Знаешь ли, что это за зверь? того и гляди, что забежит он и в Болдино, да всех нас перекусает — того и гляди, что к дяде Василью отправлюсь, а ты и пиши мою биографию. Бедный дядя Василий! знаешь ли его последние слова? приезжаю к нему, нахожу его в забытии, очнувшись, он узнал меня, погоревал, потом, помолчав: *как скучны статьи Катенина!* и более ни слова. Каково? вот что значит умереть честным воином, на щите, *le cri de guerre a la bouche*^[641]!»

Кончину Василия Львовича предчувствовала Ольга Сергеевна. Она проводила лето с родителями в Михайловском. Однажды ей приснился сон:

«...ей пригрезилось, будто бы Василий Львович появился перед нею в костюме адепта одной из находившихся прежде в Москве лож вольных каменщиков... одетый в белую мантию с вышитыми масонскими символическими изображениями. Василий Львович — вернее, его призрак — держал в правой руке зажженный светильник, а в левой — человеческий череп.

— Ольга, — сказал призрак, — я пришел тебе объявить большую радость. Меня ожидает в среду, двадцатого августа, невыразимое счастье. Посмотри на белую мантию: знак награды за мою беспорочную жизнь; посмотри на зажженный в правой руке светильник — знак, что всегда следую свету разума; посмотри и на этот череп — знак, что помню общий конец и разрушение плоти. — На вопрос же племянницы, какое ожидает его счастье, призрак, исчезая, ответил: „ни болезни, ни печали“, и ответил,

как ей показалось, особенно громко, отчего она проснулась и долго не могла опомниться под влиянием противоположных чувств: скорби, страха и радости.

Не прошло трех недель после описанного сновидения, как Василий Львович Пушкин отошел в вечность, именно в среду 20 августа 1830 года»^[642].

В этот день, 20 августа, у постели умирающего были А. С. Пушкин, П. А. Вяземский и всё семейство Сонцовых. В третьем часу пополудни всё было кончено. В восемь часов вечера П. А. Вяземский писал из Москвы жене в Остафьево:

«Не на радость приехал я в Москву. Я приехал быть свидетелем кончины бедного Василия Львовича. Он умер сегодня в два часа с чем-то, в самое то время, как читали ему молитвы и соборовали его маслом. Со вчерашнего дня он был уже очень плох. Я приехал к нему сегодня часов в одиннадцать. Он имел смертную хрипоту, лицо было бесстрадательно и бесчувственно, но он был еще в памяти и узнал меня, но равнодушно. На вопрос Анны Николаевны: рад ли он меня видеть, отвечал он слабо, но довольно внятно: очень рад. Едва ли это были не последние слова его. За час до смерти протянул он мне руку свою, уже холодную, но в лице не было ни малейшего выражения. Вообще смерть его была очень тиха. Пушкин (Александр. — *Н. М.*) был тут во все время, благопристойен и тронут. Жалки, очень жалки Анна Николаевна и Маргарита. Дай Бог нам устроить как-нибудь их будущее. Ты за меня не беспокойся. Нервы мои были сегодня благоразумны. В субботу погребение. Следовательно, прежде субботы вечером никак быть не могу»^[643].

На следующий день, 21 августа, А. Я. Булгаков писал из Москвы в Петербург брату К. Я. Булгакову:

«Пожалей о бедном В. Л. Пушкине, он скончался вчера у Вяземского и племянника-поэта на руках, после

двухдневной болезни: паралич в мозгу. Однако же он Вяземского узнал и подал ему руку. Добрый был человек! Что говорил о пеночках, горлицах и ручейках, умрет с ним; но его Сосед Буянов останется памятником дарований его стихотворных.

Оставил он детей побочных, только не знаю, успели ли он что сделать для них»^[644].

В августе П. А. Вяземский писал В. А. Жуковскому в Петербург:

«Бедный наш Василий Львович! Он умер при мне. Последними словами его племяннику Александру, накануне смерти были: „Как скучен Катенин“, которого он перед тем читал в Литературной газете. Это славно: это значит умереть под ружьем. Что-то мы скажем с тобой в смертный час?»^[645]

А. С. Пушкин взял на себя хлопоты и расходы по похоронам дяди. Только за могилу на кладбище Донского монастыря ему пришлось заплатить 620 рублей. Вместе с братом А. С. Пушкин рассылал траурные билеты:

«Александр Сергеевич и Лев Сергеевич Пушкины с душевным прискорбием извещают о кончине дяди своего Василия Львовича Пушкина, последовавшей сего Августа 20 дня в два часа пополудни; и покорнейше просят пожаловать на вынос и отпевание тела, сего Августа 23 дня в приходе Св. Великомученика Никиты, что в Старой Басманной в 10 часов утра; а погребение тела будет в Донском монастыре»^[646].

25 августа, уже после похорон, П. А. Вяземский сделал запись в своей записной книжке, где еще раз рассказал о кончине Василия Львовича, и в этом рассказе, в отличие от его письма Вере Федоровне, написанном 20 августа в самый день смерти В. Л. Пушкина, появились некоторые новые

подробности, которые Петр Андреевич хотел сохранить в памяти:

«Испустил он дух спокойно и безболезненно, во время чтения молитвы при соборовании маслом. Обряда не кончили, помазали только два раза.

Накануне был уже он совсем изнемогающий, но, увидев Александра, племянника, сказал ему: „Как скучен Катенин!“ Перед этим читал он его в Литературной Газете. Пушкин говорит, что он при этих словах и вышел из комнаты, чтобы дать дяде умереть исторически. Пушкин был, однако же, очень тронут этим зрелищем и во все время вел себя как нельзя приличнее. На погребении его была депутация всей литературы, всех школ, всех партий: Полевые, Шаликов, Погодин, Языков, Дмитриев и Лже-Дмитриев (М. А. Дмитриев. — Н. М.), Снегирев. Никиты Мученика протопоп в надгробном слове упомянул о занятиях его по словесности и вообще говорил просто, но пристойно»^[647].

А. С. Пушкин позаботился о том, чтобы Прасковья Александровна Осипова подготовила Сергея Львовича, который вместе с Надеждой Осиповной и Ольгой Сергеевной жил в Михайловском, к известию о кончине его брата и друга и его здоровье и ослабленные нервы не очень пострадали. Сам Александр вместе со Львом шел за гробом дяди и был очень мрачен — в небытие уходила счастливая пора его жизни — его московское детство и лицейская юность, лучшие годы, согретые любовью и заботой дяди.

В Донском монастыре были похоронены родные Василия Львовича — его отец и мать, сестра Анна. В Донском монастыре в торжественном покое лежали в могилах собратья по перу — В. И. Майков, А. П. Сумароков, М. М. Херасков... В. Л. Пушкина похоронили рядом с сестрой. Над его могилой

воздвигли гранитный памятник. В надписях на памятнике сказано:

«Под сим камнем погребено тело Коллежского Ассессора Василия Львовича Пушкина, скончавшегося 1830 года Августа 20 дня, жития его было 63 года и пять месяцев.

Душа его теперь покойна и радостна, ибо получив отпущение вины своей, освобождение от наказания и владычества греха. Псал. CXIV. 7 и 8. CXIV. 7. Римл. М».

Ошибка в надписи: жития ему было не 63, а 64 года.

«Литературная газета», «Московские ведомости», «Дамский журнал», «Галатей» напечатали некрологи. Музы оплакивали смерть стихотворца, друзья — кончину доброго друга, гостеприимного хозяина, веселого собеседника. Конечно, был не забыт «Опасный сосед»: «...превосходное творение нашего Поэта: это Опасный сосед, стихотворение нигде не напечатанное, а всем известное, получившее народность. Опасный сосед неподражаем: это Гогартов оригинал, с которого снять копию невозможно!»^[648]

И о благодетельном влиянии поэта-дяди на поэта-племянника было сказано:

«...сам родной его племянник именитый А. С. Пушкин первыми поощрениями и одобрениями в занятиях словесностью исключительно обязан доброму и благородному своему дяде. Когда еще никто не знал Александра Сергеевича и когда первые опыты его поэзии начали только появляться в Российском Музеуме, журнале, издаваемом тогда В. В. Измайловым, поэт наш говаривал нам неоднократно: посмотрите что будет из Александра!...»^[649]

Вот и всё? Нет...

Спустя год после смерти Василия Львовича А. С. Пушкин писал П. А. Вяземскому из Царского Села:

«20 августа, день смерти Василия Львовича, здешние Арзамасцы поминали своего старосту вотрушками, в кои воткнуто было по лавровому листу. Светлана произнесла надгробное слово, в коем с особенным чувством вспоминала она обряд принятия его в Арзамас» (XIV, 217).

В 1834 году П. И. Шаликов издал «Записки в стихах Василья Львовича Пушкина». В бумагах А. С. Пушкина сохранился счет из книжного магазина А. Ф. Смирдана: в нем указано, что 5 мая 1834 года он взял эту книгу в магазине и должен был уплатить за нее четыре рубля.

В 1850 году, когда на свете уже не было не только поэта-дяди, но и поэта-племянника, П. А. Вяземский с женой приехали в Иерусалим. На Голгофе они заказали панихиду за упокой родных и друзей, в том числе А. С. Пушкина и В. Л. Пушкина.

В 1855 году, спустя четверть века, С. Д. Полторацкий выполнил просьбу Василия Львовича — издал в Лейпциге «Опасного соседа», назвав поэму в предисловии к изданию шедевром, совершенством в своем роде.

Сегодня мы утешаем себя тем, что поэт не умирает. Поэт, сколько бы ни прошло лет и веков, живет в своих творениях. В заветной лире Василия Львовича Пушкина пережившая его прах душа — добрая и веселая...

Я, право, добр! и всей душою
Готов обнять, любить весь свет!..

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Митрополит Платон (Левшин)

***Храм Живоначальной Троицы в Москве.
Современный вид.***

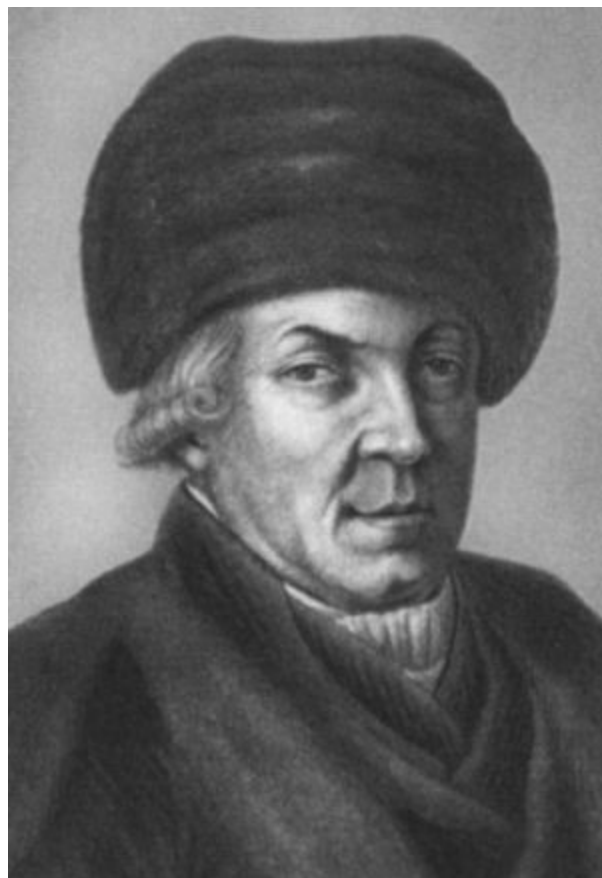
Герб рода Пушкиных. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 г. 1880. Часть 5-я. С. 18

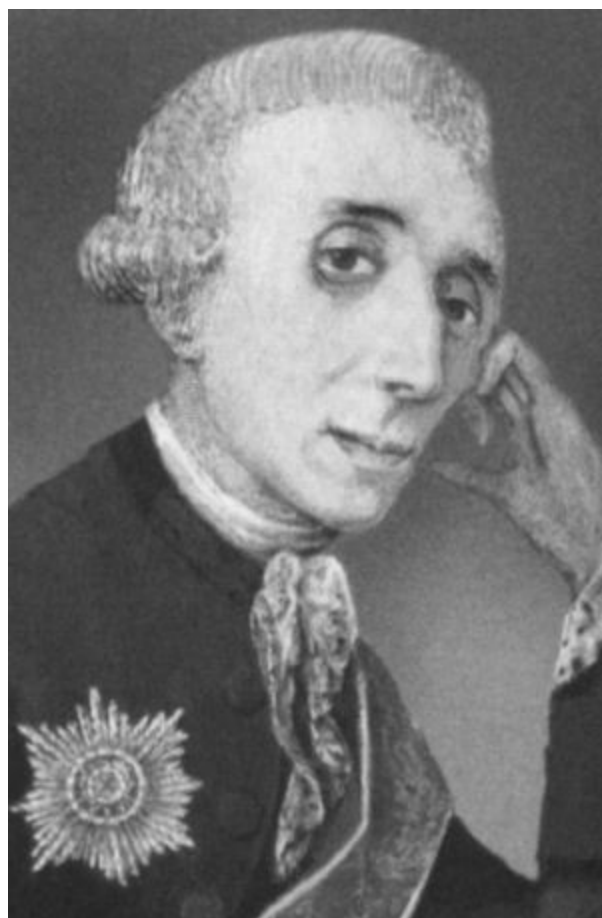
***Сергей Львович Пушкин. К. К. Гампельн. 1824.
Бумага, итальянский карандаш***

***Александр Пушкин — ребенок. Ксавье де Местр
(?). 1801-1802. Металлическая пластина, масло***

***Гавриил Романович Державин. И. Колосов с
оригинала Е. (Н. И.) Тончи. 1801. Гравюра***

Михаил Матвеевич Херасков. Неизвестный художник. 1813. Кость, акварель, гуашь

Вид Воспитательного дома с частью набережной и Кремля. А. Афанасьев. 1825. Гравюра, акварель

Николай Михайлович Карамзин. Неизвестный художник с оригинала Ф. Кюнеля. 1811. Гравюра резцом

***Иван Иванович Дмитриев. В. Погонкин с рисунка
Е. Тончи. 1823. Литография***

***Москва. Старая площадь. Д. Лафонд с оригинала
Ж. Делабарта. 1801. Гравюра на меди, акватинта,
акварель***

***Елизавета Петровна Янькова, в замужестве
Благово. Неизвестный художник (Г. Озеров?).
1794. Холст, масло***

***Вид Пашкова дома на Моховой. А. Афанасьев.
1825. Гравюра, акварель***

Наталья Петровна Голицына. Неизвестный художник с оригинала Ш. Митуара. Начало XIX в. Холст, масло

Николай Борисович Юсупов. Е. Скотников по собственному рисунку. 1817. Гравюра резцом

Марья Ивановна Римская-Корсакова. Неизвестный художник. 1810-е гг.

***Вид Варварской улицы и часть Гостиного двора.
А. Афанасьев. 1825. Гравюра, акварель***

Петр Андреевич Вяземский. Неизвестный художник. Начало 1820-х гг. Литография

Вера Федоровна Гагарина, в замужестве Вяземская. А. Молинари. Конец, 1800-х гг. Кость, акварель, гуашь

***Остафьево. И. Е. Вивьен де Шатобриан. 1817.
Акварель***

**Александр Яковлевич Булгаков. А. Афанасьев.
1810-е гг. Гравюра**

**Филипп Филиппович Вигель. Неизвестный
художник. 1839. Акварель, гуашь**

Марфино Московской губернии. Л. Бишбуа. 1840-е гг. Литография

**Жак Делиль. И- Ф. Болът с оригинала А. Пюжо.
1826. Гравюра**

**Жак-Анри Бернанден де Сен-Пьер. Хопвуд. 1830-е
гг. Гравюра**

***Стефани Фелисите Дюкре де Сент-Обен Жанлис.
Ваксман. 1820-е гг. Гравюра***

Жанна Франсуаза Бернар Рекамье. Неизвестный художник с оригинала Ф. Жерара. Акварель

***Бонапарт, Первый консул. Ж. С. Бендорп. 1801.
Гравюра***

**Париж. Вход в сад Тюильри со стороны Елисейских
Полей. Неизвестный художник. Конец XVIII в.
Офорт.**

**Франсуа-Жозеф Тальма. Неизвестный художник.
1800-е гг. Раскрашенная гравюра**

Катрин-Жозефин-Рафен Дюшенуа. Демолле. 1820-е гг. Литография

За кулисами оперного театра. Неизвестный художник. 1800-е гг. Раскрашенная гравюра

Модные картинки. Мужской

и женский костюмы. Неизвестный художник. 1800-е гг. Раскрашенные гравюры

Примерка жабо. Неизвестный художник. Гравюра, акварель

***Эварист Дезире Парни. Неизвестный художник.
1820-е гг. Гравюра***

Акварель из альбома 1810-х годов

Модные картинки. 1820-е гг. Раскрашенные гравюры

***Модные картинки. 1820-е гг. Раскрашенные
гравюры***

История блудного сына. Распутство. Неизвестный художник. 1820-е гг. Раскрашенная гравюра

***Василий Львович Пушкин. Неизвестный художник.
1800-е гг. Силуэт***

***Василий Львович Пушкин. С. Галактионов с
физионотраса Э. Кенеди. Гравюра резцом и
пунктиром***

***Александр Семенович Шишков. Н. И. Уткин. 1832.
Гравюра***

***Александр Александрович Шаховской.
Неизвестный художник. 1825. Гравюра***

***Вид на Мойку в летнюю ночь. М. Дюбург. 1812.
Акватинта***

***Александр Иванович Тургенев. Вивьерон с
оригинала К. Брюллова. 1830. Литография***

***Царское Село. Садовая улица и здание Лицея.
А. Е. Мартынов. 1821-1822. Литография,
раскрашенная акварелью***

Александр Пушкин. Е. Гейтман. 1822. Гравюра

***Петр Иванович Шаликов. Неизвестный художник.
1820-е гг. Акварель***

Федор Васильевич Ростопчин. Неизвестный художник. 1810-е гг. Гравюра

Пожар Москвы в 1812 году. Неизвестный художник. 1810-е гг. Гравюра на меди, раскрашенная акварелью

Василий Андреевич Жуковский. Ф. Вендрамини с оригинала О. А. Кипренского. 1817. Гравюра

Константин Николаевич Батюшков. И. Ческий с оригинала О. А. Кипренского. 1821-1822. Гравюра

***Вид Собакиной башни и здания приказа после
пожара и взрыва в 1812 году. Ж. М. Риддер. 1814.
Тушь***

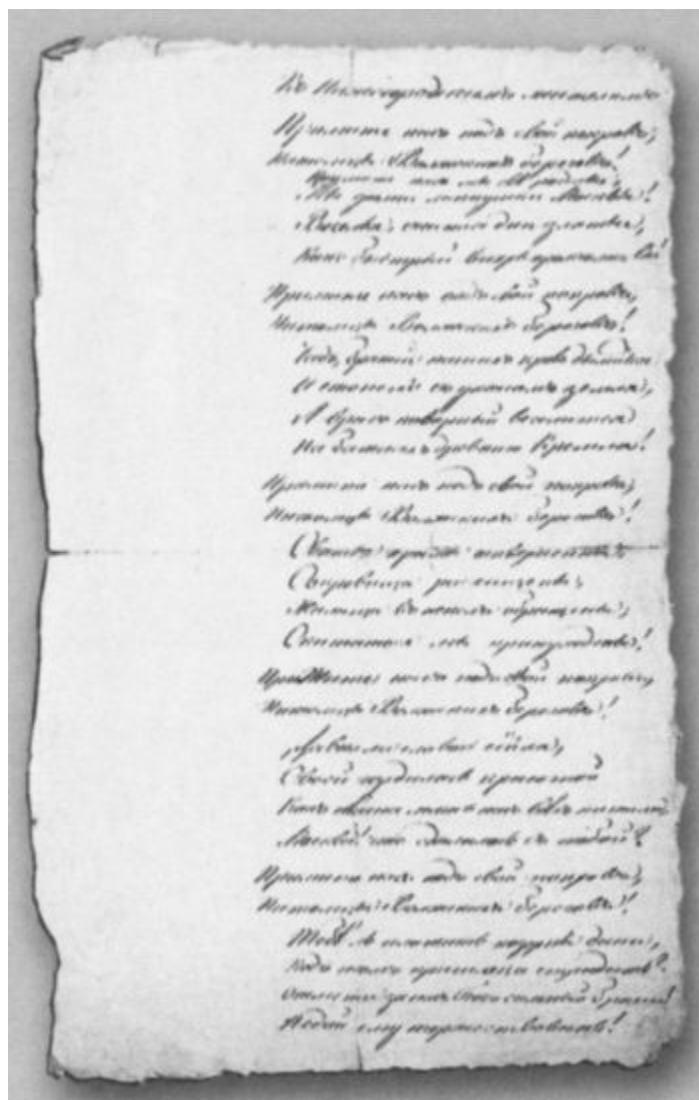
***Император Александр I. А. П. Рокштуль. 1817.
Бристольский картон, акварель, белила***

Михаил Илларионович Кутузов. Ф. Вендрамини с оригинала О. Сент-Обена. 1813. Гравюра пунктиром

**Бородинское сражение. С. Карделли с оригинала
Д. Скотти. 1814**

**Автограф стихотворения «К нижегородским
жителям» В. Л. Пушкина. 1812**

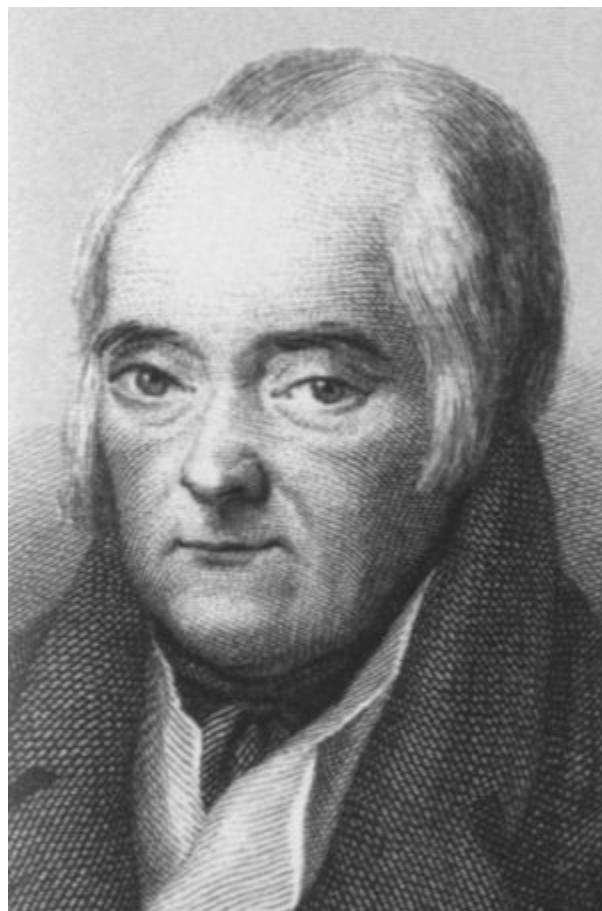
***Нижний Новгород. А. Е. Мартынов. 1819. Офорт,
мягкий лак, акварель***

***Прощание русского офицера с парижанкой.
П. Дюбикур с оригинала К. Верне. 1810-е гг.
Раскрашенная гравюра***

***Вступление союзных войск в Париж 19 марта 1814
года. Ф. де Малек. 1815. Картон, акварель,
белила, лак***

***Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий.
А. Тайхель. 1867. Гравюра***

***Алексей Федорович Малиновский. А. А. Фролов.
1820-е гг. Гравюра***

Кузнецкий мост. О. Кадаль. 1825. Литография

Москва. Вид Петровского театра и его окрестностей. А. Афанасьев. 1825. Гравюра

***Анжелика Каталани. Ланцетелли. 1820-е гг.
Литография***

Екатерина Семеновна Семенова. Неизвестный художник с оригинала О. А. Кипренского. 1810-1820-е гг. Гравюра

Алексей Федорович Мерзляков. Неизвестный художник. 1800-е гг. Кость, акварель, гуашь

***Михаил Трофимович Каченовский. Г. И. Грачев.
1887. Гравюра на дереве***

***Московский Императорский университет.
А. Афанасьев. 1825. Гравюра, акварель***

***Антон Антонович Дельвиг. П. Ф. Борель с
оригинала В. П. Лангера 1829 г. Литография. 1860-
е гг.***

***Дмитрий Владимирович Веневитинов.
П. Ф. Соколов. 1827. Акварель***

**Щеголь на дрожках. А. О. Орловский. 1825.
Литография**

**Василий Львович Пушкин, Елизавета Львовна и
Матвей Михайлович Сонцовы на Тверском
бульваре. Рисунок К. Н. Батюшкова. 1817**

Тверской бульвар. О. Кадель. 1825. Литография

***Александр Сергеевич Пушкин. Н. И. Уткин. 1827.
Гравюра***

Адам Мицкевич. Бонью. 1841. Литография

Старая Басманная, 36

Василий Львович. Рисунки А. С. Пушкина. 1826

Могила В. Л. Пушкина на кладбище Донского монастыря

СТИХОТВОРЕНІЯ

ВАСИЛІЯ ПУШКИНА.

Въ Знакъ искренней
почтальи и преданно
Сочинителя

**Автограф В. Л. Пушкина на книге «Стихотворения
Василия Пушкина» (СПб., 1822)**

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА В. Л. ПУШКИНА

1766, 27 апреля — в Москве, в семье отставного артиллерии подполковника Льва Александровича Пушкина и его жены Ольги Васильевны, урожденной Чичериной, родился второй (после дочери Анны) ребенок — сын Василий.

1767, 23 мая — родился брат Сергей.

1773 — братья Пушкины записаны в военную службу.

1774, 13 августа — родилась сестра Елизавета.

1790, 24 октября — смерть отца.

1791 — сержанты лейб-гвардии Измайловского полка братья Пушкины указом Екатерины II пожалованы в прапорщики. Явились на действительную военную службу в Петербург.

1793 — первая публикация в журнале «Санкт-Петербургский Меркурий» — стихотворение «К камину».

1795, 15 июля — женитьба в Москве на Капитолине Михайловне Вышеславцевой.

1796 — выход в отставку в чине поручика, переезд в Москву.

1797 — отставной поручик В. Л. Пушкин пожалован чином коллежского асессора.

1799, 26 мая — в Москве родился племянник В. Л. Пушкина — Александр. 1802, 24 января — смерть матери.

13 августа — жена В. Л. Пушкина подала прошение о разводе.

1803-1804 — заграничное путешествие, пребывание в Германии, Франции, Англии.

1803 — публикация в Париже в журнале «Mercure de France» переводов на французский язык четырех

русских народных песен.

1806, 22 июня — развод с женой.

1810 — рождение дочери Маргариты от Анны Николаевны Ворожейкиной. Вступление в петербургскую масонскую ложу «Соединенных друзей».

1811 — создание поэмы «Опасный сосед».

Первое издание «Опасного соседа» в Петербурге.

Выход в свет в Петербурге «Двух посланий Василия Пушкина» («К В. А. Жуковскому» и «К Д. В. Дашкову»).

Участие в качестве учредителя в создании Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. Вступление в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств в Петербурге.

Вступление в петербургскую масонскую ложу «Елизаветы к добродетели».

1812 — рождение сына Льва от А. Н. Ворожейкиной.

Бегство с семьей из Москвы в Нижний Новгород перед вступлением наполеоновских войск в Первопрестольную.

1813 — публикация в «Сыне Отечества» послания «К жителям Нижнего Новгорода».

Поездка в родовое имение Болдино Лукояновского уезда Нижегородской губернии, возвращение в Нижний Новгород, а затем в Москву.

1815 — литографированное издание «Опасного соседа» в Мюнхене.

1816 — вступление в Петербурге в литературное общество «Арзамас», избрание старостой «Арзамаса».

1817 — участие в основании московской масонской ложи «Ищущие манны».

1818 — член петербургской масонской ложи «Капитул Феникса».

1821 — публикация в «Сыне Отечества» «Письма к В. Л. Пушкину» («Тебе, о Нестор Арзамаса») А. С. Пушкина.

1822 — выход в свет в Петербурге книги «Стихотворения Василия Пушкина».

1826, 8 сентября — возвращение А. С. Пушкина в Москву из Михайловской ссылки; после аудиенции у Николая I племянник приезжает к дяде в дом на Старой Басманной.

1829 — публикация послания «К А. С. Пушкину» в «Московском телеграфе».

Публикация первой и второй глав незавершенной поэмы «Капитан Храбров» в альманахах «Подснежник» и «Северные цветы».

1830 — публикация третьей и четвертой глав «Капитана Храброва» в альманахах «Радуга» и «Денница».

Послание «А. С. Пушкину» («Племянник и поэт! Позволь, чтоб дядя твой...»).

20 августа — кончина В. Л. Пушкина.

23 августа — погребение на кладбище Донского монастыря.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Основные издания сочинений и писем В. Л. Пушкина

Стихотворения Василия Пушкина. СПб., 1822.

Записки в стихах Василья Львовича Пушкина. М., 1834.

Сочинения / Изд. А. Ф. Смирдина. СПб., 1855.

Сочинения / Изд. подг. В. И. Саитов. СПб., 1893.

Стихи. Проза. Письма / Сост., вступ. ст. и коммент. Н. И. Михайловой. М., 1989.

Стихотворения / Сост., вступ. ст. и коммент. С. И. Панова. СПб., 2005.

Письма П. А. Вяземскому // Пушкин: исследования и материалы. Вып. 11. Л., 1983 (публикация Н. И. Михайловой) // Ново-Басманная, 19. М., 1990 (публикация С. И. Панова).

Письма А. И. Тургеневу // Российский архив. Т. 2-3. М., 1992 (публикация Е. М. Юхименко).

Литература о В. Л. Пушкине

Винницкий И. Ю. Масонская карьера В. Л. Пушкина // Лотмановский сборник. Вып. 2. М., 1997.

Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974.

Кунин В. В. Друзья Пушкина. В 2 т. М., 1984. Т. 1.

Михайлова Н. И. «Парнасский мой отец». М., 1983.

Михайлова Н. И. Поэма Василия Львовича Пушкина «Опасный сосед». Очерки о дяде и племяннике, Буянове и Онегине, «Арзамасе» и «Беседе» et cetera. М., 2005; 2-е изд. // Пушкин В. Л. Опасный сосед. СПб., 2011.

Михайлова Н. И. «Друзья! сестрицы! я в Париже!»: Василий Львович Пушкин и Франция // Санкт-Петербург — Франция: Наука. Культура. Политика. СПб., 2010.

Михайлова Н. И. Пушкин Василий Львович // Московская энциклопедия. Т. 1: Лица Москвы. М., 2010.

Михайлова Н. И. Пушкин Василий Львович // Лицейская энциклопедия. Императорский Царскосельский Лицей (1811–1843). СПб., 2010.

Москвич Василий Львович Пушкин: альбом / Сост. Н. И. Михайлова, Ф. Ш. Рысина. М., 2006.

Панов С. И. Стихотворец со Старой Басманной // Ново-Басманная, 19. М., 1990.

Панов С. И. В. Л. Пушкин // Памятные книжные даты. 1991. М., 1991.

Панов С. И. Пушкин Василий Львович // Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь. Т. 5. М., 2007.

Тормозова Л. И. Улица Карла Маркса, 36. М., 1988.

notes

Примечания

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений В 17 т. М.; Л., 1935–1957. Т. 6. 1937. С. 81. В последующем ссылки на произведения и письма А. С. Пушкина, а также на письма А. С. Пушкину даются в тексте в скобках с указанием тома (римской цифрой) и страницы (арабской) данного издания.

Вяземский П. А. Стихотворения. М.; Л., 1962. С. 189.

Сочинения К. Н. Батюшкова. Т. 1-3. СПб., 1885-1887.
Т. 3. 1886. С. 433.

Цит. по: Александр Сергеевич Пушкин: документы к биографии. 1799–1829. СПб., 2007. С. 22.

Веселовский С. Б. Род и предки А. С. Пушкина в истории // Род и предки А. С. Пушкина. М., 1995. С. 16.

6

Там же. С. 23.

Александр Сергеевич Пушкин: документы к
биографии. 1799–1829. С. 40.

Там же. С. 25-27.

Там же. С. 28.

Там же. С. 29.

11

Там же.

См.: *Телетова Н. К.* Забытые родственные связи
А. С. Пушкина. 2-е изд. СПб., 2007. С. 16.

Цит. по: *Левина Ю. И.* «Прадед мой Пушкин» (из автобиографических записок) // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 13. Л., 1989. С. 261.

Там же. С. 259.

Цит. по: Романюк С. К. В поисках пушкинской
Москвы. М., 2000. С. 14-15.

См.: Левина Ю. И. «Прадед мой Пушкин» (из автобиографических записок). С. 265.

Цит. по: Романюк С. К. В поисках пушкинской
Москвы. С. 21.

Там же. С. 15.

Там же.

Там же. С. 25.

Там же.

Семейные бумаги: из архива Пушкина //Летописи
ГЛМ. Кн. 1. М., 1936. С. 247-248.

Московские ведомости. 1766. № 34. С. 1.

Там же. С. 3.

Пушкин В. Л. Стихотворения. СПб., 2005. С. 37–38. В последующем все стихотворные тексты, за исключением особо оговоренных, цитируются по этому изданию с указанием в тексте в скобках страницы.

Московские ведомости. 1766. № 34. С. 2.

Там же.

Там же.

Там же. С. 1.

30

Там же.

Пушкин В. Стихи. Проза. Письма. М., 1989. С. 263. В последующем все прозаические тексты, за исключением особо оговоренных, цитируются по этому изданию с указанием в тексте в скобках страницы.

Московские ведомости. 1766. № 34. С. 2.

Там же. С. 4.

Там же. С. 3.

Там же. С. 4.

Там же. С. 3.

См.: *Вегнер М. О.* Предки Пушкина // Род и предки А. С. Пушкина. М., 1995. С. 201.

Цит. по: *Левина Ю. И.* «Прадед мой Пушкин» (из автобиографических записок). С. 263.

Карамзин Н. М. Сочинения. В 2 т. Л., 1984. Т. 1. С. 586.

40

Там же.

См.: *Пыляев М. И.* Старая Москва. М., 2000. С. 572.

Там же. С. 31.

Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 28-29.

Там же. С. 22.

Там же.

Современник. 1840. Т. 19. С. 102.

Там же.

Там же.

Там же.

Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. С. 145.

Филимонов В. С. «Я не в Аркадии — в Москве рожден...»: Поэмы. Стихотворения. Басни. Переводы. Материалы к биографии В. С. Филимонова. М., 1988. С. 209.

Поэты начала XIX века. Л., 1981. С. 142.

См.: *Пыляев М. И.* Старая Москва. С. 89.

Цит. по: Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Из пушкинских маргиналий (пометы на книге Вяземского о Фонвизине) // Прометей. № 10. М., 1974. С. 118.

Дмитриев И. И. Сочинения. М., 1986. С. 302.

Карамзин Н. М., Дмитриев И. И. Избранные
стихотворения. Л., 1953. С. 61.

Там же. С. 64.

Вигель Ф. Ф. Записки. В 2 т. М., 1928. Т. 1. С. 132.

РГВИА. Ф. 2577. Оп. 2. Д. 336. Л. 6. Указано
И. А. Ганичевым.

А. С. Пушкин: московские страницы биографии. М., 2000. С. 24.

61

Там же.

Там же. С. 25.

См.: Там же.

Московские ведомости. 1791. 22 января. С. 96.

Духовная тайного советника и Астраханского губернатора Василия Никитича Татищева, сочиненная в 1733 году сыну его Евграфу Васильевичу. Печатана в Санктпетербурге 1777 года. С 27.

Энгельгардт Л. Н. Записки. 1766–1836. М., 1868. С. 69.

Полезное увеселение. 1761. Май. № 19. С. 168.

Сумароков П. И. Старый и новый быт // Москва — Петербург: pro et contra. Диалог культур в истории национального самосознания: антология. СПб., 2000. С. 163.

Там же. С. 168–169.

Державин Г. Р. Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающих в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина // Державин Г. Р. Избранная проза. М., 1984. С. 37.

См.: История лейб-гвардии Измайловского полка / Сост. капитан Н. Зноско-Боровский 1-й: репринтное воспроизведение текста изд. 1882. СПб., 2009. С. 5-22.

Сумароков П. И. Старый и новый быт. С. 164.

Комаровский Е. Ф. Записки. СПб., 1914. С. 38–39.

Цит. по: Пыляев М. И. Старый Петербург. С. 292.

РГВИА. Ф. 25. Оп... 1. Д. 188. Указано
А. П. Капитоновым.

Там же. Л. 7.

Ростопчин Ф. В. Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I // Ростопчин Ф. В. Ох, французы! М., 1992. С. 81.

Там же. С. 79-80.

Там же. С. 83.

Анненков П. В. Материалы для биографии
А. С. Пушкина. М., 1984. С. 64.

Карамзин Н. М., Дмитриев И. И. Избранные
стихотворения. С. 241.

Державин Г. Р. Стихотворения. М., 1983. С. 58.

Комаровский Е. Ф. Записки. С. 40.

А. С. Пушкин: московские страницы биографии. С. 61-62.

Комаровский Е. Ф. Записки. С. 53.

Сумароков П. И. Старый и новый быт. С. 167.

Комаровский Е. Ф. Записки. С. 42.

Энгельгардт Л. Н. Записки. 1766–1836. С. 46–47.

Сумароков П. И. Старый и новый быт. С. 167.

Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. Т. 8.
СПб., 1883. С. 505.

Вяземский П. А. Из «Старой записной книжки» // Вяземский П. А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988. С. 436.

Там же. С. 436-437.

Там же. С. 437.

Дмитриев И. И. Сочинения. С. 45–46.

Комаровский Е. Ф. Записки. С. 46.

Павлищев Л. Н. Из семейной хроники. Воспоминания об А. С. Пушкине. М., 1890. С. 38.

См.: Ndr. La nobless de Russie, par Nicolas Ikonnikov. T. 2. Paris, 1965. P. 476.

Санкт-Петербургский Меркурий. 1793. № 11. С. 109.

Вигель Ф. Ф. Записки. Т. 1. С. 302.

Вяземский П. А. Старая записная книжка. Л., 1929. С. 76.

Дмитриев И. И. Сочинения. С. 69.

Русский вестник. 1863. Т. 44. № 4. С 793–794.

Приятное и полезное препровождение времени.
1795. Ч. 6. С. 68-69.

Там же. С. 68.

Долгоруков И. М. Камин в Пензе // Поэты начала XIX века. Л., 1961. С. 117.

Долгоруков И. М. Бытие сердца моего. М., 1802. С. 168.

Приятное и полезное препровождение времени.
1794. № 66. С. 207.

Там же. 1795. № 32. С. 117.

Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. С. 338.

Приятное и полезное препровождение времени.
1795. № 56. С. 21.

Там же. С. 23.

112

Там же.

Там же. С. 25.

А. С. Пушкин: московские страницы биографии. С.
59.

Карамзин Н. М., Дмитриев И. И. Избранные
стихотворения. С. 162.

Комаровский Е. Ф. Записки. С. 53.

Цит. по: *Романюк С.К.* В поисках пушкинской
Москвы. С. 30–31.

ЦИАМ. Ф. 50. Оп... 1. Д. 478. Указано С. К.
Романюком.

См.: Александр Сергеевич Пушкин: документы к биографии. 1799–1829. С. 82–83.

Там же. С. 81.

Дмитриев И. И. Сочинения. С. 364.

Там же. С. 363.

Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 80.

Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни.
М., 1998. С. 132.

Там же. С. 133.

Грибоедов А. С. Сочинения. М., 1988. С. 106.

Дмитриев И. И. Сочинения. С. 181–182.

Там же. С. 182.

Там же.

Карамзин Н. М., Дмитриев И. И. Избранные
стихотворения. С. 57.

Вяземский П. А. Записные книжки. Л., 1963. С. 69.

Цит. по: Карамзин Н. М. Сочинения. Т. 1. С. 663.

Там же. С. 664.

Русский архив. 1894. № 12. С. 554.

Вигель Ф.Ф. Записки. Т. I. С. 133.

Там же. С. 132.

Там же. С. 133.

138

Там же.

А. С. Пушкин: московские страницы биографии. С.
32.

Братья Булгаковы. Переписка. В 3 т. М., 2010. Т. 1. С. 19.

Грибоедов А. С. Сочинения. С. 129.

Русская старина. 1903. № 3. С. 515.

Там же. С. 516.

Там же. С. 516-517.

Русский архив. 1994. № 12. С. 554-555.

Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. С. 338.

ГАРФ. Ф. 730. Оп... 1. Ед. хр. 4571. Л. 6-6 об.

Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. СПб., 1899. С. 41-42.

Вестник Европы. 1807. № 20. С. 280–281.

См.: Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. С. 283.

Стерн Лоренс. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. М., 2008. С. 657.

Карамзин Н. М. Сочинения. Т. 1. С. 56.

Там же. С. 59-60.

Там же. С. 160.

Там же. С. 161.

Там же. С. 62–63.

Пестель Б. В. Примечания о городе Риге. Цит. по: Бобылева В. «... И сердцу девы нет закона»: немецкие родственники Н. Н. Гончаровой. СПб., 2010. С. 117–118.

Там же. С. 118.

Там же. С. 120.

См.: Там же. С. 224-227.

Карамзин Н. М. Сочинения. Т. 1. С. 81.

Драматический вестник. 1808. № 71. С. 139.

Там же. С. 138.

«Проделки пажей» (нем.).

165

Отель «Милосердие» (фр.).

Карамзин Н. М. Сочинения. Т. 1. С. 304–305.

Дмитриев И. И. Сочинения. С. 248.

Московские ведомости. 1803. № 62. С. 1005.

Там же. № 67. С. 1092.

Там же. № 68. С. 1101-1102.

Там же. № 72. С. 1157-1158.

Там же. № 96. С. 1551.

Вестник Европы. 1802. № 1. С. 63–65.

День не более чист, чем глубина моего сердца (фр.).

Расин Жан. Трагедии. Л., 1977. С. 281.

Вестник Европы. 1803. № 11. С. 200.

Там же. № 18. С 106.

Там же. С. 107.

Там же. С 109.

180

Там же.

Там же. С. 110.

Там же. С. 111.

Там же. С. 113.

Там же. С. 108.

Указано Е. П. Гречаной.

Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. Т. 1.
СПб., 1878. С. 309.

См;. Дейч А. Франсуа-Жозеф Тальма. М., 1973. С. 151.

Тургенев А. И. Хроника русского: дневники (1825–1826 гг.). М., 1964. С. 363.

Journal des Dames et des Modes. 30 thermidor au 11
(17 août 1803). P. 534. Указано Е. П. Гречаной.

Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. Т. 8.
СПб., 1883. С. 138.

См.: *Степанов В. П.* Заметки о В. Л. Пушкине. 1. Автограф «Путешествия NN в Париж и Лондон» И. И. Дмитриева // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 11. Л., 1983. С. 257-258.

Бутурлин М. Д. Записки. В 2 т. М., 2006. Т. 1. С. 28.

Там же.

Крюденер Ж. Из дневника 1803 года // Крюденер Ю. Валери. М., 2000. С. 261-262.

Дмитриев И.И. Сочинения. С. 249.

196

Там же.

Московский Меркурий. Ч. 4. М., 1803. С. 71–72.

Цит. по: *Гречаная Е. П., Михайлова Н.И. Альбом
Элизабет // Наше наследие. М., 2009. № 89–90. С. 84.*

Дмитриев И. И. Сочинения. С. 250.

Карамзин Н.М. Сочинения. Т. 1. С. 430.

Дмитриев И. И. Сочинения. С. 250.

Карамзин Н. М. Сочинения. Т. 1. С 487.

203

Там же.

Там же. С. 487–488.

Там же. С. 488.

Там же. С. 489.

207

Там же.

Там же.

209

Там же.

Акройд П. Лондон: биография. М., 2005. С. 205.

Карамзин Н. М. Сочинения. Т. 1. С. 469.

Там же. С. 497.

Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1:
Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым.
СПб., 1899. С. 186–187.

Карамзин Н. М. Сочинения. Т. 1. С. 443.

Литературное наследство. Т. 9-10. М., 1933. С. 409.

Макаров П. Сочинения и переводы. М., 1805. С. 45–49.

Дмитриев И. И. Сочинения. С. 250.

Филимонов В. С. «Я не в Аркадии — в Москве рожден...»: Поэмы. Стихотворения. Басни. Переводы. Материалы к биографии В. С. Филимонова. С. 203–204.

Батюшков К. Н. Прогулка по Москве //
Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977. С. 380.

220

Там же.

Там же. С. 382.

Там же. С. 384–385.

Там же. С. 385.

Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. Т. 1. С. XXIX.

Вигель Ф. Ф. Записки. Т. 1. С. 133.

Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. Т. 8. С. 72.

Там же. С. 489.

Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. 2-е изд. М., 1869. С. 92.

См.: Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. 3-е изд. СПб., 1998. Т. 1.С. 32.

Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. Т. 1. С. XXIX.

Старина и новизна. Кн. 1. СПб., 1897. С. 25.

Жихарев С. П. Записки современника. В 2 т. Л., 1989.
Т. 1. С. 223.

Пушкин В. Л. Мысли и характеры // «Арзамас». В 2 кн. М., 1994. Кн. 2. С. 116.

Батюшков К. Н. Сочинения. СПб., 1886. Т. 3. С. 123.

Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 363.

Там же. С. 472-473.

Жихарев С. П. Записки современника. Т. 1. С. 130.

Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. С. 30–31.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1949. С. 811.

Вестник Европы. 1874. № 9. С. 538.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 13. М., 1949. С. 803.

Павлищев Л. Н. Из семейной хроники: воспоминания
об А. С. Пушкине. С. 11.

Пушкин В. Л. Мысли и характеры. С. 121.

Арсеньев В. С. Воспоминания. Дневник. Материалы семейного архива. Генеалогия рода Арсеньевых. СПб., 2005. С. 109-112.

Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 136.

Цит. по: *Винницкий И. Ю.* Масонская карьера В. Л. Пушкина // *Лотмановский сборник. Вып. 2. М., 1997. С. 181.*

Там же. С. 183.

Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 62.

Цит. по: *Винницкий И.Ю.* Масонская карьера
В. Л. Пушкина. С. 183.

250

Там же.

Анненков П. В. Материалы для биографии
А. С. Пушкина. М., 1984. С. 38.

Вяземский П. А. Старая записная книжка // Полное собрание сочинений. Т. 8. С. 157.

Карамзин Н.М. Сочинения. Т. 2. С. 229.

254

Там же.

255

Там же. С. 230.

Дмитриев И. И. Сочинения. Т. 2. С. 315.

Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни.
С. 102.

Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов. В 17 ч. СПб., 1818–1839. Ч. 5. С. 13.

Жихарев С. П. Записки современника. Т. 2. С. 84.

Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге
русского языка. СПб., 1803. С. 199.

Поэты 1790–1810-х годов. Л., 1971. С. 796.

Батюшков К. Н. Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1964. С. 101.

Шаховской А. А. Комедии. Стихотворения. Л., 1961.
С. 744.

Аглая. 1808. Ч. 1. № 2. С 64.

Батюшков К. Н. Сочинения. Т. 2. С. 137.

Архив братьев Тургеневых. Т. 2. СПб., 1911. С. 418.

Там же. Т. 1. С. 401.

Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 63.

Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 370.

Эпиграмма и сатира: из истории литературной борьбы XIX века. Т. 1. М.; Л., 1931. С. 29.

Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. Т. 10.
СПб., 1886. С. 258.

Цит. по: *Гречаная Е. П., Михайлова Н. И.* Альбом
Элизабет. С. 84.

РГИА. Ф. 777. Оп... 1. Ед. хр. 104. Л. 124.

Вигель Ф. Ф. Записки. Т. 1. С. 341.

Батюшков К. Н. Сочинения. Т. 3. С. 128.

Цит. по: Пушкин В. Л. Опасный сосед. Лейпциг, 1855.
С. 6.

Батюшков К. Н. Сочинения. Т. 3. С. 128.

Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений.
Л., 1957. С. 213.

Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем. В 20 т. Т. 1. М., 1999. С. 342.

См.: *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. С. 131.

Московский вестник. 1809. Ч. 1. С. 292.

Кантемир А. Д. Собрание стихотворений. 2-е изд. Л., 1956. С. 350.

283

Там же.

284

Там же.

См.: *Песков А. М.* Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX века. М., 1989. С. 84.

Там же. С. 147–148.

См.: Шруба М., Героними В. Либертинский источник
Опасного соседа (Василий Пушкин и Теофиль де Вио) //
Satyra w literaturach wschodniosłowiańskich. V. Białystok,
2002.

Московские ведомости. 1830. № 70. 30 августа. С. 3120.

Цит. по: *Герман М.* Уильям Хогарт и его время. Л., 1977. С. 100–101.

Вестник Европы. 1808. № 5. С. 42.

Цит. по: *Герман М.* Уильям Хогарт и его время. С. 84.

Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. Л., 1959.
С. 657.

См.: «Арзамас». Кн. 2. С. 483.

Ирои-комическая поэма. Л., 1933. С. 124.

Там же. С. 156–157.

Поэты XVIII века. Т. 1. Л., 1972. С. 165.

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. В 14 т. Т. 6.
М., 1951. С. 70.

См.: *Бродский Н. Л.* «Евгений Онегин»: роман А. С. Пушкина: Пособие для учителя. М., 1964. С. 240.

Цит. по: Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX века. М., 1990. С. 120–121.

300

Там же. С. 121.

301

Там же. С. 122.

Там же. С. 121.

Там же. С. 122-123.

Вяземский П. А. Стихотворения. М., 1978. С. 83.

Грибоедов А.С. Сочинения. С. 115.

Цит. по: Филин М.Д. Толстой-Американец. М., 2010 (серия «ЖЗЛ»). С. 144.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений. В 20 т. М., 1960. Т. 2. С. 260.

Давыдов Д. В. Стихотворения. Л., 1984. С. 76.

Цит. по: Толстой С. Л. Федор Толстой Американец.
М., 1926. С. 20-21.

См.: *Филин М. Д.* Толстой-Американец. С. 17.

Там же. С. 96.

312

Произведение безнравственное (фр.).

Русский архив. 1901. № 4. С. 89.

Там же. 1900. № 11. С. 354.

315

Там же.

Батюшков К. Н. Сочинения. Т. 3. С. 132.

Там же. С. 432.

Там же. С. 433.

Руссо Ж. Ж. Избранное. М., 1997. С. 7.

Цит. по: Масонство в прошлом и настоящем. В 2 т.
М., 1991. Т. 2. С. 16.

Цит. по: Москвич Василий Львович Пушкин. М., 2006.
С. 153.

Дмитриев И. И. Сочинения. С. 227.

См. примечания А. А. Гозенпуда в: Шаховской А. А. Комедии. Стихотворения. Л., 1961. С. 771.

Гораций. Избранная лирика. М.;Л., 1936.

Старина и новизна. 1898. Кн. 2. С. 129.

Вестник Европы. 1810. Ч. 53. № 19. С. 224.

Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи.
Л., 1979. С. 189.

Поэты 1790–1810-х годов. С. 412–413.

См.: *Анненков П. В.* Пушкин в Александровскую эпоху. Минск, 1998. С. 28.

330

Там же. С. 27.

Модзалевский Б. Л. Пушкин и его современники:
Избранные труды (1898–1928). СПб., 1999. С. 485.

Жуковский В. А. Стихотворения, баллады. Л., 1987.
С. 173.

Русская эпиграмма второй половины XVIII — начала XIX в. С. 207.

Там же. С. 263.

335

Там же. С. 210.

Московские ведомости. 1830. № 70. С. 3120.

Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. С. 91.

Вигель Ф. Ф. Записки. Т. 1. С. 341.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1979. С. 239.

Цит. по: «Арзамас». Кн. 1. С. 171–172, 516–517.

Цит. по: Летопись жизни и творчества
В. Л. Пушкина. В печати.

Бартенев П. И. О Пушкине. М., 1992. С. 68.

Старина и новизна. Кн. 22. Пг., 1917. С. 18.

344

РО ИРЛ И РАН (ПД). Ф. 244. № 44. Л. 6 об.

Поэты 1790–1810-х годов. С. 548.

346

Там же. С. 549.

«Арзамас». Кн. 1. С. 175.

См.: *Вяземский П. А.* Полное собрание сочинений. Т. 8. СПб., 1883. С. 40.

Цит. по: Поэты 1790–1810-х годов. С. 826.

См.: Михайлова Н. И. Мотивы «Элегии» Андрея Тургенева в лирике Пушкина /. Пушкинский музей. Вып. 2. СПб., 2000. С. 141-143.

Поэты 1790–1810-х годов. С. 243.

352

Там же. С. 234.

См.: *Томашевский Б. В.* Комментарий // Карамзин и поэты его времени. Л., 1936. С. 466.

См.: *Панов С. И.* Комментарий // Пушкин В. Л. Стихотворения. СПб., 2005. С. 289–290.

Московские ведомости. 1812. № 47. С. 1273.

356

Там же. С. 1276.

Там же. С. 1275.

358

Там же. С. 1278.

Там же. С. 1280.

360

Там же. С. 1281.

Там же. С. 1282-1283.

362

Там же. С. 1283.

Там же. С. 1287.

Русский архив. 1891. Ч. 3. № 11. С. 313.

Матвеев Н. Москва и жизнь в ней накануне
нашествия 1812 г. М., 1912. С. 179.

366

Московские ведомости. 1812. № 56. С. 1468–1469.

367

Там же. № 57. С. 1481.

368

Там же.

Аксаков С. Т. Собрание сочинений. В 4 т. М., 1955. Т. 2. С. 306–307.

Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. Т. 7.
СПб., 1882. С. 500-501.

Ростопчин Ф. В. Ох, французы! С. 209.

Там же. С. 210.

Русский архив. 1891. Ч. 3. № 11. С. 318.

374

Там же. С. 322.

Дмитриев И. И. Сочинения. С. 29–30.

Цит. по: *Эйдельман Н. Я.* Апостол Сергей. М., 1975.
С. 84.

Цит. по: *Иезуитова Р. В.* Жуковский и его время. Л., 1989. С. 139.

Там же. С. 142.

Полевой Кс. А. Записки // Исторический вестник.
1887. № 6. С. 542.

Ростопчин Ф. В. Ох, французы! С. 302.

См.: *Белоногова В. Ю.* «Что вам нужно в этом Нижнем?..»: город в зеркале литературы. Нижний Новгород, 2011. С. 189–190; *Романюк С. К.* В поисках пушкинской Москвы. С. 39.

382

Сообщено *В. Ю. Белоноговой*.

Белоногова В. Ю. «Что вам нужно в этом Нижнем?...»: город в зеркале литературы. С. 191.

Батюшков К.Н. Сочинения. М., 1989. Т. 2. С. 233–234.

385

Там же. С. 234.

Там же. С. 281-282.

387

Там же.

Русский архив. 1866. № 2. С. 243.

Долгорукий И. М. Журнал путешествий из Москвы в Нижний, 1813 года. Б. м., 1919. С. 123-124.

Жуковский В. А. Стихотворения, баллады. Л., 1983.
С. 60-61.

Батюшков К. Н. Сочинения. Т. 1. С. 191.

Братья Булгаковы. Переписка. Т. 1. С. 307–308.

Цит. по: *Гершензон М. О.* Грибоедовская Москва.
П. Я. Чаадаев. Очерки прошлого. М., 1989. С. 37–38.

Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. С. 149.

Муравьев-Апостол И. М. Письма из Москвы в Нижний Новгород. СПб., 2002. С. 5–6.

Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. С. 20.

Там же. С. 21.

Вестник Европы. 1814. № 10. С. 133.

Там же. С. 134-135.

Братья Булгаковы. Переписка. Т. 1. С. 399.

Цит. по: Вестник Европы. 1814. № 10. С. 136.

Там же. С. 137.

Цит. по: *Гершензон М. О.* Грибоедовская Москва.
П. Я. Чаадаев. Очерки прошлого. С. 49.

Сын Отечества. 1814. № 26. С. 277-278.

405

Le Conservateur Impartial. 1814. № 45.

Цит. по: Москвич Василий Львович Пушкин. С. 110.

Для гурманов сообщаем рецепт матлота, почерпнутый из французского «Альманаха гурманов» (издание третье, исправленное и дополненное, 1804). В матлот «...кладут рыбу-усача, карпа, угря — и десяток раков неошпаренных и без клешней. <...>...рыбу, еще живую, режут на части, добавляют маленькие белые луковицы, полусваренные-полуподжаренные, и шампиньоны, нарезанные кубиками; <...> поджаривают муку на коровьем масле и разбавляют добрым бульоном... <...> кладут в этот соус рыбу с пучком душистых трав, подливают красного вина, подсыпают соли и перца и ставят на очень сильный огонь, а на стол подают вместе с поджаренными хлебцами» (перевод В. А. Мильчиной)⁵³.

Александр Гримо де Да Реньер. Альманах Гурманов.
М., 2011. С. 182–183.

Цит. по: Москвич Василий Львович Пушкин. С. 110.

410

Красный архив. 1936. № 6.

Братья Булгаковы. Переписка. Т. 1. С. 398.

Там же. С. 403–404.

Батюшков К. Н. Сочинения. В 2 т. Т. 2. С. 281.

Там же. С. 273.

Греч Н. И. Павел Львович Шиллинг фон Канштадт // Северная пчела. 1853. 30 июня. № 142. С. 568.

Факсимильное воспроизведение издания «Опасного соседа» 1815 года см. в: Пушкин В. Л. Опасный сосед. СПб., 2011. С. 307–314. Об этом издании: Михайлова Н. И. «Парнасский мой отец». М., 1983. С. 30–33; Степанов В. П. Заметки о В. Л. Пушкине. 2. Первое издание «Опасного соседа» // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 11. Л., 1983. С. 262–267.

Римская сатира. М., 1957. С. 174.

Цит. по: *Алексеев М. П.* Пушкин и наука его времени («Разыскания и этюды») // Алексеев М. П. Пушкин: сравнительно-исторические исследования. Л., 1972. С. 83.

Тургенев А. И. Письма Булгаковым. М., 1939. С. 152.

Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. С. 54.

Четыре письма и стихотворение В. Л. Пушкина // Российский архив. Т. 1-2. М., 1992. С. 74.

Шаховской А. А. Комедии. Стихотворения. Л., 1961.
С. 132, 134–135.

Там же. С. 238.

Жуковский В. А. Стихотворения, баллады. С. 165–168.

Шаховской А. А. Комедии. Стихотворения. С. 129.

426

Там же. С. 253.

«Арзамас». Кн. 1. С. 73.

Там же. С. 340.

Там же. С. 345.

Русский архив. 1864. С. 459–460.

«Арзамас». Кн. 1. С. 270–271.

432

Там же. С. 246.

Там же. Кн. 2. С. 369.

Там же. Кн. 1. С. 76.

435

Там же. С. 277.

436

Там же. С. 275.

437

Там же.

Эмблемы и символы. М., 1995. С. 92.

Вяземский П. А. Стихотворения. М.; Л., 1962. С. 112.

440

Там же. С. 113.

Жуковский В. А. Собрание сочинений. В 4 т. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 221.

«Арзамас». Кн. 1. С. 284.

Жуковский В. А. Стихотворения, баллады. С. 174–179.

«Арзамас». Кн. 1. С. 87–88.

445

Там же. С. 333.

446

Там же. С. 335.

Там же. С. 339.

448

Там же. С. 342.

Там же. С. 342–343.

450

Там же. С. 333.

Там же. С. 345.

Там же. С. 345–346.

453

Там же. С. 331.

Там же. С. 348.

455

Там же. С. 353.

456

Там же. С. 354.

457

Там же. С. 359.

458

Там же. С. 364.

459

Там же. С. 366.

460

Там же. С. 368.

Там же. С. 368–369, 371.

Там же. С. 370-371.

Батюшков К. Н. Сочинения. СПб., 1886. Т. 3. С. 433.

Вяземский П. А. Стихотворения. М., 1978. С. 107.

Довгий О. Л. Пушкин-астролог, или Близнецовая магия. М., 2007. С. 302.

466

Там же. С. 303.

Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956. С. 60.

Цит. по: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 1. С. 67–68.

469

Там же. С. 68.

470

Российский музей. 1815. № 4. С. 3.

Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни.
С. 167.

Вигель Ф. Ф. Записки. Т. 2. С. 112.

Цит. по: Литературное наследство. Т. 58. М., 1952. С. 34.

Там же. С. 34-35.

Цит. по: Михайлова Н. И. «Парнасский мой отец». С. 148.

Цит. по: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 1. С. 172.

Старина и новизна. Кн. 1. СПб., 1897. С. 1.

Московские ведомости. 1818. № 32.

479

Изысканный полдник (фр.).

480

Там же. № 47. С. 1371.

481

Там же.

Там же. № 48. С. 1402-1403.

483

Там же. № 47. С. 1372.

484

Там же.

485

Цит. по: *Панов С. И.* Стихотворец на Старой Басманной // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 68.

Московские ведомости. 1818. № 16. С. 450.

487

Там же.

488

Там же.

489

Там же. № 15. С. 434.

Грибоедов А. С. Горе от ума // Грибоедов А. С. Сочинения. М., 1988. С. 48.

491

РГАЛИ. Ф. 195. Оп... 1. Ед. хр. 2611. Л. 97-98.

Цит. по: Михайлова Н. И. Грибоедовская Москва в творчестве В. Л. Пушкина // Проблемы творчества А. С. Грибоедова. Смоленск, 1994. С. 97.

Сочинения Ивана Ивановича Дмитриева. СПб., 1895.
Т. 2. С. 256.

Цит. по: Михайлова Н. И. Грибоедовская Москва в творчестве В. Л. Пушкина. С. 98.

Жихарев С. П. Записки современника. Т. 1. С. 134.

496

Там же. С. 142.

Каратыгин П. А. Записки. Л., 1929. С. 195–197.

Жихарев С. П. Записки современника. В 2 т. Т. 1. Л., 1989. С. 65.

499

Там же. С. 179.

Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. Т. 8. С. 224.

501

Это как в Париже! Браво! Господин Майков! Браво!
(фр.).

Старина и новизна. Кн. 2. СПб., 1898. С. 138–139.

Русский архив. М., 1867. С. 661.

Там же. М., 1901. № 3. С. 435.

То, что служило первому человеку для продолжения
рода человеческого. Лафонтен (фр.).

Труды Общества любителей российской словесности. М., 1818. Кн. 17. Ч. 11. С. 65–66.

Воспоминания Софьи Васильевны Мещерской. Тверь,
1902. С. 3.

Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. Т. 7. С. 395.

Карамзин Н. М. Наталья, боярская дочь // Предслава и Добрыня: Исторические повести русских романтиков. М., 1986. С. 33.

Жихарев С. П. Записки современника. Т. 2. С. 112.

Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. С. 167–168.

Там же. С. 171.

Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли. М., 1836. 4.5. С. 372.

Князь Феликс Юсупов. Мемуары. М., 2004. С. 19.

Цит. по: Михайлова Н. И. «Парнасский мой отец». С. 59-60.

Братья Булгаковы. Переписка. Т. 1. С. 624-625.

517

Там же. С. 629.

Русский архив. 1900. Кн. 3. С. 127.

Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. Т. 8. С. 220.

Толстой Л. Н. Война и мир. Тома I и II. Саратов, 1950.
С. 349.

Московские ведомости. 1818. № 74. С. 2016.

Цит. по: Панов С. И. Стихотворец на Старой
Басманной. С. 66-67.

Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2:
Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым.
СПб., 1899. С. 222.

Цит. по: Михайлова Н. И. «Парнасский мой отец». С. 78.

Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 192.

526

Там же. С. 195.

527

Там же. С. 200.

528

Там же. С. 202.

Вяземский А. А. Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 71.

Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 209–210.

Там же. С. 213.

Там же. С. 215-216.

Там же. С. 220-221.

Там же. С. 232.

535

Там же. С. 236.

Сочинения Ивана Ивановича Дмитриева. Т. 2. С. 275.

Старина и новизна. Кн. 1. СПб., 1897. С. 126.

Цит. по: *Михайлова Н. И.* «Парнасский мой отец». С. 82–83.

Плетнев П. А. Сочинения и переписка. Т. 3. СПб., 1885. С. 382–384.

Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 312.

Цит. по: *Михайлова Н. И.* «Парнасский мой отец». С. 84.

Московские ведомости. 1822. № 6. С. 161.

Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 250.

Плетнев П. А. Сочинения и переписка. Т. 3. С. 385.

Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 272.

546

Цит. по: *Михайлова Н. И.* «Парнасский мой отец». С. 85.

Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 337.

Цит. по: Пушкин В. Л. Стихотворения / Сост.,
коммент., вступ. ст. С. И. Панова. СПб., 2005. С. 305.

Жуковский В. А. Светлана // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем. В 20 т. Т. 3: Баллады. М., 2008. С. 38.

Соревнователь просвещения и благотворения.
Труды высочайше утвержденного Вольного общества
любителей российской словесности. Ч. XX. СПб., 1822. С.
214.

551

Там же.

Московские ведомости. 1822. № 102. С. 3198.

553

Там же.

554

Там же.

555

Там же.

556

Там же.

557

Там же.

558

Там же.

Каллаш В. Мелкие заметки о Пушкине // Литературный вестник. 1901. № 4. С. 408.

560

Русский инвалид. 1823. № 39. С. 155–156.

561

Там же. С. 156.

Русский архив. 1901. № 3. С. 469.

Братья Булгаковы. Переписка. Т. 2: Письма 1821-1826 гг. М., 2010. С. 424.

564

Там же. С. 425.

565

Цит. по: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 1. С. 188.

566

Там же. С. 191.

Цит. по: Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. СПб., 1996. С. 27.

Цит. по: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 1. С. 206.

Цит. по: Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. С. 65.

Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 68.

Цит. по: Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975. С. 192.

572

Там же. С. 335.

Русский архив. 1900. № 12. С. 559.

574

Там же. 1901. № I.C. 66.

Литературное наследство. Т. 58. М., 1952. С. 47.

Русский архив. 1901. № 5. С. 74.

Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 5. Вып. 1.
С. 40.

См.: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 1. С. 441.

Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. 3-е изд. СПб., 1998. Т. 1.С.91.

580

Прелестное не есть мрачное (фр.).

Цит. по: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 1. С. 213–214.

Цит. по: Рукою Пушкина. 2-е изд. М., 1997. С. 581.

Старина и новизна. 1808. Кн. 2. С. 141.

584

Там же.

Русский архив. 1900. № 12. С. 564.

Цит. по: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 1. С. 295–296.

Там же. С. 298.

Там же. С. 386–387.

Глушковский А. П. Воспоминания о великом хореографе К. Л. Дидло и некоторые рассуждения о танцевальном искусстве // Пантеон иностранной литературы. СПб., 1867. Т. 2. Отд. 3. С. 12.

Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 185.

Русский архив. 1901. № 5. С. 30–31.

592

Это событие (фр.).

Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 254.

594

Там же. С. 256.

595

Там же. С. 257.

596

Там же.

Цит. по: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 1. М., 1999. С. 286.

Цит. по: Павлищев Л. Н. Из семейной хроники: воспоминания об А. С. Пушкине. М., 1890. С. 11.

Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди // Русский архив. 1866. № 10. С. 1452–1453.

См.: *Левин Ю. Д.* Родословная Буянова // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 48. СПб., 1993. С. 416-420.

601

Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. С. 54.

602

Там же. С. 431.

603

Там же. С. 56.

604

Там же. С. 57.

Русский архив. 1902. № 12. С. 508.

Дамский журнал. 1824. Ч. 8. № 22. С. 128.

607

Там же. 1825. 4.9. № 2. С. 69.

См.: Балакин А., Велижев М. Новые стихотворения И. И. Дмитриева. I. «На кончину А. Л. П...» // Новое литературное обозрение. 2007. № 86.

Тютчев Ф. И. Стихотворения. М., 2004. С. 241.

Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд. Т.
1. С. 431.

Братья Булгаковы. Переписка. Т. 1. С. 674.

612

Там же. Т. 2. С. 560.

Павлищев Л. Н. Из семейной хроники: А. С. Пушкин.
М., 2000. С. 107.

Старина и новизна. Кн. 1. СПб., 1897. С. 169.

Цит. по: Михайлова Н. И. Письмо В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому о смерти Карамзина // Николай Михайлович Карамзин. Юбилей 1991 года: Сборник научных трудов. М., 1992. С. 175.

Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд.
СПб., 1998. Т. 2. С. 16.

617

Там же. С. 10-11.

Цит. по: А. С. Пушкин. Московские страницы биографии. М., 2000. С. 70.

619

РО ИРЛИ РАН. Ф. 244. Оп. 22. № 308. Л. 1.

Московские ведомости. 1829. № 6. С. 276.

Русский архив. 1901. № 11. С. 316.

Библиографические записки. 1859. Т. 2. С. 306–307.

Цит. по: Пушкин В. Л. Стихотворения. СПб., 2005. С. 328.

Цит. по: *Михайлова Н. И.* «Друзья! сестрицы! я в Париже!» Василий Львович Пушкин и Франция // Санкт-Петербург — Франция: Наука. Культура. Политика. СПб., 2010. С. 267.

Дамский журнал. 1831. № 11. С. 165.

626

Северные цветы на 1829 год. СПб., 1828. С. 142.

627

Московский телеграф. 1829. № 8. С. 483.

Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. С. 93.

Дмитриев И. И. Сочинения. С. 234.

Вяземский П. А. Избранные стихотворения. М.; Л., 1935. С. 399.

См.: Михайлова Н. И. Вокруг одной пушкинской строки // Октябрь. 1993. № 6. С. 184–186.

Цит. по: Благой Д. Д. Пушкин в неизданной переписке современников // Литературное наследство. Т. 58. М., 1952. С. 89.

633

Опасный сосед. Стихотворение Василия Пушкина.
Лейпциг, 1855. С. 4-5.

Цит. по: Павлищев Л. Н. Из семейной хроники:
А. С. Пушкин. С. 71.

635

Библиографические записки. Т. 2. М., 1859. С. 307.

Дамский журнал. 1829. Ч. 26. № 16. С. 40.

637

Там же. Ч. 28. № 41. С. 27.

Цит. по: *Благой Д. Д.* Пушкин в неизданной переписке современников. С. 89.

Московский телеграф. Новый живописец общества и литературы. 1830. № 10. С. 170–171.

Рукою Пушкина. 2-е изд. // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 17. М., 1997. С. 483–484.

641

С боевым кликом на устах (фр.).

Павлищев Л. Н. Из семейной хроники: А. С. Пушкин.
С. 188–189.

Звенья. 6. М.; Л., 1936. С. 312.

Русский архив. 1901. Кн. 3. С. 505.

645

Там же. 1900. Кн. 1. С. 356.

646

Цит. по: Михайлова Н. И. «Парнасский мой отец». С. 137.

Вяземский П. А. Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 192.

Московские ведомости. 1830. № 70. С. 3120.

649

Там же. С. 3119.